

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30 октября 2020 г.)

Курганский государственный университет
Библиотечно-издательский центр
65-48-12

*Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курганский государственный университет»*

Институт археологии и этнографии СО РАН

*Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

*Курганская областная общественная организация
«Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры (ЗОДИАК)»*

Российское историческое общество (Курганское отделение)

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Материалы IV Всероссийской (национальной)
научной конференции

Курган, 30–31 октября 2020 года

Курган 2020

УДК 94(57) «13/17» (063)

ББК 63.3 (253.3)4л0

И 90

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – 150 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Миргалеев И. М., кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

Тихомиров К. Н., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (г. Омск).

Настоящее издание представляет сборник докладов участников IV Всероссийской (национальной) научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири».

В сборник включены доклады по проблемам источниковедения и историографии сибирской тюрко-татарской государственности, положению «улуса Шибана» и Шибанидов в Золотой Орде, истории сибирских тюрко-татарских государств, проблемам их взаимоотношений с соседями, а также включения населения Юго-Западной Сибири в состав Русского государства.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в средние века.

Оргкомитет: Д. Н. Маслюженко (г. Курган, председатель), С. Ф. Татауров (г. Омск, сопредседатель), В. В. Менщиков (г. Курган), И. М. Миргалеев (г. Казань), Н. А. Томилов (г. Омск).

ISBN 978-5-4217-0546-8

© Курганский
государственный университет, 2020
© Авторы, 2020

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ГОСУДАРСТВ

Қ. Қ. Абуев

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова,
г. Кокшетау, Республика Казахстан

О ТЕРМИНЕ «СИБИРЬ» И ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные толкования смыслового значения термина «Сибирь», обозначающего северный край азиатского материка. Автором на основе анализа многочисленных архивных источников, а также привлечения материалов из трудов дореволюционных российских, западных и восточных исследователей осяцается история формирования этнического состава населения Западной Сибири. Вместе с тем в статье сделаны ссылки на труды группы историков как советского периода, так и современных авторов.

Ключевые слова: Сибирь, этнические группы, Приишимье, Притоболье.

Abstract: The article considers various interpretations of the semantic meaning of the term «Siberia» which means the northern edge of the Asian continent. Based on the analysis of numerous archival sources, as well as on the use of materials from the works of pre-revolutionary Russian, Western and Eastern scholars, the author describes the history of the formation of the ethnic composition of the population of Western Siberia. At the same time, the article makes references to the works of a group of historians of both the Soviet period and contemporary authors.

Keywords: Siberia, ethnic groups, Prishimye, Pritobole.

Исследователи знают, какое важное смысловое значение имеют исторические термины. Между тем у историков до сих пор нет единого мнения относительно понятия «Сибирь», обозначающего обширный край на севере Азии. Один из первых наиболее авторитетных исследователей истории Сибири Г. Ф. Миллер отмечал, «что земли по Иртышу, Тоболу и Туре задолго до русского завоевания были известны под названием Сибири» [11, с. 191]. Другой известный исследователь Сибири и Казахстана академик В. В. Радлов писал: «Сибирь – слово татарское (т. е. тюркское – А.К.), название старого населения Северо-Западной Сибири» [12, с. 742]. Утверждение В. В. Радлова разделял академик М. К. Козыбаев. Слово «Сибирь», – писал он, – встречается в казахском языке. Можно привести весьма распространенное словосочетание «таң сібірлеп атып келеді», здесь слово «сібір» означает «восток» [9, с. 137].

Современный казахстанский историк Мурат Абдиров считает, что термин «Сибирь» возник первоначально от названия этнической группы «сыпыр», предков древних угров. Часть сыпыров ушла на запад вместе с гуннами, в Европе они были известны как «савиры», другая же часть осталась на своей территории по среднему течению Иртыша, сохранила свое имя, которое распространилось и на занимаемую ими землю» [1, с. 20]. Этой точки зрения придерживается и историк из Татарстана Д. М. Исхаков. Он в частности пишет: «Ранняя история сибирских татар связывается с таинственным народом “сыпыр”» [7].

Исследователь З. Я. Бояршинова замечает, что «историк должен учитывать многозначность термина

“Сибирь”, употребляемого разновременными источниками, не забывая изменение его содержания» [2, с. 43]. Она считает, что первоначально термин «Сибирь», означая только Сибирское ханство, более широкое значение приобрел в XIX в.

Весьма интересные сведения о Сибири оставил знаменитый венецианский путешественник конца XIII в. Марко Поло, который посетил ставку общемонгольского хана Хубилая. Он писал, что «у него (т. е. у хана – А.К.) нет ни городов, ни замков, живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах... У царя много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных... Ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок и черных лисиц и много других животных. На семер от этого царства есть темная страна, тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд... у жителей нет царя, живут как звери, никому не подвластны» [8, с. 20–28].

Средневековые восточные хронисты в своих трудах также запечатлели название Сибирь. Персоязычный историк XIV в. Рашид-ад-дин писал, что области Ибира и Сибира входили в улус Джучи [13, с. 72]. Арабский путешественник, историк, современник золотордынского хана Узбека Аль-Омари отмечал: «Пределы сего царства Узбекова (простираются) в длину от Дергана Хорезмского на востоке до Башгырда, а в ширину от Хорезма до крайних пределов земли Сибирской, из которой вывозятся соболь да серая белка... Под властью Узбека были не только Булгар и

Башгырд, но и районы, расположенные на восток от них, страны Сибирь-Ибир, Чулыман» [16, с. 243].

Анализ источников показывает, что в южной части лесной полосы Западной Сибири, в лесостепи Прииртышья, степях Барабы, среднем и верхнем Приобье, в бассейнах Томи, Чулыма, Тобола и Ишима, на Алтае жили, как было отмечено выше, тюркоязычные племена.

Здесь на протяжении веков переплелись кочевой тюркский мир и население охотников и рыболовов севера. Каждый из них обладал не только своей самобытной культурой, но в результате единого ареала проживания и общими хозяйственными, культурными и этническими чертами.

Средневековая история северного региона Казахстана неразрывно связана с историей Сибири и Сибирского ханства. В I тысячелетии н. э. на территории Западной Сибири расселялись племена угров и самодийцев. Последовал длительный процесс смешения их с местными племенами, в результате которого образовались новые сибирские народности – ханты, манси, ненцы, селькупы. В VI–IX вв. происходит смешение сибирских племен с новыми пришельцами – алтайскими и центрально-казахстанскими тюрками. В XIII в. в составе сформировавшихся культурно-этнических групп происходят изменения под влиянием тюрков-кипчаков, керейтов и других, вытесненных из степей татаро-монголами, а затем и самих монголов, прокатившихся по Южной Сибири.

Вот что писал по этому поводу Ч. Ч. Валиханов: «Нашествие монголов совершенно изменило население этой страны, самые имена племен потерялись и только некоторые остались именами кайсацких родов; старое население, без сомнения, слилось с новым, и здесь на законах монгольских не редко возникали орды, отдельные от Золотой или Волжской орды: Ногайская, или Мангытская, орда на Урале, Синяя орда до Сейхуна и Тюменская орда в орде шайбанидов» [4, с. 151].

К XV в. в южной части лесной полосы Западной Сибири, в лесостепи Прииртышья, степях Барабы, среднем и верхнем Приобье, в бассейнах Томи, Чулыма, Тобола и Ишима, на Алтае формируется новая этническая группа – тюркоязычные племена, известны у русских под собирательным названием – сибирские татары, хотя к татарам никакого отношения они не имели [4, с. 249].

О том, что южную часть Западной Сибири населяли казахские племена, свидетельствовал Г. И. Спасский. Он, в частности, отмечал: «При самом покорении Сибири российским оружием киргиз-кайсаки, или по тогдашнему названию Казачья орда, обитали: во-первых, от реки Ишима, где ныне город сего имени, до Тобола, где город Курган, и до реки Тары; во-вторых, вверху Енисея, как по берегам сей реки, так по Абакану, Уйбагу и Июсам; в-третьих, за рекою Иртышем, начиная от Калбашинской башни, или Джалин-обо, до реки Сарасу и города Туркестана и от Аральского моря до реки Ембы» [14, с. 156].

«На пространстве юго-восточной части европей-

ской России и по тундрам, лесам и степям всей Сибири, – писал Ч. Валиханов, – живут оседло, кочуют и бродяжничают множество разноплеменных народов, известных у нас под именем инородцев. Народы эти принадлежат к финскому, тюркскому и монгольскому корню или же составляют любопытное соединение элементов от всех этих племен» [4, с. 294].

В Статистическом Обозрении Сибири, составленном в 1854 г., указывалось Ю. А. Гагемейстером: «Народы Тюркские, обитающие Сибирь, называются тамь Татарами и Киргизами, между темь какъ ни то ни другое изъ этихъ названій имь собственно не принадлежит. Тата было название того поколения Монголовъ, изъ котораго произошла мать Дженгисхана. Будучи поэтому отличаемо великимъ завоевателемъ, оно сделалось всюду известнымъ, и покоренные народы стали обозначать именемъ Тата всехъ своихъ победителей. Въ войскахъ же Дженгисхана и его преемниковъ, дошедшихъ до Западной Азии и до Европы, было более Тюркскихъ, чемъ Монгольскихъ племенъ, и такимъ образомъ первымъ присвоено название, нима-ло имь непринадлежащее (Ritter's, Erdkunde, II, 274)» [6, с. 8].

Как пишет исследователь этнической истории Сибири Н. А. Томилов, «термин татары часто употреблялся в России в смысле “тюрки”. Термин татары применяли до XIX в. в Сибири и к алтайским, шорским, хакасским, чулымским тюркам..., иногда даже к казахам» [15, с. 7].

Среди тюркского населения Западной Сибири были и казахские племена. Например, в работе Г. Ф. Миллера при описании населения Сибири упоминаются такие казахские племена, как найманы, уаки, кыпчаки, керейты [10, с. 153, 155]. Казахское ханство находилось в непосредственном соседстве с Сибирским ханством, именно поэтому, по мнению многих казахстанских историков, в тот период их населяли одни и те же родственные племена (кыпчаки, аргыны, керейты, карлуки, канглы, найманы, жалаиры и др.) [10, с. 138].

Тюркоязычное население Сибири имело сильную аристократическую верхушку, при ее поддержке в XV в. здесь образовалось первое политическое объединение – княжество Великая Тюмень с центром в городе Чинги-Тура (г. Тюмень).

В дореволюционной российской и особенно в советской историографии утвердилось представление, что до прихода русских Западная Сибирь была малонаселенной, чуть ли не пустовала. К примеру, вот как освещает этот вопрос один из известных советских исследователей населения этого края З. Я. Бояршинова. «Население Западной Сибири, – пишет она, – до прихода сюда русских было редким, разбросанным по берегам многочисленных рек, озер, пестрым по этническому составу и языку» [2, с. 21].

В таком же духе пишет, к примеру, историк В. И. Буганов: «Необъятные сибирские земли протянулись от Урала до Тихого океана на 8500 км, а жило здесь всего 200 тысяч человек с небольшим, один человек на 75 квадратных километров» [3, с. 134]. Дан-

ный тезис о малочисленности сибирских народов повторяется у всех русскоязычных исследователей Сибири за редким, конечно, исключением, к числу последних относятся труды Г. Ф. Миллера и Л. Р. Кызласова.

Разоблачая нехитрые уловки историков, современный русский популяризатор истории Д. Верхотуров пишет: «Вот этот момент тщательно скрывается историками. Практически ни в какой работе по истории Сибири нельзя найти открытого и четкого признания того, что в XVI, да и в XVII веке местное население преобладало над русскими» [5, с. 175].

В XVI в. в Западной Сибири в зоне тундры, лесотундры и частично в лесной полосе жили самодийцы, которых русские называли самоедами: ненцы, энцы и нганасаны. Их южными соседями были угроязычные племена, селькупы и кеты.

Основным их занятием были морской промысел, рыболовство, охота и оленеводство. В отдельных районах: на склонах Уральских гор и в лесном Приобье – угроязычные племена хантов и манси занимались наряду с охотой рыболовством и скотоводством, а кое-где и земледелием. У последних была хорошо развита обработка кожи, меха, дерева. У этих народов в XVI в. были свои племенные объединения, известные из русских источников как «княжества».

Исследователи также отмечают, что XIV–XVI вв. под влиянием южных соседей многие селькупские племена подверглись тюркизации и известны как

томские татары, обские татары, их основным занятием были охота, рыболовство и скотоводство.

Тюркоязычное население Северного Алтая, верхнего течения Кии, притока Чулыма занималось скотоводством и земледелием. Население южной полосы Сибири в основном вело кочевой и полукочевой образ жизни, занималось главным образом скотоводством. Жители таежных районов вели оседлый и полuosедлый образ жизни. Таким образом, у тюркоязычного населения Западной Сибири кочевое скотоводческое хозяйство сочеталось с оседлым, развивалась кустарная промышленность и ремесло. В южной части края было множество мелких поселений и городов. В целом тюркоязычные племена в рассматриваемый период достигли довольно высокого уровня развития.

Об этом свидетельствуют данные археологических раскопок. Великолепные образцы золотых и серебряных изделий, извлеченные археологами в Сибири, составили известную золотую коллекцию Петра I. Не так давно на левом берегу Енисея было найдено средневековое погребение очень богатого и влиятельного воина. Он имел полное вооружение: саблю, копье, кинжал, лук и колчан со стрелами, богатую одежду; в его могиле были найдены два великолепных серебряных сосуда. Как пишет исследователь Д. Верхотуров: «Это погребение словно бы указывало беспамятным потомкам завоевателей, что у этой земли в древности были богатые и знатные хозяева» [5, с. 7].

Список источников и литературы

- 1 Абдюров, М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы : Жалын, 1996. – 176 с.
- 2 Бояришинова, З. Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1960. – 110 с.
- 3 Буганов, В. И. Мир истории. Россия в XVII столетии. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 318 с.
- 4 Валиханов, Ч. Ч. Извлечения из Жами ат-Таварих // Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. – Алма-Ата : Каз. Сов. Энциклопедия, 1985. – С. 228–254. – С. 294.
- 5 Верхотуров, Д. Покорение Сибири: мифы и реальность. – Москва : Олма-пресс, 2005. – 351 с.
- 6 Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете, Действительным статским советником Гагемейстером. Ч. II. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1854. – 748 с.
- 7 Исхаков, Д. Путешествие в Затоболье // Казанские ведомости. – 23 декабря 1992 г.
- 8 Книга Марко Пола. – Алма-Ата : Наука, 1980. – 352 с.
- 9 Козыбаев, М. К. Правда и мифы о Ермаке // История и современность. – Алма-Ата : Фильм, 1991. – 254 с.
- 10 Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – Санкт-Петербург, 1750. – 457 с.
- 11 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. I. – Москва : Восточная литература, 1999. – 630 с.
- 12 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4, Ч. 1. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1911. – 1227 с.
- 13 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 // АН СССР. Инс-т востоковедения / пер. с персидского Л. А. Хетагурова; ред. С. П. Толстов. – Москва, Ленинград : АН СССР, 1952. – 221 с.
- 14 Спасский, Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. Ч. 9. – Санкт-Петербург, 1820. – С. 71–78.
- 15 Томилов, Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 271 с.
- 16 Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из сочинений арабских. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1884. – 564 с.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СОКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Аннотация. Считаемый хорошо изученным кыпчакоязычный эпос «Идегей», сохранившийся у многих тюркских народов (алтайцев, башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, татар, туркмен, узбеков), до сих пор преимущественно изучался фольклористами. Между тем в этом дастане достаточно много чисто исторической информации, которая при исследовании методами фольклористики остается не выявленной. Для того, чтобы раскрыть подлинную суть этой скрытой, можно сказать, зашифрованной информации, при исследовании данного дастана необходимо применять методы исторической науки (опыт такого изучения см.: [1]). Настоящая статья посвящена одному из таких аспектов эпоса «Идегей» – раскрытию содержания понятия «Тугыз батыр/Девять батыров», фигурирующего в дастане. В результате исследования этого вопроса было выявлено, что речь идет о клановых вождах правого крыла (Ак Урда) Улуса Джучи, что в свою очередь позволяет понять некоторые не до конца выясненные моменты административно-территориального устройства данного государства, известного даже в XV в. в кругу, где эпос «Идегей» сформировался.

Ключевые слова: 9 батыров / мужей, 9 юртов, 8 юртов, Ак Урда, Кок Урда, 17 темников, Ибн Буттута.

Abstract: the Kypchak-language epic “Idegey”, considered to be well-studied, preserved among many Turkic peoples (Altaians, Bashkirs, Kazakhs, Karakalpaks, Nogais, Tatars, Turkmens, and Uzbeks), has been mostly studied by folklorists so far. Meanwhile, there is a lot of purely historical information in this dastan, which remains undetected while examining by methods of folklore studies. In order to reveal the true essence of this hidden, one might say, encrypted information, it is necessary to use the methods of historical science in the study of this dastan (the experience of such a study is given: [1]). This article is devoted to one of such aspects of the epic «Idegey» – revealing the content of the concept «Tugyz Batyr/Nine batyrs», appearing in the dastan. As a result of the research on this issue, it has been revealed that we are talking about the clan leaders of the right wing (Ak Urda) of the Ulus of Jochi, which in its turn allows understanding some unsettled moments of the administrative and territorial structure of this state, known even in the XV century in the circle, where the epic «Idegey» was formed.

Keywords: 9 batyrs / menzs, 9 yurts, 8 yurts, Ak Urda, Kok Urda, 17 Temnikovs, Ibn Buttuta.

Надо отметить, что являющийся источниковой базой настоящего исследования дастан «Идегей» имеет множество национальных версий и его инвариантный текст на сегодняшний день отсутствует, да и вряд ли возможен. К настоящему времени известны около 20 версий этого дастана у татар [12], почти столько же – у ногайцев (у последних они опубликованы в одном издании [8]). Полагаю, что у других народов этих вариантов тоже достаточно много. При разработке поставленной в настоящей статье темы были использованы в основном известные у татар и ногайцев версии изучаемого эпического произведения, в том числе и его сводный текст, созданный в Татарстане еще в 1940 г. и повторно изданный в 1988 г. (о перипетиях создания и издания татарского варианта этого дастана см.: [11]).

Кроме того, при изучении эпоса «Идегей» надо постоянно иметь в виду, что ногайское общество, где этот дастан сформировался, являлось одним из осколков Золотой Орды, унаследовавшим от последней и клановую структуру, в том числе также историческую память об её особенностях в золотоордынскую эпоху, что будет достаточно очевидно в дальнейшем.

После этих предварительных замечаний можно приступить к основной нашей теме. Итак, что же из себя представляет сюжет дастана «Идегей» о 9 батырах/мужах (ир)? Обратимся к тексту эпоса.

По дастану, когда одна из жен хана Тохтамышша обращается к нему по поводу необходимости прове-

дения сбора на совет людей для установления подлинной личности Кобогыла (на самом деле – Идегея), она заявляет, что надо туда пригласить «девятерых мужей» («Тугыз ирен чакырткыл») [10, б. 45]. Затем, после того, как не удалось установить личность Кобогыла, хан Тохтамыш приглашает к себе бия Тухтара б. Тугача для выяснения его мнения о Кобогыле, но когда тот не смог ничего об этом сказать, он хану говорит:

Тугыз батыр атасы

Кыпчак биең бар,

Белсә белер Кыпчак би [10, б. 48–49].

(Перевод:

Есть [у тебя] ага девяти батыров

[По имени] Кыпчак би,

Если и знает [об этом], то Кыпчак би).

При этом выясняется, что этот Кыпчак би был воином (у него отмечаются ножи, кольчуга, пика). Далее указывается, что он был «рожден от Муйтена» («Мөйтәннән туган Кыпчак би») [10, б. 49]. Таким образом, выясняется, что глава 9 батыров был из клана Муйтен. В дальнейшем, когда сказитель Субра объясняет хану Тохтамышу необходимость возвращения обратно бежавшего к Тимур-Идегею, выясняется, что для выполнения этого совета хан «поднимает 9 [своих] батыров», которые для выполнения распоряжения хана садятся на коней и тут оказывается, что все они – бии. Тохтамыш, указавший Кин-Джанбаю б. Камалу (Камалның улы Киң Жанбай), что тому следует заняться этим делом, говорит:

*Әй тугыз ир, тугыз ир!
Жанбай белән бара күр!
Алдап-йолдап Идегейне
Үз кашына ала күр! [10, б. 75]
(Перевод:
Эй, девять мужей, девять мужей!
Пойдите вместе с Джанбаем!
Обманите Идегея
И [возьмите] его к себе!).*

Тут важно подчеркнуть, что этот Джанбай в дастане характеризуется как «старший би» («олы би»), «дающий советы би» («киңәш бирүче би»), а также как «старший аталык» («өлкән аталык») хана [10, б. 22, 49, 50, 52, 115]. Из ногайской версии эпоса «Эдигэ» видно, что данный би был из клана Кенегес [8, с. 31–32].

В итоге получается, что отмеченные 9 батыров, они же мужи, все без исключения являлись князьями (бии) и возглавлялись Кыпчак бием, но ещё подчинялись «улу бию» по имени Джанбай из клана Кенегес. Похоже, что тут изображается какое-то очень значимое золотоордынское сообщество биев, отражающее некую военную или административную структуру. Но какую?

Для ответа на этот вопрос, следует глубже разобраться с сущностью этой княжеской «девятки». Дело в том, что в разных версиях дастана «Идегей» неоднократно делается попытка перечисления указанных батыров/мужей по именам с указанием их клановой принадлежности (данный вопрос был проанализирован мною в отдельной публикации: [9]). При изучении этих данных – а они все-таки в разных версиях дастана варьируются – сразу выясняется, что за 9 батырами/мужами с титулами биев стоят известные золотоордынские (татарские) кланы: Кыпчак, Аргын, Дурмен/Дурбен, Кенегес, Туман и др. На самом деле в обнаруженных в тексте эпоса трех версиях списков клановых вождей называются разное число кланов – от 8 до 11 (8, 9, 11). Правда, в некоторых случаях там есть позиции, которые именуются «би юрта» («йорт бие») и «би эля» («кил бие»), которые скорее всего указывают не на вождя кланов, а на административные должности. В таком случае в одном из списков точно получается «девятка». Правда, в дастане «Идегей» в одном из списков и про Барын «мурзу» говорится как о «бие улуса» («олыс бие»), что весьма похоже на понятия, приведенные выше.

Как бы то ни было, с уже полученными данными (в некоторых ногайских версиях мы видим и такие 9 кланов: Мин, Йуз, Найман, Уйсын, Кыпчак, Канлы, Шырын, Мангыт, Кенегес; 2 человека в этом списке даны без указания на клановую принадлежность) [9] можно перейти к изучению других источников, содержащих аналогичные сведения.

В первую очередь следует обратиться к известному татарскому историческому источнику конца XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме». Так вот, там содержатся имена 10 биев, из которых 6 – это эпонимы, отражающие названия кланов. Вот они: 1) [Уйшын] Майкы би; 2) Калдар би; 3) Урдуж (Ордач) би;

4) Кыбчак (Кипчак) би; 5) Тамйан / Төмән / Таман би; 6) Кирайет; 7) Буркыт би; 8) Тимер Котлы би; 9) Муйтен би; 10) Толенгут / Теленгут / Тангут би [14, р. 49]. У этого источника имеются другие версии, данные которых слегка отличаются от приведенных выше. В частности, в одном из них есть такой перечень имен 10 биев, из которых 5 – это эпонимы: 1) Майкы би; 2) Калдар би; 3) Уркеш (видимо, Урдач) би; 4) Кыпчак би; 5) Тамйан би; 6) Кереит би; 7) Кунрад би; 8) Темиркутлу би; 9) Тулак би; 10) Толенгут би [4, с. 131]. В разных версиях «Дефтер-и Чингиз-наме» названные бии указываются как участники поиска Чингиза, вынужденного уйти под давлением своих дядьев. Показательно, что это сообщество ведет поиски под руководством Уйшын Майкы бия. Однако, как видно из первого списка, среди этих биев вначале «Кунрад бия» не было, ибо он остался в составе четырех биев (их имена даются как эпонимы – Кунгырат, Кытай, Салчут, Кыят), отказавшихся пойти вслед за Чингизом. На самом деле в приведенных выше списках после их полной реконструкции можно обнаружить следующие кланы: 1) Уйшын; 2) Кимак (точнее – Албыр / Ольбер); 3) Минг; 4) Кыпчак; 5) Туман; 6) Кирайет; 7) Буркыт; 8) Тангаур; 9) Муйтен; 10) Теленгут [2, с. 59].

В принципе, если из данного списка одно племя вывести «наверх» (по образцу клана Кенегес), например, учитывая особый статус Уйшын Майкы бия, четко фиксируемый и в «Дефтер-и Чингиз-наме» [4, с. 131; 14, р. 51], опять получается «девятка» или сообщество из 9 биев.

И вот тут пора вспомнить, что в дастане «Идегей» есть еще упоминание «8 юртов» и «9 юртов». Специальный анализ этих мест эпоса показал, что «9 юртов» («тугыз йорт») относились к территории непосредственно подчиненных хану Тохтамышу, а «8 юртов» (8 йорт) были территориально близки к владениям Тимура, возможно, находясь в сфере его влияния, но скорее всего не являясь его личным доменом, который, согласно дастану, включал «подчиненные Самарканду двенадцать юртов» [10, б. 115; 9].

В результате «девятку» из дастана, фигурирующую как число «юртов», так и «батыров / мужей» в статусе биев, можно взаимоувязать, имея в виду, однако, что один из клановых вождей (не сам клан) стоял над этим сообществом в виде его главы, а затем разложить это сообщество как 1 + 8. И тут следует вспомнить, что согласно монгольскому историку Лубсану Данзану, глава клана Кенегес Хукин нойон был назначен ответственным за правую половину (правое крыло) Улуса Джучи с придачей ему 8000 воинов [5, с. 232]. Имея в виду, что в монгольской империи армейское подразделение в 1000 воинов являлось значимым войсковым ядром, число воинов, подчиненных Хукину нойону, можно рассматривать и как восемь тысячных подразделений. Рашид ад-Дин также указывает Кенегес (Кингит) в составе четырех тысячных подразделений, выделенных для Джучи [7, с. 172]. Правда, согласно этому историку, войсками первого крыла (барунгар) командовал Уйшын Майкы би [3, с. 123–124]. Это особая позиция Майкы бия по-

лучила отражение и в «Дефтер-и Чингиз-наме».

Хотя мы точно не знаем, какая «правая сторона» (Улуса Джучи или в целом Монгольской империи) подразумевается у Рашид ад-Дина, кланы Уйшын и Кенегес явно имели схожий статус и отвечали за «правую» половину государства. Поэтому, появление представителя клана Кенегес Джанбай бия как старшего над 9 батырами, не случайно, как и именование его в некоторых ногайских версиях дастана «Идегей» «везирем, большим (улу) везирем» [8, с. 180, 185, 244], так и определение его «улу бием», «главой курултая» («корылтай башы»), «первым советником», «самым умном бием» [8, с. 61, 135]. Не исключено, что Джанбай би в какой-то период выполнял функцию беклерибека, которому был подчинен и другой непосредственный предводитель «девятки» – Кыпчак би.

Чтобы подкрепить приведенные выше заключения и прояснить содержание термина «восемь юртов / сигез йорт», можно привлечь и данные Ибн Батутты (1304–1377), описавшего свою поездку в Хорезм и судебный процесс, происходивший там в резиденции великого эмира Кутлу-Тимура. Обратим внимание, что на суде там кроме судейских членов присутствовали «старший эмир» (улу би) и с ним вместе 8 «других старших эмиров» с шейхами (яргучи). Похоже, что вот эти «восемь старших эмиров» (вместе с шейхами) олицетворяли существовавшие в Хорезмском вилайете Улуса Джучи племенные «юрты». Над ними скорее всего находился сам «великий эмир» (беклерибек) Кутлу-Тимур, бывший из клана Кыйат [2, с. 39–40].

Если принять данную гипотезу, то представленные в эпосе «Идегей» 8 + 9 юртов (а за ними стояли конкретные кланы), общее число которых, получается, равно 17, оказываются отражением двухкрыльевой структуры Золотой Орды. Чтобы окончательно в этом убедиться, следует еще раз вернуться к Ибн Батуте, на этот раз к его описанию проходившего 2 июня 1334 г. в районе Биштау (Пятигорск) грандиозного летнего праздника – очевидно, курултая – с

участием хана Узбека. В ходе этого мероприятия наряду с другими обрядами и церемониями хан Узбек принимал также парад войск, выстроенных по крупным (10000 воинов) подразделениям, то есть туменам. Согласно данному источнику, на этом параде участвовали ровно 17 эмиров-темников! Весьма вероятно, что это и был основной контингент войск Золотой Орды, так сказать, гвардейское ядро ханских воинов.

В этой связи следует обратить внимание на еще одну недавно найденную версию «Дефтер-и Чингиз-наме» (о нем см.: [6]), содержащую любопытную фразу: «Это имена беков времени [времени правления] хана Джанибека» («Жанибэк хан заманындагы бекларнен атлары») [13, б. 111]. В этом списке, содержащем имена 17 беков, у большинства из них клановая принадлежность определена (Уйшын, Алчын, Ак Мангыт, Сижут, Кыйат, Кыбчак [должно быть – Кыйат, ибо речь идет о Мамае б. Алаче], Ширин, Аргын, Барын, Боркыт, Мэмэн [Найман], Тама, Жалайыр, Кыбчак, Конграт, Мангытай (?) и Инжеле (?)). Весьма показательным присутствием в этом списке Ширина Урук Тимура, Аргына Кара-Ходжи, Барына Сарая и ряда других фигур, известных и по другим источникам и жившим в конце XIV – начале XV вв. [2].

Не получается ли так, что деление основных (ведущих) кланов, существовавших при хане Узбеке и его сыне Джанибеке, на «9 юртов» (правое крыло Ак Урда) и «8 юртов» (левое крыло Кок Урда) дожило и до конца XIV – начала XV вв., когда в эпоху создания эпоса «Идегей» память об этом была еще жива? Можно полагать, что структура из 17 кланов (1 + 8 + 8), один из которых мог быть беклерибекским, отражал какую-то весьма старую структуру Улуса Джучи, восходившую к началу его складывания. Вряд ли поэту случайно то, что клановый состав основных территориальных частей этого государства или совпадает в правом крыле с возможным числом тысяч у Хукин ойона из клана Кенегес, или является кратным к числу тысяч у Джучи (4 x 1000).

Список источников и литературы

- Исхаков, Д. М. Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (Часть 1) // Сибирский сборник : сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 4. – Тобольск : ООО «Компания “Содействие”», 2019. – С. 328–340.
- Исхаков, Д. М. Исторические очерки. – Казань : Фэн АН РТ, 2009. – 164 с.
- История и культура татар Западной Сибири : монография. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 728 с.
- История Чингиз хана и Тамерлана // Труды Оренбургской уездной архивной комиссии. – 1907. – Вып. 19. – С. 115–117.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной // Памятники письменности Востока. X. – Москва : Наука, 1973. – 293 с.
- Мустакимов, И. А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. – Вып. 1. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 122–131.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. – Москва : НИЦ «Ладомир», 2002. – 315 с.
- Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н. Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский ин-т гум. исслед. при Правительстве КЧР. – Москва : Наука, 2016. – 512 с.
- Исхаков, Д. М. Халкыбызың эрик эсэрларендэ яшеренгэн милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегей» дастанының серларе // Туган эфир. Родной край. – 2019. – № 1. – Б. 49–65.
- Идегей. Татар халык дастаны. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 254 с.
- Мөхәммәтҗәнова, Л. Х. Идедәнме, Себердәнме син, Идегей? // Туган эфир. Родной край. – 2019. – № 1. – Б. 35–48.
- Надилов, И. «Идегей» дастаны // «Идегей». Татар халык дастаны. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – Б. 5–10.
- Чыңгызнамә: Тарихи дастаннар. Төз. Р. Мәрданов. – Казан : «Милли китап» нәшр., 2019. – 287 с.
- Ivanics, M., Usmanov, M. A. Das Buch der Dschingis – Legend (Däftär-i Čingiz-nämä). I. / Studia uralo-altaica 44. – Szeged, 2002. – 324 p.

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ С. В. БАХРУШИНА

Аннотация. В статье представлена информация о хранящемся в Архиве Российской академии наук исследовании члена-корреспондента Академии наук СССР С. В. Бахрушина «Сибирское ханство и народы Сибири в XV–XVI вв.», датируемое 1930-ми гг. В исследовании представлены сведения о населении ханства, хозяйстве, вероисповедании, борьбе между различными родами и государствами, в частности Москвой, за обладание Сибирским юртом, процессе феодализации внутри татарского общества. Кроме того, приведена информация об остяцких и вогульских племенах, которые находились в зависимости от татарских ханов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, ханство, история, С. В. Бахрушин, архив, Российская академия наук.

Abstract. The article provides information about the study of the corresponding member of the USSR Academy of Sciences Bakhrushin S.V. “The Siberian Khanate and the peoples of Siberia in the 15th-16th centuries” dating back to the 1930-ies, kept in the Archive of the Russian Academy of Sciences. The study provides information about the population of the khanate, economy, religion, the struggle between different clans and states, in particular Moscow, for the possession of the Siberian yurt, the process of feudalization within the Tatar society. In addition, the information is provided about the Ostyak and Vogul tribes, which were dependent on the Tatar khans of Siberia.

Keywords: Siberia, Khanate, history, S.V. Bakhrushin, archive, Russian Academy of Sciences.

Архив Российской академии наук остается одним из старейших ведомственных архивохранилищ и крупнейшим информационным центром России по истории отечественной науки и культуры XIX–XXI вв. В личном фонде Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), историка, члена-корреспондента Академии наук СССР сохранилось исследование «Сибирское ханство и народы Сибири в XV–XVI вв.» [1, оп. 1, д. 98, л. 1–16], датируемое 1930 гг.

В исследовании отмечалось, что в состав улуса Джучиева со времени его возникновения входила страна «Ибир и Сибирь», то есть земли к востоку от Урала приблизительно до Иртыша. В эту область, известную под названием «Страна мрака», татарских завоевателей привлекали пушные богатства северных лесов. В результате их набегов в четырехугольнике, образуемом Тоболом с Турою и Иртышем и Омью, осело довольно значительное тюркское население. «Основную массу его составляли ногайские татары и отчасти “шибанские” узбеки; с ними слилось окрестное остяцкое и вогульское население».

В условиях лесной местности хозяйство кочевников подверглось некоторым изменениям. Кочевое скотоводство продолжало оставаться основным средством существования для барабинских татар, которые по-прежнему кочевали «по-ногайски в телегах». В более северных районах, где количество скота не могло быть велико, скотоводство утрачивало свое значение. Значительное место здесь занимали промыслы – охота на крупного зверя и рыболовство. «До Ермакова взятия Сибири» татарам безраздельно принадлежали обильные «угожьи лисьи гнезда и зверовые всякие угоды и рыбные ловли. Жители некоторых волостей на Тоболе специально промышляли ловлей охотничьих птиц, аялыньские татары ловили рыбу, “приходя на Вузюково озеро”; в некоторых районах было распространено бортничество». Сибирским татарам было известно и земледелие, носив-

шее, по мнению ученого, полукочевой характер, особенно в степных районах: «пахали наездом и ко времени жатвы “прикочевывали к месту, где у них хлеб сеян”, сеяли быстрозреющие злаки – ячмень, полбу, овес».

На исторические судьбы сибирских татар, констатировал С. В. Бахрушин, оказало известное влияние то обстоятельство, «что вдоль Иртыша, пересекая болотистые пространства Барабы, издавна шла проторенная караванная дорога из Средней Азии (в первую очередь из Хорезма и Бухары) через Урал на Каму и Среднее Поволжье. Как показали археологические раскопки, эта дорога, несомненно, существовала со времени Сассанидов. Тем же путем ходили караваны из Хорезма в Приволжскую Булгарию». Казань в XV в. унаследовала установившиеся в болгарскую эпоху связи с Зауральем, и «старая казанская дорога» продолжала служить «полем» и при татарах связующей артерией между Средней Азией и Поволжьем». У перевала через Урал со стороны Азии был основан торговый город «Тюмень, по имени которого и сам перевал долгое время был известен под названием “Тюменского волока”». О тесных связях Тюмени с Казанью свидетельствовало наличие в этом городе «Тюменских ворот». В первой половине XVI в. «к Тюменскому волоку приезжали торговые люди пермичи “с пермским со всяким товаром”». О торговых интересах Тюмени на Нижней Волге «говорит увод тюменским ханом Ибаком, после разгрома Сарая, тамошнего “ордобазара”, то есть местных купцов, в Тюмень». Но торговые связи Тюмени протягивались гораздо дальше: «под 1475 г. встречалось известие о поездке “на Тюмень торговых людей с Устюга”». Позже транзитная «торговля захватила новую столицу Сибири – Кашлык, куда стали направляться бухарские караваны с тканями, предметами роскоши и привозными товарами из Китая».

Ученый сообщал, что в изучаемую эпоху у си-

бирских татар наблюдались пережитки родового строя. «В некоторых отсталых районах даже в XVII в. существовала поземельная община, и рядовые татары пахали пашню “собча”. Но уже в XVI в. из массы “черного” населения выделилась знатная верхушка, которая “исстари”, которая получала в частную собственность отдельные участки земли и промысловые угодья и добилась от ханов привилегий в податях (тарханы)». Классовому расслоению способствовало наличие «ясырей» (рабов), однако большого значения в Западной Сибири рабство не имело. С другой стороны, «вокруг привилегированной верхушки образовалась группа зависимых “захребетников” из обедневших сородичей и случайных пришельцев». Так, постепенно родовая знать перерождалась в знать феодальную, социальная мощь которой основывалась на землевладении. Все татарское население Западной Сибири делилось «на черных людей, плативших ханам ясак, и на привилегированных тарханов, освобожденных от ясака – беков (князей) и мурз».

Среди сибирских татар долгое время господствовало шаманство: «суеверным почитанием пользовались священные камни, вроде Ташатканского, упавшего, по-татарскому поверью, с неба и которому приписывалась магическая сила». Однако, констатировал ученый, «развитие феодальных отношений способствовало распространению среди верхушки ислама, который в середине XVI в. при хане Кучуме стал официальной религией сибирских татар». Успех мусульманской проповеди был облегчен теми торговыми связями, которые существовали между Сибирью и центрами мусульманской культуры в Средней Азии – Бухарой и Ургенчем. «В 1572 г. бухарский хан Абдулла снарядил “к Сибирскому народу для наставления его в веру” посольство во главе с одним из наиболее влиятельных шейхов из Ургенча Шербети и сеидом Ярымом; через несколько лет была направлена новая миссия, в состав которой вошел тот же Шербети и другие ургенчские богословы. Торжество новой религии было ознаменовано установлением культа местных “святых” – 300 шейхов, которые, как утверждала официальная легенда, задолго до Кучума распространяли ислам в Сибири с оружием в руках и “стяжали мученический венец” в борьбе с неверными».

Процессы феодализации внутри татарского общества Западной Сибири, по мнению С. В. Бахрушина, привели в XV–XVI вв. «к образованию здесь самостоятельного ханства, естественным центром которого была Тюмень». Со второй половины XVI в. Сибирь становилась добычей то одного, то другого из соперничавших между собой претендентов на сибирский престол. «В качестве самостоятельного хана в ней утвердился при поддержке Тимура его вассал Тохтамыш; выгнанный из Сарая в 1405 г., он окончил свои дни в Тюмени. После него среди междоусобиц, разрывавших Золотую Орду, страной “Иссибур”, при содействии Эдыгея, завладел Чегра. Позже Сибирь вошла в узбекскую державу Абдулхайра». Непрерывный переход Сибири из рук в руки нарушал торговые

интересы соседних стран, и с их стороны проявлялось стремление так или иначе подчинить ее своему влиянию путем образования на ее территории более или менее прочного государства. «В борьбе за господство на “Тюменском волоке” деятельное участие принимали ногайцы, кочевавшие между Доном и Яиком. Они энергично вмешивались в дела Тюмени, сажая в ней “царей” и хлопотали об объединении ее с Казанью; с другой стороны выставляла ряд претендентов на Сибирский юрт Бухара. С середины XVI в. борьбу за Сибирь вступила и Москва: в 1552 г. она захватила пути из Среднего Поволжья на Урал и приняла Сибирский юрт под свое покровительство».

Во второй половине XV в. «в Тюмени утвердился внук Абдулхайра Ибрахим-Ибак». По утверждению С. В. Бахрушина, «достаточно сильный, чтобы вмешиваться в распри своих западных соплеменников Ибрахим-Ибак в союзе с Менглы-Геранм участвовал в разгроме Золотой Орды; в то же время он поддерживал дружеские отношения с Казанью», с которой его ханство было связано давними торговыми отношениями. Теснейшие связи существовали у него и с ногайцами, причем он одно время мечтал восстановить империю Батыея. Опираясь на ногайских татар, он пытался завладеть Казанью. Это был кратковременный расцвет Сибирского юрта, властитель которого удачно использовал политическую конъюнктуру на Волге. Но здесь интересы Тюмени сталкивались с интересами Москвы. «Ибак завязал отношения с правительством Ивана III, поскольку и Москва, и Сибирь были заинтересованы в ослаблении Золотой Орды, но в Казани политика Ибака встретила энергичный отпор со стороны его союзника».

Внутри собственного юрта с Ибаком соперничали представители местной знати, и он, по-видимому, пал в борьбе с беками “Тайбугина рода”. Сын его Кулук (или Тулуг) удержался в Тюмени, но уже не в качестве хана всего Сибирского юрта, а скорее мелкого владетеля небольшого княжества. Вероятно, ханом из рода Ибака был и “шибанский царь” Мамук, пытавшийся в 1496 г. завладеть Казанью. С торжеством “Тайбугина рода” центр ханства был перенесен дальше на восток, к устью Тобола, где стоял городок Кашлык; Тюмень пришла в полный упадок».

Завоевание Иваном IV Казани в 1552 г. привело к номинальному подчинению Москве Сибирского юрта. «В 1555 г. сибирский хан Эдигар признал себя вассалом московского царя и обязался платить дань». Но очень скоро, по мнению ученого, политическое положение в Зауралье резко изменилось. «В 1557 г. на Сибирский юрт напал внук Ибака – Кучум; Эдигар и его брат Бек-Булат пали в борьбе, и в 1563 г. в Сибирском юрте воцарилась опять шибанидская династия. Укрепившись на престоле, Кучум порвал зависимость от Москвы; наоборот, с Бухарой, поддержкой которой он, по-видимому, воспользовался при захвате Сибири, установились у него дружеские отношения».

Граница Кучумова царства, по предположению С. В. Бахрушина, не могла быть точно установлена.

«Ремезов [С. У.], писавший свою летопись в конце XVII в. на основании татарских преданий, считал конечным пунктом его владений на западе Тарханский городок (на Тоболе) и на востоке городок Куллары (на Иртыше, ниже устья Туи)». Фактически власть сибирского хана распространялась значительно дальше: на юге границы ханства терялись в Барабинских степях, на западе в его состав входили территории бывшего Тюменского царства с его смешанным татарско-вогульским населением. «В зависимости от сибирского хана находились окрестные племена вогулов и остяков. Он собирал ясак “со многих низовых язык”, то есть с народов, живших по нижнему течению Оби. С. У. Ремезов называл среди подручных Кучуму “кондинских” (кодских) и “обдоринских” (обдорских) князей. Более точные сведения имелись о демьянских остяках, ясколбинских вогулах и других племенах, живших поблизости от Кашлыка. В другом направлении власть Кучума распространялась на вогульские племена, обитавшие вдоль пути по Туре за Урал на Каму, даже на европейской стороне Уральских гор».

Ученый считал, что «есть все основания полагать признание пельымскими вогуличами, сидевшими на Тавде, верховенства Кучума. В 1570-х гг. Кучум перевел к себе тахчей, то есть племена, жившие по Туре, и понуждал их к уплате ясака. Территория Сибирского ханства была сравнительно мало заселена: цифра в 30700 человек, упоминавшаяся в Никоновской летописи, по мнению С. В. Бахрушина, была основана на недоразумении; документальные данные (может быть, несколько преуменьшенные) говорили о тысяче человек, плативших ясак хану».

Сибирское ханство переживало в XV–XVI вв., констатировал ученый, феодальную раздробленность. «Под верховным главенством ханов или султанов, как титуловались потомки Абулхайра, возводившие свой род от Чингиса, находились многочисленные владельцы мелких улусов, сохранившие и под их властью большую долю независимости: беки, мурзы, оглань, ясаулы». Основное ядро этой знати составляли князьки небольших татарских племен. Видную группу среди сибирских феодалов составляла и служила знать, черпавшая свою власть из ханского пожалования. «Хан мог ставить во главе улусов своих “ясаулов”, то есть “блюстителей порядка”, каким, например, был ясаул Альпай, который держал “город опасный Кучумов” на Тоболе; часто звание ясаула присваивалось племенным князькам, стоявшим во главе собственных улусов; таково, видимо, происхождение аяльнских и других барабинских ясаулов». К служилой знати принадлежали и чины ханского двора. «Первое место среди них занимал карача – “думчий царев”, как переводили это слово русские книжники, или везир, должность которого была наследственной, ее занимал владелец одного из наиболее сильных улусов с укрепленным городком в окрестностях Кашлыка».

В XV в. в Сибири рядом с ханом «стоял по ногайскому обычаю тайбуга», функции которого ученый не

определил. В качестве одного из самых крупных феодалов тайбуга иногда выступал как соперник самого хана; «род одного из тайбуг захватил даже престол Ибака». Также «упоминались “аталыки” – то есть “ханские дядьки”. Особые улусы имели и члены ханского дома: так на Туре находилось “городище” Кучумова брата». Владельцы отдельных улусов стояли в служебно-вассальских отношениях к хану, сохраняя большую степень независимости. Они имели собственные укрепленные городки, неоднократно упоминаемые в источниках. «Размеры отдельных улусов были часто невелики, например, в “городке” Чангулы-мурзы от русских “заперлись” всего сорок боеспособных людей».

«Зависимость отдельных улусов от хана выражалась, во-первых, в уплате князьками со своих “черных людей” ясака, в состав которого входили, по словам С. У. Ремезова, “соболи и лисицы и прочих зверей и рыб”. В окрестностях Кашлыка жили “кречетники”, которые “за ясак давали кречеты”; аяльнские татары ловили для Кучума рыбу в Вузюково озере. Ясак с “черных людей” своих улусов собирали сами подвластные Кучуму князьки и передавали его ханскому “даруге” (сборщику дани), который взыскивал дополнительно в свою пользу “дорожную пошлину” пушнинаой». В некоторых случаях сами феодалы доставляли ясак хану. Кроме уплаты ясака, улусные князьки и другие феодалы являлись со своими людьми на войну по первому призыву хана, «выражавшемуся в присылке стрелы. Чем дальше от Кашлыка, тем слабее были связи, соединявшие вассалов с сюзереном: чатские мурзы, кочевавшие в низовьях реки Чик, левого притока Оби, были не столько подданными, сколько союзниками Кучума».

Отсутствие прочных связей между ханом и его вассалами, характерное для феодальной раздробленности, объясняло ту легкость, с которой «подчиненные Кучуму князьки в минуту опасности покидали своего сюзерена, кочевали прочь и даже переходили на сторону его врагов». Еще слабее была связь между Сибирским ханством с подвластными ему остячками и вогульскими племенами, зависимость которых ограничивалась уплатой ясака и участием в военных предприятиях. «В итоге, юрт, сложившийся в Западной Сибири не представлял собой единого целого, и в этом была его слабость. Состоящий из разноплеменных элементов, разбитый на мелкие, почти независимые улусы и племенные княжества, раздираемый борьбой между претендентами на престол, он распался при первом столкновении с централизованным государством».

Касаясь истории остячских и вогульских племен в XV–XVI вв., С. В. Бахрушин отмечал, что в русских источниках северо-западный угол Сибири, населенный вогулами и остяками, продолжал носить заимствованное у коми-зырян название Югра. «Хотя с XIV в. “маньси”, обитавшие в более южных районах, были известны под именем “вогуличи” (коми-зырянское “вэгул”, т. е. жестокий, свирепый), за “хантэ” установилось название “остяки”, заимствованное у

татар». Остяки и вогулы жили, главным образом, рыбной ловлей; «жившие в тундровых районах нижней Оби, ходили за пушниной далеко, на реку Вах, только берега Казыма славились белкой. Гораздо богаче зверем были леса в землях сургутских остяков».

Сравнительно большое значение имела охота на речных птиц: «начало охотничьего сезона ознаменовывалось большим праздником в честь патрона этого вида промысла – “священного гуся”» (точнее лебедя), святилище которого стояло у впадения Иртыша в Обь. Остяки, жившие в тундрах, прилегавших к Обской губе, разводили оленей и имели большие табуны. Из ремесел у остяков существовала выделка кожи и ткачество полотна из крапивы. Остяки и вогулы, жившие в северных местностях, по мнению историка, пользовались, наряду с железными, костяными орудиями (например, «скребелками» для очистки мездры с кожи).

В отличие от приобских остяков «хозяйство вогулов, занимавших оба лесистых склона Уральского хребта по рекам, впадавшим на востоке в Тобол и Иртыш в Азии, и по левым притокам Камы в Европе, базировалось, главным образом, на лесных промыслах: охоте (в частности – на крупную дичь – лосей и оленей) и бортничестве в южных районах. На Туре и Тавде сравнительно рано (в конце XVI в.) у вогулов существовало примитивное земледелие – “наездом” и зачатки скотоводства». В быту вогулов и остяков черты, характерные для родового строя (например, экзогамия), сохранялись очень долго (в XVIII в. и позже); однако еще до завоевания их земель московским государством у них отмечались признаки разложения родового строя. «Среди полымских вогулов в XVI в. замечалась довольно сильная дифференциация на две группы – “мурз” и “сотников”, из среды которых выбирались князья, и “черных” и “ясачных” людей». О классовом расслоении у кодских остяков до прихода русских С. В. Бахрушин судил по позднейшим данным XVII в.

«Остяцкое население Коды и примыкавших к ней волостей делилось на служилых остяков, обязанных военной службой своим князьям, ясачных остяков, плативших им ясак, и сравнительно немногочисленных рабов. Хотя служилые остяки формально были свободны от ясака, все же и они были обязаны платить своим князьям “поминки”, фиктивно, якобы добровольное приношение мехами». Указанные явления, по мнению ученого, создавали условия для развития среди вогулов и остяков феодальных отношений, слабые признаки которых наблюдались у кодских остяков в первой половине XVII в. Однако общественные отношения среди отдельных племен развивались далеко неравномерно: «среди сургутских остяков процесс дифференциации в начале XVII в. только намечался».

Историк сообщал, что в основе религиозных верований вогулов и остяков лежали самые примитивные явления анимизма, выражавшиеся в боготворении отдельных объектов природы – камней, деревьев; «у педымских вогулов существовала священная ли-

ственница, которой приносили человеческие жертвы. Такое же священное дерево было и у муллинских вогулов на Каме»; следы тотемизма были замечены в культе зверей и птиц. Особенным почитанием пользовался медведь, на шкуре которого в XV в. и позже приносились самые страшные клятвы; убийство медведя требовало искупления особой ритуальной пляской. «Тотемистического происхождения был, вероятно, и культ лебедя (“гуся”), медное изображение которого хранилось в Белогорском святилище близ устья Иртыша. Среди остяцких фетишей фигурировало оружие (копье, сабля). Очень большое место в веровании вогулов и остяков занимал культ мертвых; места погребения пользовались суеверным почитанием; душам умерших (шайтанам) приносились жертвы и дары. Многочисленные грубые изображения шайтанов хранились в остяцких юртах».

На базе тотемистических верований и культа мертвых складывались родовые культы. По мере усиления расслоения внутри племен родовые культы более могущественных культов приобретали общеплеменное значение. Так, «родовой фетиш кодских князей – “палтыш-болван” являлся символом их власти над племенем. Такого же происхождения были в более позднее время пользовавшиеся широким почитанием среди окрестных остяцких и вогульских родов фетиши Нахрачевского шайтана и Мастеркова шайтана (в Конде)». Общепризнанным богам собирались среди всего вогульского и остяцкого населения дары, устраивались праздники, приносились жертвы, в том числе человеческие. Служителями шайтанов были шаманы, которые посредством камлания должны были входить в общение с духами и «получать способность предсказывать, лечить больных и творить подобные “мечты некие и волшебство”; особое место в культе занимала магия».

Клятва («шерть») сопровождалась магическим обрядом питья с золота. «Сохранилась русская запись остяцкой шерти XV в.: при принесении клятвы югорскими князьями в 1485 г. была поставлена елка, под ней была разостлана медвежья шкура; на шкуру были положены две сабли, хлеб и рыба, а к елке прикреплены другие две сабли и привешена “жаба берестяная”. При шертовании клявшийся обходил елку, при этом произносились слова клятвы, затем пили с золота, приговаривая “Кто изменит, и ты, золото, чуй!”». Ученый предполагал, что «тотемический характер имели “знамена”, тагуированные на теле, которые отдельные остяки считали символом своей личности».

Остяки и вогулы делились на несколько мелких княжеств, центрами которых были небольшие укрепленные городки – убежища, куда укрывались в минуту опасности. «Уже под 1193 г. в Новгородской летописи упоминался “князь югорский”, который оказал сопротивление новгородской рати, осадившей его в принадлежащем ему городке. В XV в. Югра делилась на несколько княжеств: остяцкие княжества Обдорь, близ устья Оби, Кода (на месте позднейшего Березова) и вогульскон – Ляпин (на одноименной реке); в XVI в., кроме того, было известно остяцкое

княжество Казым. Каждое из этих княжеств находилось во владении нескольких состоявших между собой в родстве князьков. Во время похода московской рати в Югру в 1500 г. было взято в плен 58 князей и завоевано более 40 городков. Один из этих князьков считался главным: так, в конце XV в. Конда возглавлялась «большим князем» Молданом, в конце XVI в. – Алачем, который был «во всех городах славен». В районе Тавды и ее притока Пелыма в XV в. сложилось довольно сильное и многолюдное вогульское Пелымское княжество, пелымский княжеский род распространял свою власть и на соседнюю Конду». С. В. Бахрушин предполагал, что на месте позднейшего Кашлыка в XV в. было туземное княжество и упоминаемый в документах «сибирский» князь Лятик был остяцкого происхождения; «в пользу такого предположения говорят находки остяцких вещей в осыпи Искера (городища Кашлыка). В XVI в. известен ряд других мелких вогульских и остяцких княжеств: остяцкие княжества на речке Демьянке, притоке Иртыша, Белгородское княжество у впадения Иртыша в Обь, с центром в неприступном Самарове городке».

В XVI в. вогульские и остяцкие княжества нахо-

дились в зависимости от татарских ханов Сибири, которая ограничивалась уплатой дани и военной помощью. Историк предполагал, что даже остяки, жившие по нижней Оби, находились в некоторой зависимости от татарских феодалов. В другом направлении «власть сибирских ханов распространялась на вогульские племена, обитавшие по Туре, на территории которых находился городок Кучумова брата; верховенство сибирского хана, по крайней мере, номинально, признавали и пелымские вогульы».

В заключение С. В. Бахрушин сообщал, что в XV в. в результате нескольких походов московских воевод остяцкие и вогульские племена нижней Оби попали одновременно в зависимость и от московских великих князей, которые требовали от них «дани со всякого человека по соболу». Фактически отдаленность Югорской земли делала эту зависимость от Москвы эфемерной.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории средневековых государств Западной Сибири и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Список источников и литературы

1 Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 624 – Бахрушин Сергей Владимирович.

И. Н. ЮШКОВ О СИБИРСКИХ ТАТАРАХ

Аннотация: исторический очерк «Сибирские татары» И. Н. Юшкова не является популярным среди современных исследователей. Однако научный уровень данного произведения вполне соответствует середине XIX века. Работа состоит из пяти глав, в начале раскрывающая краткую историю сибирских татар, начиная с V века. Большая часть работы посвящена различным аспектам этнографии сибирско-татарского населения: религиозные традиции и обряды, одежда, бытовые традиции, внешний облик, речь, жизненные ценности и поведение.

Ключевые слова: И. Н. Юшков, сибирские татары, историческое краеведение, этнография.

Abstract: the historical sketch “Siberian Tatars” by I. N. Yushkov is not popular among modern researchers. However, the scientific level of this work corresponds quite well to the middle of the XIX century. The work consists of five chapters, at the beginning a brief history of the Siberian Tatars is revealed, starting from the V century. Most of the work is devoted to various aspects of the ethnography of the Siberian Tatar population: religious traditions and rituals, clothing, household traditions, appearance, speech, life values and behavior.

Keyword: I. N. Yushkov, Siberian Tatars, historical local history, ethnography.

Нельзя сказать, что Иван Николаевич Юшков является забытым исследователем. Он достаточно хорошо известен тюменским и тобольским краеведам, а также специалистам по истории и этнографии сибирских татар. Однако и к числу самых известных исследователей XIX в. его не отнесешь. Очерк И. Н. Юшкова «Сибирские татары», опубликованный в 1861 г., оказался включенным далеко не во все историографические обзоры по истории сибирских татар, буквально по пальцам можно насчитать количество подобных исследований. Одним из таких является докторская диссертация Г. Л. Файзрахманова «Сибирские татары в составе российского государства», в которой указанному очерку уделен всего один абзац. Исследователь отмечал, что И. Н. Юшков в своем очерке приводил информацию о происхождении сибирских татар, пределах расселения, численности, роли ислама в их жизни [2, с. 24]. Г. Л. Файзрахманов оказался одним из немногих ученых, отметивших наличие очерка И. Н. Юшкова в виде отдельной брошюры, хранящейся в Тюменской областной научной библиотеке [2, с. 24].

Приведем некоторые данные биографии исследователя, содержащиеся на сайте Тюменской областной научной библиотеки им. Д. И. Менделеева. Иван Николаевич Юшков (1833–1877) – журналист, краевед, основатель Тобольского музея. Родился в 1833 г. в г. Тобольске в семье священника тобольского кафедрального Софийского собора Николая Андреевича Юшкова. После окончания Тобольской Духовной семинарии в 1852 г. был определен учителем духовно-приходского училища в г. Тобольске. В 1853 г. был назначен помощником инспектора, а затем исполняющим обязанности инспектора. В 1856 г. вышел из духовного звания и перешел на государственную службу. Служил в Тобольском общем городском управлении. В 1858 г. был произведен в коллежские регистраторы, а затем – в губернские секретари. Годом позже он был утвержден в должности редактора «Тобольских губернских ведомостей» и одновремен-

но в должности смотрителя типографии и управления газетным столом. С 1869 г. был назначен секретарем Тобольского статистического комитета. И. Н. Юшкову принадлежала инициатива создания в г. Тобольске музея, организованного им при Губернском статистическом комитете. Скончался 13 марта 1877 г. в возрасте 44 лет в г. Тобольске от горловой чахотки [1, электронный ресурс]. Типичная судьба провинциального чиновника среднего уровня, увлеченного историческим краеведением, – выходца из духовного сословия.

Первоначально, как было отмечено выше, очерк «Сибирские татары» был опубликован в десяти номерах «Тобольских губернских ведомостей» за 1861 г. [3], затем в этом же году он был издан отдельной брошюрой в типографии Тобольского губернского правления [4]. Жанр рассматриваемого произведения – исторический и этно-демографический обзор сибирских татар очеркового характера.

Работа разделена на пять глав. В первой главе дается краткий, но достаточно информационно насыщенный исторический очерк. Автор отмечал, что сибирские татары расселены в Сибири повсеместно в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях, но большая часть все-таки в Тобольской, поэтому основное внимание сосредоточено на этой группе сибирско-татарского населения. И. Н. Юшков писал, что «сибирские татары никогда не были коренными обитателями этой огромной страны» [4, с. 5]. Их история начинается с V–VI вв. с турок или туркоманов, проживавших на востоке от Каспия до Алтая. Следующий важный этап – завоевания Чингисхана в XIII в., в результате Сибирь становится частью Золотой Орды. С ее распадом ближайшей к сибирским татарам становится Ногайская Орда, с которой сибирские татары заключали договоры и даже роднились. Определив территориальные рамки Сибирского юрта, И. Н. Юшков пишет, что он был населен «воинственными вогуло-татарскими племенами» [4, с. 7]. Затем автор приводит различные версии происхождения Тайбуги

и отношения с Русью последнего тайбугида – Едигера. В главе отмечается, что Кучум был выходцем из Ногайской Орды. В конце главы рассказывается о походе Ермака, начавшегося, по мнению И. Н. Юшкова, в конце лета 1581 г. Им же приводится полное предположительное имя его – Василий Тимофеевич Аленин. Интересен сюжет о дальнейшей судьбе Кучума и его сыновьях [4, с. 8–25].

Вторая глава посвящена религии сибирских татар. Отмечается, что они приняли «мухаммеданскую религию» в XIV в., позднее она стала распространяться в Сибири из Бухарии, где тогда находился центр мусульманской образованности. Главными центрами распространения исламизма, отмечает И. Н. Юшков, были школы, устраиваемые при мечетях [4, с. 27–28]. В главе подробно рассматриваются основы мусульманского вероучения: обряды, традиции, посты, семейный быт, представления о грехе и праведности, устройство и убранство мечети, система управления в мусульманской религии, рождение и погребение, многие другие религиозные особенности сибирских татар. Любопытно, что автор отмечает незначительное нарушение в среде сибирских татар запрета пить вино, под тем предлогом, что раньше не была известна водка, поэтому не попавшая под запрет. Однако справедливости ради отметим, что И. Н. Юшков отмечает это явление только там, где преобладает русское население, оказывающее в данном случае это негативное воздействие [4, с. 30].

В третьей главе анализируется система управления татарским населением в составе Российского государства и ее эволюция. И. Н. Юшков пишет, что в самый ранний период русского присоединения Сибири татары известны под наименованием «ясачных» и «иноверцев». Со второй половины XVII столетия в официальных документах они разделяются на ясачных, хлебопашцев и служилых. В 1822 г. было издано положение о сибирских инородцах, под действие которого попали и сибирские татары [4, с. 37]. На основании этого документа в сословных правах и обязанностях сибирские татары приравнены к русским, только от рекрутской повинности татары были освобождены [4, с. 71]. Описывается система судопроизводства, налогообложения, право наследования, а также другие стороны повседневной жизни, регулируемые правовыми нормами.

Четвертая глава является собственно этнографической. Прежде всего, в ней рассматриваются татарские поселения, структура усадьбы, дома, их внешний вид, внутреннее убранство, предметы домашнего

обихода, посуда, одежда, кухня, промыслы, хозяйственная деятельность. Как отмечает автор, одежда сибирских татар мало отличается от татар казанских и оренбургских, она только проще [4, с. 81].

В заключительной пятой главе приведены данные о личности татар, их нравах, обычаях, поведении, наружности. Далее рассматриваются некоторые демографические показатели – рождаемость и смертность за 1855–1860 гг. В частности, И. Н. Юшков отмечает, что за указанный период число татар в Тобольской губернии увеличилось на 4 %. Такой высокий показатель, по мнению автора, определялся особенностями сбора цифровой информации, так как в разное время года татарское население в крупных городах Тобольской губернии сильно разнилось из-за ярмарок [4, с. 105–106]. Далее в главе описываются свадьбы, черты характера, особенности языка и речи сибирских татар. Автор в заключение делает важный теоретический вывод о взаимном влиянии русского и татарского населения, а также о том, что патриархальные отношения в русской крестьянской и татарской среде близки [4, с. 120].

Важной частью любого историографического анализа является выяснение источниковой и историографической базы рассматриваемого исследования. Конечно же, отношение к системе ссылок в XIX в. отличалось от современной, но некоторые выводы в данном случае мы сделать сможем. Как принято сегодня, начнем с источниковой базы. Логично, что для анализа основ мусульманской веры был использован Коран – главный источник мусульманской религии. Факты из истории Сибири были подчерпнуты из «Исторического обозрения Сибири» П. Словоцова. Различные нормативно-правовые акты анализировались на основе «Свода законов Российской империи» и «Собрания государственных грамот и договоров». Вызывает трудность определение источников количественной информации по демографическим процессам, остается неясным, откуда черпал эту информацию И. Н. Юшков. В качестве историографической базы были использованы известные исторические труды Н. И. Карамзина и П. И. Небольсина. Можно уверенно утверждать, что работа И. Н. Юшкова вполне соответствовала научному уровню исторической науки середины XIX в.

Научный вклад И. Н. Юшкова в изучение различных аспектов истории Сибири еще ждет своих исследователей, но очерк «Сибирские татары» уже сейчас должен занять достойное место в историографической базе истории татарского населения Сибири.

Список источников и литературы

- 1 Иван Николаевич Юшков. – URL: https://www.tonb.ru/activities_and_events/detail.php?ELEMENT_ID=14903&SECTION_ID=323&sphrase_id=25344 (дата обращения: 06.01.2020).
- 2 Файзрахманов, Г. Л. Сибирские татары в составе российского государства : автореф. дис. д-ра ист. наук. – Казань, 2005. – 52 с.
- 3 Юшков, И. Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. – 1861. – № 35–45.
- 4 Юшков, И. Н. Сибирские татары. – Тобольск, 1861. – 125 с.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКАХ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. В работе рассмотрены проблемы методологии и источниковедения отечественной археологии. Автор считает, что обращение ученых к поздним археологическим материалам должно сопровождаться развитием теоретических положений применительно именно к этому периоду истории. По его мнению, исследования могут быть основаны на нескольких методологических базах: системный анализ, саморазвивающиеся системы, теорема Гёделя, мир-системный подход. Что касается источников, в данном случае, может быть стоит пересмотреть положения о «двойном разрыве», обоснованном Л. С. Клейном? И обратить внимание не на дифференциацию источников, а на их интеграцию?

Ключевые слова: методология, археологические источники, поздняя археология, Сибирское ханство.

Abstract. This work deals with the problems of methodology and source studies of native archaeology. The author believes that the appeal of scientists to late archaeological materials should be accompanied by the development of theoretical positions in relation to this particular period of history. In his opinion, the researches can be based on several methodological bases: system analysis, self-developing systems, Gödel's theorem, and the world-system approach. As for the sources, in this case, it may be worth reviewing the provisions on the "double gap", justified by L. S. Kleyn? And it may be worth paying attention not to the differentiation of sources but to its integration?

Keywords: methodology, archaeological sources, late archaeology, Siberian khanate.

Проблема. В последние полтора-два десятилетия отечественные ученые стали активно изучать историю государственности сибирских татар. Итогом работ археологов и историков стали обобщающие монографии. Они касаются разных сторон истории Сибирского ханства [1; 2; 3, с. 203–214, 383–391; 9], и роли татар и русских в историческом процессе развития Сибири [10, с. 155–196]. Одна из особенностей этих исследований – использование источников разного происхождения: письменных, вещественных, картографических, этнографических и т. д. Другая – большая роль археологических материалов в исследовании. По идее, это должно привести к переосмыслению проблем методологии и источниковедения при изучении памятников позднего времени / поздних памятников¹.

Обсуждение. В советской / российской археологии были ученые, являвшиеся признанными авторитетами в области методологии и источниковедения. К их числу я отношу Ю. Н. Захарука, В. Ф. Генинга и Л. С. Клейна (рисунок 1). Первые двое отстаивали историзм археологии, основываясь на положениях марксизма, а третий считал ее источниковедческой наукой, и великолепно знал методологию ведущих европейских и американских ученых.

Их многочисленные работы неизменно вызвали интерес коллег и были предметом для дискуссий. У каждого ученого были свои сторонники и противники, и их споры способствовали развитию науки. К сожалению, их уход или преклонный возраст не способствовали развитию методологии, что и было заме-

чено коллегами [7, с. 6–13]. И на это же обстоятельство я обратил внимание при чтении вышеупомянутых обобщающих монографий.

В данной работе из всех возможных аспектов теоретической археологии я обращаю внимание на методологию и источники применительно к изучению поздних памятников.

Методология (методологическая основа, методологические принципы). Никто из ученых не сомневается в ее необходимости, и в квалификационных работах (магистерская, кандидатская, докторская диссертации) этот раздел обязательно присутствует. Однако, во-первых, обращаю внимание коллег на простоту этих разделов, называемых авторами «комплексный», «культурно-исторический», «интуитивно-образный», «системный», «семантический», «экологический», «информационный», «междисциплинарный» и другие подходы [7, с. 8]. Во-вторых, на отсутствие пояснений, что же с помощью методологии исследователь желает добиться.

Полагаю, что применительно к памятникам времен Сибирского ханства целесообразно применять несколько подходов, для каждого из которых необходимо объяснить и доказать необходимость его применения. К их числу относится системный подход в варианте Л. фон Бергаланфи и его последователей. Он обосновывает корректную классификацию материалов, выявление их ядер, определение связей между ними. Причем неважно, работает ли ученый с живой или неживой материей. Синергетика или теория саморазвивающихся систем Г. Хакена и его единомышленников в археологии может быть применена для анализа социальных систем, т. е. человеческих коллективов разного уровня от мелких групп до глобальных образований. Например, для определения точек бифуркации в виде революций, войн, стихийных бедствий и пр., когда система за короткий исторический

¹ Поздними памятниками специалисты, занимающиеся этими вопросами, называют археологические комплексы XVI–XVIII веков, а иногда и предшествующие им, оставленные коренными жителями Сибири и русскими первопроходцами. Используются как синонимы термины «позднесредневековые памятники» и «памятники нового времени».

Ю. Н. Захарук

В. Ф. Генинг

Л. С. Клейн

Рисунок 1 – Портреты ученых – знатоков методологии и источниковедения

срок может кардинально измениться. Синергетика обосновывает и анализ слабого/сильного воздействий на эту систему и определения их последствий. В археологии это может быть быстрая смена культур, появление новых элементов в однородной культурной среде, резкое исчезновение культурного феномена. Теорема К. Гёделя о неполноте применяется в аксиоматических системах знаний и прямо требует использовать данные смежных наук. Иначе, исходя из одинаковых данных, можно прийти к противоположным выводам. К сожалению, эти методологии не полностью адаптированы к археологии, о чем мне уже приходилось писать [13, с. 44–50]. На мой взгляд, эти методологии универсальны и могут быть применены к любой части археологии.

Что касается мир-системного анализа, основы которого заложил Ф. Бродель, то он как раз отлично объясняет сложные аграрные общества средневековья, рассмотренные ученым на средиземноморском побережье Испании и в континентальной Франции этого же времени. Такими же по развитию были Московское царство времен Ивана IV и Алексея Михайловича и Бухарское ханство этого же времени. В этом случае можно выявлять глобальные закономерности исторических процессов, имевших место на разных территориях и в разное время. Скажем, во владениях Шибанидов в Сибири может быть рассмотрена система Бухарское ханство (центр, ядро) – владения Кучума (полупериферия) – территория таежной Сибири, откуда Кучум брал дань. Вторая система – Русское царство (центр) – земли Казанского ханства (полупериферия) – русские владения в Сибири (периферия) [14, с. 60–67; 15, с. 92–100]. В обоих случаях очевидны отношения субординации центра и периферии, направление потока ресурсов, относительный уровень развития каждой части системы и ее роль в экономических, социальных и прочих процессах.

Другая возможность мир-системного анализа – сопоставление исторических процессов, произошедших в разные времена и на разных территориях. Это становится ясным при сравнении походов Кортеса в Мехико и Ермака в Сибирь, на общие черты в

проведении которых обратили внимание В. П. Линарес и С. Ф. Татауров [6, с. 328–332]. Анализируя эти процессы, я пришел к таким же результатам [12, с. 24–204].

Возможно, что использование таких методологий позволит выявить закономерности исторического процесса активности Шибанидов и Рюриковичей/Романовых в Сибири, которые прямо не зафиксированы в источниках различного рода.

Источники. Дифференциация истории по хронологии и способу получения сведений привела к делению ее источников как минимум на две большие группы: исторические/письменные и археологические/вещественные. В силу того, что археологи занимались преимущественно дописьменными обществами, это обусловило разработку концепции формирования и использования вещественных источников [4], что вылилось в деление советской археологии на «тривиальную» и «квадривальную» на основании характера использования источников и задач ученых [5, с. 39–45, 47–50]. Своего рода венцом этой системы являлась «эшелонированная археология», где в процедуре исследования была необходимость безусловно соблюдать поэтапную реконверсию информации, иначе были бы утрачены сведения об изменениях на предыдущих этапах [5, с. 50–52]. В этом случае археология представляла не столько исторической, сколько источниковедческой дисциплиной.

Однако при изучении поздних памятников был поставлен вопрос о специфике вещественных материалов этого времени [8, с. 39–42; 11, с. 98–102], которые были сопряжены и с другими источниками, или же о них содержалась информация в письменных данных. Это, по моему мнению, плохо вписывается в концепцию Л. С. Клейна о двойном разрыве и объективации [4, с. 61], поскольку разрыва как такового еще не произошло.

Поясню это следующими размышлениями. Известно, что уже сотни тысяч лет человек создает орудия труда, с их помощью обеспечивает свое существование, добывая необходимые ресурсы и ограждая себя от неблагоприятных воздействий среды. Вокруг

средств труда, предметов быта, культовых вещей, орудий и комплексов разного назначения формируется ареал сведений (представлений о предмете, его происхождении, функциях, изготовителе, владельце и т. д.), которые передаются от человека к человеку. Они могут иметь несколько уровней: личные знания, сведения, являющиеся достоянием группы людей, глобальные знания о предмете или категории вещей.

Например, представления о поясе как символе власти, особого положения и иерархии могут быть глобальны. Как пример приведу общеизвестные сведения об обряде опоясывания при посвящении в рыцари. В этом случае пояс выступает символом нового высокого статуса человека. Напротив, если человека лишают пояса, то это свидетельство его позора. Так, у военнослужащих, совершивших проступки, на время наказания забирают поясной ремень. Наконец, считается, что «распоясавшийся» человек совершает бесчестные поступки.

Семантика воинских поясов может быть достоянием группы людей. Этот факт можно зафиксировать, но трудно объяснить. Например, в Муромцевском районе Омской области на памятниках Окунево Х и Алексеевка I найдены три пояса и сопутствующие им бляшки с зооморфными изображениями. Т. е. у группы воинов эпохи раннего средневековья, похороненных в этом районе, был обычай носить такие бляшки на поясе. Почему они это делали, неизвестно. Ну а полную информацию о конкретном поясе знает только его владелец и близкие ему люди.

Неизбежно люди умирают, а вещи выходят из оборота. В первую очередь, но не сразу, а течение одного-трех поколений, забывались сведения о конкретных вещах и владевших ими людях. В данном случае речь не идет о выдающихся личностях и их имуществе. Такие вещи и сведения могут сохраняться столетиями. Известен факт, что римский император Коммод носил львиную шкуру, лапы которой были завязаны «геркулесовым узлом», в подражание герою греческих мифов. Память «групповая» более длительна, но и она не вечна, хотя именно она может быть зафиксирована в других источниках (рукописях, наскальных изображениях, статуях, сооружениях и т. д.).

Что касается глобальных представлений о предметах, то, скорее всего, они сохраняются. Например, в целом не утрачена память человечества о производстве керамической посуды (самого массового археологического материала) и способах пользования ею. И археологи-«керамисты» активно используют письменные, этнографические и прочие данные. Не утрачено мастерство стрельбы из лука, и старые традиции их изготовления и использования сохраняются до нашего времени. Нельзя точно узнать лишь какие-то

частности. Как, допустим, определяли лучники скорость и направления ветра для внесения поправок при прицеливании? Как вариант, можно назвать следующие способы: слюнили палец, бросали в воздух что-то легкое типа пуховых перьев птиц, кусочков хлопка, «щепоток» шерсти животных, наблюдали за колыханием травы и ветвей деревьев. Но это будут только предположения.

Не испытал я каких-то непреодолимых трудностей при изучении «археологических» узлов [16, с. 307–310, 17, с. 105–115]. Напротив, со временем, получены многочисленные сведения, касающиеся узлов на разных территориях, на длительном хронологическом отрезке (от среднего палеолита) и на разных источниках (археологические находки, рисунки и предметы в египетских пирамидах, барельефы типа Бехистунской скалы, античные статуи и мозаики, ацтекские кодексы, садовая скульптура эпохи Возрождения, современная этнография и даже литературные произведения). Тут в пору вести разговор о ветвящихся процессах, а не о двойном разрыве.

Что касается материальных предметов и объектов, то они после выхода их из бытования неизбежно разрушаются. Скорость деструкции зависит от конкретных условий. Если они вновь появляются на свет в раскопе, то это археологические материалы. В ином случае их могут назвать памятниками искусства, архитектуры, древностями, этнографическими объектами или еще как-то. Нет ли здесь противоречия? Ведь относить источники к какому-либо типу в отечественной науке принято по способу кодировки информации.

Фактически процесс выхода из обихода предметов/объектов и информации связан со смертью людей, оставлением мест обитания, старением построек и т. д. Чем дальше по времени отстоят от нас эти события, тем меньше они сохраняются в памяти и тем больше они разрушаются. Но они остаются теми же вещами/объектами, которые когда-то существовали. Поэтому для их изучения можно применять любые из разработанных методов. Что касается поздних памятников, то возможностей для их анализа и интерпретации намного больше, чем ранних, поскольку не нужно учитывать возможный двойной разрыв и рассуждать над объективностью.

Занимаясь изучением поздних памятников, по материалам, оставленных аялыньскими татарами и первыми жителями Тарской крепости, я все больше и больше склоняюсь к тому, что особенностью результатов их исследований является больший историзм выводов, особое внимание к деятельности людей и историческим событиям. В таких исследованиях отнесение предметов к археологическим культурам неважно, поскольку речь идет об этносах, а типология хоть и важна, но не имеет такого большого значения, как в ранней археологии.

Список источников литературы

- 1 Зыков, А. П., Косинцев, П. А., Трепавлов, В. В. *Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование)*. – Москва : Наука, Вост. лит., 2017. – 559 с.
- 2 *Казачество в тюркском и славянском мирах*. – Казань : Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. – 804 с., 48 с. : ил.

- 3 История татар с древнейших времен. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII в. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 1080 с. + 32 с. цв. вкл.
- 4 Клейн, Л. С. Археологические источники : учебное пособие. – Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1978. – 120 с.
- 5 Клейн, Л. С. Феномен советской археологии. – Санкт-Петербург : Фарн, 1993. – 128 с.
- 6 Линарес, В. П., Татауров, С. Ф. Мексика и Сибирь: накануне завоевания // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2 (64). – С. 328–332.
- 7 Мельникова, О. М. Методология отечественной археологии: стихия традиции или интуитивный поиск обоснованного выбора? // Вопросы археологии Урала : сборник научных трудов. – Екатеринбург; Сургут : Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 6–13.
- 8 Самигулов, Г. Х. Письменные и археологические источники в археологии нового времени (заметки об интерпретации материала) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург : Магеллан, 2014. – С. 39–42.
- 9 Сибирское и Тюменское ханства. – Казань : Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. – 560 с.
- 10 Татауров, С. Ф., Татауров, Ф. С., Татаурова, Л. В., Тихонов, С. С. Археологическая летопись земли Тарской. – Омск : Издатель-полиграфист, 2019. – 412 с.
- 11 Татаурова, Л. В. Специфика археологического источника нового времени // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – 3 (36). – С. 98–102.
- 12 Тихонов, С. С. О методологической основе изучения глобальных закономерностей процессов освоения новых территорий // Присоединение Сибири к России: новые данные. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 200–204.
- 13 Тихонов, С. С. Об археолого-этнографической интеграции и ее методологическом обеспечении // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 44–50.
- 14 Тихонов, С. С. История сибирских татар и мир-системный подход // Сибирский сборник. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – Вып. 3. – С. 160–167.
- 15 Тихонов, С. С. Великая и Малая Бухария и русские города Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2018. – № 10. – С. 92–100.
- 16 Тихонов, С. С. О некоторых направлениях этнографо-археологического изучения узлов на веревках, шнурах и ремешках // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск : Наука, 2015. – С. 307–310.
- 17 Тихонов, С. С. Узлы на веревках как один из «универсальных» феноменов культуры в этнографо-археологических исследованиях // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2016. – № 3 (11). – С. 105–115.

ТЮМЕНСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО НАСЛЕДИЕ

А. В. Асанов

Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Россия

ПЕРВЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ТЮМЕНСКОМ ХАНСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются ранние летописные известия, касающиеся Тюменского ханства. Установлено, что уникальные сведения о Тюменском ханстве были составлены в конце XVI – начале XVII вв., когда в условиях активного освоения Зауралья актуализировалась тема русско-сибирских отношений. При этом необходимо учитывать, что ряд летописных данных не подлежит верификации. В связи с этим и другими обстоятельствами в статье поднимается вопрос о пересмотре некоторых исследовательских оценок, сложившиеся на основе анализа этих известий.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Московская Русь, Иван III, Ибрагим, ногайцы, Казанское ханство, Ильхам, летописи.

Abstract. The article analyzes the early annalistic news of the existing the Tyumen khanate. It is revealed that the unique information about the Tyumen khanate was compiled at the end of the 16th - beginning of the 17th centuries, when the topic of Russian-Siberian relations became relevant in the conditions of active development of Zauralie. At the same time, it is necessary to consider the fact that a number of annalistic data is not subject to verification. In connection with this and other circumstances, the article raises the question of revising some research assessments, based on the analysis of this news.

Key words: Tyumen khanate, Moscow Rus, Ivan III, Ibrahim, Nogayans, Kazan khanate, Ilham, chronicles.

Отношения с Тюменским ханством стали привлекать внимание русских книжников лишь в конце XV века, о межгосударственных связях в более ранний период источники не сообщают. Первое упоминание о контактах с тюменским ханом относится к 1481 г., когда хан Большой Орды Ахмад после неудачного похода на Русь подвергся нападению со стороны тюменского хана Ибрагима.

Официальные хроники повествуют об этих событиях сравнительно кратко. Согласно Иоасафовской летописи, во время стояния на р. Угре 1480 года «на царя Ахмата прииде страх от Бога, и побеже, никим же гоним, от Угры по Литовской земли, по королеве державе, воюя его землю за его измену». Когда хан вернулся в Большую Орду, на него напал «царь Ивак Ногаиский и Орду взял». Летописец уточнил, что «царя Ахмута уби шурина его Ногаиский мурза Ямгурчий» [1, с. 122].

Схожие сообщения сохранились и в официальных сводах середины XVI века [9, с. 203; 11, с. 346]. Симптоматично, что ранние источники – московские летописи конца XV – начала XVI века – еще более лаконичны в своем изложении, они рассказывают лишь о том, что после возвращения в Орду Ахмад был убит ногайцами [8, с. 232; 15, с. 150, 315].

По данным Вологодско-Пермской летописи, на Ахмада «из Заволжья» напал «Иванча, Нагайской князь». Здесь сообщается и о судьбе подданных хана: «А царевича же дети его убежаша, а дочь его взя и Орду разпустоши, и базар разграби, и полон весь за Волгу перевезе в Ногаи» [14, с. 274]¹.

Вышеприведенные известия рассказывают о противостоянии между ханом Большой Орды и но-

гайскими правителями. В данном случае официальные книжки обратились к этому сюжету лишь для того, чтобы поведать о гибели враждебного хана, при этом их мало интересовала ситуация внутри Улуса Джучи. Пространные официальные летописи конца XV – XVI веков предельно лапидарны в изложении рассматриваемых событий, тогда как они весьма подробно описывают некоторые эпизоды отношений с другими государствами. Эти источники даже не указали на то обстоятельство, что Ибрагим (Ивак) не только обладал властью над ногайскими мурзами, но и являлся правителем Тюменского ханства.

В Архангелогородской редакции Устюжской летописи сохранились уникальные известия, существенно дополняющие официальные сообщения. После рассказа о стоянии на р. Угре летописец повествует о походе хана Ибрагима на Большую Орду. По словам книжника, в 1481 году «тое же зимы слыша царь Ивак Шибанский, что царь Ахмад идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и прииде царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков». В ногайских кочевьях к хану Ибрагиму примкнули его шурины – мурзы Муса и Ямгурчей. Объединенное войско в 50 тысяч казаков напало на хана Ахмада, недавно вернувшегося с русско-литовского пограничья. В результате Ахмад пал от рук Ибрагима, а Большая Орда была разорена. «И стоял царь Ивак 5 дней на Ахмадове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень...». Далее сообщается: «Того же лета царь Ивак послал посла своего Чюмгура князя к великому князю Ивану Васильевичю и к сыну его великому князю Ивану Ивановичю с радостию, что супостата твоего есми убил, царя Ахмада». Иван III одарил тюменского по-

¹ Схожий текст читается в Холмогорской летописи [16, с. 124].

сла и «отпусти ко царю с честью» [17, с. 95].

В Архангелогородском летописце находим принципиально важное уточнение: хан Ибрагим, являвшийся Шибанидом по происхождению, «ордобазар с собою поведе в Тюмень». Этот книжник в отличие от московских летописцев не называет Ибрагима ногайским правителем, но указывает на родство тюменского хана с ногайскими мурзами. По его мнению, инициатива похода на Большую Орду исходила именно от тюменского хана, а ногайские мурзы были союзниками, при этом по численности их силы явно превосходили отряд, пришедший с Ибрагимом. В этот период ногайские правители находились в союзнических отношениях с ханом Ибрагимом, номинально признавая его сюзеренитет. По дипломатическим документам, после успешного похода на Большую Орду Ибрагим стал считать себя верховным ханом Улуса Джучи [18, с. 199; 3, с. 60].

Архангелогородский летописец указывает и на установление дипломатических контактов между Тюменским ханством и Великим княжеством Московским. Г. Л. Фаизрахманов объяснил появление сибирских послов в Москве угрозой со стороны Ивана III [20, с. 123]. А. В. Парунин опроверг это утверждение, посчитав его безосновательным [6, с. 267]. Однако дальнейшие события показали, что в Москве готовилась военная экспедиция в Сибирь. При этом не исключено, что тюменское посольство в Москву было и следствием сближения двух правителей, которое произошло на почве вражды с ханом Ахмадом. Некоторые исследователи утверждают даже о совместных военных действиях тюменско-ногайских и великокняжеских сил против Большой Орды [3, с. 60; 4, с. 114; 6, с. 267; 7, с. 168]. По мнению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, «предположение о тюменско-московских переговорах в предшествующее время и заключения союза против Ахмада не подтверждается источниками» [19, с. 117]. Соглашаясь с этим мнением, необходимо уточнить, что данное предположение базируется еще и на косвенных известиях Казанского и Нового летописцев и поздних компилятивных памятников, содержащих ряд уникальных сведений.

Согласно Казанскому летописцу, во время стояния на р. Угре Иван III втайне от Ахмада послал на Орду «своего царя Урдовлета Городецькаго, с ними же воеводу князя Василия Ноздроватого Звенигорьского, со мною силою». Великокняжеские войска спустились вниз по Волге и разорили оставшийся без защиты «юрт Батыев». Известие о бедствии, постигшем Большую Орду, заставило хана Ахмада «от реки Угры назад обратися бежати». Окончательный разгром Орды учинили ногайцы, пришедшие туда после великокняжеских сил. Летописец уточняет, что между войсками хана Ахмада и ногайцами состоялось продолжительное сражение, завершившееся победой последних, а «самого царя доехав уби шурина его Яньгурчеи мурза» [10, стб. 203].

Схожий текст о нападении войск Ивана III на Большую Орду содержится в Новом летописце. Од-

нако здесь отсутствует упоминание о походе ногайцев на хана Ахмада [5, с. 15].

Таким образом, некоторые историки, собрав уникальные факты из Архангелогородского, Казанского и Нового летописцев и основываясь на поздних компилятивных сочинениях, пришли к выводу о совместных военных действиях Ивана III и Ибрагима против Ахмада. И действительно, если сопоставить сообщения о почти одновременном походе московских и тюменско-ногайских войск на Большую Орду с известием о посольстве тюменского хана в Москву, то вырисовывается картина союзнических отношений.

Однако необходимо учитывать, что рассказ о сибирском посольстве к Ивану III – уникальное сообщение Архангелогородского летописца, неподтвержденное данными других источников. К тому же сам автор летописца, сравнительно подробно описавший разгром Большой Орды тюменско-ногайскими войсками, не упоминает о походе московских сил в Орду, то есть не указывает на совместные действия двух правителей. Данных Архангелогородского летописца не достаточно для того, чтобы говорить о существовании военно-политического союза между Московским великим княжеством и Тюменским ханством.

Более того, в этом источнике сохранилось еще одно уникальное известие, указывающее на характер межгосударственных отношений: «Того же лета (1481 г. – А. А.) Андреи Мишнев с шилники и с устюжаны ходил в Великую Пермь, да побили вогуличь под Чердынем, а на Каму шедши, да встретили гости и тюменских татар, да пограбили» [17, с. 95]. То есть подвластные великому московскому князю силы напали на тюменских татар. Следовательно, Архангелогородский летописец косвенно опровергает предположение ученых о московско-тюменском военно-политическом союзе. Это согласуется и с тем, что спустя много лет в послании 1493 г. хан Ибрагим писал Ивану III, что «с тобою меж нас добрые ссылки не бывало» [18, с. 199], то есть Ибрагим и Иван III до 1493 г. не заключали мирных соглашений.

Известие о разорении ордынских улусов москвичами и касимовцами, переданное казанским летописцем и позже заимствованное автором Нового летописца, не верифицируется независимыми источниками, оно нашло отражение лишь в поздних компилятивных сочинениях [2, с. 192]. К тому же походы московских и ногайских сил в Большую Орду состоялись в разное время. Все перечисленные обстоятельства заставляют отвергнуть гипотезу о совместных антиордынских действиях. Впрочем, на определенном этапе развития международных отношений позиции двух государств сблизились. Иван III опасался объединения Золотой Орды под властью Ахмада и поддерживал его противников, а хан Ибрагим враждовал с Ахмадом, претендуя на верховную власть в Орде.

Таким образом, события 1481 г. по-разному отразились в русском летописании. Наиболее пространственные официальные летописи ни одно из рассмотренных событий не связывают с Тюменским юртом: хан

Ибрагим представлен только как ногайский правитель. Симптоматично, что практически все уникальные уточнения сохранились лишь в Архангелогородском летописце начала XVII века [17, с. 5], тогда как Устюжская летопись, созданная в первой четверти XVI века, ничего об этом не сообщает! Вероятнее всего, при составлении очередной редакции Устюжской летописи (Архангелогородского летописца) в первоначальный текст были включены новые известия об отношениях с «Тюменью», которые актуализировались в конце XVI – начале XVII веков в связи с

активизацией политики по присоединению Сибири. То есть уточнение архангелогородского летописца о том, что хан Ибрагим был Шибанидом из «Тюмени», является следствием углубления знаний о сибирской истории в среде русских книжников. Тогда как указание на то, что Ибрагим был связан с «Тюменью», может быть результатом некоей модернизации исторической действительности, допущенной летописцем, поскольку ни один синхронный источник, включая посольские книги, ни называет Ибрагима тюменским ханом.

Список источников и литературы

- 1 Иоасафовская летопись. – Москва : Изд-во АН СССР, 1957. – 239 с.
- 2 Историческое и дипломатическое собрание дел между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. – Одесса : В городской типографии С. Х. Алексома, 1863. – С. 178–419.
- 3 Нестеров, А. Г. Монеты сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения : материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–21 декабря 1994 г.). – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1994. – С. 57–63.
- 4 Нестеров, А. Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Деист-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. – Москва, 2003. – С. 109–121.
- 5 Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. – Москва : В Университетской Типографии, 1853. – 277 с.
- 6 Парунин, А. В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начале 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. – Вып. 2. – Казань : Ихлас, 2010. – С. 266–274.
- 7 Парунин, А. В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмада в 1481 году // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – 2010. – С. 155–166.
- 8 Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. – Санкт-Петербург : В типографии Эдуарда Праца, 1853. – 358 с.
- 9 Полное собрание русских летописей. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 267 с.
- 10 Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 328 с.
- 11 Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – IV + 704 с.
- 12 Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – VI + V + 242 с.
- 13 Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 464 с.
- 14 Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 412 с.
- 15 Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). – Москва : Наука, 1963. – 411 с.
- 16 Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград : Наука, 1977. – 256 с.
- 17 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. – Ленинград : Наука, 1982. – 228 с.
- 18 Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. – Санкт-Петербург : Типография Ф. Елионского и Ко, 1884. – 558 с.
- 19 Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 560 с.
- 20 Файзрахманов, Г. Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. – 431 с.

Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина
Курганский государственный университет, г. Курган, Россия

ТЕРРИТОРИЯ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования западноевропейской картографии как источника для изучения Тюменского и Сибирского ханств. При работе с ними всегда возникают вопросы о том, насколько им можно доверять и насколько быстро их авторы реагировали на происходившие изменения. При этом у многих картографов были информаторы из числа русских аристократов, тем самым они отражали именно их видение ситуации в Западной Сибири. Особое внимание обращается на изменение отношения к таким понятиям как «Тюмень» или «Великая Тюмень», «Сибирь», «шибанские татары», «Орда Сибирских татар», их политическое и географическое размещение.

Ключевые слова: западноевропейская картография, Тюменское ханство, Сибирское ханство, Шибаниды.

Abstract. The article deals with the use of Western European cartography as a source for studying the Tyumen and Siberian khanates. While working with them, there are always questions about how much they can be trusted and how quickly their authors reacted to the changes that occurred. Many cartographers had informants from among the Russian aristocrats, thus they reflected their vision of the situation in Western Siberia. Special attention is paid to the change of attitudes to such concepts as “Tyumen” or “Great Tyumen”, “Siberia”, “Shiban Tatars”, “Horde of Siberian Tatars”, their political and geographical location.

Key words: Western European cartography, Tyumen khanate, Siberian khanate, Shibanids.

Необходимость поиска новых источников по истории Тюменского и Сибирского ханств уже неоднократно обсуждалась на конференциях, однако пока успешно была реализована на основе документов из РГАДА только в работах В. В. Трепавлова и А. В. Белякова [см. например: 18]. Однако, в основном они посвящены только истории Сибирского ханства после 1582 года. Определенные возможности решения поставленной проблемы также открываются в расширении археологических исследований памятников позднего средневековья на юге Западной Сибири. Несмотря на неоднократное обращение к этому вопросу, в последние 3–4 года, по сути, обсуждаются только итоги работ на городище Искер, в то время как огромный комплекс артефактов с Кызыл-туры так и остается непубликованным. На данный момент, видимо, приходится только мечтать о целевой программе выявления и изучения подобных памятников. Однако, как это ни странно, но отчасти остается нереализованным источниковый потенциал хорошо известных источников, которые неоднократно применялись в качестве иллюстративного материала. Речь идет об известных западноевропейских картах XVI – начала XVII века, которые тем более важны, что создание некоторых из них приходится на первую половину этого столетия, когда Тюменское ханство входит в состояние комплексного кризиса. Цель нашей статьи – не только еще раз представить эти карты, но и по возможности сравнить их с синхронными записками иностранных послов и путешественников, которые могли быть источниками информации для создателей карт. Отчасти такая работа уже была проведена Е. Ю. Молявиной [13, с. 125–127].

Справедливости ради стоит отметить, что впервые юг Западной Сибири оказался отмечен на карте Пицигани в 1367 г. и в Каталонском атласе 1375 года. В первом случае в качестве самого восточного ордынского населенного пункта указан Sebug и недалеко от

него некий безымянный город (видимо, Тюмень). Во втором случае уже оба города (судя по соответствующему символу) имеют название Singui и Sebug, под которыми традиционно видят Чинги-туру и Сибирь [1, с. 54; 2, с. 152; 6, с. 27]. Литературные источники последнего портолана хорошо известны (книга «О разнообразии мира» Марко Поло, трактат «Соцветие историй земли Востока» Гайтона, донесение францисканца Одорика де Парденоне) [21, с. 52], однако в этих источниках вообще не упоминаются Singui и Sebug. Судя по контексту изображенного рядом каравана, эти города в атласе были вписаны именно в торговые маршруты Улуса Джучи, а информацию о них отец и сын Крески могли получить либо из карты Пицигани, либо от восточных торговцев.

Несмотря на все значение Каталонского атласа как первого упоминания Чинги-туры и Сибири, следует признать, что следующие подобные карты появляются только в XVI веке. Исключением являются карта итальянского монаха Марка Беневентана 1507 г. и карта мира 1513 г., где вся Западная Сибирь обозначена как «Тартария», а на карте 1513 г. Грегора Рейша ей присвоено название Тартария Воронья [19, с. 86]. Очевидно, это было связано с ограниченностью информации о столь отдаленном регионе у европейских картографов. Ситуация начала меняться уже спустя несколько лет в связи с увеличением дипломатических и торговых контактов Москвы с европейскими государствами.

С этого времени два города в Сибири из Каталонского атласа почти всегда будут повторяться на последующих картах. При этом Чинги-Тура на них будет известна (с учетом возможных ошибок в написании) как Тюмень, что соответствовало названию, известному именно в Московском государстве. Очевидно, что информация картографов о Западной Сибири была ограничена, что сказывается на неточности изображения течения рек или пропорций

расстояний от Западной Сибири до Китая. Это в равной степени обосновано и реальным непониманием огромности этих просторов, и возможными заблуждениями некоторых информаторов [5, с. 403–404], и даже их стремлением скрыть некоторые нюансы сибирской географии, чтобы избежать конкуренции в торговле пушниной и освоении этих пространств (особенно с учетом того, что на некоторых картах есть очертания Японии и Аляски).

Самая ранняя из последующих карт «Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова)» была изготовлена в Италии Баттистой Аньезе в 1525 г. На ней напротив тартар Казани обитают тартары Шейбаниды, но Западная Сибирь обозначена как Тартария, где восседает MAGNUS TARTARUS [19, с. 87]. Последняя информация отчасти совпадает с картами 1507 и 1513 гг. Однако, по всей видимости, это была первая карта с указанием шибанских татар, что, видимо, было основано на информации русского посла. При этом непосредственно общавшийся с Дмитрием Герасимовым итальянский ученый гуманист Павел Иовий в «Книге о посольстве Дмитрий Герасимова к папе Клименту VII» также писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [7, с. 28–31].

Если сравнивать с иными синхронными европейскими письменными источниками, то в сообщении итальянского посла Франческо де Колло, который был в Москве в 1518 г., уже содержится информация о том, что «Область Сибирь» зависит от московского князя [8, с. 63]. Эта информация однозначно отражает результаты известного похода в Западную Сибирь русских воевод в 1483 г. В дальнейшем на картах сюжет о зависимости тоже займет свое место и возможно будет частью постепенного обоснования прав Москвы на Сибирь.

Следующая карта была создана между 1537 и 1542 гг. литовским картографом Антониом Видом при помощи беглого русского боярина, окольного Ивана Ляцкого [10, с. 40]. Приведем цитату об этой карте из статьи О. Ф. Кудрявцева: «Неподалеку от восточных границ Московии у одного из притоков Оби изображено городское поселение и рядом надпись – “Великая Тюмень” (“Tumen wilky, Тюмень великий”). Далее к югу на верхнем течении реки Урал представлены несколько шатров, верблюды с наездниками и группа пеших воинов с копьями; надпись гласит: “Kosaky orda” (в издании Хогенберга – “Kosary Horda”)... Особо нужно сказать о городе Сибирь (Sybir). На карте он изображен в левом верхнем углу, то есть далеко на северо-востоке, в среднем течении Оби, на западном ее берегу, а это значит – в пределах московитских владений. Однако к тому времени, когда карта была составлена, ни город, ни Сибирское ханство, даже не отмеченное на ней, под властью Москвы хотя бы формально еще не находились» [10, с. 46, 48–49]. По сути, на ней имеются те же два города, однако при этом «Tumen wilky» набран главными буквами, что для этой карты чаще всего ха-

рактерно именно для обозначения отдельных государств или независимых территориальных образований и соответствует статусе Тюменского ханства [11, рис. VI]. В тоже время Sybir набрано обычными буквами с курсивом, что характерно для обозначения городов, входящих в состав этих государств. Представляется, что одновременное использование карт и соответствующих текстов западноевропейских современников вполне может снять «...вопрос о соотношении Тюмени и Сибири...», в том варианте как он поставлен А. В. Паруниным [14, с. 72]. При этом, если учесть то, что изображения на карте Вида не только перевернуты, но и частично изображены зеркально по отношению к реальным, то город Сибирь уже не совсем вписывается в границы территории, подчиненной русским. Выбор сюжетов сближает карту Вида, скорее, с Каталонским атласом Кресков, а не с предшествующими картами первой четверти XVI века, которые Вида могли быть и неизвестны.

Интересно то, что на данной карте расположение Ногайской орды обозначено как более южное, ближе к Каспию, в отличие от Казахской орды, которая расположена вплотную к Тюмени Великой. Это отличает ее от последующих карт Герберштейна или Гастальди, где Казахская Орда отсутствует, а почти всю ее территорию занимают ногаи, и появляется она вновь лишь на карте 1562 года Дженкинсона. На данный момент не ясно отражают ли эти «исчезновения» реальные передвижения казахских ханов и ногайских биев.

Следующая по времени – карта Сигизмунда Герберштейна, самая ранняя версия которой была создана в 1546 г. и опубликована в 1549 г. и затем с небольшими изменениями в 1556 г. [11, рис. IX]. Ее гравером был известный мастер Августин Хиршфогель. Б. А. Рыбаков предполагал, что она «возможно, частично заимствована с чертежа Д. Герасимова, о котором теперь можно судить по северной части карты Б. Аньезе 1525 г., а также общего чертежа Московии 1523 г.» [16, с. 81], хотя в отношении сибирских территорий это предположение не подтверждается. Здесь к востоку от Урала расположена Tumen, а к югу от нее на реке Яик размещена «Sibir Provincia», с востока от ногаев, что в целом соответствует информации из книги Герберштейна. По его данным «эта страна пустынна вследствие близости татар, а где и обитаема, то там правит татарин Ших-мамай» [4, с. 164], имея в виду одного из ногайских лидеров Шейх-Мамай, родственника тюменских ханов. Следует учесть, что близкое географическое понятие есть и к северу от Тюмени над Иеромом, где написано «Sibir Fl.», то есть река Сибур» [4, с. 157].

Менее известна карта Джакомо Гастальди 1548 года. И. К. Фоменко, опираясь на первую версию карты Гастальди, указывает, что на ней за Волгой размещены «Sciabani Tartari», то есть Шибанские татары [19, с. 88–89], которые находятся между Ногаями и Чагатаями. Эти шибанские татары ранее указывались только на карте Аньезе и в описании Павла Иовия. По всей видимости, эта карта значительно видо-

изменялась при последующих изданиях 1550–1566 гг. Причем на известных нам последующих картах уже нет шибанских татар, их место занято рамочкой с указанием названия карты, автора и года. При этом появляется обозначение города Tumen и расположенного выше города Iegom, который традиционно интерпретируется как Неромкар. Между ними размещается неизвестный ранее город Кугау, которой однозначно попал сюда ошибочно с карты Герберштейна, где был частью фразы «Chumbalik Regia in Kythay». Над ним есть обозначение реки с подписью Sibur Fl., которая впадает в Обь. Большая часть этой информации явно дублирует карту Герберштейна, хотя и искажениями. Поздний вариант карты Гастальди был довольно популярен и его информацию о сибирских городах, включая выдуманный Курау, дословно повторяются на карте «Moscoviae Imperium» И. Магина, изданной в Венеции в 1596 г. [10, рис. XXV], карте с аналогичным названием немецких картографов и граверов Иоганна Буссемахера и Маттиаса Квадена 1600 г. С учетом некоторых опечаток, в названиях близка к ней и карта Европы Абрахама Ортелиуса 1572 г.

В 1562 году была сделана карта Энтони Дженкинсона, которая отчасти восходит к некоему русскому чертежу 1497 г. [14, с. 81]. Она гораздо точнее предшествующих, что связано с путешествием автора в Бухару в 1558–1560 гг. На карте на Оби размещен город Siber, что соответствует и упоминанию в описании путешествия [6, с. 27]. Хотя вся область к югу обозначена заглавными буквами как TVMEN, причем из нее берут свои истоки реки Кама и Яик. Эта информация любопытна и с позиций указания в письменных источниках на шибанских татар в Приуралье, и с позиций возможного получения в Бухаре информации об изменении статуса города Тюмени, которого мы вообще на карте не видим. При этом самыми крупными заглавными буквами обозначены именно независимые государства или народы [11, рис. XVII]. В выборе основного сибирского сюжета у карты есть некоторое сходство с картой Антония Вида. Указание на Тюмень вместе с Ногаями и «Cassakia», то есть Казахами, будет и на новом издании карты Дженкинсона в 1568 г. [19, с. 90].

Следующая по времени карта «Тартария, или царство Великого хама» Абрахама Ортелиуса была создана на основе довольно большой массы разнообразных источников в 1570 г. [19, с. 89–90]. По специфике изображения Западной Сибири она сильно отличается от предшествующих. Прежде всего, на этой карте нет указания на Шибанских татар и Тюмень, хотя, скорее всего, этот город на карте обозначен не совсем понятным названием Themisbi, который находится на том же месте, где изображали ранее Тюмень. Город Sibig указан, как и ранее на Оби, над городом Iegom. При этом от истоков Камы до истоков рек, впадающих в Обь, тянется общая надпись KASAN, которая расположена к северу от Vafshirdorum horda, то есть некоей Башкирской Орды. Также нет характерного для предшествующих карт указания на Ногаев,

место которых и заняла Башкирская Орда. Однако к северу от Туркестана, Мавераннахра и, как и у Гастальди в 1548 г., Чагатаев указана «Zibieraiorum Horda», то есть искаженное «Сибирская орда». Судя по всему, она и заняла место Шибанских татар с карты Гастальди. Все это вдвойне любопытно с учетом карты Европы этого же автора, но 1572 г. На этой карте г. Sibig показан уже в пределах Московского государства, а вот территория Tumen и город Themisbi находятся в Азии и за пределами этих границ. По всей видимости, это отражает итоги известных переговоров между московским царем Иваном IV и сибирским князем Едигером в 1555–1563 гг. и их подтверждение в первые годы правления в Сибири хана Кучума, что позволяло Москве рассматривать Сибирь как часть территории Московского государства.

Не менее важные изменения произошли на карте Герарда Меркатора 1594 года. Здесь впервые четко разделены реками и горами и выделены как отдельные земли Sibior с одноименным городом и Tumen с городом Weliki Tumen на Иртыше [11, рис. XXIV]. Обозначение Тюмени как Великой, может свидетельствовать либо о том, что автор пользовался при составлении карты более ранними картами первой трети XVI века (например, картой Антония Вида), либо здесь уже следует рассматривать Тюмень как русский город (см. аналогичное обозначение «Великая Пермь»). Видимо, это первая карта, где слово Сибирь начинает использоваться как более широкое понятие, выходя за пределы простого названия города. Как и ранее, со времен карты Антония Вида, Сибирь при этом привязана к рекам, чьи истоки практически стыкуются с Камой.

Завершаются все эти изменения на «Карте Сибири или Тартарии» Йодокуса Хондиуса, составленной около 1606 года. С одной стороны, для нее характерно аналогичное Меркатору деление Сибири и Тюмени, автор лишь убрал между ними горы и слово Weliki из названия г. Тюмень. С другой стороны, под Тюменью у картографа изображены Калмыки, а ниже их – «Zibieraiorum Horda» с карты Ортелиуса, хотя здесь по примеру Гастальди он ее разместил между Ногаями и Чагатаями. Упоминание Калмыцкой орды на данной карте и ее расположение возле непосредственных границ бывшего Сибирского ханства совпадает с данными о начале активных контактов Кучумовичей с калмыками в это время [12, с. 35–36]. Интересно то, что написанный к карте текст Питера ван дер Берга расходится с самим рисунком. В частности, в тексте до сих пор указываются в общем перечне Орд в качестве отдельных Тюменская и Шилбанская. Далее относительно общего перечня Орд комментируется, что «их жители, ранее бывшие свободными, сейчас подчинены царству Московитов, кроме Тюмени, которая признает власть Великого Хама Катаяна...» [20, с. 102–103]. Как мы видим, общей тенденцией карт, начиная с 1572 г., было рассматривать территорию Сибири как часть Московского государства, в то время как Тюмень продолжает быть формально независимой, хотя на карте 1606 года это может быть скорее отражением уже прошедшего времени.

Наконец, на карте «Московии или Белой России» Гесселя Герарда Геритса 1613 года окончательно исчезнет указание на Тюмень как землю, оставив место только Sibiria. Для локальной исторической географии интересно, что на этой карте впервые появляются известные нам названия рек Тура, Тавда и Тобол. Из городов на территории Сибири обозначена только Тюмень и Тобольск, который официально назван «Toboll metropolis Siberie», то есть фактически столица Сибири. Судя по надписи в картуше, карта была вычерчена с манускрипта царевича Федора Борисовича Годунова, а также иных чертежей [20, с. 104]. Б. А. Рыбаков вообще, видимо, считал, что Г. Г. Геритс опубликовал сам чертеж Ф. Б. Годунова [15, с. 57]. А. Ю. Конев обращает внимание на то, что в русских документах конца XVI – первых десятилетий XVII вв. появляются обобщающие наименования «сибирские люди» или «сибирцы», связывая их с предшествующей принадлежностью к Сибирскому ханству или зависимостью от него [9, с. 766]. Представляется, что напротив в процессе присвоения и освоения новых территорий за Уралом именно в русской идеологии название «Сибирь» вытеснило все предшествующие, особенно Тюмень, в том числе и по причине зависимости Сибири в узком смысле от Москвы еще с 1483 года.

При работе с европейскими картами всегда возникают вопросы о том, насколько им можно доверять и насколько быстро их авторы реагировали на реаль-

ные изменения. При этом очевидно, что у многих картографов были информаторы из числа русских аристократов, тем самым они отражали именно их видение ситуации в Западной Сибири. В таком случае обратим внимание на несколько нюансов. Во-первых, на этих картах вплоть до 1594 г. названием государства и территории является Тюмень со столицей в городе Великая Тюмень. Во-вторых, город Сибирь (название Искер вообще не встречается), судя по всему, стремились на протяжении всего XVI века показывать как связанный с Приуральем и следовательно с русской властью. В-третьих, возникает резонный вопрос о смещении шибанских татар и затем Сибирской Орды с севера из Прикамья и Тюмени на юг на протяжении всего XVI века. Здесь, конечно, интересно, насколько на размещение на юге этой орды оказала влияние неправильно понятая информация о Сибирской провинции у С. Гербштейна, хотя В. В. Трепавлов считает, что возможно под «Ордой Сибирских татар» можно видеть «...свидетельство существования особого политического центра» в тобольских и ишимских верховьях [17, с. 124]. Однако в таком случае речь должна идти не о центре «помимо уничтоженного Сибирского ханства», а о более раннем образовании, которое было бы указано еще в 1570 г. Мы ранее предполагали, что речь может идти о родовых владениях Ибрахима и его потомков к северу от Туркестана и Мавераннахра [3, с. 237].

Список источников и литературы

- 1 Алексеев, М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Второе издание. – Иркутск : Иркутское областное издательство, 1941. – LXII+612 с.
- 2 Белич, И. В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 143–157.
- 3 Беляков, А. В., Маслюженко, Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. – 2016. – № 6. – С. 229–243.
- 4 Герберштейн, С. Записки о Московии. – Москва : Изд-во Московского гос. ун-та, 1988. – 430 с.
- 5 Головнев, А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – 592 с.
- 6 Зыков, А. П., Косинцев, П. А., Трепавлов, В. В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). – Москва : Наука – Вост. лит., 2017. – 559 с.
- 7 Иовий, П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. – Отдел I. – Т. 1. – Раздел 4. – Санкт-Петербург, 1836. – С. 1–93.
- 8 да Колло, Ф. Доношение о Московии. Итальянец в России XVI века. – Москва : Наследие, 1996. – 86 с.
- 9 Конев, А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Урала, Поволжья и Сибири в России конца XVI – начала XVIII вв. // *Золотоордынское обозрение*. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 760–783.
- 10 Кудрявцев, О. Ф. Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2017. – № 2 (68). – С. 40–53.
- 11 Материалы по истории русской картографии / под ред. В. Кордта. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. – Киев, 1899. – 15 с., 32 табл.
- 12 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. II. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 796 с.
- 13 Молявина, Е. Ю. Топонимы «Тюмень» и «Сибирь» на западноевропейских картах XVI в. (к вопросу о формировании представлений о Сибири в Европе) // *Aus Sibirien* – 2008 : науч.-информ. сб. – Тюмень : КоЛеСо, 2008. – С. 125–127.
- 14 Парунин, А. В. Территория Тюменского ханства в описании западноевропейских авторов XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства*. – 2019. – № 11. – С. 67–73.
- 15 Рыбаков, Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. – Москва : Наука, 1974. – 112 с.
- 16 Рыбаков, Б. А. Русские карты Московии XV–XVI вв. // *Наука и человечество*. 1975. – Москва : Знание, 1974. – С. 80–81.
- 17 Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучмовичи в борьбе за реванш. – Москва : Вост. лит., 2012. – 231 с.
- 18 Трепавлов, В. В., Беляков, А. В. Сибирские царевичи в истории России. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2018. – 496 с.
- 19 Фоменко, И. К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. (1) // *Золотоордынское обозрение*. – 2013. – № 1. – С. 82–95.
- 20 Фоменко, И. К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. (2) // *Золотоордынское обозрение*. – 2013. – № 2. – С. 101–116.
- 21 Юрченко, А. Г. Монгольская империя на Каталонском атласе 1375 г. // *Mongolica*. – Вып. 8. – 2008. – С. 50–60.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛЬНОЙ ДАТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. Статья посвящена одной из ключевых проблем истории Тюменского ханства – определению начальной даты его возникновения. Тюменское ханство является одним из наименее освещенных в письменных источниках тюрко-татарских государств XV–XVI вв. Его расположение на территории Западной Сибири как наиболее удаленной от культурных центров Поволжья и Средней Азии частично объясняет слабую осведомленность со стороны средневековых хронистов. Автором прослежены основные этапы формирования ханства, начиная со второй половины XIV в., выявлена взаимосвязь политического развития юга Западной Сибири с центробежными тенденциями в Золотой Орде. Начальная дата существования Тюменского ханства определяется 1430 годом – временем интронизации Шибанида Абу-л-Хайра в городе Чимги-Тура. Немаловажным этапом в деле становления и развития политической государственности в описываемом регионе является деятельность его предшественников – Хызра, Хаджи-Мухаммеда, Махмуда-Ходжи, правление которых, в связи с появлением новых письменных источников, заставляет по-иному взглянуть на протекавшие в улусе Шибана политические процессы.

Ключевые слова: Шибаниды, Тука-Тимуриды, Западная Сибирь, Хызр, Хаджи-Мухаммед, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр.

Abstract. The article is devoted to one of the key problems of the history of the Tyumen khanate – determining the initial date of its occurrence. The Tyumen khanate is one of the least covered in written sources of the Turkic-Tatar States of the XV–XVI centuries. Its location on the territory of Western Siberia as the most remote from the cultural centers of the Volga region and Central Asia partially explains low awareness on the part of medieval chroniclers. The author traces the main stages of the formation of the khanate, starting from the second half of the XIV century. The relationship between the political development of the South of Western Siberia and the centrifugal tendencies in the Golden Horde is revealed. The initial date of the existence of the Tyumen khanate is determined by the year of 1430 – the time of the enthronement of Shibanid Abu-l-Khair in the city of Chimgi-Tura. The stage in the formation and development of the political statehood in the described region, which is of no less importance, is the activity of his predecessors – Khyzr, Haji-Muhammad, Mahmud-Khoja, whose rule, due to the appearance of new written sources, forces a different look at the political processes that took place in the ulus of Shiban.

Key words: Shibanids, Tuka-Timurids, Western Siberia, Khyr, Haji-Mohammed, Mahmud-Khoja, Abu-l-Khair.

Формирование и последующее развитие средневековой государственности на юге Западной Сибири, на наш взгляд, тесно взаимодействует с кризисом политической власти Золотой Орды в 60–70-х гг. XIV в., хорошо описанным в русских и восточных источниках, а также по данным нумизматики. Одним из основных тенденций этого явления стал рост политических амбиций представителей дома Шибана и Тука-Тимура. Во второй половине 70-х гг. XIV в. за золотоордынский престол борются Каганбек и Арабшах. Каганбек, вероятно всего, под именем «Кари-хан» упоминается у Ибн Халдуна [26, с. 277]. Его отцом значителен «Айбекхан». В исследовательской литературе оба уверенно отождествляются с Каганбеком и его отцом Эльбеком [6, с. 170–171; 11, с. 142] на основании генеалогических данных [14, с. 34]. Об Арабшахе сообщают русские летописи под 1377–1378 гг., называя его выходцем из Синей Орды [19, с. 27]. Трудно уверенно сказать, какие именно территории здесь подразумеваются: с учетом сообщения Абулгази о том, что «...Ибрагим и Арабшах, разделив отцовы владения, вместе с одной земле и кочевали и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра...» [14, с. 162], речь может идти о восточных землях за Уральскими горами от

лесной полосы Среднего Зауралья вплоть до степей Средней Азии.

Приход в 1380 году к власти Токтамыш-хана из династии Тука-Тимуридов обозначил возникновение политического союза новоиспеченного хана и Арабшаха в пересказе Утемиша-хаджи [30, с. 58–59]. Оформление вассальных отношений привело к инкорпорации части представителей Шибанидов в военно-политическую элиту Золотой Орды. Например, Шибаниды Али и Ченте участвовали в войнах Тимура и Токтамыша на стороне последнего [27, с. 321]. Вполне вероятно, Токтамыш сохранил поддержку среди Шибанидов и после поражения в битве на р. Ворскле в 1399 году. Представленная в источниках информация о его смерти позволяет определить местоположение беглого хана и его детей на землях будущего Тюменского ханства.

Примечательно, что именно в это время Токтамыш развил бурную дипломатическую деятельность. Шараф ад-дин Йазди пишет, что в январе-феврале 1405 года ко двору Тимура прибывает посланец от Токтамыш-хана, «который уже некоторое время скитался по степям в плохом положении», о намерении заключить новый союз с Тимуром, причем последний также выразил согласие [27, с. 350–351]. В полном из-

дании рукописи «Зафар-наме» сообщалось, что Токтамыш-хан «скитался в пустынях Дашти-Кипчака» [34, с. 342]. Смерть беглого хана, согласно ряду источников, произошла зимой 1406–1407 гг. в «Сибири близ Тюмени» [22, с. 174; 25, с. 82], причем его убийцей обозначают Шадибек-хана, ставленника мангытского темника Идегея. Можно предположить, что налаживание дипломатических связей с Тимуром вело к усилению Токтамыша, что не устраивало мангытского темника, в результате чего последний вместе с Шадибеком развязал войну. Ибн Арабшах сообщает о пятнадцати сражениях между Идегеем и Токтамышем, причем в последнем хан потерпел поражение и погиб. Впоследствии «сыновья Токтамыша разбрелись в (разные) стороны: Джалал ад-дин и Каримбирди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья – в Саганак» [26, с. 341–342]. Вероятнее всего, на момент очередной войны с мангытами сыновья хана находились при нем в Сибири.

В целом, гибель Токтамыша привела к перераспределению политических сил в регионе: Тука-Тимуриды теряли здесь свои позиции, но при этом сохранили номинальную легитимную власть. На это обстоятельство указывает Б. А. Ахмедов, опирающийся на полную рукопись «Бахр ал-асрар», в которой сообщалось, что Абу-л-Хайр, придя к власти, объявил независимость от потомков Тука-Тимура [3, с. 48]. На первый план выдвигаются мангыты во главе с Идегеем. О значительности политического могущества темника указывает его «царский» статус, приводимый ал-Айни [26, с. 374], а также явно легендарный диалог темника с Шибанидом Хаджи-Мухаммедом, согласно которому царевич мог стать ханом в обмен на помощь в войне с токтамышевичем Кадыр-Берди [4, с. 231]. Противоречивое и явно фольклоризированное сообщение Кадыр Али-бека, тем не менее, показывает устойчивый рост мангытов в регионе. Их влияние косвенно демонстрирует Утемиш-хаджи, сообщая, что после смерти Идегея «Кейгубад и Нуретдин сбежали в сторону Туры (вероятно, имеется в виду Чимги-Тура – прим.) и направились в эль башкурт» [30, с. 72].

Все вышеописанное, на наш взгляд, можно определить как первый этап формирования Тюменского ханства. Его хронологические рамки – 70-е гг. XIV в. – 1419/1420 гг. Политическая самостоятельность юга Западной Сибири была спорадической и опиралась на центральные процессы в Золотой Орде, находясь в прямой зависимости от степени централизации ханской власти. Безусловно, у Шибанидов имелись владения на обширных степных территориях Зауралья вплоть до Средней Азии на юге и Западной Сибири на севере, однако они находились как минимум в формальном подчинении золотоордынского хана. Присутствие Токтамыша в начале XV в. в Сибири и его последующая гибель наглядно демонстрирует эту тенденцию. Включение Урала и Западной Сибири в орбиту интересов Идегея и его потомков способствуют оформлению долговременного союза между мангытами и Шибанидами, а их взаимоотношения значи-

тельно повлияют на становление сильной ханской власти в регионе, особенно в эпоху правления Абу-л-Хайра.

Приход к власти Хаджи-Мухаммеда в источниках представлен двумя версиями. Первая, о которой сообщалось выше, стала итогом союза царевича с Идегеем: ханом Хаджи-Мухаммед стал уже при помощи Мансура. Вторая нашла отражение в сочинении Утемиша-хаджи. Согласно историку, хан «контролировал Башкурт, Алатырь, Мокшы и захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитый названием Шехр-и Тура территории мангытов и был великим падишахом» [30, с. 60, 83], но при этом он также наследовал Хызру, который «был ханом вилайата Тура (т. е. города Чимги-Тура – прим.)» [30, с. 60].

В «Кара таварих» сказано, что Хызр-хан – «сын Айба-оглана» [30, с. 60]. Под Айба-огланом имеется в виду Аба-оглан, или Ибрахим, сын Пулада [14, с. 35, 348]. Отметим, что в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», «Бахр ал-асрар», а также у ибн Рузбихана Хызр упомянут с ханским титулом [31, с. 61]. Хызр присутствует также в сочинении Хурреми, среди правителей «Дешта и Булгара», но между Махмудом-Ходжей и Абу-л-Хайром [17, с. 381]. Несмотря на относительно частое упоминание в источниках, трудно определить даты его правления. Учитывая мнение Утемиша-хаджи, можно предположить, что он правил в 10-х – начале 20-х гг. XV в., а его улус в целом мог повторять границы при его преемнике Хаджи-Мухаммеде. Выдвижение Хызра также могло произойти вскоре после ухода Тука-Тимуридов из Сибири.

В силу большей информированности Утемиша-хаджи, мы склоняемся ко второй версии при реконструкции событий. Она снижает роль мангытов при обстоятельствах интронизации Хаджи-Мухаммеда. Кроме того, в сочинении демонстрируется порядок престолонаследия в «вилайте Тура» – будущем политическом ядре Тюменского ханства. Эта же тенденция проявилась и при последующем правителе. Согласно Утемишу-хаджи «...после (Хаджи-Мухаммеда – прим.) ханом стал Махмутек ибн Канбай ибн Илбек ибн Мелик Тимур. Он (Махмуд-Ходжа – прим.) был достойным ханом. Он сразился с вилайатом Тура, туменом Кунграт и еще туменом Салджиута, обратил их в бегство и покорил себе» [30, с. 60]. Приведенный отрывок хорошо иллюстрирует пору начавшейся активной децентрализации, однако его причины в «Кара таварих» не раскрываются. С одной стороны, мы видим некое подобие самостоятельности «вилаята Тура», а с другой – рост политического влияния нечингизидских беков, активизировавшихся в условиях кризиса легитимной власти. Правление в Туре местных кланов также отражено в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» и «Тарих-и Кипчаки» [14, с. 144, 390], причем в последнем источнике город «Тара» (искаженное Тура, т. е. Чимги-Тура – прим.) обозначен как «родина буркутов». В сочинении Хурреми Махмуд-Ходжа также упомянут среди правителей Дешта и Булгара, вероятно, наследуя территории, бывшие при его преем-

нике [17, с. 381]. О Махмуде-Ходже также упоминает Мухаммад ат-Ташканди [9, с. 384].

О деятельности нового хана практически ничего не известно вплоть до военных действий с Абу-л-Хайром. В исследовательской литературе имеется тенденция приписывать хану участие в набеге на Галич зимой 1428–1429 гг. [5, с. 29; 9, с. 118–130; 10, с. 94; 15, с. 29; 28, с. 143]. Событие часто упоминалось в русском летописании, однако имя царевича не озвучивалось [18, с. 94–95; 20, с. 8; 21, с. 170; 22, с. 248; 23, с. 186; 24, с. 264]. Сообщалось лишь о сопровождающем царевича князе Али-бабе, которого Д. М. Исхаков предлагал связать со вторым сыном легендарного правителя Габдуллы Алим-беком, известным по татарским хроникам [9, с. 118–119], отметив противоречие между ханским достоинством и княжеским званием. Сопоставление с Махмудом-Ходжей стало возможным благодаря тексту доконечальной грамоты 1434 г., в которой упоминался приходивший к Галичу с ратью царевич «Махмут-Хозя» [8, с. 86]. Конечно, мы гипотетически допускаем возможность участия Шибанида в этих военных действиях, однако не совсем понятны мотивы такого удаленного от Западной Сибири похода. Кроме того, имя хана также не является уникальным. Под 1359 годом в Воскресенской летописи упомянут сын Бердибека Мамат-Хожа, приехавший послом в Рязанское княжество [18, с. 10].

Безусловно, ключевой фигурой в деле образования Тюменского ханства является Абу-л-Хайр. Личность хана весьма подробно и непротиворечиво рассмотрена в ряде средневековых сочинений XV–XVIII вв. Обратный эффект имеют обстоятельства его восхождения на престол. В средневековой литературе имеются три версии произошедшего. Наиболее полное изложение принадлежит Масуду Кухистани (40-е гг. XVI в.); в краткой, но зависящей от Кухистани форме процесс интронизации описан у Кипчак-хана (начало XVIII в.). Альтернативное свидетельство изложено Мухаммадом ат-Ташканди (конец XVI в.).

Версия Масуда Кухистани демонстрирует деятельность нового хана как своего рода триумфальное шествие: первоначально царевич заручился поддержкой многочисленных кланов, бескровно подчинил Чимги-Туру и победно завершил войну с ханом Махмудом-Ходжей. Более поздняя «Тарих-и Кипчаки», несмотря на лаконичность изложения, в целом придерживается хронологии «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани».

Мухаммад ат-Ташканди более лаконичен: «Затем утвердилось ханство за одним из потомков Чингизхана по имени Махмудходжахан. Но Абу-л-Хайроглан, один из потомков Узбека, из рода Чингизханова, изменил ему, на охоте пустил в него стрелу, убил его, (сам) воцарился после него в Дешт-Кипчаке и женился на жене Махмудходжахана». Несмотря на столь предательский поступок, ат-Ташканди был весьма лестного мнения о новом хане, поскольку тот «выказал такую храбрость и отвагу, что ее и описать нельзя» [26, с. 384].

При анализе всех версий необходимо учитывать формальное старшинство рода. Согласно генеалогиям Махмуд-Ходжа был на одно поколение старше Абу-л-Хайра [14, с. 34–35], т. е. был формальным лидером среди родственников как минимум на территории юга Западной Сибири. Военно-политическая карьера Абу-л-Хайра началась весьма неудачно: с его пленения мятежными эмирами при убийстве Шибанида Джумадук-хана. Улус Джумадук-хана, в реконструкции Б. А. Ахмедова, располагался где-то к северу от Аральского моря [3, с. 42]. Вполне вероятно, что его война с эмирами могла протекать на самом юге приаральских степей, где в междуречье Яика и Эмбы кочевьями располагались мангыты. «Тарих-и Кипчаки» вообще определяет царевича как изменника, сообщая, что мангыта Гази убил Абу-л-Хайр в створе с местными эмирами, на что «Джумадук решил [наказать] Абу-л-Хайр-хана за измену» [14, с. 390]. Впоследствии царевич вынужден был бежать и собирать сторонников для войны с ханом. В итоге Джумадук был убит, а «хан-победитель прибыл в основной юрт. В году восемьсот тридцать третьем в возрасте шестнадцати лет он утвердился в четырех сторонах государства севера» [14, с. 390].

Если мы возьмем за основу интерпретацию ат-Ташканди, то не совсем ясно, почему Абу-л-Хайр отправился так далеко на север, чтобы находиться при местном хане. «Тарих-и Кипчаки» упоминает об основном юрте, но остается вопрос, идет ли здесь речь о ставке царевича, либо же об улусе Джумадука. В любом случае это сообщение у хрониста отделяется от упоминания об «области Тара» [14, с. 390]. Вполне возможно, что его нахождение при непопулярном Джумадуке сослужило царевичу плохую службу, и шансы стать ханом у него были минимальные даже с учетом поддержки от мангытов, особенно в свете его вероятного участия в убийстве легитимного хана. Это бы объяснило все те события, которые приводит ат-Ташканди. Свержение безусловно сильного противника в лице Махмуд-Ходжа-хана позволило бы царевичу взойти на престол. Несмотря на некоторую гипотетичность, эта версия не слишком отличается от предложенной Масудом Кухистани трактовки: она допускает бескровное взятие Чимги-Туры, но уже после убийства Махмуда-Ходжи, когда царевич стал де-факто ханом, заручившись поддержкой местных сил. Вероятно, победа над старшим Шибанидом была невозможна грубой силой, поэтому ат-Ташканди акцентирует внимание именно на факте измены как весьма действенном средстве смены власти, а Масуд Кухистани в силу апологетичности своего сочинения, игнорирует некоторые неудобные факты. Поддержка представителей местных кланов, включая мангытов, могла быть вызвана отсутствием иной альтернативы, на что указывает статус сына Махмуда-Ходжи Сузанджа как султана. По каким-то причинам он не претендовал на ханскую власть либо был убит вместе с отцом.

На наш взгляд, пристальное внимание Масудом Кухистани к процессу коронации Абу-л-Хайра в Чим-

ги-Туре весной 1430 года, снимало вопросы об этапах его прихода к власти. Сообщение о «государевом троне», а также последовавшем за интронизацией курултае являются объектом внимания в специальной статье Д. Н. Маслюженко, предположившего, что речь здесь идет о реальном троне и его воплощении как символа власти [13, с. 362–363]. Схожее описание имеется у Кипчак-хана где хан «устроил великий той... [Он] одарил всех. Когда провел [он] некоторое время в радостях и увеселениях, то приказал глашатаям, чтобы собирали войско...» [14, с. 390–391].

Правление Хызра, Хаджи-Мухаммеда, Махмуда-Хаджи, а также обстоятельства вступления Абу-л-Хайра на трон представляются нам в качестве второго этапа формирования ханства, а его начальная дата определяется 1430 годом. Упомянутые ханы описаны в письменных источниках крайне скупо, отсутствуют точные даты их правления, а география их владений практически не оговаривается. Личность и деятельность Абу-л-Хайра представлена несравненно шире. Его подробная интронизация в Чимги-Туре позволяет считать его основателем Тюменского ханства.

Территория ханства при Абу-л-Хайре доподлинно неизвестна. Согласно «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» жители «Жанги-Туры» (т. е. Чимги-Туры – прим.) и Булгара платили ханской казне ясак [3, с. 94]. Его правление до «границы Булгар» упоминает Хафиз Таныш Бухари [33, с. 78]. Управление Булгаром хану также приписывает Хурреми [17, с. 381]. В полной рукописи «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» сообщается о летовках хана и сборе ясака среди народов «р.с.т.м. туалас, чимги башгырт, буляр и булгар» [16, с. 233]. Первый народ идентифицируется И. А. Мустакимовым с алтайскими территориями, обозначая возможную восточную границу ханства [16, с. 243].

Абу-л-Хайра отличает достаточно последовательная и целенаправленная политика по завоеванию богатых оазисов Хорезма в частности и Средней Азии в общем. Первый поход на Хорезм 1431 г. можно считать своего рода рекогносцировочным и относительно неудачным [27, с. 405, 410; 14, с. 391]. Следующий поход 1435 года окончился более успешно, хотя хан вынужден был покинуть Хорезм из-за начавшейся эпидемии [14, с. 152; 32, с. 211–213]. Согласно «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», хан в возрасте 24 лет «получил в удел Хорезм и от Шахруха и создал свое государство в Дашт-и Кипчаке», в итоге установив «торговые связи со многими государствами» [29, с. 117–118]. Это событие, вероятнее всего, происходит в 840 г. х. (16.07.1436–05.07.1437 г.), поскольку дата рождения Абу-л-Хайра – 816 г. х. [14, с. 141]. Рассмотренный эпизод определен Д. Н. Маслюженко как переориентация внешней политики хана на юг [12, с. 83]. Пиком этой политики можно определить захват Сыгнака и прилегающих областей в 1446 году, а также кампания в Самарканде в 1451 году.

Военные кампании в Средней Азии и Мавераннахре, а также война с сыновьями Кучук-Мухаммедом Махмудом и Ахмадом привела, по нашей версии,

к переходу Чимги-Туры в руки потомков Хаджи-Мухаммеда в середине 40-х гг. XV в¹. Некоторые косвенные обстоятельства на этот счет имеются в сочинении Хурреми.

Рассуждая о правлении чингизидских династий, Хурреми отмечает: «В Крыму, во время ханствования потомков Токтамышевых Сейид-Ахмед-Кучюка и Махмуд-Хана, престол утвердился за Хаджи-Гераем. В Маверауннагре, Хорезме и Сибири, властвовали в это время из рода Шейбанова три хана; в Булгаре, из рода Рус-Ханова, – один; да в Волжской степи и Казани – по одному из рода Тохтамышева, так что из колена Джуджиева было семь ханов в одно время» [17, с. 381]. Тука-Тимурид Хаджи-Гирей занял крымский престол в 1442 году [7, с. 196–197]. По осторожному предположению А. В. Аксанова, в 1445-м ханом в Казани был Махмуд, сын Улуг-Мухаммеда, фактически основавший Казанское ханство [2, с. 57]. Как уже было сказано выше, Абу-л-Хайр утвердился в Сыгнаке не ранее 1446 г.; по сообщению Абулгази он был также правителем Мавераннахра в эти годы, в Хорезме же правил Тимуршейх, внук Арабшаха [1, с. 161–162].

Также Хурреми ниже упоминает о правлении детей Хаджи-Мухаммеда в Сибири, допуская при этом хронологическую неточность, в результате чего их правление в рамках логики хрониста относится к концу XV – началу XVI вв. Вероятно, анахронизм объясняется удаленностью описываемых событий, либо же под «сыновьями» понимаются потомки в целом. Правление Шибанидов в Сибири также подтверждается Абулгази; в своем сочинении он приводит различные генеалогические таблицы отдельных родов Шибанидов, среди которых упоминаются так называемые Шибаниды в Туране, в настоящее время условно называемые Сибирскими Шибанидами.

Начало правления Сибирских Шибанидов мы определяем 40-ми годами XV в., при этом неясен их статус на территории юга Западной Сибири: был ли он похож на отношения Тука-Тимуридов и Шибанидов в последней четверти XIV в., или эта была какая-то иная форма взаимодействия? Вполне возможно, что на ранних этапах своего правления они выступали своего рода наместниками при хане в Сибири, но в конце правления Абу-л-Хайра могли выйти из его подчинения, как это произошло с Тука-Тимуридами Джанибеком и Киреем, укрывшимися в Моголистане. На подобное развитие событий намекает последующее выступление сына Хаджи-Мухаммеда Махмуд-хана и его племянника Ибак-хана в составе об-

¹ По нашему мнению, приход к власти потомков Хаджи-Мухаммеда в Сибири отчасти вызван военными действиями Абу-л-Хайра против Тука-Тимуридов и временным захватом центра Золотой Орды. Иначе говоря, активная внешняя политика не позволяла хану эффективно сосредотачиваться на сохранении внутренней стабильности в ханстве. Проводниками легитимной власти могли быть как назначенные в Чимги-Туре даруги из числа местных кланов, так и законные наследники Хаджи-Мухаммеда. Описываемые события происходят, по нашему мнению, в середине 40-х гг. XV в. Подробнее см. Парунин, А. В. Шибаниды и Тука-Тимуриды в середине XV в.: война Абу-л-Хайр-хана с Махмудом и Ахмадом // В печати.

ширной коалиции против сына Абу-л-Хайра Шайх-Хайдар-хана в конце 60-х гг. XV в.

Упомянутые обстоятельства, по нашему мнению, представляют завершающий этап формирования Тюменского ханства (начало 30-х – конец 60-х гг. XV в.). Его начальной датой выступает 1430 год, первым ханом – Абу-л-Хайр. Ориентация на богатые об-

ласти Средней Азии закономерно приводит к необходимости обеспечения стабильных северных тылов ханства. В качестве гарантов обеспечения политической стабильности в регионе и поддержания экономической и торговой жизни могли выступить младшие представители из дома Шибана, заявившие свои претензии в пору кризисных тенденций.

Список источников и литературы

- 1 Абул-Гази. Родословное древо тюрков. – Казань : Типо-литография Казанского университета, 1906. – 240 с.
- 2 Аксанов, А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 288 с.
- 3 Ахмедов, Б. А. Государство кочевых узбеков. – Москва : Наука, 1965. – 181 с.
- 4 Валиханов, Ч. Ч. Извлечения из «Джами ат-таварих». Сборник летописей // Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. – Алма-Ата : Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1984. – С. 228–254.
- 5 Гаев, А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 9–55.
- 6 Григорьев, А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. – Вып. 11. – 1985. – С. 160–182.
- 7 Гулевич, В. П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 492 с.
- 8 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. – 588 с.
- 9 Исхаков, Д. М. Булгарский вилайит накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Вып. 1. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 118–130.
- 10 Исхаков, Д. М. Сибирь и Поволжье // Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 92–98.
- 11 Костюков, В. П. Шибаниды и Тука-Тимуриды во второй половине XIV в. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – № 1. – 2009. – С. 138–149.
- 12 Маслюженко, Д. Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. – Вып. 4. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 76–88.
- 13 Маслюженко, Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 360–368.
- 14 Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата : Наука, 1969. – 655 с.
- 15 Мустакимов, И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографических источников // Средневековые тюрко-татарские государства : сборник статей. – Вып. 2. – Казань : Ихлас, 2010. – С. 21–32.
- 16 Мустакимов, И. А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. – С. 228–248.
- 17 Негри, А. Извлечения из одной турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 1. – 1844. – С. 379–392.
- 18 Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Санкт-Петербург : В типографии Эдуарда Праца, 1859. – 302 с.
- 19 Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1897. – 257 с.
- 20 Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 266 с.
- 21 Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. – Москва : Знак, 2007. – 328 с.
- 22 Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1949. – 458 с.
- 23 Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1959. – 415 с.
- 24 Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1963. – 413 с.
- 25 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. – Ленинград : Наука, 1982. – 235 с.
- 26 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном // История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 711 с.
- 27 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным // История Казахстана в персидских источниках. Том IV. – Алматы : Дайк-Пресс, 2006. – 620 с.
- 28 Селезнев, Ю. В. Особенности восприятия в русской письменной традиции русско-ордынских отношений в 1420–

1460-е гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 1. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 142–151.

29 Таварих-и гузида-Нусрат-наме. – Ташкент : Фан, 1967. – 127 с.

30 Утемиш-хаджи. Кара таварих. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.

31 Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). – Москва : Восточная литература, 1976. – 448 с.

32 Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. – Ташкент : Фан, 1980. – 346 с.

33 Хафиз-и Танъиш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. – Москва : Наука, 1983. – 535 с.

34 Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. – Ташкент : Издательство журнала «SAN'AT», 2008. – 486 с.

О НАХОДКАХ МОНЕТ ИБРАХИМА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Одни из редчайших монет Улуса Джучи несут на себе имя хана Ибрахима. Версия о чеканке этих монет Шибанидом Ибрахимом, правителем Тюмени, была подвергнута критике А. Л. Пономарёвым, который предложил считать их эмитентом внука Улу-Мухаммада – Ибрахима, ставшего впоследствии ханом Казани. В статье указаны ошибки в доводах А. Л. Пономарёва, приводятся сведения о находках таких монет в Тюмени. В сочетании с данными метрологии и по результатам штемпельного анализа подтверждается правильность отнесения этих монет к Шибаниду Ибрахиму. Приводится ещё одна версия генеалогической цепочки от Хаджи-Мухаммада до Ибрахима, указанная в труде «Кара-таварих».

Ключевые слова: Улус-Джучи, Крым, Казань, Тюмень, Ибрахим-хан, Ахмад-хан, монеты.

Abstract. Some of the rarest coins of the Ulus Jochi bear the name of khan Ibrahim. The version about the minting of these coins by Ibrahim the Shibanid, the ruler of Tyumen, was criticized by A. L. Ponomarev, who proposed to consider them the issuer of the grandson of Ulu-Muhammad – Ibrahim, who later became the khan of Kazan. The article indicates errors in the arguments of A. L. Ponomarev, provides information on the findings of such coins in Tyumen. In combination with the data of metrology and the results of the stamp analysis, the correctness of the attribution of these coins to Ibrahim the Shibanid is confirmed. One more version of the genealogical chain from Haji Muhammad to Ibrahim, described in the work “Qara Tawarikh”, is given.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Kazan, Tyumen, Ibrahim khan, Ahmad khan, coins.

В сентябре 2012 года на международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России», проходившей в Эрмитаже, автор этих строк сделал доклад, написанный в соавторстве с А. А. Казаровым и Ю. В. Зайончковским, посвященный монетам хана Ибрахима¹. Кратко напомним содержание выступления. Четыре монеты с именем неизвестного хана были найдены в начале XX века Ю. А. Аргентовским и В. Я. Толмачёвым близ деревни Могилёво Шадринского уезда Пермской губернии (ныне Курганской области). Эти артефакты были предоставлены А. К. Маркову, который атрибутировал их как чеканку от имени казанского хана Ибрахима, сына Махмуда, сына Улу Мухаммеда. В 1990 году А. Г. Нестеров предположил, что эмитент вышеописанных монет – это «Сайид Ибрахим хан бен Хаджжи Мухаммад хан Шейбанид, правитель государства сибирских Шейбанидов...» [5, с. 29]. В 2001 году А. Г. Нестеров ещё раз подтвердил свою прежнюю атрибуцию этих монет, а также сообщил об обнаружении в 1979 году пятой подобной монеты «в размыве реки Шудельки близ деревни Юрты Инкинские (Колпашевский район Томской области)» [6, с. 274–279]. В своём докладе мы сообщили о недавних находках на территории Украины девяти монет с именем «Ибрахим», а также заново рассмотрели возможные варианты атрибуции таких монет. Для решения этого вопроса, учитывая новый неожиданный ареал находок, а также то, что на одной монете присутствовали две разные тамги (двуногая и трёхногая), авторы решили заново рассмотреть возможные варианты идентификации эмитента этих монет. Были рассмотрены четыре версии.

1 Ибрахим – некий потомок Кичи-Мухаммада (ещё шире – Нугмана, ещё шире – Тукагимурид), воз-

можно, кто-то из племянников Ахмада, который в борьбе за власть на какой-то срок захватывает часть либо Крыма, либо Казанского юрта и отсюда две тамги.

2 Ибрахим Казанский – сын Махмудека сына Улу-Мухаммада, возможно, это он монеты чеканил эти монеты в какой-то неизвестный пока нам этап своей жизни.

3 И только после этого нами рассматривался вариант того, что Ибрахим, обозначенный на монетах – это Шибанид «Сайид Ибрахим», предложенный А. Г. Нестеровым. Были резонные сомнения: «Почему нет слова “Сайид” на монетах? Почему в основном использовал двуногую тамгу? Что означает наличие двух тамг на одном типе монет? Если это сибирский правитель, то почему монет с его именем на Украине нашли намного больше, чем в Урало-Сибирском регионе?»

4 Какой-то неизвестный на тот момент Ибрахим.

Первый и четвёртый вариант отпали после долгих поисков в генеалогиях Джучидов, так как не нашлось никого другого, кто подходил бы по времени предполагаемой монетной чеканки². Результаты генеалогических изысканий не стали понапрасну потраченным временем потому, что помогли понять, что хана по имени «Сайид-Ибрахим» никогда не было. Ошибка, которую совершил А. Г. Нестеров, выбрав такое имя для эмитента, произошла из-за упоминаний в средневековых трудах подряд потомков Хаджи-Мухаммада, выступивших против Шах-Хайдара – Сайида и Ибрахима, которых исследователь «склеил» в одно лицо «Сайид-Ибрахима»³ [5, с. 29].

¹ Текст доклада был отправлен в редакцию в том же 2012 году, но увидел свет только пять лет спустя [12].

² В текст статьи мы решили не вставлять первый и четвёртый вариант.

³ Между тем, основное направление мыслей Александра Генна-

Не найдя никаких свидетельств в письменных источниках о пребывании ни Ибрахима Казанского, ни Ибрахима Тюменского¹ на территории Южной Украины и Крыма, авторы доклада решили пойти другим путём. Для этого была высказана следующая гипотеза: «двуногая тамга в это время (в XV веке – Р.Р.) олицетворяет “Сайинский Стул” – верховную власть в Большой Орде, владение центральным Сарайским вилайетом» [12, с. 204]. Данное предположение на момент его формулировки имело под собой прочное основание, подкрепленное многочисленными нумизматическими и историческими источниками. Итак, сделав всего лишь одно допущение, мы обнаружили, что, в случае его истинности, Ибрахим Казанский не мог быть эмитентом этих монет, а вот Ибрахим Тюменский подходил на эту роль хорошо, т. к. он захватывал ставку Большой Орды и в письме к Ивану III прямо указывал, что «Бог дал ему в руки Сайинский стул» [7, с. 198–199]. Дальнейшие рассуждения, с учётом того, то у Шибанидов чеканка монет происходила только тогда, когда они захватывали регионы с устоявшимся денежным обращением, привели к мысли, что чеканка монет Ибрахимом Сибирским началась после захвата ставки Ахмада в 885 г. х. [12, с. 207].

С отнесением монет с именем «Ибрахим» к Ибрахиму Тюменскому не согласился А. Л. Пономарёв², который в серии статей старался показать, что данные монеты чеканил в Крыму Ибрахим, потомок Улу-Мухаммада [8; 9; 10]. Хотя исследователь не нашёл ни одного прямого указания в источниках на присутствие этого потомка Улу-Мухаммада в Крыму или на землях сегодняшней Украины, он обнаружил в документах Каффы любопытный эпизод, указывающий на то, что после смерти Хаджи-Гирея за власть в Крыме помимо Нур-Девлета боролись и другие, к сожалению, не названные императоры [8, с. 140–147]. Помимо этого Андрей Леонидович показал медную монету Каффы с двуногой тамгой, штемпельно связанную с монетами Хаджи-Гирея и Нур-Девлета, которые ставили на своих монетах тамги трёхногие. А. Л. Пономарёв сделал вполне логичный вывод, что двуногая тамга должна принадлежать другому правителю – не Гирею [8, с. 141–145]. Далее А. Л. Пономарёв делает неожиданное предположение, почему бы таким императором не мог быть Ибрахим Казанский [8, с. 145]? При этом Андрей Леонидович отлично знает и даже перечисляет сам име-

на других Чингизидов, кто мог бы быть этим императором [8, с. 146]. И вот тут А. Л. Пономарёв объявляет, что существуют монеты с именем Ибрахима, найденные на Украине. Но вопрос пока не разрешён окончательно, Ибрахима-то два! Тогда начинаются манипуляции с трактовкой роли тамг на монетах XV века. Исследователь начинает изобретать различные версии, показывает, что, по его мнению, каждая из тамг поменяла своё первоначальное значение на какое-то другое [9, с. 201–211]. А как быть, если на монете стоит сразу две тамги, одна из которых развёрнута, по мнению Пономарёва, неверно? Ну раз всё так запутано с тамгами, то нам де помогут письменные источники, в которых нет упоминания Ибрахима Тюменского в Крыму, а значит, эмитентом монет мог быть только Ибрахим внук Улу-Мухаммада, о правлении которого в Крыму якобы сообщают приведённые А. Л. Пономарёвым выше письменные источники³ [9, с. 212]! Вот такие чудеса логических построений! Свидетельств о пребывании сибирского правителя в Крыме нет, значит, монеты не его. Правда, указаний на пребывание там Ибрахима Казанского тоже нет! Но это не в счёт! Похоже, уважаемый Андрей Леонидович забыл прописную истину, что отсутствие сведений не может являться доказательством чего-либо. Мы видим, что в своём тексте А. Л. Пономарёв приводит следующую, зацикленную на самой себе, систему «доказательств». При разборе письменных свидетельств неназванным в источниках императором, оспаривавшим власть у Нур-Девлета, объявляется Ибрахим Казанский, потому, что ниже якобы будут приведены нумизматические свидетельства этого, ну а ниже утверждается, что некие монеты следуют считать эмиссиями Ибрахима Казанского, потому что выше были представлены данные из письменных источников о том, что однажды он был правителем Крыма!⁴

Таким образом, можно утверждать, что на данный момент по-прежнему нет никаких свидетельств о пребывании или тем более правлении в Крыму Ибрахим-хана внука Улу-Мухаммада⁵. Более того, приведённые Пономарёвым сведения о метрологии монет Ибрахима и их штемпельных связях показывают, что, скорее всего, эти монеты чеканены намного позже событий, последовавших после смерти Хаджи-Гирея. А. Л. Пономарёв представил эскиз «штемпелей и их штемпельных связей монет Ибрахима» [9, с. 195, рис. 7], по которому отлично видна хронологическая последовательность появления на свет штемпелей

девича Нестерова оказалось верным. Эмитент оказался представителем сибирских Шибанидов и потомком Хаджи-Мухаммада.

¹ Ниже в тексте для различения ханов будем называть этих правителей указанным образом. Тукатимурид Ибрахим внук Улу-Мухаммада был ханом Казани в 872–883 гг. х. Шибанид Ибрахим, потомок Хаджи-Мухаммада был правителем Тюмени примерно в 878–900 гг. х. [12, с. 203–206].

² Хотя работы А. Л. Пономарёва вышли намного раньше публикации нашей статьи, пролежавшей пять лет в издательстве, Андрей Леонидович хорошо знал её содержание, так как я ещё в 2013 году передал ему неопубликованный тогда текст, с которым работал А. Л. Пономарёв, о чём он сообщает читателю [8, с. 148, прим. 46].

³ Но выше не было приведено никаких письменных источников об Ибрахиме Казанском в Крыму!

⁴ Более полный разбор как заблуждений, так и полезных находок А. Л. Пономарёва в статьях, посвящённых Ибрахиму, приведён в моей рецензии на эти труды [13].

⁵ Удивительно, но некоторые уважаемые исследователи, не разобравшись в сути представленных А. Л. Пономарёвым «доказательств», начали указывать в своих работах «факт» правления Ибрахима внука Улу-Мухаммада в Крыму [3, с. 77–78]. Впрочем, есть и те, кто попытался разобраться в сложных построениях А. Л. Пономарёва, пришли к выводу о том, что «противоречия делают версию о “третьем императоре” Ибрагиме бен Махмуде несостоятельной» [2, с. 246].

монет: сначала появляется штемпель-прототип с именем хана Ахмада и хорошо читаемой легендой, после – подражание на него с ошибками и неграмотным исполнением, и только затем – совсем нечитаемое подражание на подражание, которое связано с монетами Ибрахима. Т. е. после изучения представленного А. Л. Пономарёвым рисунка отлично видно, что была некая мастерская (возможно, передвижная), на которой сначала чеканились монеты от имени Ахмада сына Кичи-Мухаммада, после продукция, подражающая монетам Ахмада, а уже после неё – монеты с именем Ибрахима! Сам А. Л. Пономарёв вынужден признать: «Представленный на рис. 7 и рис. 8 материал доказывает, что действительно, сюзеренитет Ибрахима и сюзеренитет Ахмета над Орда-базаром стыковались в какой-то момент времени» [9, с. 200]. Ещё из Пономарёва: «Не зная о том, что в 1466 г. в Крыму был третий “Император” мы должны были бы датировать эту эмиссию единственным периодом, когда Ахмет и Ибрагим (в данном случае – тюменский) могли владеть одной и той же ордой – 1481 г. ... В этом году Шибанид Ибак-Ибрагим на пять дней овладел ордой Ахмета, убил его самого и повел захваченный ордобазар в Тюмень не грабя. При такой датировке, исповедуя подходы Р. Ю. Ревы, эмиссия Ахмета, оторванная и метрологически, и хронологически от прочих выпусков серебра, обрела бы крайне интригующие очертания, поскольку она не могла не предшествовать эмиссии с именем Ибрагима. Ведь до того, как Ибак захватил орду Ахмета, тот стоял на Угре, и мы должны были бы сказать, что как раз там, на русских землях, и были выпущены странные монеты, чей стандарт, заметьте, вполне сопоставим с весом московских денег. Однако после этого пришлось бы долго объяснять, почему все подобные монеты, и “ибрагимки”, и “ахметки” происходят из поднепровских находок» [9, с. 198].

Итак, единственным значимым аргументом А. Л. Пономарёва, в пользу того, что монеты с именем «Ибрахим», следует относить к Улумухаммадовичу, а не Хаджимухаммадовичу, оставалось то обстоятельство, что большинство находок на тот момент происходили с территории Украины¹. Наше объяснение, что деньги двигаются туда, куда их заносит товарно-денежные отношения², не удовлетворило Андрея Леонидовича. Он даже саркастично заметил, мол «чем эти монеты столь исключительны, что указанный процесс затронул одну-единственную эмиссию, якобы Большой Орды?» [8, с. 150]. Здесь А. Л. Пономарёв сделал вид, что не знает о многочисленных монетах Нижнего Поволжья, находимых на территории Украины³. Однако, как оказалось, на территории Урала и Сибири, помимо упомянутых в на-

чале пяти монет, деньги Ибака, находили и после, но так как не было публикаций с изображениями, а также обычая у уральских и сибирских находчиков (в отличие от украинских, для которых это обыденное дело) обращаться к специалистам для определения монет, информация о находках таких артефактов не регистрировалась и выпадала из научного оборота. Ситуация резко поменялась после выхода из печати нашей статьи в 2017 году [12]. Находчики нашли мой электронный адрес и регулярно стали сообщать об обнаружении ими подобных монет. Ниже будут приведены сведения о ставших мне известными недавних находках денег с именем хана Ибрахима в Тюменской области⁴:

1 Одна монета с именем хана Ибрахима была найдена на берегу озера Андреевское в Тюменском районе, Тюменской области в 2016 г. На монете было две дырки. Изображения и метрологии не сохранились.

2 Одна монета была найдена в 2016 году в частном секторе на огороде в старой части города Тюмень, где недалеко находится «Царёво городище» и стадион. Эта монета была продана на интернет-аукционе в сентябре того же года (рисунок 1.1)⁵.

3 Весной 2016 года в Ялуторовском районе Тюменской области рядом с исчезнувшей татарской деревней был найден небольшой монетный комплекс. Мне были присланы следующие изображения: 4 монеты Ибрахима (рисунок 1. 2–5), 2 – хана Ахмата (рисунок 1. 6–7), 1 – Хаджи-Гирея (рисунок 1. 8), 2 – Нур-Девлета (рисунок 1. 9–10).

4 Осенью того же года вблизи татарских деревень Ялуторовского района Тюменской области были найдены шесть монет Ибака (рисунок 2. 1–6), шесть монет Хаджи Гирея (рисунок 2. 7–12).

5 Одна монета Ибака была найдена в 2017 году в Упоровском районе Тюменской области. Ушла случайным людям. Информатор успел сфотографировать монету на телефон (рисунок 1. 11).

6 Сообщается, что в 2018 году также в Упоровском районе были найдены три монеты с именем хана Ибрахима. Изображений нет. Дальнейшая судьба монет неизвестна.

7 Весной 2019 на берегу реки Пышмы в Тюменском районе Тюменской области были обнаружены: 8 монет Ибака (рисунок 3. 1–8), одна – хана Мухаммада (рисунок 3. 9), одна монета – Хаджи Гирея (рисунок 3. 10).

8 Позднее, в 2019 году на реке Балда, притоке Пышмы, были обнаружены шесть монет Ибака (рисунок 3. 11–16). Обстоятельства находки неизвестны, информатор успел сделать фотографии.

9 Четыре монеты Ибака (рисунок 4. 1–4) и одна Ахмада (рисунок 4. 5) были найдены в Ялуторовском районе Тюменской области весной 2019 г.

10 Имеется информация об обнаружении в

¹ Хотя, откровенно говоря, какой это аргумент в пользу казанского правителя? Напомним, что расстояние от мест украинских находок до Казани – около 1600 км, до Тюмени – около 2500 км.

² Как мы увидим ниже, монеты также находят там, где их ищут.

³ Больше сотни монет Хаджи-Тархана найдено только в одном Кырк-Ерском кладе [4, с. 139–176]. Около половины монет Хаджи-Тархана, выставленных в интернет базой Zeno.ru, поднято на Украине.

⁴ Информацию о находках монет Ибрахима в других регионах я планирую опубликовать в ближайшее время.

⁵ На рисунках под изображением монет указан вес в граммах (в том случае, если его удалось узнать).

Рисунок 1 – 1–5, 11 – Ибрахим, Орду-Базар; 6–7 – Ахмад ибн Мухаммад ибн Тимур, Орду-Базар;
8 – Хаджи-Гирей, ал-Крым 867 г. х.; 9–10 – Нур-Девлет, ал-Крым 871 г. х.

Рисунок 2 – 1–6 – Ибрахим, Орду-Базар; 7–12 – Хаджи-Гирей, ал-Крым 867 г. х.

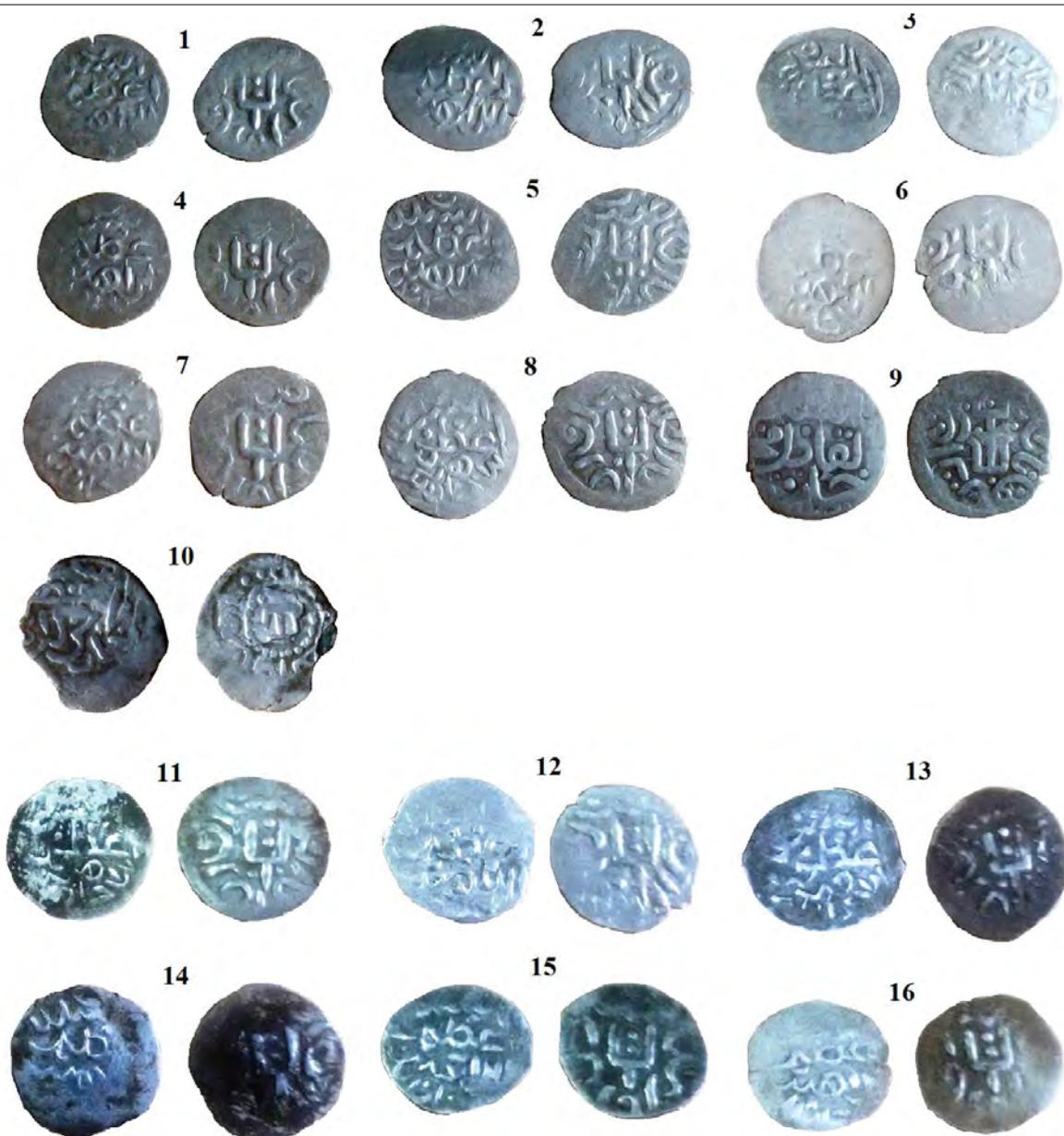

Рисунок 3 – 1–8, 11–16 – Ибрахим, Орду-Базар; 9 – Мухаммад-хан, Орду-Базар; 10 – Хаджи-Гирей, ал-Крым 867 г. х.

2019 году в 40 километрах от Тюмени на притоке реки Туры клада порядка 120 монет от Токтамыш до Гиреев. Удалось заполучить изображения и вес 12 монет Ибрахима (рисунок 4. 6–17).

По-моему, комментарии излишни! Редчайшие монеты, эмитентом которых, по нашему предположению, является Ибрахим Тюменский, перестали быть редкими из-за того, что их массово находят в Тюменской области! Надо ли повторять, что вопрос об эмитенте таких монет можно считать решённым, и что теперь уже точно можно отказаться от версии чеканки таких монет Ибрахимом, внуком Улу-Мухаммада в Крыму в 1466 году?¹

После просмотра монет, обнаруженных в Тюменской области, выявляются следующие интерес-

ные моменты:

- 1) большой разброс веса монет Ибрахима;
- 2) обнаруженные с деньгами Ибрахима монеты Ахмада, исполненные неумелыми резчиками в подражательной манере;
- 3) найдены вместе монеты Ибрахима, Хаджи-Гирея и Нур-Девлета. Так, может, был всё-таки Ибрахим в Крыму? Только не потомок Улу-Мухаммада, как писал Пономарёв, а Ибрахим Тюменский и в другое время? Во всяком случае, вопрос, почему количество крымской монеты в Тюмени превышает объём монеты поволжской, возникает сам собой.

В заключение необходимо остановиться на интересном моменте, связанном с происхождением Ибрахима Тюменского. В нашей статье мы указывали следующую генеалогическую цепочку: «Ибак (Ивак, Абак, Ибрахим) – хан, сын Махмудек хана, сына Хаджи-Мухаммад-хана, сына Али, сына Бек Хванди, сына Минг-Тимур-хана, сына Бадакула, сына Джочи-

¹ Заметим, что мы не отрицаем саму возможность пребывания в Крыму в указанное время Тукатимурида Ибрахима, но вынуждены констатировать, что свидетельств этому пока не найдено.

Рисунок 4 – 1–4, 6–17 – Ибрахим, Орду-Базар; 5 – Ахмад ибн Мухаммад ибн Тимур, Орду-Базар

буга, сына Бахадура, сына Шибана, сына Джучи – потомок Чингисхана в 11 поколении». Однако при изучении текста «Кара таварих» Утемиш-хаджи мы столкнулись с тем, что составитель текста приводит два разных варианта его родословной. Первый соответствует вышеприведённой цепочке [14, с. 60]. Второй, повторённый два раза, – нет: «Алтунай Султан, его отец, Кучум хан, его отец Муртаза, его отец Айбак, его отец Мухаммад, его отец Шейбак, его отец Хаджи Мухаммад, его отец Али оглан, его отец Бек Конды...» [14, с. 82–83] и «У этого упомянутого хана (Хаджи-Мухаммада – Р.Р.) было ещё три сына: Акы¹, Шейба и Махмуд. Также у Шейба было три сына. Имя одного Ак Курт, Бубей и ещё одного Ак-Мухаммад;

и ещё у Мухаммада было четыре сына: Айбак, Акы, Мамук и Муса Чалуш...» [14, с. 83]. Т. е. вместо Хаджи-Мухаммад – Махмутек – Ибак, предложено: Хаджи-Мухаммад – Шейба – Ак-Мухаммад – Ибак. Учитывая, что предполагаемое время смерти Махмутека – 832 г. х., а его «сын» Мамак (Мамук) захватывает Казань в 901 г. х., а сам Ибрахим умер за год до этого события, то получается, что либо Ибак и Мамук дожили до столь преклонных лет, либо они всё-таки дети не Махмутека, а его племянника – Ак-Мухаммада.

¹ Под словом Акы (вариант Акай – дядя, старший [1, с. 60; 11, стб. 145]) угадывается Сайидек.

Список источников и литературы

- 1 Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. I. – Санкт-Петербург : Типогр. Имп. акад. наук, 1869. – X, 810, 3, 6 с.
- 2 Гулевич, В. П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1500 гг. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2018. – 492 с.
- 3 Джанов, А. В., Якушечкин, А. В. Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сборник 2015–2016. – Москва : Восточная литература, 2018. – С. 57–100.
- 4 Майко, В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-кале в юго-западном Крыму. – Киев : София Киевская, 2007. – 190 с.
- 5 Нестеров, А. Г. Монеты Ибрахим хана // Уральский следопыт. – 1990. – Вып. 12. – С. 29–30.
- 6 Нестеров, А. Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // Восток-Запад: диалог культур Евразии. – Вып. 2. – Казань, 2001. – С. 274–279.
- 7 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Том сорок первый. – Санкт-Петербург, 1884. – 632 с.
- 8 Пономарёв, А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 1 (3). – С. 128–162.
- 9 Пономарёв, А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 2 (4). – С. 191–225.
- 10 Пономарёв, А. Л. Крымское ханство и консулат Каффы в 1466 г. (870/871 г. х.): Власть и деньги // Причерноморье в Средние века. – Москва : Алетейя, 2015. – Вып. 9. – С. 44–108.
- 11 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – Стб. 1–968.
- 12 Рева, Р. Ю., Казаров, А. А., Зайончковский, Ю. В. Монеты хана Ибрахима (текст 2012 г.) // Труды Государственного Эрмитажа LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам Международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». – Санкт-Петербург : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. – С. 198–211.
- 13 Рева, Р. Ю. Об Ибрахиме, нумизматике, вреде курения и постмодернизме в исторической науке. (Рассуждения о работе А. Л. Пономарёва «Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки»). В печати.
- 14 Утемиш-хаджи. Кара таварих. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.

«КАРА ТАВАРИХ» КАК ИСТОЧНИК О ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЯХ ВИЛАЙЕТА ТУРА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С НУМИЗМАТИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ)

Аннотация. Важнейшим источником для воссоздания начальной истории Сибирского ханства является «Кара таварих», приписываемое Утемиш-хаджи. В статье на основе собственных вариантов перевода некоторых фрагментов этого труда и привлечения новых нумизматических данных представлена попытка реконструкции хронологии правления первых ханов – правителей вилайета Тура. Своей монетной эмиссии на территории Сибири пока не обнаружено, однако таковая была в соседнем вилайете Булгар, чьи земли, согласно письменным источникам, часто принадлежали шибанидским правителям. Сравнение нумизматической картины Булгара с письменными источниками позволяет установить очерёдность и временные рамки правлений ханами вилайетом Тура. Представлены некоторые спорные вопросы трактовки источников.

Ключевые слова: Сибирское ханство, вилайет Тура, Утемиш-хаджи, «Кара таварих», Хызр, Хаджи-Мухаммад, Махмуд-Ходжа, монеты.

Abstract. “Qara tawarikh”, which authorship is attributed to Ötemiš Haji, is one of the most important sources for the reconstruction the early history of the Siberian Khanate. The article, based both on the author’s own versions of the translation of some fragments of this work and new numismatic data, presents the attempt to reconstruct the chronology of the rule of the initial khans of the Tura vilayet. Its own monetary emission has not been found on the territory of Siberia though it was in the neighboring Bulghar region, whose lands, according to written sources, often belonged to Shibanid rulers. The comparison of the Bulghar coinage with written sources allows reconstructing both the the sequence and time frame for reign of khans of Tura. Some controversial problems of interpretation of sources are also presented.

Keywords: Siberian Khanate, Tura vilayet, Ötemiš Haji, “Qara tawarikh”, Khyzr, Haji Muhammad, Mahmud Khoja, coins.

Вопрос об оформлении Чимги-Туры как центра особой территориально-административной единицы северо-восточной периферии владений Шибанидов разобран в вышедшей недавно коллективной монографии «Тюменское и Сибирское ханства». «Точное название этого вилайета по источникам неизвестно, и, скорее всего, Чимги-тура была центром Сибирской земли» [20, с. 55]. Здесь же указано, что уже «в 1375 году на карте Каталонского атласа появляется упоминание о Чинги-туре (“Singui”) (в тюркских источниках встречается только написание Чимги-Тура) как центре Тюменского (Туранского) вилайета [4, с. 152]» [20, с. 55].

В настоящей работе мы попытаемся представить разбор недавно опубликованных и хорошо известных письменных источников в сравнении с данными нумизматики, который, как мы надеемся, позволит поновому взглянуть на историю этой значимой части Улуса Джучи. Основное внимание будет уделено событиям 20–30-х годов XV столетия.

Важнейшим источником, содержащим бесценные сведения о «Вилайете Тура» и его правителях – Шибанидских ханах, является приписываемое Утемиш-хаджи сочинение под названием «Кара таварих», факсимиле, транскрипция текста и русский перевод которого были опубликованы в 2017 году в результате кропотливого труда сотрудников Центра исследова-

ний Золотой Орды и тагарских ханств им. М. А. Усманова Института истории имени Ш. Марджани АН РТ [48]¹. Некоторые моменты из «Кара таварих», помогающие в реконструкции истории Шибанидов, уже были рассмотрены А. В. Паруниным [26, с. 104–116], который опирался на русский перевод источника. По наблюдениям авторов данной статьи, перевод некоторых частей тюркского текста, представленного в факсимиле, может быть несколько скорректирован, что, в свою очередь, позволяет предложить иные интерпретации соответствующих исторических эпизодов. Ниже представлены варианты перевода некоторых частей «Кара таварих», выполненные В. В. Тишиным².

/л. 48-б/: «... Этот раздел [о тех,] из Шейбани хана рода/потомства (näsil)³ которые ханами стали, о его роде/потомстве (näsil) в изложении [этого раздела] говорится; его [жизни] обстоятельства выше

¹ Частично русский перевод интересующих нас отрывков был опубликован ещё в 2014 году [23, с. 64–66].

² Представленные ниже варианты переводов намеренно даны приближенными к буквальному, т. е. минимально адаптированными к литературным нормам русского языка. В отдельных случаях переводы снабжены комментариями, помещенными в примечаниях.

³ Слово *näsil* (< араб. لعن [n.sl]) трактуется как ‘отрасль’, ‘поколение’, ‘раса’, ‘порода’, ‘племя’ [7, с. 284], ‘род, порода’, ‘родственник, потомство’ [30, стб. 685].

изложены были. Из его рода/потомства (*näsīl*), к ним принадлежащего Абу-л-Хайра сыновья есть. После этого (= потом, затем) последним Хызра называют; Айба оглана¹ сыном был (он); среди вилайета Тура у своих ханом стал он; его сыном (*oġli*) был Бахтийар-султан; его сыновьями [в тексте: *oġlan* – ед. ч.] были Хамза-султан и Мехди-султан; после этого Хаджи-Мухаммад-хан ибн Гали-оглан ибн Мелик-Тимур ханом стал; он и среди этих всех [тот], который Хызр ханом стал, /л. 49-а/ были; для основания их ханств фундамента² не было; его сын Махмутек-хан, его сыном был Айбак-хан; после того Махмутек-Ходжа ибн Кан-бай ибн Ильбек ибн Мелик-Тимур, он ханом стал, он же имеющим фундамент³, хорошим ханом стал. С вилайетом Тура, с Конграт(ов) туменом и также Саджаут(ов) туменом сразившись, их обратив в бегство, себе покоренными сделал; из его рода/потомства (*näsīdān*) в этом ответвлении⁴ был Дост-султан, [которого] Атгучи-Тобай султан называют, от него⁵ два сына (*oġul*) осталось, другого потомства (*näsīl*) не осталось; потом, Туглы-Шейх Махмуд-Ходжу вышеупомянутого прийти заставил (принудил? подвигнул?)⁶ когда Абу-л-Хайр хан ибн Туглы-Шейх-оглан ибн Айба-оглан ибн Кулад-оглан ибн Мелик-Тимур, он ханом стал; он великим ханом стал. Три раза Тахт вилайет взяв, в Орду-Базаре хутбу читал. Один раз также Самарканд взяв, на свое имя хутбу читал. Его сыном был Шах-Будаг-султан; его сыном был прославленный (и) известный праведный мученик Шахибек-хан, у Шах-Будаг-султана еще одним сыном Махмуд-султан был; его сыном был властитель наук и обладающий исполненным совершенства сердцем (*pādišāh-i ‘ālim wa ‘amāl dil kāmil fāzil*) Убейдуллах-Бахадыр-хан. Довольно! После Абу-л-Хайр-хана вышеупомянутого хазрат /л. 49-б/ Йедикер-хан, покойный прощенный, ибн Тимур-Шейх-оглан ибн Хаджи-Туглы-оглан ибн *Араб-оглан ибн Кулат-оглан, вышеупомянутый, ибн Мелик-Тимур, вышеупомянутый, он ханом стал. Их

ханствования становление (*bolġani*)⁷ в то время было, когда Идигу-беку Всевышний право на правление дал, [и] в Дешт-вилайте властью обладающим улуг-беком стал (он)...» [48, с. 214–216 (лл. 486–496)].

Разберём подробнее содержание приведённого фрагмента. В начале раздела говорится о том, что ханом вилайета Тура стал Хызр⁸ из сыновей Айба-оглана. У Хызра был сын Бахтийар-султан. Дети последнего – Хамза-султан и Мехди-султан. После Хызра ханом стал Хаджи-Мухаммад-хан⁹ сын Гали-оглана, сына Мелик-Тимура. Основы (фундамента) для ханства Хаджи-Мухаммада и для Хызра не было¹⁰. Сыном Хаджи-Мухаммада был Махмутек-хан¹¹, сыном последнего был Айбак-хан¹². После (Хаджи-Мухаммада или Махмутека?) ханом стал Махмутек-Ходжа¹³ сын Канбая сына Ильбека сына Мелик-Тимура. Он был достойным ханом, завоевал вилайет Тура, сразился с туменом Конгратов и туменом Саджаутов и обратил их в бегство, и покорил. Далее следует пассаж о Дост-султани¹⁴, потомке Йадигер-хана¹⁵. Дальше рассказывается о том, что Туглы-Шейх¹⁶ сподвиг прийти (к власти? или в этот вилайет?) вышеупомянутого Махмуда-Ходжу, поэтому после (Махмуд-Ходжи) ханом стал Абу-л-Хайр¹⁷ сын этого Туглы-Шейх-оглана сына Айба-оглана, сына Кулад-оглана¹⁸, сына Малик-Тимура. Сообщается, что Абу-л-хайр стал великим ханом¹⁹, взяв три раза Тахт-вилайет, в Орду-Базаре

⁷ Такое понимание может быть предложено, исходя из значения глагола *bol-* ‘быть, становиться’, соответствующее англ. ‘to become’, в отличие от *er* (< *ār-*) ‘быть’, соответствующего англ. ‘to be’.

⁸ Под этим персонажем легко угадывается Хызр сын Ибрахима сына Пулада сына Минг-Тимура [34, с. 27]. До прихода в вилайет Тура Хызр был правителем в землях Сыгнакских.

⁹ Здесь указан Хаджи-Мухаммад сын Али, сына Бек-Кунды, сына Минг-Тимура [34, с. 28].

¹⁰ Указание на отсутствие основы (фундамента) для ханствования Хызра и Хаджи-Мухаммада можно объяснить двояко: либо автор хочет подчеркнуть, что этими правителями было создано новое, не бывшее до этого, государственное образование – ханство, либо показывает, что отцы названных персонажей не были ханами, а только огланами.

¹¹ Махмуд сын Хаджи-Мухаммада [34, с. 33].

¹² Ибрахим (Ибак) [34, с. 34].

¹³ Махмуд-Ходжа сын Казанбека, сына Ильбака, сына Минг-Тимура [34, с. 28] Махмуд-Ходжа приходился троюродным братом и Хызру и Хаджи-Мухаммаду. Длительное время некоторые исследователи ошибочно соединяли Махмуд-Ходжу «в одно лицо» с Хаджи-Мухаммадом. Историография этого заблуждения подробно разобрана Д. Н. Маслюженко [19, с. 88–101].

¹⁴ Дост-султан (Дост-хан) сын Бучга-хана сына Аминика сына Йадгара [34, с. 29]. Дост-султан также был потомком Минг-Тимура как и уже названные Хызр, Хаджи-Мухаммад и Махмуд-Ходжа, но по другой ветви – по линии Арабишаха, сына Пулада. Именно «Хроники хазрата Дост-султана» явились основой для создания этого сочинения Утемиш-хаджи [24, с. 62].

¹⁵ Очевидно, что рассказ о Дост-султани потомке Йадгар-хана да ещё и с добавкой «в этом ответвлении был Дост-султан» должен бы следовать после рассказа о «Ядыгар-хане». Но составитель ошибся и вставил этот пассаж несколькими фразами ранее нужного.

¹⁶ Давлат-Шейх сын Ибрахима внук Пулада [34, с. 27, 29].

¹⁷ Абу-л-Хайр сын Давлат-Шейха [34, с. 33].

¹⁸ Здесь: *الوق*. Вар.: *تسروب* [48, с. 83 (перев.), 157 (транскр.), 164 (факсим.).

¹⁹ Здесь подчёркивается, что Абу-л-Хайр был не просто региональ-

¹ В тексте: *oġlanlarning*, т. е. множественное число. Подробно о таких случаях см.: [51, с. 119; 52, р. 18].

² В тексте: *داينىب* [*b.nūādy*]. См.: *داينىب* ‘корень’, ‘основание’, ‘начало’, ‘конструкция тела’ [6, с. 271].

³ В тексте: *قۇلداينىب* [*b.nūādl.q*]. Имеется в виду слово *bünjäd+liq* ‘обладающий фундаментом/основой’, ‘имеющий фундамент/основу’.

⁴ В тексте не совсем ясное *دىننىخت* * [*l.ġyndh*], что, вероятно, можно сопоставить с тек *تڭ* ‘род, поколение, происхождение’, теги *تى* ‘его род’ [7, с. 398], ср.-уйг. *tāk*, казах. *текті* ‘хорошего происхождения’ [30, стб. 1014], казах. *текті* ‘хорошего происхождения’ [30, стб. 1026], *тексіз* ‘человек дурного происхождения, плохой человек’ [30, стб. 1028], и т. п. См. также обсуждение в кн.: [53, р. 478].

⁵ В тексте – множественное число, букв. «от них», см. выше.

⁶ Здесь употреблен глагол *keltür-*, являющийся производным от основы *kel-* (< *käl-*) ‘приходить’ при помощи аффикса *-lUr-*, образующего от непереходных глаголов каузативные формы с кооперативно-реципрокальным, медиально-рефлексивным или пассивным значением. В данном случае возможен перевод как ‘привести’, так и ‘склонить/подвигнуть/заставить прийти’, так и ‘пригласить’. Ср., напр., ‘заставить прийти’, ‘привести’, ‘принести’ [7, с. 180], ‘принести, нести’ [29, стб. 1122]. Обсуждение см.: [53, р. 716–717].

хутбу читал¹, один раз взял Самарканд². Далее следует достаточно точный рассказ о потомках Абу-л-Хайра. Затем говорится, что после Абу-л-Хайра ханом стал Йадигер³. Далее следует явно анахронистическое сообщение, что становление «их» ханств происходило в то время, как Идигу был улугбеком в вилайете Дешт.

Повествование в разделе о потомках рода Шибана дважды возвращается к вопросу о ханстве первых правителей вилайета Тура: Хызра сына Ибрахима и Хаджи-Мухаммада, сына Али. Первый раз – когда рассказчик вспоминает о «фундаменте» для возникновения «их» ханств, второй – когда говорит о времени начала «их» (?) правления во времена улугбекства Идигея в Деште. Впрочем, объяснением для непонятого места вставки о «ханствовании их»⁴ во времена улугбекства Идигея в Деште может быть то, что составитель перепутал местами заранее приготовленные отрывки: один – о Дост-султани, другой – «о ханствовании их», и вставил их не в том порядке в ранее подготовленный текст. Ведь если поменять эти два отрывка местами, всё сразу встаёт на свои места: отрывок о Дост-султани окажется сразу после рассказа о его предке Йадгар-хане, а время первичного воцарения «их» (Хызра сына Ибрахима, Хаджи-Мухаммада и, в этом случае также, Махмуд-Ходжи) попадёт на времена Идегея.

Нетрудно заметить, что в приведённом выше тексте речь идёт об истории правлений вилайетом Тура. Исходя из сведений «Кара таварих» можно выстроить следующую последовательность: Хызр сын Ибрахима – Хаджи-Мухаммад сын Али – (Махмудек сын Хаджи-Мухаммада?) – Махмуд-Ходжа сын Каганбека – Абу-л-Хайр сын Девлет-Шейха – Йадигер сын Тимур-Шейха. Время воцарения первых ханов, которые после⁵ стали правителями Туры, падает на промежуток, когда Идегей был верховным беком в Деште. Идегей был беклярибеком у Тимур-Кутлуга с момента провозглашения того ханом в 793 г. х., наи-

большого могущества достиг после смерти Токтамыша в 809 г. х., в 813 году потерял статус верховного бека, но уже в 816 году вновь стал фактическим правителем Дешта, что с небольшими перерывами продолжалось вплоть до его смерти в 822 г. х. Данное обстоятельство заставляет нас предполагать, что первичные интронизации Хызра, Хаджи-Мухаммада и Махмуд-Ходжи были проведены в промежутке 793–822 гг. х.⁶ Однако, существуют монеты 780-х гг. х., чеканенные в Гюлистане-Сыгнакском, которые, вероятно, биты от имени хана Хызра сына Ибрахима [36, с. 60–61], что может свидетельствовать в пользу того, что первичная интронизация Хызра произошла в вилайете Сыгнак задолго до указанного в «Кара таварих» времени. Когда Хызр пришёл в Туру пока неизвестно, но у Абдарразака Самарканди есть любопытный эпизод. Во время осады Идегея войсками хана Тимура в Хорезме в 814 г. х. «самым старшим» в войске осаждавших «из-за рода» («как член рода Чингизхана» – примечание издателя сборника) назван Хызр-оглан [42, с. 194]⁷. В данном случае нас не должно смущать слово «оглан», так как в случае, даже если претендент прошёл интронизацию и его сторонники считали его ханом, для противоборствующей стороны (или людей, подчиняющихся другому хану) он продолжал оставаться только огланом. При описании борьбы за верховный престол региональный хан, как правило, называется огланом. Региональный хан, признавший себя вассалом великого хана, также будет назван огланом в большинстве источников. Время смерти Хызра сына Ибрахима пока не известно. Следуя «Кара таварих», следующим правителем Туры нужно считать Хаджи-Мухаммада: «... После этого Хаджи-Мухаммад ханом стал; всех их⁸ – Башкорт, Алатырь, Мокшы, и в стороне города Булгара (букв. *Шехр-и Булгар*) находящийся⁹ и ‘город Туры’ (букв. *Шехр-и Тура*) называемый, и [вместе с

ным ханом-правителем какого-то вилайета, а «великим ханом» – верховным правителем всего Улуса Джучи, что могло быть только в случае овладения им вилайета Сарай.

¹ Пока уверенно можно указать лишь на два случая, когда Абу-л-Хайр захватывал верховную власть в Улусе Джучи. Обретение Абу-л-Хайром верховной власти в Улусе Джучи сопровождалась чеканкой монеты, однако, не ордубазарской, а на «Бик-базаре сейида Ваккас-бека» [37, с. 155–156]. Ваккас был сыном Нураддина, внуком Идигея.

² Взятие Абу-л-Хайром Самарканда в 855 г. х. отмечено у Кухистани [21, с. 160].

³ Воцарился в 862 г. х. [21, с. 436].

⁴ В тексте фраза о «ханствовании их» во времена правления Идигея в Деште идет сразу после рассказа о воцарении Йадигера, хотя на самом деле интронизация последнего произошла через сорок лет после смерти знаменитого предводителя мангытов.

⁵ Необходимо заметить, что время провозглашения ханом претендента его сторонниками (первичная интронизация) и фактическое овладение им каким-либо вилайетом, где он объявляется в хутбе и на монетах ханом-правителем (вторичная интронизация), могут не совпадать. После этого, как показывает практика, большинство ханов стремятся захватить вилайет Сарай – «Престольное владение», чтобы объявить себя «великим ханом» (высочайшая интронизация).

⁶ нас не должно беспокоить то обстоятельство, что несколько ханов-Шибанидов правят одновременно. В кочевом обществе хан владеет людьми, которые признали его ханом и принесли присягу. После смерти Бердибека на территории Улуса Джучи постоянно существовали враждующие друг с другом группировки, признающие разных Чингизидов своими ханами. В начале 830-х годов было минимум два хана-Шибанида одновременно: Махмуд-Ходжа и Джумадук сын Суфи. До этого в 770-е годы правили одновременно три Шибанида: Ибрахим, Арабиах и Каганбек.

⁷ В персидском тексте: *رضخ نال غا تهج غورا رشگرزب دوب* [42, с. 254].

⁸ Факсим.: *غيمج* [j.tuǰ], о толковании см.: [6, с. 441].

⁹ В тексте: *olap* – причастие от *ol-* ‘быть сделаться’, вопреки ожидаемому *bol- id* (см.: [28, стб. 1083]), т. е. никакого «улана», вопреки некоторым авторам (см., напр.: [2, с. 793, прим. 9]), здесь нет. Это было ясно уже из перевода И. М. Миргалеева [23, с. 65]. См., однако: [48, с. 83], что, вероятно, техническая описка.

ним]¹ известных Мангытов селения² захватив [= «...захватил когда»], – в этом вилайете³ великим падишахом стал...»⁴ [48, с. 161 (л. 75а), перевод В. В. Тишина].

В поисках сведений из «Кара таварих», возможно, способных нам помочь в вопросе правления Хаджи-Мухаммада, обратим своё внимание на описание событий, последовавших после смерти Идигея: «У Едику бека было много сыновей ... Старший – Кейгубад, потом Нуретдин, младше него был Мансур, младше него – Кади, младше него – Невруз. В этом сражении [битва (Улуг)-Мухаммад-хана, ставленника Хайдара и Тигене, с войском недавно убитого Идигея – Р.Р., В.Т.] войско бека было покорено. Кейгубад и Нуретдин **сбежали в сторону Туры и направились в эль башкурт** [выделено нами – Р.Р., В.Т.]. Но Мансур, Кади и Невруз и сыновья⁵ Шадибек хана Гийазетдин поехали в Московский вилайет. Нуретдин мирза болел чахоткой. Болезнь его усилилась, и зимой он скончался ... В ту же зиму увезли его [тело Нуретдина – Р.Р., В.Т.] в Сарай ... Говорят, Кейкубад мирза заболел желтухой. Весной он утонул. Но вышеупомянутые Мансур, Кади и Невруз и Гийазетдин приехали в Московский вилайет. Зимой и весну провели там. Погибло много воинов, которые были с ними. После того, как умер этот человек (Кейгубад – *пояснение переводчика*), Мансуре пришла мысль, он сказал: “Будет плохо дело...” ... После этого, взяв несколько воинов и приготовив оружие, и назначив Гийазетдина, выехали к истокам реки Яик. В этот момент к Мухаммад хану приехал беглец и сообщил, что Мансур бек, подняв Гийазетдина ханом, идёт на вас» [48, с. 72–73]. Мухаммад-хан упомянутый в последнем предложении

никак не может быть Хаджи-Мухаммад-ханом, по той причине, что в составе его войска находятся беки Хайдар-аргын и Тигене-ширин – сподвижники Улу-Мухаммада сын Хасана. Однако от внимания любопытного читателя не могло ускользнуть то обстоятельство, что клан Идигея раскололся, младшие его потомки ушли в Московский вилайет, а те, за кем было старшинство, направились в сторону Туры и эль Башкурт. А ведь именно эти территории, предположительно, в это время контролировал Хаджи-Мухаммад. Кейкубад и Нураддин, а не Мансур, который, как мы видели, получил верховенство в клане только после смерти старших братьев, могли присягнуть в верности новому хану, что нужно было сделать как можно скорее для сохранения единства оставшейся части войска. На роль этого хана лучше всего подходит Хаджи-Мухаммад. Учтём, что согласно «Кара таварих» Мансур, находящийся тогда в Московском вилайете, начал свою активность по попыткам интронизации Гийас ад-Дина сына Шадибека только после получения известия о смерти «этого человека». Переводчик «Кара таварих» посчитал, что здесь речь идёт о Кейкубаде, что логично, ведь теперь Мансур стал старшим среди потомков Идигея. Однако не забудем, что активность Мансура заключалась в стараниях привести к власти нового хана, что можно объяснить смертью предыдущего хана, которому твой клан присягал на верность. Исходя из этого, слова «после того как умер этот человек» [48, с. 73], возможно, относятся к хану, которого до этого поддерживали старшие братья Мансура.

Ещё раз взглянем на территории, на которых Хаджи-Мухаммад был великим падишахом: Башкурт, Алатырь, Мохши, земли вокруг города Болгара и города Туры, а также «знаменитые владения мангытов» [48, с. 83] или, в нашем переводе, «селения известных Мангытов». Какие владения/селения известных мангытов были вблизи Туры, пока не совсем ясно, поэтому не будем исключать версии о том, что речь всё же идёт о «знаменитых» мангытских владениях от Хаджи-Тархана до Яика⁶.

Перейдём к данным нумизматики. В 2003 году Р. Ю. Реве посчастливилось участвовать в просмотре большого клада, названного впоследствии Рыбнослободским. Клад был найден случайными людьми, которые разрешили ему и ещё некоторым специалистам частично просмотреть его состав, и даже сфотографировать и взвесить часть монет. Наверное, полный состав Рыбнослободского комплекса никто из специалистов не видел, но общаясь с другими исследователями, мы пришли к выводу, что клад состоял из приблизительно, шести тысяч монет, треть которых была чеканена на южных монетных дворах Улуса Джучи, совсем немного (порядка шести десятков) были монетами русской чеканки, остальные были чеканены в

¹ Предлагавшаяся ранее трактовка основывалась на чтении *علي* [ʔula] как *ilī*, под которым предполагалось слово *el / il* ‘страна’, ‘владение’, ‘народ’, ‘племя’ и т. п. [56, S. 238; 6, с. 203–204; 28, стб. 1471; 53, р. 121–123; 55, с. 330, 519]. Такое толкование предполагало возможность видеть здесь его в качестве определения в изафетной конструкции персидского тина *il-i māšhūr* или в качестве формы с аффиксом +(s)I, показателем поссессива 3 лица ед. числа. Нами предлагается видеть здесь послелог *ilā* со значением ‘вместе, с’, заменяющий контекстуально союз ‘и’ [6, с. 208; 28, стб. 1476–1477; 51, с. 192; 55, с. 521]. Ср. близкую трактовку, по-видимому, также у А. З. Велиди (Тогана), но совершенно отличный перевод [9, 38 б.]. В частности, представляется, что интерпретация сочетания *dimāk ilā m^āšhūr* как ‘известный под наименованием...’ не может быть принята. Подобная конструкция, без предполагаемого союза, встречается в источнике: *ištīrāk bik dimāğ māšhūr kimkā... ‘...к [тому.] Иштирак-бек наименованием известен’* [48. С. 84 (перев.), 157 (транскр.), 161 (факсим.)].

² См. *чагат*. *q^āriā* (< араб. *q^āriya*) ‘город, селение, деревня’ [7, с. 85; 55, с. 587].

³ Читается *w^ālā^jidā* ‘в вилайете’, но написание предпоследнего знака больше напоминает *кяф*, что позволяло бы читать *w^ālā^jitkā* ‘для этого вилайета’. Единственная сложность для этого – написание на месте последнего знака *ха* *hā*, не характерное для обозначения направительного падежа.

⁴ *bundan s^āngra hāzī m^āh^ām^ād han boldī ž^āmiğ bašqurt alatiir moqšī w^ā s^āhr-i bulğar i^ār^āf^ānda olan w^ā s^āhr-i tura dimāk ilā m^āšhūr m^āngq^āt q^ārj^āl^āni q^āb^āt erüb bu w^ālā^jidā uluğ pādīšāh bolğand^r*

⁵ В оригинале употреблена форма множественного числа [48, с. 186 (л. 63б)], но по контексту речь об одном человеке, что допустимо и грамматически.

⁶ В. В. Трепавлов упоминает эпизод из башкирских преданий, где Сарайчук назван мангытской «столицей» во время деятельности Барака и Мансура [43, с. 94]. Помимо этого в ногайско-русской переписке XVI в. зафиксировано выражение: «А Волга и Яик – обое то отца моего юрт» [43, с. 77].

Булгаре. Сведения о русских монетах и обстоятельствах находки этого клада описаны О. В. Тростьянским [45, с. 153–154]. Сообщим другие важные особенности этого комплекса с вытекающими из них выводами.

1 Младшими датированными монетами клада были хаджитарханская монета хана Мухаммада с уверенно читаемой датой 825 г. х., а также хаджитарханская монета с датой – х62, предположительно выпущенная в 826 г. х. Данное обстоятельство позволяло утверждать, что Рыбнослободской клад был тезаврирован не ранее 826 г. х. Тогда позднюю границу интервала определили довольно условно, по отсутствию в комплексе монет Даниила Борисовича, который начал чеканить монеты в 1423 году и в следующем 1424 году эмиссия от его имени была значительной. Понятно, что отсутствие монет соседнего владения не может являться аргументом чего-либо, однако это обстоятельство с большой степенью вероятности показывало, что клад был зарыт в 826–827 гг. х.

2 В Рыбнослободском комплексе присутствовали только первые монеты Мухаммада-Барака болгарской чеканки, в нём не было поздних болгарских монет этого эмитента [33, с. 81–83]. Т. е. можно утверждать, что клад был зарыт во время того, как Булгар принадлежал этому правителю.

3 В Рыбнослободском клада не было ни одной монеты Гийас ад-Дина Второго, что свидетельствует о том, что Гийас ад-Дин сын Шадибека, чьи болгарские монеты хорошо известны [25, с. 126–128, 156], владел этими землями позже Мухаммада Барака.

4 И, наконец, интересный для темы данной статьи момент, в Рыбнослободском комплексе присутствовало два класса болгарских монет с именем Мухаммад: с трёхногой тамгой и без неё, что с большой степенью вероятности свидетельствует о том, что до Барака Булгар принадлежал последовательно двум разным Мухаммадам. Болгарские монеты Мухаммада с трёхногой тамгой не были описаны на момент находки, что послужило поводом для их публикации в специально посвящённой этому факту статье [44, с. 157–158].

Исходя из вышеперечисленного, последовательность монетной чеканки в Булгаре выстраивается следующая: Дервиш – Кадыр-Бирди (умер 822 г. х.) – Мухаммад 1 – Мухаммад 2 – Мухаммад-Барак (примерно 826–827 гг. х.)¹ – Гийас ад-Дин². Даже если

¹ Помимо Булгара монеты с именем Мухаммада-Барака чеканились в Аллах-Орду-базаре, Хаджи-Тархане и на других монетных дворах [33, с. 81–88].

² Недавно мы опубликовали работу, в которой предположили, что некоторые монеты московской чеканки с арабской стороны были выпущены под давлением со стороны хана Гийас ад-Дина сына Шадибека, владевшего на тот момент Сараем [35, с. 93–98]. По мнению нумизматов, изучающих русские средневековые монеты, этот тип монет начал чеканиться незадолго до смерти великого князя Василия Дмитриевича (умер 27 февраля 1425 года (9/IV/828 г. х.)) [12, с. 277]. Если наши построения верны, то Гийас ад-Дин владел Сараем уже в 827 г. х., откуда он начал требовать поместить своё имя на монетах признавших его власть территорий. В настоящий момент известны

предположить, что один из Мухаммадов – это Улу-Мухаммад, то вторым должен быть Хаджи-Мухаммад. Таким образом, сведения из «Кара таварих» о владении Хаджи-Мухаммадом Булгаром получают нумизматическое подтверждение. Кроме того, состав клада подсказывает нам, что власть эта была в промежутке 822–826 гг. х.

«Счастливым хакан [Шахрух] несколько дней провел на летовке Багдиса. В это время (т. е. летом [6/12-9/12 826 г. х. – май-август 1423 – Р.Р.]) из Хорезма прибыл нукер эмира Шахмелика и доложил следующее: Борак-оглан захватил³ орду (Хаджи?? – Р.Р.) Мухаммад-хана, и большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему» [42, с. 196]⁴. В 2015 году Р. Ю. Рева, приведя эту цитату, предполагал, что, возможно, именно в это время Хаджи-Мухаммад был убит Мухаммадом-Барак [33, с. 92]. В этом случае становится понятным логика событий: в 826 г. х. Барак убивает Хаджи-Мухаммада, хана, кому присягали мангыты. После этого Мансур, старший из оставшихся детей Идегея, решает возвести на престол Гийас ад-Дина сына Шадибека⁵, для чего направляется в сторону Яика, где находились «знаменитые владения мангытов», там можно было получить необходимую поддержку для захвата власти в столичном вилайете. Необходимо признать, что вопрос о том, когда Мансур попытался возвести на престол Гийас ад-Дина: после смерти Кейкубада или смерти Хаджи-Мухаммада остаётся открытым. В пользу первой версии наличие имени хана «Краседдина» (Гийас ад-Дина – Р.Р., В.Т.) в венецианских документах Таны за 1421 год (824–825 гг. х.), однако там данный персонаж фигурирует как лицо малозначимое [18, с. 38]. В пользу второй – сведения из Абдулгаффара Кырыми: «Гийаседдин хан бин Шадибек стал султаном на Волге, на престоле Сайын хана. Он стал благодетелем для всех сыновей Эдигю бега. Мансур мирза захватил много татар из Улуг Нога. После этого через два с половиной года Гийас хан скончался» [1, с. 81]. Если учесть, что смерть Гийас ад-Дина локализуется в промежутке 829–830 гг. х.⁶, то овладение Гийасом Сарая в конце 826 – не позднее 827 гг. х. (за два с половиной года до этого) хорошо сочетается с выводами, полученными

монеты с именем Гийас ад-Дина сына Шадибека, чеканенные в Сарае, в Хаджи-Тархане, в Булгаре, Орду-Базаре, Иль Уй Му'азам, а также княжеские эмиссии с именем бека Махмуда [38, с. 74].

³ В персидском тексте: هتغفرگ [42, с. 256]. В тексте не сказано о смерти хана.

⁴ Ниже говорится о том, что в 828 г. х. Борак-оглан захватил орду Мухаммад-хана, царя узбекского (هاتش داپ كجوزا ظلسم تشگگ) (رد ودرای دمجم ناخ) [42, с. 196, 256]. Что это – дуближ ранее уже сообщённой информации? Об одном и том же Мухаммаде идёт речь в обоих сообщениях?

⁵ Ж. М. Сабитов предлагает другую трактовку событий: «После смерти Едиге Мансур возводит ханом Хаджи-Мухаммада, которого через год свергает Барак. Скорее всего, тогда и был убит Хаджи-Мухаммад. Мансур же убегает от Барака в русский юрт. После он возвращается в Булгар, где возводит ханом Гийас ад-Дина ...» [40, с. 53].

⁶ Вычисляется обратным счётом от даты смерти Мухаммада-Барака, учитывая продолжительность событий, произошедших между смертями Гийаса и Барака.

выше из нумизматических построений, а значит, на них можно опираться при определении интервалов правлений ханов.

Ещё одна важная деталь. После смерти Идегея мангытский клан физически разделился на две части. С одной стороны были Нураддин, Кейкубад и возможно, другие дети Идегея, с другой были Мансур, Гази, Навруз и их последователи. Первая партия, предположительно, поддержала интронизацию Хаджи-Мухаммада. После смерти Нураддина и Кейкубада и до появления во владениях мангытов Мансура (а также Гази и Навруза) прошло достаточно много времени. Кто же был главой мангытов в государстве Хаджи-Мухаммада? Понятно, что основными кандидатами на эти должности должны были быть другие сыновья Идегея или дети Нураддина и Кейкубада. Появление же Мансура отодвигало мангытских лидеров времени Хаджи-Мухаммада на второй план, что должно было привести к вражде двух мангытских группировок.

Согласно Утемиш-хаджи, после смерти Гийас ад-Дина, Мансур Кичик-Мухаммада сына Тимура «сделал ханом и ездил с ним, но народ не принимал его. Мансур бек решил поехать к дальнему хану (Улуг Мухаммаду – *пометка переводчика*)» [48, с. 76]. Однако, учитывая, что Улуг-Мухаммад и его старший бек из клана кунграт Хайдар были злейшими врагами Мансура, к которым тот не поехал бы ни при каких обстоятельствах, мы посчитали нужным проверить этот момент. Обратившись к рукописи, мы обнаружили, что там неразборчиво: قاري [y.rāq] или قارب [b.rāq] [48, с. 178 (л. 676)]. Издателями источника был предпочтен первый вариант, что привело к истолкованию этого места, как упоминанию отбытия Мансурбека к некоему «дальнему» (*jīraq*) хану. Однако, исходя из общего контекста, правильнее предпочесть здесь чтение *Барак*.

Вернёмся к Шибанидам. О смерти Хаджи-Мухаммада от руки Мухаммада-Барака сообщает Кадыр-Али-бек Джалаири [47, с. 85]. Среднеазиатские хронисты отмечают, что Хаджи-Мухаммад принял мученическую смерть¹. После его гибели иль должен был возглавить его старший сын Махмуд. У Утемиш-хаджи он назван Махмутек-ханом [48, с. 60]. Кадыр-Али также сообщает: «...ещё Хаджи-Мухаммед-хана сын Махмутек ханом был» [8, с. 146]. Махмуд сын Хаджи-Мухаммада, чтобы отомстить за отца его убийце, должен был искать смерти Мухаммаду-Бараку, что и произошло в конце 831 – начале 832 г. х. У Фасиха Хавафи мы находим следующую запись за 832 г. х.: «Поступило известие об убийстве Барак-оглана Махмуд Султаном в Моголистане» [46, с. 51]. Аналогичное сообщение есть и Абдарразака Самарканди: «832 г. х. ... В то время, когда орда могущественного повелителя (Шахруха – *примечание переводчика*) находилась в окрестностях Сальмаса, из

Мавераннахра и Туркестана прибыли донесения и гонец мирзы Улугбека, который доложил, что между Султан-Махмуд-огланом и [Барак-огланом – *пометка переводчика*] в Моголистане случилось великое сражение и Султан-Махмуд умертвил Барака ... Из Мавераннахра вновь прибыл гонец и доложил, что у моголов Махмуд-Гази убил Султан-Махмуд-оглана»² [22, с. 168]. В «Кара таварих» и «Умдет ал-ахбар» говорится, что смерть Барака произошла во время битвы, произошедшей между реками Яик и Йем, между сторонниками хана Мухаммада сына Тимура и мангыта Гази с одной стороны и войском Барака – с другой. Убийцей Барака здесь назван кипчак Аяс-бек [48, с. 78; 1, с. 82–83]. Вероятно, Султан-Махмуд-оглан, объявленный убийцей Барака среднеазиатскими летописцами, – это Махмуд сын Хаджи-Мухаммада³, который мог находиться в войске Мухаммада сына Тимура. Но кто такой «Махмуд Гази», убивший после этого Султан-Махмуд-оглана? Махмуд-Ходжа или соединение двух имён (Кичи) Мухаммада и его бека Гази? Загадка трансформируется при обращении к «Муджмал-и Фасихи»: «Восемьсот тридцать второй год... Казнь Махмуд султана Мухаммадом Гази в Моголистане» [49, с. 203]. После уточнения, что Султан-Махмуд-оглана убил «Мухаммад-Гази», а не «Махмуд-Гази» также остаются два варианта⁴:

1) возможно, что после победы над Барак-огланом Кичи-Мухаммад и Гази сын Идегея поспешили избавиться от возможных конкурентов в борьбе за власть и убили Махмуда сына Хаджи-Мухаммада, вероятно-го союзника в предшествующей битве с Барак-огланом;

2) Махмуд-оглана убил сподвижник Махмуда-Ходжи по имени Мухаммад-Гази-султан, о котором говорится в «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда Кухистани [21, с. 148].

Наиболее вероятным нам представляется второй вариант. Ж. М. Сабитов сделал ценное замечание, что в «Муджмал-и Фасихи» «весть о смерти Барака приведена до сообщения, датированного 3 джумада ал-аввала [5 месяц года – Р.Р., В.Т.] (8 февраля 1429 года). А весть о казни Махмуд Султана приведена после сообщения, датированного 17 шаввала [10 месяц года – Р.Р., В.Т.] (20 июля 1429 года). Получается, что эти два события произошли с определённым перерывом в полгода» [40, с. 53–62]. В любом случае, если Султан-Махмуд-оглан и Махмуд-хан, сын Хаджи-Мухаммада одно лицо, то дата его смерти приходится примерно на середину 832 г. х.

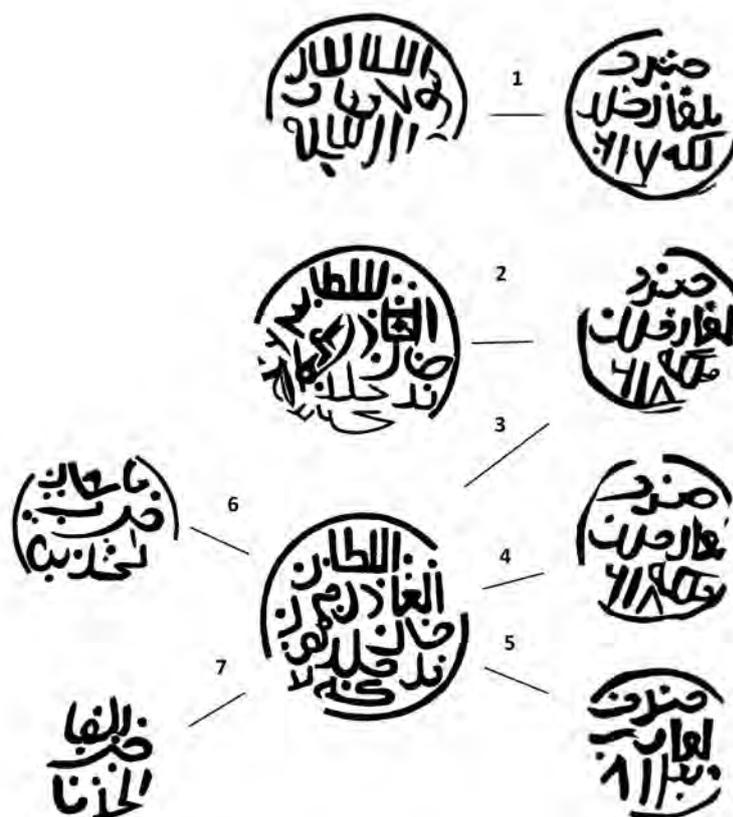
«После ханом стал Махмутек-Ходжа сын Канбая» [48, с. 215]. В 2017 году Р. Ю. Рева писал: «Монеты Махмуд-Ходжи чеканены на монетном дворе Орду. Находят пока только в Среднем Поволжье. Кро-

¹ «У Даулат-Шейх оглана был один сын – покоритель мира Абу-л-Хайр-хан. После мученической смерти Ходжи-Мухаммад-хана ему была передана власть над Дашт-и Кипчаком до пределов Туркестана и Сыгнака» [50, с. 76].

² Султан-Махмуд, как и Барак названы огланами, т. е. тимуридские авторы знали об их чингизидском происхождении, однако не признавали их ханами.

³ Ж. М. Сабитов считает, что Султан-Махмуд, убивший Барака – это сын Идегея [40, с. 53–62]. Однако, это достаточно спорное утверждение в виду эпитета «оглан», добавленного к имени убийцы Барака в указанных выше источниках.

⁴ По сути, варианты всё те же: Кичи-Мухаммад и его сторонники, либо Махмуд-Ходжа и его сторонники.

- 1 – Пулад, Булгар 812 г. х.
 2 – Пулад-«Махмуд», Булгар 812 г. х.
 3–4 – «Махмуд», Булгар 812 г. х.
 5 – «Махмуд», Булгар 813 г. х.
 6–7 – «Махмуд», Булгар ал-Джедид

Рисунок 1 – Штемпельные реконструкции болгарских монет 812, 813 гг. х. (из статьи Р. Ю. Рева, Б. И. Леонов «Чьё имя стоит на монетах Булгара 812-813 гг. х.?»)»

ме того, существуют монеты Булгара, выбитые от имени хана Махмуда в 812 и 813 гг. х. [32, с. 56–57]. Предположительно они также выпущены Махмуд-Ходжою в момент, когда власть Пулада, ставленника Идегея, ослабла, и воцарился его брат Тимур, который с 812 г. х. также начал чеканку своих монет» [34, с. 28]. В сентябре 2018 года к Р. Ю. Рева обратился известный американский специалист в области монгольского денежного обращения Джим Фарр¹ с просьбой пояснить ему некоторые моменты о монетах Булгара 812 и 813 гг. х. с именем Махмуд. Его интересовал вопрос, почему многие считают эти монеты выпусками Махмуд-Ходжи, в то время как слова «Ходжа» на монетах нет. Чтобы ответить на резонный вопрос Фарра, Р. Ю. Рева решил провести дополнительное исследование², для чего вместе с Б. И. Леоновым они собрали все доступные тогда изображения монет этого типа, сделали штемпельный анализ, предложили пять вариантов прочтения имени хана, учитывая подражательный характер исполнения лицевой легенды, и проанализировали сведения из письменных источников для поиска возможных претендентов на роль эмитента. Результаты этой работы были опубликова-

ны в «Сибирском сборнике» за 2019 год [39, с. 93–103] (рисунок 1). Одним из предложенных вариантов прочтения имени был такой: «Тимур. Так это имя может быть прочтено, если предположить, что резчик случайно неверно вырезал первый харф, загнув его налево чуть больше, чем нужно, в результате первый *та* выглядит похожим на *мим*». После выхода в свет этой публикации А. Е. Купцов обратил внимание авторов на хаджитарханские монеты хана Тимура, среди которых есть несколько типов с вертикальным написанием имени хана, что практически полностью соответствовало исполнению имени искомого болгарского эмитента [41, с. 7] (рисунок 2). Сейчас уже можно с большой степенью уверенности утверждать, что болгарские монеты 812 и 813 гг. х. «Махмуда» на самом деле выпущены ханом Тимуром, как и предполагал первый публикатор этих монет Х. М. Френ, который ещё в 1826 году отнес их к эмиссии от имени хана Тимура, но заметил, что имя начертано настолько сомнительно, что может быть прочитано как *Махмуд* [54, р. 374–375]». В 2004 году Е. Ю. Гончаров и О. В. Тростьянский опубликовали работу, в которой высказались, что эмитентом этих монет мог быть некий неизвестный на тот момент хан Махмуд [13, с. 39]. В 2013 году Р. Ю. Рева предположил, что под этим именем скрывается Шибанид Мах-

¹ Jim Farr.

² К сожалению, Джима не стало 2 декабря 2018 года, точно во день его семидесятилетия.

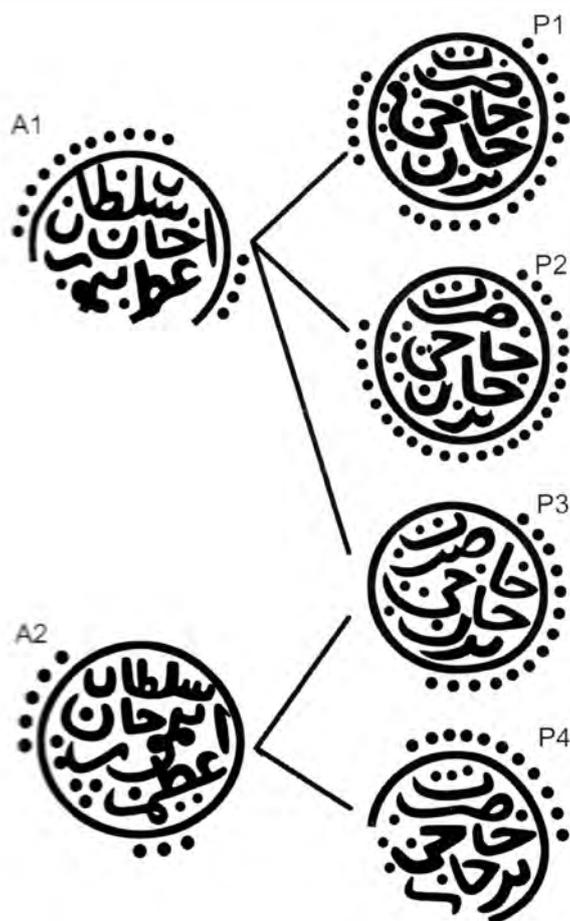

Рисунок 2 – Штемпельные реконструкции хаджитарханских монет хана Тимура (из книги Р. Ю. Савоста «Монеты Хаджи-Тархана 813–831 г. х.»)

муд-Ходжа сын Каганбека. И вот теперь следует вернуться к первоначальной версии прочтения этой подражательно исполненной монетной легенды и признать правоту блестящей гипотезы основоположника восточной нумизматики в Российской империи – эти монеты, скорее всего, чеканены ханом Тимуром. Таким образом, вопрос о возможном правлении Махмуда-Ходжи в Булгаре в 812 и 813 гг. х. отпал сам собой.

В конце 2013 года Р. Ю. Реве стало известно о случайной находке на территории Татарстана монеты¹, на которой совершенно ясно читается (рисунок 3.1 и рисунок 4.1):

Л.с. «... Махмуд-Ходжа хан ...»

О.с. «Чекан Булгар»

Монета весит 0,44 г, что с большой степенью уверенности показывает её чеканку после болгарских эмиссий Гийас ад-Дина, т. е. примерно в 830-ые г. х. Итак, можно констатировать владение Махмуд-Ходжей Булгаром.

Помимо этой монеты в настоящее время известны монеты Махмуда-Ходжи, чеканенные в Орду² предположительно в конце 820-х – начале 830-х гг. х. Находки на городищах Великого Булгара и Восточно-

Войкинском [32, с. 56–57] (рисунок 3. 2–5 и рисунок 4. 2–5)³. А. Г. Бахтин отмечает, что «зимой 1428/1429 года [начало 832 г. х. – Р.Р., В.Т.] объединённое болгаро-татарское войско и марийские отряды напали на Галич» [3, с. 70]. Поход возглавляли князь Али-баба (Али-бей) и царевич Махмуд-Ходжа. Об этих же событиях пишет А. А. Горский, отмечая, что «в 1431 году Василий Васильевич, очевидно в качестве ответной меры послал “на Болгары Воложский”» того же князя Федора [Стародубского – Р.Р., В.Т.]: «он же, шед, взя их, и всю землю их плъни» [14, с. 142]. Учитывая, что 1431 год приходится на 834 г. х., можно предположить, что поход на Булгар был организован после получения москвитями известия о смерти Махмуда-Ходжи.

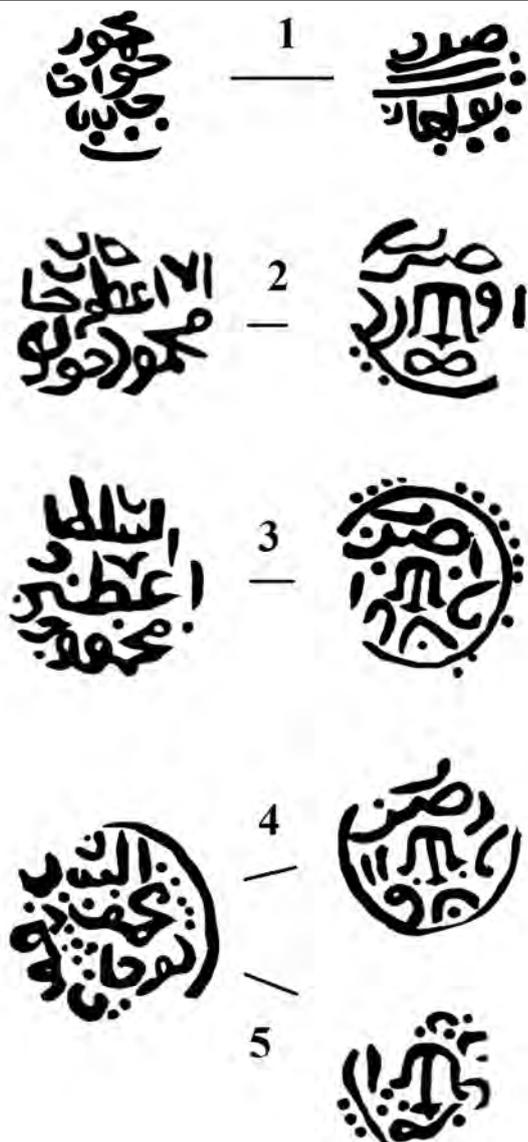
Если сравнить приведённые выше данные с отрывком из «Кара таварих»: «После того [после Хаджи-Мухаммада и, возможно, его сына Махмутека – Р.Р. В.Т.] Махмутек-Ходжа ибн Кан-бай ибн Ильбек ибн Мелик-Тимур ханом стал, он же имеющим фундамент⁴, хорошим ханом стал. С вилайетом Тура, с Конград(ов) туменом и также Саджаут(ов) туменом

¹ Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность Н. Х. Биккиняеву, обратившему наше внимание на эту монету.

² Впервые эти монеты были опубликованы А. Г. Гаевым, но с неверным определением эмитента [10, с. 72]. Впоследствии исследователь пересмотрел их атрибуцию, правильно отнес их к эмиссиям Махмуд-Ходжи сына Каганбека [11, с. 29–30].

³ Вес монет в граммах: рисунок 3.2 – 0,56, 0,60, 0,71; рисунок 3.3 – 0,65, 0,71, 0,74, 0,77, 0,84; рисунок 3.4 – 0,62, 0,71, 0,76; рисунок 3.5 – 0,73.

⁴ Махмуд «имел хороший фундамент», так как ханство Тура уже существовало до него при Хызре и Хаджи-Мухаммаде. Кроме того, отец Махмуда-Ходжи, Казанбек, был ханом, и даже овладевал Сараем, где отчеканил монету в 777 г. х.

1 – Булгар, 2–5 – Орда
Рисунок 3 – Штемпельные реконструкции монет Махмуд-Ходжи

1 – Булгар, 2–5 – Орда
Рисунок 4 – Монеты Махмуд-Ходжи

сразившись, их обратив в бегство, себе покоренными сделал», то очевидно, что между ними нет противоречий.

По сведениям, приведённым Кухистани, Абу-л-Хайр воцарился в 833 г. х., а позже, снарядив войска, направился в сторону города Туры, «который стал местопребыванием трона государства» [21, с. 144–145]. В Туре в это время правил Махмуд-Ходжа-хан, «который некоторое время находился в силе и могуществе, а также на троне владычествования» [21, с. 147], и при этом «мечтал о господстве и жаждал падишахства»¹ [21, с. 148]. Через некоторое время произошло сражение на берегу реки Тобол, в результате которого Махмуд-Ходжа потерпел поражение, попал в плен, а после был убит. Вскоре победителями был убит некий Мухаммад-Гази-султан² близкий соратник Махмуда-Ходжи [21, с. 148].

¹ Читай: Махмуд-Ходжа был ханом, сидел на троне в Туре, но мечтал стать верховным правителем Золотой Орды.

² Уж не убийца ли Султан-Махмуда?

Как мы видели выше, сведения из «Кара таварих» достаточно хорошо коррелируют с другими источниками и нумизматическими данными. Сравним теперь эти сведения с данными «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека Джелаири. Во время войны Кадырберди с Идегеем произошла битва на притоке Яика под названием Илек. К войскам Идегея присоединился Хаджи-Мухаммад, который в это время был ещё уланом, т. е. огланом. Первоначально Хаджи-Мухаммад направлялся в «народ куральский»³. Идегей уговорил Хаджи-Мухаммада присоединиться, обещая, что сделает его ханом, а пока назначил его предводителем своего войска. В результате битвы был убит

³ Имеется в виду, Польшу-Литву. Иные варианты для локализации «Курал» обсуждаются в работе Д. Н. Маслоуженко [20, с. 58]. «Кара таварих» не оставляет сомнений по поводу того, что означает слово «Курел»/«Курал», рассказывая о нахождении там в плену Шейх-Ахмада-хана [48, с. 33]. В 1504 году Шейх-Ахмад-хан, сын хана Ахмада попал «в почетный плен» к правителям Польско-Литовского государства, где пробыл до 1527 года [15, с. 105–120].

Кадыр-Бирди-хан. Вскоре Идегей тоже был убит [8, с. 145–146].

Перевод следующего за этим фрагмента текста осуществлён по доступной нам Петербургской рукописи сочинения Кадыр-Али, той же, что была использована И. Н. Березиным [5, с. 103] и Ч. Ч. Валихановым¹:

*m^anşūr bik boldī ḥāzī m^uh^am^{ma}d ulan-nī m^anşūr bik hānlāndī b'ri hān b'ri bik bolub *jürür² ārdi h'kāj³tdā māšhūr t^rur özbik⁴ arasında m^anşūr bik-ni *b^araq³ hān öltürdi *andīn song⁴ b'ri kün ḥāzī m^uh^am^{ma}d hān-nī ām⁵ b^araq hān öltürdi w^a t^rqī ḥāzī m^uh^am^{ma}d hān-nīng oğlī m^ahmut^ak hān hān t^rur «...Мансур беком стал, Хаджи-Мухаммад-улана Мансур-бек ханом сделал; один ханом, один беком став, жили (они). В преданиях известно среди узбеков, Мансур-бека Барак-хан убил, после того однажды⁶ Хаджи-Мухаммад-хана также Барак-хан убил. Еще Хаджи-Мухаммад-хана сын Махмутек-хан ханом был...» [16, л. 144а, перевод В. В. Тишина] (ср.: [17, 165 б.])⁷.*

Сравним данные Утемиш-хаджи и Кадыр-Али-джелаира:

1) согласно «Кара таварих», на момент смерти Идегея Хаджи-Мухаммад был ханом, по Кадыр-Али Хаджи-Мухаммад был ещё огланом. Это не очень важное расхождение, имея в виду то, что было сказано выше об эпитетах «хан» и «оглан» в письменных источниках;

2) по Кадыр-Али, Идегей обещал сделать Хаджи-Мухаммада ханом. Но если он действительно был на тот момент войсковым ханом⁸ или ханом

Туры, то данную фразу можно понять, как обещание Идегея сделать Хаджи-Мухаммада ханом Дешта – верховным правителем всего государства;

3) «Мансур беком стал, Хаджи-Мухаммад-улана Мансур-бек ханом сделал; один ханом, один беком став, жили (они)». Согласно «Кара таварих», Мансур отъехал в Московский вилайет, выезжая оттуда, сделал ханом Гийас ад-Дина, после смерти которого, сначала возвёл на престол Кичи-Мухаммада, а после, разочаровавшись в нём, отъехал к хану Бараку. Для интронизации Хаджи-Мухаммада времени просто не остаётся! В этом месте, действительно, значимое противоречие, которое можно разрешить только предложенным выше способом: Хаджи-Мухаммада поддержал кто-то из старших братьев Мансура;

4) «В преданиях известно среди узбеков, Мансур-бека Барак-хан убил, после того однажды Хаджи-Мухаммад хана также Барак-хан убил...» Сведения об убийстве Мансура Бараком совпадают. У Утемиш-хаджи ничего не сказано о времени смерти Хаджи-Мухаммада. Но, если данные петербургского списка «Джами ат-таварих» окажутся точнее, то его смерть нужно локализовать в интервале 829–831 гг. х., а не 826 годом, как вытекало из наших вышеприведённых рассуждений. Впрочем, автор не зря упомянул о том, что это только «предания»;

5) «Ещё Хаджи-Мухаммед-хана сын Махмутек ханом был». Здесь сведения опять совпадают.

Обобщая все изложенное выше, можно заключить, что сводные данные письменных источников и нумизматики позволяют нам предположить, что вилайет Тура выделился в самостоятельное ханство в промежутке 793–822 гг. х. Первым правителем его был хан Хызр сын Ибрахима. В дальнейшем, по нашим построениям, правителями Туры были следующие ханы:

До 822 г. х.?	Хызр-хан сын Ибрахима
822? – 826 (или 830) ⁹ гг. х.	Хаджи-Мухаммад-хан сын Али
826 (или 830) – 832 ? гг. х.	Махмуд-хан сын Хаджи-Мухаммада
832–834 гг. х.	Махмуд-Ходжа-хан сын Каганбека
834–862 гг. х.	Абу-л-Хайр-хан сын Девлет-Шейха
862 – ... гг. х.	Йадгар-хан сын Тимур-Шейха.

⁹ Датирование смерти Хаджи-Мухаммада 826 годом находится под сомнением в связи с очерённостью гибели Мансур-бека и Хаджи-Мухаммад-хана, представленной в петербургском списке сочинения Кадыр-Али-бека. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, в том числе на основе сопоставления всех списков этого сочинения.

¹ Далее мы даем транскрипцию, следуя тексту рукописи. Поскольку текст не всегда ясен, предположительно восстановленные чтения отмечаются знаком * («звездочка»), в примечаниях отмечены разночтения с И. Н. Березиным.

² Так у И. Н. Березина.

³ В рукописи: فاري.

⁴ В рукописи невнятное написание, без огласовок, наподобие كونسونى زى*, у И. Н. Березина в этом месте исправлено на نى كونسونى دن, т.е. andīn song 'после этого'.

⁵ В рукописи مى [уут], И. Н. Березина: * [hm], т.е. h^am.

⁶ У Ч. Ч. Валиханова этот фрагмент трактуется следующим образом: «после того Хаджи-Мухаммед-хана в один день тоже Барак-хан убил» [8, с. 146]. Следует отметить, что это выражение «в один день» ни в данном случае, ни в каком-либо другом не может быть истолковано как «в тот же день», поскольку bir kün – это наречие, имеющее устойчивое значение, соответствующее русскому «однажды», «как-то раз» и т.п. (см., напр.: [31, стб. 1748; 51, с. 118, 138]).

⁷ А. В. Парунин со ссылкой на М. Г. Сафаргалиева замечает, что в рукописи сообщалось только о смерти Мансура [27, с. 446–447]. М. Г. Сафаргалиев, ссылаясь на казанскую рукопись [Сафаргалиев, 1960, с. 204], к сожалению, нам на данный момент недоступную.

⁸ Человеком, уже объявленным ханом своими сторонниками, но не успевшим пока захватить власть в каком-либо значимом вилайете.

Список источников и литературы

- 1 Абдулгаффар Кырьми. Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Перевод. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 200 с.
- 2 Аксанов, А. В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 786–800.
- 3 Бахтин, А. Г. «Начало царства Казанского...» (Образование Казанского и Касимовского ханств). – Нижний Новгород : НИЭЛ, 2019. – 218 с.
- 4 Белич, И. В. К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмень // Вестник археологии,

- антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 143–157.
- 5 [Березин, И. Н.]. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием // Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 2. Ч. 1. – Казань : Тип. губернского правления, 1854. – VII+171 с.
- 6 Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. I. – Санкт-Петербург : Типогр. Имп. акад. наук, 1869. – X, 810, 3, 6 с.
- 7 Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. – Санкт-Петербург : Типогр. Имп. Акад. наук, 1871. – II+415 с.
- 8 Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. – Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. – 780 с.
- 9 Валиди Туган Ә. Башкорттар тарихы (автор кулъязмаһынан тәржемә). Тулъл. 2-се бас. – Өфө : Китап, 2005. – 304 б.
- 10 Гаев, А. Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445–1461) // Тезисы 7 Всероссийской нумизматической конференции. – Москва : Государственный Исторический музей, 1999. – С. 70–73.
- 11 Гаев, А. Г. Генеалогия и хронология джучидов // Древности Поволжья и других регионов. – Вып. IV. – Нижний Новгород : Регион, 2002. – С. 9–55.
- 12 Гозлов, С. А., Титов, Г. А., Шулепко, М. И. О некоторых типах денег Московского княжества 1420–30-х годов с изображением всадника с копьем // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. – Вып. 4. – Москва, 2017. – С. 274–292.
- 13 Гончаров, Е. Ю., Тростьянский, О. В. Хан Махмуд, Булгар, 812–813 г. х. // Нумизматика. – Март 2004. – С. 39–42.
- 14 Горский, А. А. Москва и Орда. – Москва : Наука, 2003. – 214 с.
- 15 Зайцев, И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). – Москва : Рудомино, 2004. – 216 с.
- 16 Кадыр Али бек. Джамии' ат-таварих (Сборник летописей) // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Ms. О. 59. Лл. 1а–157б.
- 17 Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. 5 том. XV–XIX ғасырлар шығармаларынан үзінділер. – Алматы : Дайк-Пресс, 2006. – 440 б.
- 18 Карпов, С. П. Преступление и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо (1423) // Византийский временник. – 2010. – Т. 69 (94). – С. 32–43.
- 19 Маслюженко, Д. Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей, посвященный памяти В. П. Костюкова. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2011. – С. 88–101.
- 20 Маслюженко, Д. Н. Этапы становления и внутренняя политика // Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 55–74.
- 21 Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. – Алма-Ата : Наука, 1969. – 548 с.
- 22 Материалы по истории киргизов и Киргизии. – Вып. I. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
- 23 Миргалеев, И. М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемишиа-Хаджи о поздних шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – С. 64–66.
- 24 Миргалеев, И. М. «Кара таварих» Утемишиа-хаджи. Список Ризаэтдина Фахретдина // Тюркологические исследования. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 58–72.
- 25 Мухамадиев, А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – Москва : Наука, 1983. – 188 с.
- 26 Парунин, А. В. Кара таварих Утемишиа-хаджи как источник по истории династии Шибанидов // Сибирский сборник. – Вып. 4. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – С. 104–116.
- 27 Парунин, А. В. Политическая история Золотой Орды в 1419–1427 гг. // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 434–460.
- 28 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. Ч. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – Стб. 969–1914, 66 с.
- 29 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1899. – Стб. 1053–1814, 64 с.
- 30 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1905. – Стб. 1–1260.
- 31 Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. Т. IV. Ч. 2. – Стб. 1117–2230, 107 с.
- 32 Рева, Р. Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы 17 Всероссийской нумизматической конференции. – Москва : Триумф принт, 2013. – С. 56–58.
- 33 Рева, Р. Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. – 2015. – № 5. – С. 80–104, 153–155.
- 34 Рева, Р. Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской научной конференции г. Курган 21–22 апреля 2017 года. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – С. 25–36.
- 35 Рева, Р. Ю. О русских монетах 1420–1430-х гг. с подражанием арабской легенде // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. К 90-летию А. С. Мельникова и 100-летию В. В. Узденикова. – Москва : ООО РПЦ «Возрождение», 2019. – С. 93–98.
- 36 Рева, Р. Ю., Брагин, А. О. Несколько замечаний к чеканке монет в Сыгнаке в конце XIV века // Нумизматические чтения Государственного музея 2016 года. – Москва : РИА Внешторгиздат, 2016. – С. 58–64.
- 37 Рева, Р. Ю., Недайвода, А. В. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большой Орды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. № 7: Археология и этнография. – С. 151–159.

- 38 Рева, Р. Ю., Леонов, Б. И. В поисках Махмудов (Первые 30 лет XV в.) // Тезисы 20 Всероссийской нумизматической конференции. – Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. – Москва, 2019. – С. 73–75.
- 39 Рева, Р. Ю., Леонов, Б. И. Чьё имя стоит на монетах Булгара 812–813 гг. х.? // Сибирский сборник. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – Вып. 4. – С. 93–103.
- 40 Сабитов, Ж. М. Мангытский юрт от Мансура до Ваккаса // Научный Татарстан. – 2013. – № 2. – С. 53–62.
- 41 Савоста, Р. Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813–831 г. х. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. – Николаев : Шамрай, 2016. – 110 с.
- 42 Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
- 43 Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды. – Москва : Восточная литература, 2001. – 752 с.
- 44 Тростьянский, О. В. Клад золотоордынских монет XV века с территории Татарстана // Труды Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков». I Международная нумизматическая конференция (Саратов, 2001), II Международная нумизматическая конференция (Муром, 2003). – Москва : Нумизматическая литература, 2005. – С. 157–158.
- 45 Тростьянский, О. В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. – Москва : Нумизматическая литература, 2009. – 180 с.
- 46 Тулибаева, Ж. М. «Муджамал-и Фасихи как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 5. – Казань : Фолиант, 2012. – С. 45–52.
- 47 Усманов, М. А. Татарские исторические источники. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1972. – 224 с.
- 48 Утемши-хаджи. Кара таварих. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.
- 49 Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. – Ташкент : Фан, 1980. – 348 с.
- 50 Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. I. – Москва : Наука, 1983. – 536 с.
- 51 Щербак, А. М. Грамматика староузбекского языка. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962. – 276 с.
- 52 Bodrogligeti A. A Grammar of Chagatay. – München : Lincom Europa, 2001. – 437 p.
- 53 Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford : Clarendon Press, 1972. – XLVIII, 989 p.
- 54 Fraehni Ch. M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae. – Petropoli, 1826. – 655 p.
- 55 Ünlü S. Çağatay Türkçesi Sözlüğü. – Konya : Eğitim Yayınevi, 2013. – 1286 s.
- 56 Vámbéry H. Cagataische sprachstudien: enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomathie, und Wörterbuch der cagataischen Sprache. – Leipzig : F. A. Brockhaus, 1867. – VIII, 358 S.

ДЕЧИНГИЗАЦИЯ: СИБИРСКАЯ ВЕРСИЯ

Аннотация. Правители Сибирского юрта буркуты Тайбугиды с конца XV в. до 1560-х гг., по некоторым косвенным сведениям, управляли от имени безвластных ханов в должности беклербеков. Хотя они и получили доступ к власти посредством породнения с ханским родом через браки, но также подыскивали в отдаленных временах дополнительное обоснование своих прав на власть. Карьерные успехи буркутских беков находились в общем русле тенденции к усилению нединастической знати в Улусе Джучи в XV в.

Ключевые слова: Сибирский юрт, Тайбугиды, беклербеки, карачи-беки, гурганы, легитимизация статуса.

Abstract. According to some indirect information, the rulers of the Siberian Yurt, the Burkut Taybughids from the end of the 15th century to the 1560-ies managed on behalf of the powerless khans in the position of beklerbeks. Although they acceded to power by twinning with the khans' family through marriage, they also sought additional justification for their rights to power in remote times. The Burkut beks' career achievements were in the general trend of the strengthening non-dynastic nobility in the Jochi Ulus in the 15th century.

Key words: the Siberian Yurt, Taybughids, beklerbeks, qarachi-beks, gurgans, legitimization of status.

С середины XIV в. в государствах на территории бывшей Монгольской империи наметился процесс постепенного отхода потомков Чингисхана от верховной власти. Смена правящих элит проявлялась по-разному.

Во-первых, образовались «гурганские» династии, когда для доступа к трону оказывалось достаточным породнение с «золотым родом» Чингисидов по женской линии. Тимуридов так и называли: Гурганийан, т. е. семья, или династия зятьев [11, с. 97].

Во-вторых, правление осуществлялось от лица безвластных марионеток-Чингисидов. Предназначение их заключалось в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительного правителя.

В-третьих, дорогу к власти проложила себе нединастическая аристократия – беки тюркских племен (элей), которые до середины XIV в. были почти не заметны в политике.

Первые явные признаки усиления роли и влияния беков в Улусе Джучи проявились в ханствовании Тохты в начале XIV в., когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при ханах Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью.

Несомненными стимулами их выхода на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование замкнутых экономических провинций (см. [7, с. 694; 8]). Это явление давно отмечено историками, но обычно интерпретируется как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от столярного Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Роль ханов сводилась к верховному контролю

над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования» [25, с. 230].

В утрированно-сконцентрированном виде эта ситуация показана в анонимном памятнике начала XVII в. «Дафтер-и Чингиз-наме», где Чингисхан после раздачи милостей и пожалований главам подвластных племен объявляет им: «О мои беки... с этого дня я принадлежу вам, а вы – мне» [38, с. 52]. Впрочем, в этом сочинении роль нединастической знати представляется гипертрофированной (на фоне негативного отображения или игнорирования родичей кагана – его действительных ближайших соратников в построении империи). Очевидно, с поправкой на позднейшую (послезолотоордынскую) историческую ситуацию именно беки там показаны как опора Чингисова правления и неперемный компонент имперской государственности. Даже приход Чингисхана к власти изображен как результат не его усилий, а как его согласие на призыв глав родов. Не случайно «Дафтар» получил в историографии репутацию апологии племенной элиты (см. [1; 6, с. 316]).

Наиболее наглядным признаком участия беков в государственных делах было их участие в церемонии возведения на трон очередного хана. Хан же, вероятно, не вмешивался в их внутриплеменную компетенцию. Он ограничивался утверждением или официальным признанием нового старшего бека племени [33, с. 93, 193], а далее этот бек вершил дела сородичей и соплеменников уже самостоятельно, без пристального контроля со стороны ханского двора.

К названным выше социальным и природным факторам нужно добавить особенности отношений между центральной властью и аристократией кочевых племен. Она занимала важное, но до конца не вы-

ясненное место в иерархии ордынской власти. После исследований Ю. Шамильоглу значительно прояснился статус «правлящих племен», но нельзя того же сказать о «неправлящих». Можно догадываться, что ханы, заинтересованные в стабильности пополнения казны податями и войска – племенными ополчениями, старались держать «родовых князей» в поле зрения [2, с. 66].

Вхождению беков во власть парадоксальным образом, очевидно, способствовала «Черная смерть» – пандемия чумы середины XIV в. Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В результате ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента – аристократии кочевых степей. По мере развития (а позднее по мере ослабления) ордынской государственности все более заметное место в ней начинают занимать беки высшего ранга – *беклербеки*.

Одну из причин усиления роли беков в поздней Золотой Орде и в постордынском мире можно видеть также в примитивизации, цикличности, обратимости развития кочевых политий. Ренессанс традиционных институтов, вероятно, служит проявлением некоторых общих закономерностей социальной самоорганизации, средством приспособления социума к ухудшившимся условиям существования. В критические периоды своего исторического развития кочевники возвращались к тем нормам общественной и хозяйственной жизни, которые составляли своего рода матрицу их общественного бытия, т. е. были привычны, традиционны и освящены опытом предыдущих поколений. То есть на первый план выходили не имперские, а традиционного клановые институты, приспособленные к регулированию кочевого общества. Одним из таких институтов было лидерство бека – предводителя, судьи, военачальника, защитника, гаранта благоденствия племени.

В XV в., в условиях угасания ордынской административной структуры и нарастания патриархальных черт общественной жизни, идущих из кочевой старины, племенные беки прочно заняли место в управленческой системе. Они стали играть первостепенную роль в ханствах и ордах, которые сформировались при распаде Улуса Джучи. Возросший авторитет племенных предводителей оформился в виде института *карачи-беков* – глав ведущих племен (элей). Они составляли неперенный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве. По общей схеме, карачи-беков должно было бы быть четверо. Опираясь на более поздние реалии Крыма, эту идею высказал Ю. Шамильоглу в отношении поздней Золотой Орды [32; 33]. В литературе последних лет распространилось небесспорное убеждение, что при правителях во всех «постордынских» юртах обязательно действовал совет из четырех вельмож – представителей и предводителей главных племен, или родов («правлящих») – *ruling tribes*, по Ю. Шамильоглу, или «государственно-

образующих» – *state-forming clans*, по М. Иванич [37, с. 576; 41]).

Но даже когда ханская власть ослабевала настолько, что становилась добычей противоборствующих клик, беки в XV–XVII вв. не смели претендовать на трон. Правление потомков Чингисхана/Джучи было институализировано и превратилось в непреложный закон, завещанный предками [34, с. 71, 72]. Поэтому и появлялись подставные ханы, от лица которых могущественные предводители племен осуществляли управление соответствующим юртом.

Беклербеки особенно заметны в образованиях со слабой или отсутствующей ханской властью. Правители Сибирского юрта Тайбугиды с конца XV в. до 1560-х гг. обладали бекским званием и, по некоторым косвенным сведениям, управляли от имени безвластных ханов. Существовало ли там что-либо подобное позднее, при ханах Ахмед-Гирее и Кучуме, сложно судить из-за недостатка сведений. Исходя из известных на сегодняшний день немногочисленных источников, путь к власти Тайбугиды начали через породнение с «золотым родом» через брачные союзы. Из татарских преданий, отображенных в сибирских летописях, явствует, что полулегендарного предка рода Тайбугу за заслуги в покорении Обь-Иртышского края «царь Чингис» «[д]щерь свою даде за него в жену» и, более того, завещал «все свое имение зятю своему (Тайбуге – В.Т.) и дочери» [21, с. 118]. Таким образом, предводитель буркутов якобы получил гурганство и удел еще при жизни и по воле основателя Монгольской империи. После работ И. А. Мустакимова с переводами из восточных сочинений XVI–XVII вв. [15; 16; 17; 18] среди историков утвердилась уверенность в принадлежности Тайбугидов к элю буркутов. Однако в аутентичных текстах более раннего времени не просматривается столь явная принадлежность этого племени к ордынской правящей элите. Во всяком случае, на протяжении всего XIII века Чингисиды брали жен из весьма ограниченного круга тюркских и монгольских племен (баяутов, икирэсов, олхунутов, хонкиратов, карлуков, уйгуров [39, с. 220]), и буркуты среди таковых, кажется, не замечены. Первое указание на подобный брак приводится у Махмуда б. Вали: буркутка была первой женой узбекского хана Абу-л-Хайра и матерью его первенца Шах-Будага [14, с. 354].

В отношении Сибирского юрта относительно надежные сведения относятся приблизительно к третьей четверти XV в. В сибирских летописях рассказывается о внуке Тайбуги Маре, который «женат был на сестре казанского царя Упака» [21, с. 47, 81, 108; 26, с. 18]. В «казанском царе» историки давно и обоснованно видят тюменского хана Ибака [5, с. 391; 36, с. 14] (вопрос о его связи с Казанью нас в данном случае не интересует). Хотя он впоследствии и убил своего зятя Мара, вхождение последнего в ханскую семью, породнение с носителями монархического начала в степи на некоторое время стабилизировало ситуацию внутри юрта [11, с. 64; 40, с. 82] и позволило Ибаку активно проявить себя во внешней полити-

ке, на пространстве распавшегося Улуса Джучи. В то же время буркутский клан, несмотря на гибель Мара, очевидно, стал считаться привилегированным – гурганским кланом.

Взятие беком в жены представительницы династии в ордынской, а также постордынской и околордынской (Чагатайский улус при Тимуре) истории неоднократно становилось шагом не только к автоматическому получению гурганского ранга, но и к всеильному беклербекству. При этом ханские зятья сохраняли контроль над своими племенами, опирались на них и одновременно служили центром притяжения новых сторонников, которые стремились найти покровительство у новоявленного могущественного вельможи.

Статус тайбугидских (буркутских) предводителей в конце XV – начале 1560-х гг. предположительно демонстрирует высший аристократический, т. е. беклербекский, ранг. Исследователями отмечалось и «полусамостоятельное» положение Тайбугидов, и вероятное¹ занятие Тайбугидами поста беклербека, и управление юртом в этом качестве от имени безвластных ханов [9, с. 47; 10, с. 799, 800; 11, с. 67, 68; 13, с. 460]. Отмечалась и постепенная институализация власти этой элиты буркутов: от династических браков через выделение собственного домена в Кызыл-Туре к созданию собственных потестарных структур и разработке искусственных генеалогических конструкций для оправдания легитимности своего правления [20, с. 107, 109].

В истории бывших западных улусов Монгольской империи обнаруживаются несколько способов узаконивания власти нечингисидских государей. Один из них – возведение родословной к лицам, пользующимся всеобщим почитанием среди мусульман. Такой путь избрали ногайские беки (бии), которые заявляли о своем происхождении от первого халифа Абу Бекра – через святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса [28, с. 86, 87; 35, с. 336–352]. Другой способ легитимизации нового статуса – объявление о вымышленном родстве с Чингисханом и/или сотрудничестве с ним предков – его современников. Этот вариант практиковался у Тимура и Тимуридов. Чингисов предок Кабул якобы заключил письменный договор со своим братом-близнецом и пращуром Тимура Каджули, в соответствии с которым потомки первого должны быть ханами, а потомки второго – эмирами и «предводителями войск». Это соглашение было-де возобновлено Чингисханом и потомком Каджули Карачаром, и отношения, установленные предками, соблюдались при чагатайских ханах (когда в их улусе разразилась смута, этот драгоценный документ некстати «пропал») [30, с. 14, 47].

Оба названных метода вырабатывались параллельно с породнением с ханским домом через браки и независимо от них. Тайбугиды, хотя и получили доступ к власти посредством гурганства, также подыскивали в отдаленных временах дополнительное обо-

снование своего присутствия в ней. Если в татарских преданиях, зафиксированных в Сибирских летописях, Тайбуга в награду за военные подвиги получает удел на реке Туре [21, с. 46] и тем самым предстает как подданный и вассал «царя Чингиса», то другие тюркские источники приписывают Тайбуге изначальное самостоятельное ханствование, без чьей-либо инвеституры: «Тай Буга стал великим ханом [улуг *падишах*] в юрте Ишдеке» («Каратаварих» Утемиш-хаджи), он «первым основал в Искерском юрте ханство» (анонимное «Шаджарат ал-авлия мин билад Мавара аннахр») [29, с. 84, 158; 4, с. 41]. Данная легенда была явным выражением попытки десакрализации Чингисидов – традиционных обладателей монополии на ханское звание. Необходимость весомого обоснования удачного поворота в судьбе лидеров буркутского эля породила возвышающие их историко-генеалогические версии не в середине XVI века [11, с. 69], а, вероятно, несколькими десятилетиями ранее.

Представление «золотого рода» в качестве потомков разбойника и узурпатора Чингиса [12, с. 107] весьма напоминало подобные же идеологические конструкции в Московском государстве, искавшем теоретическую опору для борьбы против Орды (послание Вассиана Рыло на Угру 1480 г.: «окаянный Батый» «**пришед разбойнически**... воцарися над нами, а не царь сый, **ни от рода царьска**» (выделено мною – В.Т.) [19, с. 532]).

Некоторые отголоски второго из названных выше способов убеждения в законности правления можно видеть в легендарной сцене раздачи Чингисханом родовых атрибутов (прежде всего тамг) различным родам в «Дафтар-и Чингиз-наме». Среди этих нескольких избранных, облагодетельствованных каганом кланов названы и буркуты (под обобщающим именем бека Боркытая) [38, с. 58], которые в истории Монгольской империи и Золотой Орды в действительности совершенно не заметны.

При всем сходстве в организации власти по общей формуле ордынского соправительства *бири хан бери бек* [28, с. 93], сибирские беклербеки не обладались первостепенным признаком суверенитета – правом выпуска денег (сикка) с нанесением на них своих имен и/или тамг. Однако дело здесь не в каких-то принципиальных особенностях статуса Тайбугидов. Эмиссия от лица всемогущих беков фиксируется в XV в. в Большой Орде, раннем Мангытском юрте и в Крыму (см., например [23; 24; 31; 42]), но не практиковались в юртах, не имевших собственной монетной чеканки (Сибирь, Ногаи, Казань). В частности, за Уралом, в условиях слабой развитости городов и малой платежеспособности населения (в массе своей – степных скотоводов и таежных охотников), очевидно, не было нужды в собственной финансовой системе [3], за исключением краткой эмиссии хана Ибака (см. [22]). Для торговых операций было достаточно привозных монет.

В целом, возрастание политической роли буркутских беков и обретение ими власти в Сибирском юрте находится в русле общего явления «дечингиза-

¹ Вероятное – поскольку в источниках тайбугидские лидеры титулуются беками («князьями»).

ции» – постепенного угасания харизмы «золотого рода» и наметившейся перспективой утраты им монополии на ханствование. Подобно мангытским бекам (биям) в Восточном Дешт-и Кипчаке, Тимуру в Мавераннахре и одно время кунградским бекам в Крыму, Тайбугиды смогли оттеснить ханов от управления и фактически заменить их во главе государства. Однако произошло это намного позже, чем в названных прецедентных случаях. Полагаю, что синхронность карьерного «взлета» буркутов и временного ослабления соседней Ногайской Орды в ходе междоусобной смуты в первой четверти XVI в. не была случайной. Смута среди ногаев помогла сибирским бекам избавиться как от ногайского доминирования прошлых лет (эпохи ханствования Ибака), так и от реального сюзеренитета тюменских государей. Впрочем, в результате реванша Шибанидов в 1560-х гг. господство буркутских беклербеков в Западной Сибири закончилось.

Список источников и литературы

- 1 Азнабаев, Б. А. Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // *Золотоордынское наследие. Вып. 1 / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. – Казань : Фэн, 2009. – С. 189–193.*
- 2 Алан, Х. Верховная власть в Золотой Орде и появление карачи-беев // *Золотоордынское наследие. Вып. 1 / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. – Казань : Фэн, 2009. – С. 59–67.*
- 3 Бустанов, А. К. Денежное обращение в Сибирском улусе // *Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / редкол. : С. Г. Кляшторный (пред.) [и др.]. – Москва : Восточная литература, 2009. – С. 56–66.*
- 4 Бустанов, А. К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // *Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / редкол. : С. Г. Кляшторный (пред.) [и др.]. – Москва : Восточная литература, 2011. – С. 33–78.*
- 5 Вельяминов-Зернов, В. В. Исследование о касимовских царях и царицах. Т. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1864. – 490 с.
- 6 Иванич, М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / отв. ред. М. А. Усманов. – Казань : Мастер-Лайн, 2002. – С. 314–328.*
- 7 Измайлов, И. Л. Экономический и социально-политический кризисы // *История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 691–694.*
- 8 Измайлов, И. Л., Исхаков, Д. М., Трепавлов, В. В. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи // *История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. IV. Татарские государства XV–XVII вв. / гл. ред. Р. С. Хакимов. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 78–82.*
- 9 Исхаков, Д. М. О титуле «Сибирский князь» // *Сулеймановские чтения. Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Яркова. – Тюмень : СИТИ ПРЕСС, 2007. – С. 46–47.*
- 10 Маслюженко, Д. Н. Тюменский и Сибирский юрты // *Золотая Орда в мировой истории / отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хатулала. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 797–807.*
- 11 Маслюженко, Д. Н. Этапы становления и внутренняя политика // *Тюменское и Сибирское ханства / отв. ред. Д. Н. Маслюженко [и др.]. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 55–74.*
- 12 Маслюженко, Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 168 с.
- 13 Маслюженко, Д. Н., Рябинина, Е. А. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 г.: значение в истории и историографии сибирской государственности // *XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. Материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Тишин. – Москва : Медина, 2016. – С. 457–468.*
- 14 *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов [и др.]. – Алма-Ата : Наука, 1969. – 652 с.*
- 15 Мустакимов, И. А. Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // *Национальная история татар: теоретико-методологическое введение / науч. ред. Д. М. Исхаков. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 214–232.*
- 16 Мустакимов, И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографических источников // *Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / отв. ред. Б. Р. Рахимзянов. – Казань : Ихлас, 2010. – С. 21–32.*
- 17 Мустакимов, И. А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // *Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / редкол. С. Г. Кляшторный (пред.) [и др.]. – Москва : Восточная литература, 2011. – С. 228–248.*
- 18 Мустакимов, И. А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) традиции // *Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.) [и др.]. – Москва : Восточная литература, 2013. – С. 231–254.*
- 19 *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – Москва : Художественная литература, 1982. – 688 с.*
- 20 Парунин, А. В. Тайбугиды: от клана к княжеской династии // *Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / сост. и отв. ред. Б. Р. Рахимзянов. – Казань : Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 94–111.*
- 21 *Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 382 с.*
- 22 Рева, Р. Ю., Казаров, А. А., Зайончковский, Ю. В. Монеты хана Ибрахима // *Труды Государственного Эрмитажа*

- Т. LXXXI. Материалы и исследования Отдела нумизматики. «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». – Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – С. 198–211.
- 23 Рева, Р. Ю., Леонов, Б. И. Бикбазарская монета с именем Идигея и вопрос о локализации монетного двора «Бик-базар» // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. К 100-летию Отдела нумизматики Государственного исторического музея / отв. ред. Е. В. Захаров. – Москва : Б. изд., 2018. – С. 78–83.
- 24 Рева, Р. Ю., Недайвода, А. В. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большой Орды // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16. № 7: Археология и этнография. – С. 151–159.
- 25 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / пер. В. Г. Тизенгаузена. – Санкт-Петербург : Тип. имп Академии наук, 1884. – 579 с.
- 26 Сибирские летописи / подгот. к изд. В. В. Майков, Л. Н. Майков. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 458 с.
- 27 Султанов, Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы : Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.
- 28 Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды. – Москва : Восточная литература, 2001. – 752 с.
- 29 Утемиш-хаджи. Кара таварих / пер. на рус. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой ; общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.
- 30 Хондемир Гийас ад-Дин. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-баишар. Т. 3 / под ред. Дж. Хумаи. – Тегран : Интишарат-и Кетабхане-йе Хайам, 1333 (1954).
- 31 Хромов, К. К. О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // 10-я Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. / ред. И. В. Волков [и др.] – Москва : Гос. исторический музей, 2002. – С. 92–94.
- 32 Шамильоглу, Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой истории // Из истории Золотой Орды / отв. ред. Г. Ф. Валеева-Сулейманова. – Казань : Фонд им. М. Султан-Галеева, 1993. – С. 44–60.
- 33 Шамильоглу, Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 260 с.
- 34 Юдин, В. П. Переход власти к племенным бекам и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, прим., иссл. В. П. Юдина. – Алма-Ата : Гылым, 1992. – С. 57–75.
- 35 DeWeese, D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park. – Pennsylvania : The Pennsylvania State Univ. press, 1994. – 656 p.
- 36 Frank, A. The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Siber'. – Bloomington : Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. (Papers on Inner Asia. № 27) – 26 p.
- 37 Ivanics, M. Memories of Statehood in the Dester-i Genghiz-name // Золотоордынское обозрение. – 2016. – Т. 4, № 3. – С. 570–579.
- 38 Ivanics, M., Usmanov, M. A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingis-nämä). I. Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles. – Szeged : University of Szeged, 2002. – 328 s.
- 39 Landa, I. Reconsidering of Chinggisids' Son-in-Laws: Lessons from the United Empire // 6th International Conference of the Medieval History of the Eurasian Steppe. – Szeged, Hungary, November 23–25, 2016. – P. 212–225. URL: <https://ojs.bibl.u-szeged.hu/index.php/chronica/article/view/31984/31502> (дата обращения: 15.07.2019).
- 40 Martin, J. The Tumen' Khanates' Encounters with Muscovy, 1481–1505 // Passé Turco-Tatar, Présent Soviétique / ed. by Ch. Lemerrier-Quellejey. – Paris : Editions Peeters, 1986. – P. 79–87.
- 41 Schamiloglu, U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae medii aevi. – Wiesbaden : Harrasowitz, 1984. – Is. 4. – P. 283–297.
- 42 Zayonchkovskiy, Yu., Tishkin, V. Regarding the Issue of Personified Names of Mints on the Late Jochi Silver Coins // V Міжнародна наукова конференція. Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки. Тези доповідей / голов. ред. В. П. Коцур. – Меджибіж; Переяслав-Хмельницький; Кропивницький; Київ : Б. в., 2018. – С. 72–75.

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО СОСЕДИ

Ф. А. Байрамова

Союз писателей Республики Татарстан, г. Казань, Россия

К ВОПРОСУ О ЗАВОЕВАНИИ СИБИРИ РУССКИМИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о падении Сибирского ханства и завоевании Сибири русскими. Раскрывается роль Ермака в появлении в Сибири царской регулярной армии и образовании на Иртыше и Оби первых русских военных городов. Рассматривается роль последнего правителя Сибирского ханства – Кучума в освободительной борьбе коренных жителей Сибири против колонизаторской политики царской армии.

Ключевые слова: Сибирь, Сибирское ханство, Ермак, Кучум.

Abstract. The article discusses the fall of the Siberian khanate and the conquest of Siberia by the Russians. It also reveals the role of Yermak in the appearance of the tsar's regular army in Siberia and in formation of the first Russian military cities on the Irtysh and the Ob. The role of the last ruler of the Siberian khanate, Kuchum, in the liberation struggle of the indigenous inhabitants of Siberia against the tsar's army colonization policy is analyzed.

Key words: Siberia, Siberian khanate, Yermak, Kuchum.

В данной статье речь пойдет о последнем большом сражении за Сибирь Кучум хана с царскими войсками, в ходе нашего обсуждения мы постараемся найти ответ на вопрос, кто всё-таки был завоевателем Сибири? Это кровавое событие произошло 20 августа 1598 года в Барабинской степи, где река Ирмень впадает в Обь. Во всех официальных документах и энциклопедиях эта дата обозначена как «день присоединения Сибири к России». Говоря иначе, официальной датой покорения Сибири считается не год вторжения Ермака в Сибирь в 1582 году, а разгром царской регулярной армией войска Кучум хана 15 лет спустя.

История ставит перед нами множество вопросов, и каждый ученый отвечает на эти вопросы по-своему. И у меня как у человека, посвятившего изучению данной темы не один год, на некоторые вопросы также успели сформироваться свои ответы. Свое исследование я начала с посещения места, где 20 августа 1998 года новосибирскими русскими казаками был установлен закладной камень по случаю 400-летия присоединения Сибири к России, то есть территории, официально признанной как место последнего сражения за Сибирь. Место это находится в Ордынском районе Новосибирской области, там, где Ирмень впадает в Обь.

Русских знали в Сибири ещё до Ермака, но те бывали здесь не с войной, а с торговлей. Однако в середине XVI века, после падения Казани и Астрахани, когда захватнические войны русских дошли до Урала, неспокойные времена пришли и в Сибирь. Стоит отметить, что, напуганный событиями в Казани, сибирский бек Ядегер ещё в 1555 году повиновался Ивану Грозному и даже начинал платить Москве ясак, однако и на этот шаг его толкнуло лишь нежелание уступить трон Шейбанидам. Столь унижительное соглашение тем не менее народом оценено не было, в результате чего после восстания на трон восходит потомок рода Чингисхана – Кучум хан. Таким образом, в Москве понимают, что завоевать Сибирь вместе с её неуступчивыми тата-

рами можно будет только войной.

Первым с войной против татар в Сибирь пришел Ермак. Произошло это осенью 1582 года. Существует версия, что на завоевание Сибири Ермака направляет сам Грозный, а средства на это якобы выделяют уральские купцы Строгоновы. Возможно в этом и есть некая доля правды, однако известно и то, что Ермак был у Ивана Грозного в немилости, соответственно и со Строгоновыми никаких дружественных отношений у разбойника Ермака быть не могло. Желая испытать свою судьбу ещё раз, и, вероятно, искупить свою вину перед государем, Ермак своими силами дерзает напасть на Сибирь. Завоевать Сибири Ермаку, конечно, не удалось, но в её столице – Искере он всё же побывал. Во избежание бессмысленной гибели народа Кучум хан отдал город без боя. Ермак пробыл здесь три года. Чтобы выжить, ему приходилось грабить окрестные села и города, убивать и насильно крестить народ. Через своих казаков весной 1583 года он посылает в Москву Ивану Грозному лживую весть: «Сибирь завоевал, Сибирь твоя!». В ответ на это, Иван IV отправляет на помощь Ермаку свое войско, а вместе с ними и православное духовенство. Войсковая группа около 500 человек под руководством князя Семёона Болхонского и воеводы Глухова прибыла в Сибирь, к ним присоединились и сотни казаков Строгоновых. Это было первое регулярное войско, посланное Москвой против Сибирского ханства, однако большинство воинов и духовенства, оказавшись в окружении в городах Искер и Карача, в ту же зиму погибли от голода, о чем свидетельствуют летописи. Сам Ермак нашел свою смерть в августе 1585 года в устье реки Вагай. Во время поиска путей для бегства из Сибири водным путем он был обнаружен воинами Кучум хана, преследовавшими его, и уничтожен. Оставшиеся в Искере русские военные, получив тревожную весть, погрузились в лодки и убежали из Сибири водным путем. 15 августа 1585 года Кучум хан

вновь воссел в Искере, в дальнейшем сам стал править Сибирским ханством. По причине того, что весть о смерти Ермака еще не дошла до Москвы, из столицы в Сибирь ему на помощь были направлены тысячи русских военных и казаков под руководством воеводы Ивана Мансурова. Однако татары не пустили их в Сибирь, русские были вынуждены перезимовать в северных улусах. Услышавший об этом Кучум хан, направив туда своих воинов, прогнал русские войска из Сибири, это событие произошло весной 1586 года.

В том же 1586 году, Казахский хан Таваккал направляет на столицу Сибири Искер свои войска, и в отсутствие Кучум хана усаживает на трон тайбугида Сайтака. Старший сын Кучум хана Али-Султан, послушавшись отца, не оказывает тюрко-мусульманским сородичам вооруженного сопротивления, сдав столицу без боя. Однако в 1588 году Сайтак вместе со своими визирями и воинами попадает в плен, и Искер вновь оказывается в руках русских.

Когда до Москвы дошли вести о смерти Ермака и побегах русских военных из Сибири, здесь начали строить новые планы завоевания Сибири и претворять их в жизнь. В начале 1586 года из Москвы в Сибирь под руководством Даниила Чулкова направляется новое войско из трехсот человек. Воеводами были назначены Василий Сукин и Иван Мясной. В то время, когда в Сибири тайбугид Сайтак воевал против Кучум хана, в Сибирь прибыло новое русское войско, которое на побережье реки Тура, на месте древней татарской столицы Чимги-Тура, воздвигло крепость. Таким образом, русские решили не тратить силы на разрозненные сражения, а вместо этого стали воздвигать повсюду свои городок-крепости, сосредотачивая в них свою боевую мощь.

Таким образом, в течение одного года в Сибири формируется три силы, три вида власти – Кучум хан, которому принадлежала большая часть Сибири, тайбугид Сайтак, правивший Искером и прилегающими к нему городищами и селами, и русские войска, пустившие корни в Чимги-Туре. Все они собирали в своих владениях дань, заставляя местное население присягать себе в верности. Поскольку пошедшая на Сибирь русская армия, не вернувшись обратно, обосновалась у берегов Туры, Москва направила им в помощь подкрепление. В 1587 году правивший Чимги-Турой Данила Чулков, захватив Тобольск, разместил в нем свое войско. Оттуда он направился в Искер, и, как мы уже сказали, в начале 1588 года выбил оттуда Сайтака, взяв его самого в плен и отправив в Москву. Таким образом, в 1588 году столица Сибирского ханства Искер, Тубыл (Тобольск) и нынешние Тюменские земли переходят к русским. И несмотря на то, что Кучум ханом было предпринято множество попыток отбить свои города, луки и стрелы были малоэффективны против огнестрельного оружия, пищалей и пушек палящего из-за стен своих крепостей и острогов противника.

В течение последующих лет на берегах рек Иртыш и Обь русскими были построены десятки других крепостей. В 1590 году – на берегу реки Лозьва городище Лозьва, в 1592–1593 на реке Тауды – город Пельым, в 1593 году – на месте вогульского городища Сургут на

северном улусе – одноименная русская крепость, в том же году у реки Сосьва – городок-острог Березов, в 1594 году знаменитый городок Тара – возле реки Иртыш, в том же году – в нижнем течении Оби крепость Обдорск, в 1596 году – у берегов той же Оби крепость Кет, в 1596–1597 годы у берегов реки Кет – город Нарым. Особую роль в завоевании Сибири сыграл Тобольский военный гарнизон и Тарский острог. Оба городища в прошлом были татарскими, однако после их завоевания русскими они превратились в военные форпосты для дальнейшего завоевания всей Сибири [1, с. 8].

Переименованный в Тару город Ялым-Тура до завоевания русскими войсками был одним из станов Кучум хана. Как свидетельствуют исторические источники, московский царь издал указ об основании нового русского городища у реки Тары, но вместо этого его армия обосновалась у Иртыша, построив на месте уже существующего, оставшегося от татар городища свою крепость-укрепление. В завоевании восточной части Сибири и Барабинских степей главную роль играл именно этот Тарский военный гарнизон. Бои за этот стратегически важный город продолжались даже после смерти Кучум хана вплоть до 1626 года [2, с. 11].

Последнее масштабное сражение за Сибирь произошло с участием вооруженных сил, сосредоточенных именно в Таре. Но это не означает, что всё это время Кучум хан лишь отсиживался, дожидаясь пока его наконец найдут. Всё это время он предпринимал отчаянные попытки вернуть некогда утраченные города. В 1590 году шли кровопролитные бои за Тобольск. Ожесточенные бои шли в Прииртышье между Тобольском и Тарой, однако одолеть вооруженных огнестрельным оружием русских солдат Кучум хану так и не удалось. Из Москвы ему не раз поступали письма-обращения с предложением сдаться, дабы «дни старчества провести в заслуженном плену», но ответом Кучум хана каждый раз было: «Я не отдал своей страны по своей воле, и свободу по воле своей речи быть не могло, и в Москве прекрасно понимали, что завоевать Сибирь полностью можно будет лишь избавившись от Кучум хана.

В начале 1595 года, пытками вызвав у пленных татарских рыбаков местонахождение стана Кучум хана, конный отряд из 276 воинов во главе с воеводой Борисом Доможировым вторгся в Барабинские степи. Зимний стан Кучум хана находился в Кара-Атау. Татары были атакованы посреди ночи, все пути выхода из города были перекрыты, а застигнутых врасплох выбегающих из юрт людей расстреливали в упор. Несмотря на то, что татарские воины бились храбро, силы были неравны. В этом сражении Кучум хан и его старший сын Али-Султан смогли спастись, однако мурзы Мамык и Сайткул, а также Илгулай и Кулькильде с сыновьями, и шестьдесят других именитых татар попали в плен. Остальные были убиты на месте, со стороны русской армии обошлось без потерь [1, с. 9; 2, с. 9].

В 1596–1597 годы между Кучум ханом и русскими войсками шли ожесточенные сражения за Барабинские степи некогда одного большого Сибирского хан-

ства. В 1596 году Кучум хан смог разгромить калмыков у озера Ик, а в 1597 году отвоевать у русских Лугуйские улусы на берегах рек Омь и Терень, расположенные по среднему течению Иртыша. В том же году, собрав войско из местного населения, Кучум хан совершил нападение на Тару. Несмотря на то, что отвоевать город ему не удалось, он смог избавить от гнета проживающий в окрестностях народ, который охотно перешел на службу своему старому хану. Опасаясь крепнущей силы Кучум хана, русские солдаты были вынуждены вновь обратиться в Москву за помощью.

В 1598 году на престол вступил Борис Годунов. Он повелел уничтожить хана Кучума. Приказ Годунова дошел до Тары 1 августа, а уже 4 августа царское войско вышло против Кучум хана в последний военный поход. Разведкой было установлено ориентировочное местонахождение Кучум хана, и тысячное конное войско во главе с воеводой Андреем Воейковым двинулось в сторону озера Уба. Часть этого войска состояла из солдат, часть – из казаков, а часть – из наемных татар-башкир. Однако у озера Уба Кучум хана не оказалось. Попытками выведывая у каждого попадавшегося на пути возможное местонахождение хана, солдаты две недели безрезультатно рыскали по лесам и степям. Им повезло. На пути им в плен попали воины хана, из которых всё-таки сумели выбить некоторую достоверную информацию. Летний стан хана должен был находиться у озера Чан. Но Кучум хана не оказалось и там, его обнаружили лишь дальше от этого места в нескольких днях пути.

Те события в труде Г. Ф. Миллера описаны следующим образом: «... Бутурлином (воевода – Ф.Б.) и князем Мосальским был получен царский указ собрать достаточное количество людей и всеми силами напасть на хана там, где он будет найден. Для этого в Тобольске и Таре поспешно вооружили 700 русских и 300 татар, с которыми князь Мосальский 9 мая 7106 (1598) г. выступил из Тары в поход. Точно не известны ни место, где русские встретили хана, ни время, когда именно он потерпел поражение. Большая продолжительность похода даёт основание думать, что он был совершен куда-то далеко от Тары. Конец же этого дела был следующий: русские напали на хана в его становище, убили множество татар, взяли в плен шесть его жен с тремя сыновьями и двумя дочерьми и много знатных и простых татар, захватили все имущество ханского становища и весь скот и вернулись благополучно 23 августа в Тару, причем со стороны русских не было потеряно ни одного человека... Несмотря на успех описанного похода, победа была еще неполная, потому что не захватили самого хана и других его сыновей» [4, с. 292].

В летописях XVII века это событие описано более детально: «Царь Кучум много раз пытался вернуть Сибирь и отомстить. Однажды (он) собрал войско, пришел в Сибирь, дошел до реки Иртыша, разорил несколько селений басурманских и ушел восвояси. Как только узнали об этом в Тобольске, послал воевода за ним войска, и догнали его на границе со Степью, и напали, людей его перебили, и захватили у него двух цариц и сына

и огромное богатства. Сам же Кучум убежал с небольшим отрядом, а дойдя до своего улуса, остальное войско взял...» [5, с. 25]. Мы видим, что в силу известных субъективных причин Кучум хан характеризуется здесь как человек мстительный, алчущий власти, богатства и крови, а его народ именуется «басурманским». Мы будем более объективны и почерпнем из этих сведений лишь информацию о том, что мысль о возврате некогда утраченных городов и освобождении своего народа от гнета чужаков 80-летнего хана не покидала никогда. В пояснениях к этим летописям также приводится и следующая, ещё более развернутая, но не менее противоречивая информация: «Кучум с небольшими отрядами неоднократно напал на селения вокруг Тобольска, причем жертвами его набегов чаще всего становились татары, платившие русским ясак. После одного из таких набегов в 1591 г. воевода В. В. Кольцов-Масальский, сменивший Д. Чулкова на тобольском воеводстве, снарядил за Кучумом погоню. Кучум был достигнут 1 августа на р. Ишиме, у озера Чиликуль; в этом бою отряд Кучума был разгромлен, взяты в плен царевич Аблегири и две жены Кучума, а оставшиеся в живых бежали. Но и после этого Кучум продолжал нападать на жителей различных селений; необходимостью обороны от этих набегов, в частности, было вызвано строительство Тары. Этот город стал отправным пунктом целой серии походов против Кучума – в 1594, 1595, 1597 гг. В походе, начавшемся из Тары 9 мая 1598 г. под началом воеводы князя Ивана Масальского, отряд Кучума был полностью разгромлен 20 августа на р. Оби – в бою пали 6 князей, 10 мурз, 150 воинов; 100 человек утонуло в Оби, 50 взяты в плен. Кроме того, в плен были взяты сыновья Кучума царевичи Шаим, Асманак, Бибадиша, Кумыш, Молла (в возрасте от 5 до 20 лет), восемь цариц – жен Кучума, жены старших сыновей Кучума, восемь царевен – его дочерей. Есть свидетельство о гибели в этой битве самого Кучума» [5, с. 33–34]. Источники столь противоречивых сведений автором этих комментариев – Е. И. Дергачевой-Скоп не приводятся, однако здесь следует отметить, что ни о каком грабеже Кучум ханом татарских сел речи быть не может, известно лишь о его попытках вызволить из плена свою семью, в связи с чем им не раз осуществлялись атаки на Тару. Увы, освободить своих пленных родичей Кучум хан так и не смог, в сентябре 1598 года ханская семья была отправлена в Москву. В источниках также есть сведения и об атаках Кучум хана на Тобольск, однако, конечно же, не в целях грабежа, а в целях освобождения своего народа и земель от гнета захватчиков.

Доктор исторических наук Г. Л. Файзрахманов, изучающий историю Сибири, это событие описывает несколько иначе. Он сообщает о выходе отряда воеводы Воейкова из Тары в начале августа в составе 600 казаков и татар. По сведениям разведки, Кучум хан с семьей сначала находился у озера Ик, затем перебрался ближе к реке Обь. Вместе с ним находились 500 его приближенных, а также 50 бухарских торговцев. Как уже было сказано, 20 августа на рассвете, по спящим в юртах в стане Кучум хана был открыт огонь. Войлочные юрты быстро

загорелись, а выбегающих из них людей стали в упор расстреливать из ружей. Это был не честный бой, а расстрел практически беззащитных и безоружных. «На рассвете 20 августа 1598 г. Воейков с частью своих войск напал на Кучума, – пишет в своем труде Файзрахманов. – Началось ожесточенное сражение. Слабая вооруженность воинов Кучума привела к его поражению. Потери Кучума были огромны. Погибли его брат Алтын, сын Канай, 2 сына царевича Али, 6 беков, 10 мурз, 5 атаманов, 150 воинов, 100 человек при попытке переплыть Обь были расстреляны русскими. 5 человек из пленных были расстреляны или повешены. Была пленена большая часть семейства Кучума, в т. ч. 5 его сыновей – Асманак, Шаим, Бипадишах, Мулла, Кумуш. Были также взяты в плен 6 (по другим источникам 8) жен Кучума, 8 дочерей, пленены жены его сыновей и другие близкие» [3, с. 207]. Следует сказать, что в своих сведениях Г. Л. Файзрахманов руководствуется «Сборником исторических актов», опубликованным в 1841 году в Санкт-Петербурге, и не доверяет этим сведениям оснований нет [6]. Между тем, очевидно, что приводимые им сведения значительно отличаются от тех, которые приводят в своих трудах Г. Ф. Миллер, Е. И. Дергачева-Скоп, А. И. Юрьев и другие.

Теперь обратимся к судьбе самого Кучум хана. Согласно мнению краеведов Новосибирской области, сильно раненный в последнем вооруженном столкновении с русской армией Кучум хан был на лодке переправлен своими уцелевшими приближенными на правый берег Оби, где находилось другое татарское городище [3, с. 207]. По их мнению, летний стан Кучум хана, где произошло последнее побоище, располагался на левом берегу Оби, где у татар находились посевные площади. А на правом берегу, на месте нынешнего Новосибирска, находилось татарское зимнее городище. Историкам это место известно как Чатское городище. Чаты – одна из ветвей сибирских татар. Русские же этот основанный и населенный татарами город называли «чертовым городищем», тогда как сами татары свою крепость называли Цатгыр, то есть, «Чатлар», а сам город – Мочигу. Как бы то ни было, Кучум хан остался жив, на что указывает и направленный Воейковым с Тулмухаммед сайдом незадолго после этих событий ультиматум (а этот факт зафиксирован), что говорит о том, что Кучум хан выжил и находился в недостижимом для русских месте. И если когда-то, хвастаясь, Ермак писал Ивану Грозному «Я покорию Сибирь, Сибирь наша!», то и сейчас рапорт Воейкова Борису Годунову «Мы разгромили Кучум хана!» также оказался несколько преждевременным, так как Кучум хан на это время не только был ещё жив, но и ещё неоднократно совершал нападения на русских солдат и их военные гарнизоны. Однако побои-

ще 1598 года всё же вошло в историю как последнее.

Место захоронения Кучум хана до сих пор остается тайной. Одно из преданий гласит, что, даже после завоевания Тобольска русскими, хан ещё часто бывал в его окрестностях. Однажды по пути в Яла-Турру он заболел и умер. Его похоронили в Золотой гриве, что неподалеку от села Тубыл-Тура. «...А похоронили его на той стороне Тобола, на высоком холме, носящем название Алтын кыр (Золотая грива). Один старик рассказывал нам, что долгое время родственники Кучума приезжали раз в три года на поминки к нему на могилу, и он сам водил их туда» [7, с. 40]. Но, конечно же, относительно места захоронения Кучум хана существует и много других версий.

Историю пишут победители, и пишут они её так, как выгодно им. История Сибири не является исключением, героизму татар в ней места нет, и в захватнической войне русских они лишь фон. В начале статьи был поставлен вопрос «Кто завоевал Сибирь?». Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что Сибирь завоевал не Ермак, там он нашел лишь свою смерть. Сибирь была завоевана царской регулярной армией при помощи огнестрельного и артиллерийского оружия на протяжении нескольких десятков лет. Иными словами это была война не Ермака с Кучум ханом, а война двух государств – Московии с Сибирским ханством. В этой войне до сих пор не поставлена точка, ведь Кучум хан добровольно не сдавался, а мирный договор между двумя сторонами официально не заключался, а значит, формально стороны всё ещё находятся в состоянии войны. И та война за Сибирь была далеко не последней, негласная война за Сибирь сегодня ведется китайцами, на эти земли с её богатейшими ресурсами нынче претендуют они. Древнейшую историю Сибири сегодня они переписывают как хотят. Поневолу вспоминается китайская пословица: «Когда дерутся два льва, заяц достается лисице». Разграбленная, искромсанная и ставшая для чужака каторгой Сибирь. А ведь для кого-то ты была священной.

Несмотря на то, что местные историки пишут, что место последнего сражения Кучум хана осталось под водой Обского водохранилища, это не так, иначе зачем русским казакам Новосибирска понадобилось бы устанавливать здесь памятный камень. Скорее всего, эта дезинформация была запущена для того, чтобы просто предать это памятное место забвению. Тем не менее, мы стали первыми из татар, спустя многие века отыскавшими среди болот это историческое место. Здесь мы помолвились за души наших предков, погибших защищая свою родную землю и народ. Пусть же теперь их души обретут вечный покой!

Список источников и литературы

- 1 Юрьев, А. И. Тара: годы, события, люди. – Омск : Наука, 2005. – 384 с.
- 2 Тарская мозаика: история края в очерках и документах 1594–1917 гг. – Омск : Омск кн. изд., 1994. – 197 с.
- 3 Файзрахманов, Г. Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. – Казань : Фэн, 2002. – 117 с.
- 4 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. I. – Москва : «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.
- 5 Летописи Сибирские / сост. Е. И. Дергачева-Скоп. – Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1991. – 272 с.
- 6 Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. – Санкт-Петербург, 1841. – 482 с.
- 7 Тобольский хронограф / ред. Г. Н. Орлов. – Омск, 1993. – 320 с.

УРАЗ-МУХАММЕД В СИБИРИ

Аннотация. Предпринята попытка отождествить пленного сибирского царя, упоминаемого в сочинении Дж. Флетчера с казахским царевичем Ураз-Мухаммедом. Это позволяет утверждать, что после смерти казахского царевича Ондана его семья оказалась в Сибири и была разделена между ханом Кучумом и Тайбугидом князем Сеид-Ахматом. Анализ известия о пленении Ураз-Мухаммеда, сибирского карачи и Сеид-Ахмата в 1588 г. показывает, что в его основе было реальное событие, со временем обросшее множеством фантастических деталей.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Ураз-Мухаммед, Тайбугиды, Тобольск, Дж. Флетчер.

Abstract. An attempt has been made to identify the captured Siberian king, mentioned in the work of J. Fletcher, with the Kazakh prince Uraz-Muhammed. This allows stating that after the death of the Kazakh prince Ondan, his family ended up in Siberia and was divided between khan Kuchum and Taibugid prince Seyid-Akhmat. An analysis of the news about the capture of Uraz-Muhammad, Siberian Karachi and Seyid-Akhmat in 1588 shows that it was based on a real event, which acquired many fantastic details over time.

Key words: Siberian Khanate, Uraz-Mohammed, Taibugids, Tobolsk, J. Fletcher.

Исследователи уже неоднократно останавливались на истории пребывания казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана в Сибири. При этом, как правило, они в первую очередь интересовались обстоятельствами его пленения в 1588 г. [5; 20; 15, с. 44–55; 3] и очень редко рассматривали особенности его статуса в регионе. А здесь еще остается множество нерешенных вопросов.

Напомним вкратце, что нам известно о его ранней биографии. Царевич имел следующую родословную: Ураз-Мухаммед б. Ондан б. Шигай б. Ядик б. Джанибек б. Барак б. Куйручук б. Урус [5, с. 119.]. Об Ондане (ок. 1555–1585 гг.) известий сохранилось очень мало. Его матерью была Баим-бикем. В 30 лет царевич погиб от рук калмыков и похоронен в Туркмении. Ураз-Мухаммед родился от Алтын-ханым, дочери казахского султана Булат-султана б. Усяк хана, в 1572 г. Когда он попал в Сибирь, точно не известно. Автор Сборника летописей утверждает, что Ураз-Мухаммед некоторое время жил в тяжком плену у Сеид-Ахмата (Сейдяк, Сеитяк) б. Бекбулата, сибирского князя из рода Тайбугитов, соперника Кучума за главенство над Сибирью. В. В. Вельяминов-Зернов ставит под сомнение это известие и дает свою версию событий. По его мнению, казахский царевич оказался захвачен ханом Кучумом или его людьми во время одной из войн с казахами. Когда же Сеид-Ахмат захватил г. Сибирь у Али б. Кучума, положение Ураз-Мухаммеда изменилось. Оставаясь формально пленником, он мог получить значительную долю свободы. По мнению М. А. Усманова, Тайбугид, казахский царевич и сибирский карача образовали своеобразный триумvirат [19, с. 33–51]. Летом 1588 г. Сеид-Ахмат, сибирский карача¹ и казахский царевич

отправились на соколиную охоту на так называемый Княжий луг. Узнав об этом, тобольский воевода Данила Данилович Чулков пригласил их к себе в Тобольск. Во время обеда князя, карачу и царевича взяли в плен. 10 сентября 1588 г. их отправили в Москву [5, с. 97–98, 337–338, 362–365, 384, 399–400, 544].

Имеются и другие косвенные свидетельства, позволяющие нам более детально определить статус царевича в Сибири. Так, Д. Горсей говорит о плененном царе Сибири Чигликке Алоте (Chiglicke Alothe), которого привезли в Москву вместе с матерью и лучшими советниками и мурзами. «Я видел, как он упражнялся с оружием и верхом, как принято у его народа, и слышал, как он рассказывал, что в его стране живут несколько англичан или, по крайней мере, людей, похожих на меня, взятых с кораблем, артиллерией, порохом и другими припасами, которые за два только года перед тем пытались отправиться по Оби» [6, с. 106–107]. Следует учитывать тот факт, что записки Д. Горсея носят не дневниковый характер. Поэтому хронология отдельных событий вполне могла быть нарушена. Но описываемые события в любом случае произошли не позднее 1590 г. Комментаторы связывают данного «царя», с царевичем Мухаммед-Кулом б. Ахмед-Гирем (Атауловичем), племянником хана Кучума. Однако этому можно противопоставить несколько доводов против. Во-первых, поведение, описываемое Д. Горсеем, более соответствует поведению юноши, а не получившего определенный жизненный опыт мужчины. Во-вторых, в приведенном отрывке следует остановиться на том, что его пленили «вместе с матерью и лучшими советниками и мурзами». Однако, как известно, мать Мухаммед-Кула, царица Ак-гутай, только в 1594 г. добровольно вышла в г. Тару и вскоре была отправлена в европейскую Россию [10, Оп. 1. 1596 г. Д. 1; 9, с. 291, 361.]. Таким образом, по формальным признакам, это не мог быть Мухаммед-Кул.

Имеется еще один претендент на то, чтобы его отождествили с загадочным царем Сибири – это казахский царевич Ураз-Мухаммед. На этот раз все сходит-

¹ Ранее, с подачи М. А. Усманова, сибирский карача устойчиво ассоциировался с личностью Кадыр-Али-бека [19, с. 33–51]. Однако нами, со ссылкой на исторические источники, было показано, что карачей был иной человек по имени Мухаммед. Более того, в России первой половины XVII в. фиксируются сын карачи – Коцак, и внук – Степанка (Степан) [2; 10, Оп. 1. 1619 г. Д. 3; 18, с. 410–411.].

ся. Возраст – не более 18 лет на тот момент, как Горсей окончательно покинул Россию. Рядом с ним фиксируются мать и лучшие советники и мурзы. Нам следует простить иностранца, который не разбирался в особенностях политического устройства Сибири 1580-х гг. Царь (царевич) по его мнению, в обязательном порядке должен был находиться выше князей и мирз. Но остается открытым вопрос о том, что связывало этих трех столь разных лиц воедино.

Для ответа на него следует обратиться к истории семьи царевича. В одном из документов падчерица касимовского царя Арслана б. Али б. Кучума, и сестра Ураз-Мухаммеда Ай-ханьш, называется дочерью Ондана б. Шигая. При этом Ондан назван ногайским царем [11, Оп. 1. 1630 г. Д. 1, Л. 7, 31, 53; 10, Оп. 1. 1650 г. Д. 6. Л. 1; 12, Оп. 1. 1624 г. Д. 1; 1; 4]. Подобное было возможно в том случае, если во второй половине XVI в. в Ногайской Орде сохранялась практика легитимации власти, подразумевавшая провозглашение при бие того или иного подставного Чингисида ханом (царем), который тут же назначал своего благодетеля беклярбеком. Период «ханства» Ондана определить проблематично. Оно, похоже, должно было приходиться на период правления в Большой Ногайской Орде бия Дин-Ахмеда (Тинехмата) б. Исмаила (1563–1578 гг.). Отметим, что в этот период взаимоотношения между Большой Ногайской и Казахской Ордами постепенно портились. Также следует подчеркнуть дату рождения царевича – ок. 1555 г. Так что данный эпизод в истории казахского царевича, похоже, приходился на рубеж 1560–1570-х гг. В таком случае и Ураз-Мухаммед мог появиться на свет в ногайских улусах. С высокой долей вероятности Ондан должен был иметь как минимум одну жену из рода Эдиге. Предположительно из дочерей или же внучек бия Исмаила б. Мусы.

Второе свидетельство касается как Ондана, так и его сына. 20 августа 1598 г. в Сибири в плен к русским воеводам попала большая группа сибирских цариц и царевен, жен, дочерей и невесток хана Кучума. В январе 1599 г. они торжественно въехали в Москву. Осенью 1600 г. ряд цариц подали челобитные на имя царя Бориса Годунова, в которых попросились на житье к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану в Касимов, или же к сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею (Атаулович) в его обширное поместье в уезде Бежецкий Верх с. Есково [10, Оп. 1. 1600 г. Д. 1. Л. 6–7]. Московский государь дал свое согласие на переезд. В Касимов отправились царица Сюим (Сюйдеджан) с тремя дочерьми – Дурпадшой, Мулдур и Карачай, царица Зендевет (Ян-девет) и дочь Кучума Кумыз [10, Оп. 1. 1600 г. Д. 1]¹. Позднее туда же отпустили и сына Сюим – царевича Кумыша [10, Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 60, 69]. При этом нам становится известно, что Сюйде-джан являлась мачехой Ураз-Мухаммеда, а значит в первом браке была замужем за его отцом казахским царевичем Онданом б. Шигаем. Царевна Кумыз же приходилась касимовскому царю двоюродной сестрой. Если же царевна Кумыз (Комызык) одно-

временно приходится дочерью Кучуму и двоюродной сестрой Ураз-Мухаммеду, то жена Кучума и Ондана б. Шигая должны быть родными сестрами. По утверждению автора «Сборника летописей» («Жами ат-таварих») Кадыр-Али-бека бин Хошум-бека, мать Ураз-Мухаммеда являлась дочерью Булат-султана б. Усяк-хана бин Джанибека [5, с. 125, 365]. Таким образом, мы установили происхождение еще одной, анонимной, жены Кучума. Мы видим, что Ураз-Мухаммед имел самое прямое отношение к сибирским царевичам, ведь он был пасынком сибирского хана, тем самым, по формальным признакам, он являлся Кучумовичем, хотя при наследовании должен был пропустить вперед всех сыновей хана.

При этом между Ураз-Мухаммедом и Кучумом прослеживается определенная отчужденность. В переписке между Кучумом, его сыном царевичем Абул-л-Хайром и царем Федором Ивановичем его имя не всплывает ни разу [14, с. 129, 131–134]. Причина этого непонятна. Тем более, что в свете открывшихся данных появление семьи царевича Ондана в Сибири выглядит неслучайным. С высокой долей вероятности казахские царицы были приглашены ханом Кучумом, ведь его жены были в ближайшем родстве с некоторыми из них. Откуда состоялся выезд, в настоящее время непонятно. Но, похоже, это была Ногайская Орда. Возможно, Ураз-Мухаммед даже никогда не бывал в казахских улусах. По крайней мере, по отчету переводчиков Посольского приказа Степана и Вельямина Степановых, присутствовавших в январе 1595 г. на встрече царевича с казахским послом Кул-Маметом, можно сделать вывод о том, что Ураз-Мухаммед более 10 лет не общался со своим дядей Таввакулом бин Шигаем, если подобные встречи вообще имели место [7, с. 3–5]. Похоже, неприязнь Кучума к пасынку носила не прямой, а опосредованный характер, и была связана со сложными взаимоотношениями с карачей Мухаммедом и князем Сеид-Ахматом. А взаимоотношения карачи, князя и царевича просматриваются исключительно на сведениях об их пленении.

Сама эта история выглядит более чем странной. «Охота», в которой участвуют до 500 воинов. Если цифры верны, то это должно быть все войско, которое могли собрать карача и князь. Хотя, по нашему мнению, цифры явно завышены. Следует отметить, что 500 воинов – это явно более всего гарнизона Тобольска в период его возникновения. Возможно, даже больше числа всех жителей города. К примеру, в 1625–1626 гг. в г. Тере числилось всего 398 человек служилых людей, ружников и оброчников [13, Оп. 1. Кн. 11. Л. 425об.]. Поэтому пустить в город даже сто безоружных воинов было почти авантюрой.

При этом на эту странную «охоту» отправились и женщины. Ведь Д. Флетчер говорит о пленении матери царевича. И, похоже, она была не одна. В 1594 г. у Ураз-Мухаммеда проживали, помимо матери, бабка, тетки и сестры [3, с. 80]. Если ранее этот факт интерпретировался как постепенный выезд родственниц к казахскому царевичу, то теперь мы можем говорить о том, что они также были «пленены» в Сибири летом

¹ Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябинина ошибочно называют царевну Кумыз дочерью царицы Сюим [8].

1588 г. Вырисовывается ситуация, при которой «охота» постепенно превращается в некую перекочевку или же коллективный выезд на государево имя. В таком случае 500 человек действительно могли участвовать в «охоте». Но это были не только воины «триумvirата», но также все их родственники и слуги. Для сравнения приведем ситуацию с выездом в Тару племянника Кучума, ногайского мирзы Чин б. Эля в 1594 г. Тогда вместе с ним выехали его жена, дети, мать царевича Мухаммед-Кула и еще 38 человек людей мирзы [10, Оп. 1. 1596 г. Д. 1; 9, с. 291, 361]. Эти два примера можно считать релевантными. Ведь даже при механическом умножении на три (царевич, князь и карача) мы получаем более 120 человек. Если признать, что летописные сведения о численности татар верны, то 100 человек, которых впустили в город, могли быть представителями знати и их ближайшими слугами. Быть может, на это сообщение повлияли воспоминания о начале перехода под русское подданство местного тюркского населения. Кстати, численность служилых и захребетных татар в Тобольском уезде на протяжении XVII в. была устойчива и составляла немногим менее 500 человек [17, с. 143]. В целом же к этому сообщению следует подходить очень осторожно, хотя в его основе, безусловно, лежат реальные события. Но их описанию явно присущи черты эпоса. На это в частности указывает троекратное неудачное питье из чаши за здоровье царя Федора Ивановича. Вызывает вопрос и попытка бегства через окно Сеид-Ахмата и царевича. Позволяли ли это сделать окна в русских избах в Сибири конца XVI в.? Нельзя не отметить и тот факт, что сообщение о пленении содержится исключительно в сибирских летописях. Подтверждений такому развитию событий в делопроизводственных документах не обнаружено. Разгадка этой тайны хранилась в документах тобольской приказной избы. Но пожар 1598 г. уничтожил их [13, Оп. 1. Кн. 2. Л. 187]. Остается искать свидетельства опосредованного характера. Так, в феврале 1623 г. Михаил Федорович направил указную грамоту в Тюмень о назначении Гаврилы Иванова атаманом тюменских конных казаков. При этом в ней перечисляются все его значимые службы: разгром Кучума в августе 1598 г., пленение царевича Али б. Кучума и его жен в 1607 г., строительство Томска (1604 г.), Тюмени (1586 г.), Тобольска (1587 г.), Тары (1594 г.), Пельма (1591 г.), посылка в «Кузнецы для нашего ясаку», колымские походы [9, с. 446–447]. Отсутствие упоминания участия в пленении большой группы сибирских татар еще ни о чем не говорит. Его в это время могло не быть в городе. Но, проанализировав значительную группу подобных свидетельств, можно делать определенные выводы.

Попасть в Сибирь вдовы и дети могли, по-видимому, после убийства царевича Ондана калмыками в 1585 г. [5, с. 384]. Мы можем утверждать, что это

произошло не позднее 1587 г. На это указывает возраст сводной сестры Ураз-Мухаммеда, царевны Дурпадши, дочери хана Кучума. В 1598 г. ей было десять лет. Тут, правда, следует опять же таки помнить, что возраст определялся приблизительно. В данном случае он нужен был для того, чтобы подготовить для въезжающих в Москву пленных, в том числе и царевны, дорогих шуб [10, Оп. 1. 1598 г. Д. 2]. Против даты 1587 г. имеется значительный аргумент. Достаточно вспомнить, что происходило в данное время в Сибири. После убийства Ермака власть московского царя ни на чем не держалась. Кучум мог постепенно собирать вокруг себя прежние свои территории. Однако в 1586 г. начинается экспансия городов – строится Тюмень. В 1587 г. появляется Тобольск. Начинаясь новая война за господство в регионе.

Еще В. В. Трепавлов отметил тот факт, что взаимоотношения между сибирским ханом и Тайбугидом были более чем запутанными и в разные периоды градируются от союза до противостояния / соперничества [16, с. 48]. Тут можно отметить, что «спор» на последнем этапе, по-видимому, шел не о территории всего Сибирского ханства, а исключительно об исконном юрте Тайбугидов. Сделаем осторожное предположение, что царевича и князя также могли объединять родственные связи. Вполне может быть, что мать Ураз-Мухаммеда или же одна из его иных родственниц являлась женой князя Сеид-Ахмата. В настоящее время мы можем констатировать только тот факт, что по приезде в Сибирь семья царевича Ураз-Мухаммеда оказалась разделена на две части. Как это происходило, мы не знаем. Точно также мы не знаем, кто представлял для Сеит-Ахмата большую ценность, подросток Ураз-Мухаммед или казахские царицы и царевны. Похоже, раздел семьи произошел в результате определенной договоренности между Тайбугидом и Кучумом. Было это простым разделением трат на содержание семьи, оставшейся без защиты и средств к существованию, или же за этим действием скрывался более глубокий расчет, мы не знаем. Возможно, казахский царевич даже рассматривался как наследник Сеит-Ахмата. Также неизвестно, участвовал ли в этом договоре карача Мухаммед. Здесь мы располагаем исключительно косвенными данными. Внук карачи, Степанка Коцаков сын Маметев в 1619 г. отмечал, что после смерти отца «жил у родимцов в Ярославле» [18, с. 411]. Город с конца XVI в. был местом проживания знатных татар. Однако, относилась ли эта фраза к сибирским царевнам, в настоящее время непонятно. Тем более, что слово «родимец» помимо значения родственник употреблялось еще и в значении уроженец [21, с. 183]. В любом случае, приведенные нами построения требуют определенной коррекции в наших представлениях о Сибири в конце XVI в.

Список источников и литературы

1. Беляков, А. В. Араслан Алевич – последний царь касимовский // *Рязанская старина. 2004–2005. – Рязань : Край, 2006. – Вып. 2–3. – С. 8–30.*
2. Беляков, А. В. Как звали большого сибирского карачу? // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – С. 63–64.*

- 3 Беляков, А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. – Алматы : АО «АБДИ Компани», 2019. – 208 с.
- 4 Беляков, А. В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. – С. 95–112.
- 5 Вельяминов-Зернов, В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1864. – Ч. 2. – 520 с.
- 6 Горсей, Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. / пер. и сост. А. А. Севастьяновой. – Москва : Изд-во Московского гос. ун-та, 1990. – 288 с.
- 7 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – Алма-Ата : Академия наук Казахской ССР, 1961. – 746 с.
- 8 Маслоуженко, Д. Н., Рябинина, Е. А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2017. – № 9. – С. 103–109.
- 9 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. I. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 630 с.
- 10 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 131 – Татарские дела.
- 11 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 134 – Сношения России с Хивой.
- 12 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141 – Приказные дела старых лет.
- 13 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 – Сибирские дела.
- 14 Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. – Москва : Типография Селивановского, 1819. – 399 с.
- 15 Солодкин, Я. Г. «Беседа к вашей любви...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века : монография. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2017. – 331 с.
- 16 Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – Москва : Восточная литература, 2012. – 231 с.
- 17 Тычинских, З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань : ФЭН, 2010. – 288 с.
- 18 Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 560 с.
- 19 Усманов, М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 223 с.
- 20 Худяков, Ю. С. Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 году в истории взаимоотношения российских властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 234–242.
- 21 Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидатися – Ряценко). – Москва : Наука, 1997. – 298 с.

К ВОПРОСУ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОБСКИХ УГРОВ И СИБИРСКИХ ТАТАР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. В рамках данной статьи автор затрагивает проблему взаимодействия обских угров и сибирских татар в военной сфере. Военное сотрудничество жителей Западной Сибири средневековья было зафиксировано немногочисленными письменными источниками. Однако скудность сведений оставляет дискуссионным вопрос статуса обских угров в походах сибирских татар. Если подчиненный статус обских угров, проживавших на периферии Сибирского ханства, не вызывает возражений среди исследователей, то Пелымское княжество большинство исследователей оценивают как союзника.

Ключевые слова: обские угры, сибирские татары, взаимоотношения, статус, союзники.

Abstract. In the framework of this article, the author addresses the problem of the interaction of the Ob Ugrians and Siberian Tatars in the military sphere. The military cooperation of the inhabitants of Western Siberia of the Middle Ages was recorded by a few written sources. However, the scarcity of information makes the issue of the status of the Ob Ugrians in the campaigns of the Siberian Tatars debatable. If the subordinate status of the Ob Ugrians living on the periphery of the Siberian Khanate is not objectionable among researchers, most researchers consider the Pelym principality as an ally.

Key words: Ob Ugrians, Siberian Tatars, relationships, status, allies.

Тема взаимоотношений сибирских ханств и угорских княжеств Западной Сибири в дорусский период остается одной из малоизученных в сибиреведении, что связано с низкой информативностью письменных источников. Данная проблематика во фрагментарном виде представлена в работах отечественных исследователей дореволюционного и советского периодов, посвященных истории Сибири. На современном этапе развития исторической науки она получила новый импульс благодаря вводу в исторический оборот этнографических материалов. Это предопределило основное направление исследований – диалог двух культур [2; 3; 5; 9; 19; 22]. В этот период отмечено появление отдельных публикаций, посвященных татарско-угорским политическим связям [10; 15]. Однако, обобщающее исследование, в рамках которого были бы раскрыты: хронология, динамика, специфика сложного, многообразного процесса взаимоотношений, происходивших на фоне исторических событий в Западной Сибири в период средневековья, – ждет своего исследователя.

В данной статье автор делает попытку освятить один из аспектов взаимодействия обских угров и сибирских татар – вопрос их военного сотрудничества. Автор видит определенные перспективы в разработке исследуемой темы при учете следующих факторов. Во-первых, при комплексном привлечении сведений письменных, археологических и этнографических источников. Во-вторых, при исследовании проблемы не как изолированного явления, а с учетом изучения опыта взаимоотношений кочевников с оседлыми народами вообще, и монголами в частности. В-третьих, учитывая специфику отношений центральной власти и региональных элит в Сибирском ханстве Кучума. И в-четвертых, опираясь на опыт взаимоотношений русской администрации с местным населением ведь, как метко замечал С. В. Бахрушин, «московское правительство унаследовало такой строй отношений от

предыдущей эпохи и, что таков был характер зависимости остяцких князьков от Кучума» [1, с. 52].

О совместных военных выступлениях обских угров и сибирских татар исследователи обычно пишут, освящая события заключительного этапа существования Сибирского ханства Кучума. Этот этап дорусской истории наиболее освящен письменными источниками. Реже – освящая историю Тюменского ханства Ибака XV в. И несмотря на фрагментарность письменных сведений, которая порождает дискуссионность выводов по некоторым ключевым вопросам, факт существования угро-татарских военных контактов не подвергается сомнению. Расхождения в позициях вызывает вопрос о статусе обских угров в военных походах сибирских татар. Какие это были отношения: вассальные или союзнические, или же обские угры проводили свою независимую политику, в рамках которой имело место лишь совпадение интересов с южными соседями?

Наиболее раннее сообщение о набеге пелымского князя Асыки на Пермские владения русского царя, который некоторые исследователи относят к совместному с тюменскими татарами, содержится в Вычегодско-Вымской летописи за 1481 г. «Лета 6989 пришедшу Асыка князь с пелымскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив. Узнав про то Андрей Мишнев со свои устюжаны поиде на Пермь, сугнав вогуличов под Чердыню побил и приплывшу по Каме реке туменских татар посекал» [4, с. 262]. По мнению В. В. Каргалова, тюменский хан, использовал подвластное ему таежное население Западной Сибири в своей антироссийской политике [6]. Схожую позицию занимает В. А. Оборин. Автор считает, что в этот период набег пелымских князей совершались при подстрекательстве сибирских ханов [14, с. 76], что предполагает зависимость Пелымского

княжества от Тюменского ханства. А. Т. Шашков прямо указывает, на то, что пельымский князь в данном случае выступает как вассал тюменского хана Ибака [25]. Однако, по справедливому замечанию Д. Н. Маслюженко, в данном отрывке летописи не говорится о непосредственном участии сибирских татар в набеге пельымцев. По мнению автора, скорее всего, это были торговые люди, случайно оказавшиеся на пути преследовавших вогулов устюжан, либо описывается один из эпизодов столкновения между торговцами из-за контроля над сибирским товарооборотом [11, с. 94]. Согласно мнению ряда исследователей, организованный Иваном III в 1583 году ответный поход на Пельымские и Югорские земли проходил по территории, не входившей в состав ханства [12; 16; 21, с. 83]. Однако А. Т. Шашков, ссылаясь на самое раннее известие об этих событиях, содержащееся в вологодско-пермских летописцах, указывает на то, что русские ратники «побиша много татар Тюме[н]ских и Сибирь плениша и одолеша» [26, с. 13; 8, с. 270].

Очевидно, что для ситуации конца XV в. говорить о возглавляемой тюменским ханом Ибаком угротатарской коалиции против Русского государства преждевременно. В то же время подобная коалиция могла возникнуть против общего врага с Юга. Согласно легенде, записанной Н. Катановым, против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана, пытавшихся насильственно исламизировать местное население, совместно выступили хотаны, ногаи, каракыпчаки и остяки [7, с. 18–28]. По мнению Д. Н. Маслюженко, описываемые события могли произойти в конце 1480-х гг. [11, с. 97]. По свидетельству Г. Ф. Миллера, сопротивление внедрению новой религии среди местного населения сохранялось и во время правления Кучума. «Кучум натолкнулся на большие трудности при введении новой веры. Со стороны подданных он встречал послушание и полную готовность платить наложенную дань, но одного его приказа не было достаточно для того, чтобы сменить древнее идолопоклонство на новую веру» [13, с. 199].

В 1505 и 1547 гг. отряды сибирских татар совершили еще набеги на Пермь Великую, но информация об участии в них обских угров отсутствует [26, с. 21].

Далее обские угры в походах сибирских татар появляются в источниках, описывающих события активизации внешней политики сибирского хана Кучума в 80-е годы XVI в. В 1573 г. племянник сибирского хана Маметкул совершает поход на Пермь, в ходе которого были убиты множество остяков, плативших дань русским [13, с. 206]. После этого в 1580 г. татары с остяками совершают поход на русские владения на Урале. Согласно Строгановской летописи, организатором этого похода являлся Кучум: «Сибирский салтан с ратию иных остяков Чагира побил жителей городков чувовских» [17, с. 6]. Перед походом Ермака в 1581 г. пельымский князь Аблай-Керей совершил набег на Пермь, об этом пишет Г. Ф. Миллер со ссылкой на Ремезовскую летопись [13, с. 208]. Строгановская летопись фиксирует еще один набег вогулов в этом

году: «1581 г. приходил под Чердынь вогульский мурза Бекбелей Актаков с собранием вогульским да остятским» [20, с. 9–10]. Причем в составе войска пельымского мурзы перечисляются множество мурз, сьлвинские, косвинские, обвинские татары, остяки, вогулы, вотяки и башкиры [13, с. 12]. Вычегодско-Вымская летопись так же фиксирует совместный поход жителей Зауралья: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сьлвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельымский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сьлвенский и Яйвенский и Вымские погосты, Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [4, с. 267].

И хотя все приведенные летописи указывают на факт объединения угров и татар против общего врага в виде Русского государства, исследователи неоднозначно характеризуют статус обских угров в этих конфликтах. Так, Н. В. Перцев предполагает, «что предводителями военных походов пельымцев стали ставленники сибирского хана, что в таком случае объясняет и наличие мусульман среди угров, и татарские имена их предводителей» [15, с. 138]. В пользу этой версии хотелось бы обратить внимание на административное деление, основанное на десятичной системе, распространённой среди жителей Приуралья и Зауралья, в том числе у пельымцев, о которой в своей работе писал С. В. Бахрушин [1, с. 21]. Ведь, как известно, деление на тысячи, сотни, десятки практиковалась чингисидами не только с целью упорядочения сбора ясака, но и для формирования вспомогательных отрядов из местного населения, о чем сообщает Рашид-ад-Дин при описании похода Чингисхана на Среднюю Азию [3, с. 201, 215]. Существует версия Томилова, согласно которой политическая элита пельымского княжества формировалась, в том числе, и из татар [23].

Д. Н. Маслюженко исключает политическую зависимость Пельымского княжества от Сибирского ханства. Автор считает, что вогулы действовали самостоятельно, продолжая противостояние с русскими, начатое за полтора столетия до описываемых событий. Исследователь сомневается, что в набеге Аблайгерима могли быть собраны «абсолютно разнородные силы, к которым примыкают мирзы и уланы, то есть командиры конных, в том числе ханских отрядов из Сибирского ханства». И объясняет это обстоятельство возможным желанием автора Строгановской летописи преувеличить важность этого набега для обоснования опасности, исходившей от Сибирского ханства, за которой и последовало приглашение Ермака «с товарищи» [12].

Описание самого Ермакова взятия Сибири также содержит сведения о совместных действиях обских угров и сибирских татар. В Есиповской летописи сообщается о призыве пельымского князя к Кучуму после нападения на него отряда Ермака, что послужило поводом для мобилизации всех сил ханства для отра-

жения пришельцев: «множество много татар могучих и остяков, и пельмцев, и мноше языцы» [17, с. 120, 121]. Погодинский летописец добавляет: «В мале же времени собрашась к нему множество татар и остяков, вогуличи и нии языцы яже под его властию» [17, с. 131]. Но угро-татарская коалиция оказалась непрочной и распалась после первого испытания. Сибирские летописи сообщают о бегстве остяков и вогулов после поражения Кучума на Чувашском мысу [20, с. 24–25; 10]. Г. Ф. Миллер по этому поводу писал: «Все остяки из местности по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам» [13, с. 230–231]. Примечательно, что через четыре дня после занятия казаками Сибири демьянский князь Бояр выразил покорность Ермаку. «Прииде во град Сибирь остяцкой княз именем Бояр со многими остяки и принесоша Ермаку атаману с товарищи многие дары» [17, с. 122]. После поражения Кучума от него отворачиваются не только остяки и вогулы, но и Карачи-бек, который во главе отряда из «многих своих татар», остяков и вогулов напал на его становище [24, с. 51]. Эти события красноречиво показывают, насколько непрочной и эфемерной была власть Кучума в Сибирском ханстве, что являлось следствием отсутствия сильного аппарата принуждения центральной власти, незавершенности интеграционных процессов, а также полунезависимости региональной элиты [25].

Как же исследователи оценивают роль обских угров в военном конфликте с казаками Ермака? Согласно Г. Ф. Миллеру, остяки из местности по Иртышу были вызваны Кучумом, что свидетельствует об их зависимости. Эта зависимость определялась уплатой ясака и обязанностью военной помощи татарам [13, с. 230]. С. В. Бахрушин, со ссылкой на летопись Ремезова, называет в числе подручников Кучума кондинских (вероятно, кодских) и обдоринских (обдорских) князей, в частности кодский князь Алач фигурирует в его рассказе как влиятельный союзник Кучума, которому после гибели Ермака по дележу достался один из «пансырей» [1, с. 28]. Сам термин «подручники» В. В. Трепавлов объясняет «как союзники, младшие по иерархическому рангу» [24, с. 51].

По мнению автора, в отличие от угро-, тюрко- и кето-язычных племен, расселявшихся по периметру Сибирского ханства, Пельмское княжество считалось союзником хана. Княжество обладало значительным военным потенциалом. Именно статус союзника Кучума и предопределил разгром Пельмского княжества в 1593 году [24, с. 51]. Схожую позицию занимает А. Т. Шашков, считая, что Пельмско-Кондинское, Белогорское, Кодское княжества «были скорее не вассалами, а союзниками Сибирского ханства, тесно связанными с ним торговыми отношениями» [26, с. 23].

Таким образом, согласно данным письменных источников, по крайней мере с начала 80-х гг. XVI в. можно говорить о совместных походах сибирских татар и обских угров на Приуральские владения русского царя. Вероятнее всего, объединяющим фактором этих походов служили общие интересы, основанные на престижной экономике. Для существования аборигенных государственных образований была необходима успешная внешняя политика. Как писал С. В. Бахрушин, «еще в 1612 г. вогуличи мечтали о походах на Русь, о том, чтобы “выпустоша пельмские города, да итти на Пермь пермские города воевать”» [1, с. 80]. Другим объединяющим фактором являлась грабительская политика Строгоновых по отношению к местному населению и как следствие этой политики – объединение аборигенов перед общей угрозой [12]. Насколько совместные походы могли быть организованными сибирскими татарами, судить трудно. Большинство исследователей считают, что пельмцы проводили свою собственную внешнюю политику, совпадавшую с татарской. Однако существует мнение, что эти походы могли быть организованы Кучумом. В ходе дальнейшего покорения Западной Сибири русское правительство активно привлекало военные контингенты остяков и вогулов. Так завоевание Оби и ее притоков произведено было в значительной степени посредством вооруженных сил кодских князей [1, с. 50]. Вполне возможно, что подобная политика взаимоотношений с местным населением была перенята от предшественников, но уже в новых условиях.

Список источников и литературы

- 1 Бахрушин, С. В. *Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII веках.* – Москва, 1928. – 199 с.
- 2 Белич, И. В. *Культ медведя у сибирских татар // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск).* – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 86–90.
- 3 Валеева-Сулейманова, Г. Ф. *К сравнительному изучению традиционного искусства татар и обских угров // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск).* – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 94–95.
- 4 Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР.* – Вып. 4. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1958. – С. 24–270.
- 5 Исхакова, С. М. *Языковые контакты сибирских татар с хантами // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск).* – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 98–99.
- 6 Каргалов, В. В. *Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопросы истории.* – 1983. – № 11. – С. 177–182.
- 7 Катанов, Н. *О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея).* – Казань, 1904. – 24 с.
- 8 Клосс, Б. М. *Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники 1976.* М. Н. Тихомиров и летописеведение. – Москва : Наука, 1976. – С. 275–276.

- 9 Корусенко, М. А., Корусенко, С. Н. Угорские элементы в культуре тарских татар // *Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск)*. – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 102–104.
- 10 Мартынова, Е. П. Татарско-угорские политические связи в XIV–XVII вв. // *Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г. Тобольск)*. – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 294–296.
- 11 Маслюженко, Д. Н. *Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века*. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 168 с.
- 12 Маслюженко, Д. Н., Рябина, Е. А. *Сибирско-Московские отношения // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова*. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 116–130.
- 13 Миллер, Г. Ф. *История Сибири. Т. 1*. – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. – 607 с.
- 14 Оборин, В. А. *Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века*. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 169 с.
- 15 Перцев, Н. В. *Татарские ханства и Угорские княжества Западной Сибири // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова*. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 131–140.
- 16 Плигузов, А. И. *Текст-кентавр о сибирских самостодах*. – Москва ; Ньютональ : Археографическая комиссия, 1993. – 156 с.
- 17 *Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи*. – Москва : Наука, 1987. – 383 с.
- 18 Рашид-ад-Дин Ф. *Джами ат-таварих. Сборник летописей. Т. I*. – Москва – Ленинград : Издательство АН СССР, 1952. – 283 с.
- 19 Селезнев, А. Г., Селезнева, И. А. *Три уральских термина в хозяйственной лексике тарского диалекта сибирских татар // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск)*. – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 108–110.
- 20 *Сибирские летописи, изд. Имперской Археографической комиссии*. – Санкт-Петербург : типография И. Н. Скороходова, 1907. – 462 с.
- 21 Скрынников Р. Г. *Сибирская экспедиция Ермака*. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1986. – 320 с.
- 22 Смирнова, Е. Ю. *Угорский компонент в традиционном комплексе одежды курдакско-саргатских татар // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г. Тобольск)*. – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 111–113.
- 23 Томилов, Н. А. *Этнические контакты угров и тюрков Западно-Сибирской равнины в XVI–XX вв. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. I*. – Москва : Наука, 1989. – С. 278–281.
- 24 Трепавлов, В. В. *Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш*. – Москва : Вост. лит., 2012. – 231 с.
- 25 Чернышов, С. А. *Проблема отношений центральной власти и региональных элит в Сибирском ханстве накануне русской колонизации // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с между народным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. С. Ф. Татауров*. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – С. 82–84.
- 26 Шашков А. Т. *Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье*. – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 8–51.

Н. С. Лапин
Институт истории государства КН МОН РК,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

«СИБИРСКИЙ ФАКТОР» В КАЗАХСКО-РУССКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1594–1595 ГГ.

Аннотация. В статье реконструируются некоторые обстоятельства казахско-русских переговоров в 1594–1595 гг., инициированных казахским ханом Таваккулом. Основанным вопросом является определение роли «сибирского фактора». Как показывает содержание посольских документов, для русского правительства положительное решение вопроса о военной помощи казахам против Бухарского ханства в значительной степени увязывалось с участием Таваккул-хана в совместной с Москвой борьбе против сибирского правителя Кучума.

Ключевые слова: Казахское ханство, Русское государство, посольства, Сибирское ханство.

Abstract. The article reconstructs some circumstances of the Kazakh-Russian negotiations in 1594–1595 initiated by the Kazakh khan Tavakkul. The main issue is to determine the role of the “Siberian factor”. As the content of the Embassy documents shows, for the Russian government a positive decision on the military assistance to the Kazakhs against the Bukhara khanate was largely linked to the participation of Tavakkul khan with Moscow in the joint struggle against the Siberian ruler Kuchum.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian State, embassies, Siberian Khanate.

Одним из немногих подтверждаемых источниками событий, связанных с историей казахско-русских отношений в ранний период, является попытка восстановления дипломатических связей в самом конце XVI века. События связаны с посольствами, направленными казахским ханом Таваккулом в Москву в 1594 и в 1595 гг. (оба посольства возглавлял Кул-Мухаммед), и русским посольством (во главе с сыном боярским Вельямином Степановым) в ставку казахского правителя весной-летом 1595 года. Известно также о направлении из Москвы к хану Таваккулу служилого татарина Исенчюры Байкешева «с товарищи» в 1595 или 1596 г. [22, с. 282; 23, с. 136].

Несмотря на относительно заметную историографию казахско-русских посольских отношений в конце XVI века нельзя сказать, что обстоятельства казахской миссии 1594–1595 гг. хорошо изучены.

Источники позволяют, хотя пока и ориентировочно, датировать первую казахскую миссию в Москву. Судя по всему, уже в конце 1594 года¹ Кул-Мухаммед был в Москве, когда провел одну из встреч с русским представителем царевичем Ураз-Мухаммедом [см.: 24, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 1]. Завершение миссии датируется весной (конец марта или начало апреля) 1595 года, когда по царскому повелению Кул-Мухаммед в составе посольства Вельямина Степанова покинул столицу Русского государства [24, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 27].

Посольство возглавил, как отмечено выше, Кул-Мухаммед, которого на сегодняшний день можно называть первым (известным) в истории казахским послом в Россию. В известных источниках, связанных с

посольствами 1594–1595 годов, Кул-Мухаммед называется только как «казацкие орды посол» [см.: 24, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 1; 24, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 82] без упоминания других должностей, титулов и т. п. Однако изредка в историографии он называется беком или султаном (впрочем, без какого-либо обоснования) [19, с. 240.; 18, с. 175].

Во время пребывания Кул-Мухаммеда в России состоялось несколько встреч с царским представителем – царевичем Ураз-Мухаммедом, внуком казахского хана Шигая и родным племянником Тавккула. Фактически беседы Ураз-Мухаммеда и Кул-Мухаммеда и отразили ход казахско-русских переговоров во время пребывания казахской посольской миссии в Москве в течение 1594–1595 гг.

Отметим, что в историографии до сих пор сохраняется представление, что состоялась только одна встреча Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммеда, что отчасти привело к тому, что исследователи по-разному датируют это событие [см.: 3, с. 43; 2, с. 81; 20, с. 12; 5, с. 34; 6, с. 77, 117; 28, с. 177, 248, 332, 349; 9, с. 36]. Однако, как довольно ясно показывает содержание источников, имеющиеся датировки, состав участников, ход и содержание самих встреч, их состоялось несколько.

Первая из известных встреч казахского посла с представителями русской стороны состоялась, вероятно, в поместье² Ураз-Мухаммеда в конце 1594 г. или самом начале 1595 г. [24, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 1]. Однако подробности о том, как прошла встреча, какие вопросы обсуждались, неизвестны. Вторая встреча, состоялась на московском подворье царевича 20 января 1595 г. [24, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 6–7]. И еще одна встреча была согласована (было испрошено разрешение и получено согласие царских властей) [24,

¹ В историографии [см.: 1, с. 111–112; 3, с. 43; 9, с. 36; 20, с. 12] нередко высказываются предположения, что Кул-Мухаммед уже в начале 1594 г. был в Москве, когда состоялась его встреча с Ураз-Мухаммедом, однако это мнение основывается на ошибочной датировке, предложенной издателями сборника документов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» в 1961 г. [см.: 12, с. 3].

² А. В. Беляков ранее допускал, что в это время поместье Ураз-Мухаммеда могло находиться в Койской волости Угличского уезда [см.: 5, с. 35]. В работе 2019 г. поместье царевича, которое посетил (посещал) казахский посол, А. В. Беляковым локализовано в Бежецком Верхе [7, с. 43].

оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 16] и скорее всего так же состоялась¹, по всей вероятности, в феврале 1595 года в поместье царевича.

Практическим результатом казахского посольства стала грамота царя Федора Ивановича о «принятии под царскую руку» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 3]. При этом важным условием была присылка кого-либо из ближайших родственников хана Таваккула в обмен на Ураз-Мухаммеда: «и только мы, великий государь царь и великий князь вас пожалуем; брата вашего Уразмагметя-царевича к вам отпустить велим, а наше царское повеленье к вам будет, и вы в то место пришлете из брата и из детей царевича в заклад, а чтоб у нашего царского величества братья ваши и дети царевича были в нашем царском жалованье» [24, оп. 2, 1595 г. д. 1. л. 2].

Требование царя Федора Ивановича о присылке родственников хана Таваккула в Москву – это самый ранний зафиксированный в истории казахско-русских отношений момент, когда стал официально подниматься вопрос об аманатах.

Также в ходе миссии Кул-Мухаммеду при благосклонности русского правительства и при участии Ураз-Мухаммеда удалось не только встретиться с бывшим тогда в Москве персидским послом Г(А)дибеком, но и добиться, чтобы представитель персидского посольства «кызылбашского шаха человек Дервиш-Маметь» получил разрешение отправиться вместе с Кул-Мухаммедом на переговоры в ставку казахского хана [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 12–16, 27; 24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 7].

Другим, пожалуй, самым важным на тот момент результатом миссии Кул-Мухаммеда стала организация ответного русского посольства, которое возглавил переводчик Посольского приказа, сын боярский Вельямин Степанов [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 8]².

Какие же вопросы обсуждались и решались, каковы цели и причины возобновления дипломатических контактов между Казахским ханством и Русским государством? Какое место в ходе этих переговоров занимал «сибирский фактор»?

Чаще всего в историографии среди основных причин, заставивших Таваккула направить посольство в Москву, называется нахождение в России царевича Ураз-Мухаммеда – родного племянника казахского хана, и соответственно как главная цель миссии

Кул-Мухаммеда провозглашается освобождение ханского родственника. Еще Н. М. Карамзин первым обозначил, на его взгляд, единственную причину отправления казахского посольства к русскому царю – освобождение захваченного Ураз-Мухаммеда [13, с. 198]. Вслед за Н. М. Карамзиным А. И. Левшин также пишет об освобождении ханского племянника как о главной цели казахской миссии [17, с. 50], однако добавляет, что другой целью посольства было принятие русского подданства, однако поставил под сомнение реальность желая Таваккул-хана вступить в подданство, назвав его лишь «пустым обещанием», целью которого является все-таки освобождение Ураз-Мухаммеда. Он был убежден, что хан Таваккул, направляя посольство в Москву и предлагая свое подданство царю, «не имел в самом деле намерения исполнить онаго, ни при возвращении ему племянника, ни при отказе в сем требовании» [17, с. 50–51].

Фактически работы Н. М. Карамзина и А. И. Левшина не только очертили начало историографии вопроса о дипломатических связях Русского государства и Казахского ханства в конце XVI века, но и задали на много лет вперед характеристики казахского посольства, в частности его причин, поднимаемых вопросов и той цели, которую преследовал Таваккул-хан, направляя миссию в Москву. Последующие авторы (В. В. Вельяминов-Зернов, Н. И. Красовский, И. И. Крафт, М. А. Терентьев) в отношении целей посольства в значительной степени следуют за ними, повторяют положения этих авторов или прямо ссылаются на их работы [10, с. 104; 14, с. 44; 15, с. 11; 27, с. 12; 29, с. 147].

Начало нового этапа в историографии, который датируется 1960-ми гг. и связан с публикацией и вводом в научный оборот значительного массива документов, связанных с посольскими событиями конца XVI в., характеризуется переоценкой и попыткой объяснения причин, приведших к активизации казахско-русских посольских связей в конце XVI в.

Например, В. Я. Басин объясняет отправление посольства Таваккул-ханом в Москву как попытку «заключения дружественного соглашения» и отвергает укорененное в историографии мнение об освобождении Ураз-Мухаммеда как главной цели первой казахской миссии, называя его только предлогом [4, с. 91–92]. Главной же целью посольства было постараться добиться военной помощи («огненного боя») от Русского государства [4, с. 91].

В последующем в разных вариациях исследователи среди основных вопросов посольств отмечают также освобождение Ураз-Мухаммеда; получение царской помощи для борьбы против среднеазиатских и (или) сибирских Шибанидов; получение от Русского государства военно-технической помощи («оружия огненного боя») и принятие казахов «под царскую руку» то есть в русское подданство [2, с. 81; 8, с. 27; 9, с. 36; 19, с. 240; 20, с. 11, 14; 21, с. 11–12, 14, 21].

Содержание архивных документов позволяет довольно точно показать цели, которые преследовала казахская и русская стороны, и какие вопросы были подняты той и другой стороной.

¹ А. В. Беляков в своей новой монографии, посвященной Ураз-Мухаммеду, приводит подробности этой встречи, в частности указывает русских представителей, сопровождавших Кул-Мухаммеда в поместье царевича, и упоминает о выделении казной значительных средств, направленных на организацию данной встречи [7, с. 43]. Данные эти извлечены им из челобитной Ураз-Мухаммеда, в которой он благодарит царя за присланные 100 рублей. Однако этот документ, по принятой датировке, относится не к 1595 г., а к более раннему времени, к 1594 г. [12, с. 5; 24, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 1]. А. В. Беляков сам же ссылается на этот документ в своей работе, когда пишет именно о первой встрече казахского посла и царевича в 1594 г. [7, с. 41]. Таким образом, все факты, приведенные А. В. Беляковым, относятся не к третьей (февраль 1595 г.), а к первой встрече Ураз-Мухаммеда и Кул-Мухаммеда, состоявшейся по-видимому, в конце 1594 г.

² О Вельямине Степанове [см.: 16, с. 369–370; 20, с. 13; 11, с. 32–40].

Для выяснения позиции казахской стороны как, по сути, инициировавшей восстановление контактов наиболее информативными являются запись беседы Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммеда, состоявшейся в январе 1595 г. [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 6–16], и грамота Федора Ивановича к Таваккул-хану, в которой обозначено содержание грамот Таваккул-хана и казахских султанов, братьев¹ хана – Шах-Мухаммеда и Кучука [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 1–8].

Причины отправления казахского посольства в Москву следует искать в том внешнеполитическом положении, в котором находилось Казахское ханство. Кул-Мухаммед заверял Ураз-Мухаммеда, что казахские правители в настоящий момент «з бухарским царем... в миру на время да и с Ногаи со Шти Браты в миру, а с Тенехматовыми детьми да с Урусовыми ни так ни сяк» [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 8]. Однако, далее объясняя мотивы Таваккула и конкретные просьбы хана, он, по сути, раскрывает реальные причины обращения казахского правителя к русскому царю. Казахский посол сообщил следующие предложения казахской стороны: «только государь пожалует, примет царя и царевичей под свою царскую руку, и похочет только пожаловать тебя отпустит, и яз то истинно говорю, что Тевкель царь пришлет в заклад царевича; и пожалует государь только даст царю и царевичем огненного бою, и царь Тевкель и царевичи однолично станут воевать бухарсково царя» [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 8].

Тут ясно видны две задачи, поставленные казахским ханом. Во-первых, это освобождение Ураз-Мухаммеда и предложение в обмен на него прислать в Москву другого казахского султана. То есть в данном случае речь явно идет о замене аманата («пришлет в заклад»). Во-вторых, это получение «огненного бою», то есть военной помощи² в борьбе с Бухарским ханством.

Несмотря на то, что вопрос о замене Ураз-Мухаммеда был озвучен раньше, чем о помощи в борьбе с Бухарой, что видимо, привело и продолжает приводить современных исследователей к мысли об «освобождении» племянника Таваккула как главной цели посольства, есть основания предполагать, что именно бухарский вопрос для казахов был основным. Об этом в частности свидетельствует сама речь посла. Прежде чем сообщить о предложениях казахского хана, Кул-Мухаммед акцентировал внимание русской стороны на политику, проводимую бухарским ханом Абдаллахом в Арало-Каспийском регионе, и явно подчеркнул ту опасность, которая может грозить Русскому государству в случае развития успехов Бухары. Кул-Мухаммед сообщал: «Бухарской царь ныне ургенсково Азима царя со юрта согнал, Юргенч взял под себя, а ныне с Ногаи со-

единясь, хочет поставить в Сарайчике город; а как в Сарайчике город поставит, толды будет и Астороханью примышлять» [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 9]. Пытаясь «напугать» русскую сторону перспективой появления Абдаллаха на Волге, казахский посол таким образом пытался подтолкнуть Москву к предоставлению помощи казахам в борьбе с Бухарским ханством. Отметим, что в доступных документах, связанных с посольскими контактами в тот период, обоснование и значение освобождения Ураз-Мухаммеда казахской стороной не приводится, хотя вопрос постоянно присутствует в повестке и в грамоте казахского хана, и, как выше показано, в речи казахского посла.

В данном случае мы принимаем объяснение позиции казахской стороны в переговорах, данную В. Я. Басиным. Он полагает, что главная цель посольства – все-таки добиться военной помощи от Русского государства в противостоянии с Бухарой, тогда как вопрос об Ураз-Мухаммеде был в большей степени поводом к переговорам [4, с. 91–92].

Как видно из приведенного ранее краткого обзора, в историографии чаще всего обозначались цели и характеризовались причины, инициировавшие обмен посольствами, с позиции Казахского ханства. Цели, мотивы поддержания и возможного развития посольских контактов, в целом интересы русской стороны в двусторонних переговорах в историографии фактически обозначались мало или ограничивались вопросом привидения казахов в русское подданство [см.: 8, с. 27; 9, с. 36; 20, с. 14].

Пожалуй, главные источники, благодаря которым позиция Москвы, ее интересы в ходе посольских контактов с казахами становятся понятными, – это Грамоты царя Федора Ивановича, адресованные Таваккул-хану и его братьям – султанам Шах-Мухаммеду и Кучуку.

Именно в этих документах кроме вопроса о «принятии под царскую руку», который для Москвы стал одним из основных, содержится прямое указание еще на один важный фактор восточной политики России, а именно владения хана Кучума.

В свое время В. Я. Басин указывал именно на сибирский фактор, который способствовал интересу России к установлению и поддержанию на какое-то время двусторонних дипломатических контактов с Казахским ханством. Он характеризовал первое посольство казахского хана в Москву как результат геополитических изменений в регионе: обострения отношений Русского государства с Сибирским ханством, возглавляемым Кучум-ханом, с одной стороны и с другой стороны – Казахского и Бухарского ханств. В. Я. Басин полагал, что Россия искала союзника в борьбе с Кучумом, и таким союзником могло стать Казахское ханство [4, с. 9, 89]. При этом Москва, по его оценке, очень прагматично подходила к вопросу о взаимодействии с казахами: «не заинтересованный в альтруистической помощи своему юго-восточному соседу [русский] двор, однако, обещал Тевекелю помощь и содействие “огненным боем” при том условии, что сосед поможет в осуществлении русской политики в Сибири» [4, с. 9].

С другой стороны, Я. Г. Солодкин возражал против

¹ В историографии нередко в след за составителями сборника «Казахско-русские отношения» Шах-Мухаммед и Кучук называются сыновьями Таваккул-хана [12, с. 10], однако как установлено Т. И. Султановым они, как и Таваккул и правивший после него Ишим, а также султан Ондан отец Ураз-Мухаммеда, являются сыновьями Шигай-хана и соответственно родными братьями казахского хана Таваккула [см.: 26, с. 118–119].

² Я. Г. Солодкин обращает внимание что под «огненным боем» казахская сторона подразумевала не огнестрельное оружие, а вооруженную им русскую рать [25, с. 148].

объяснений В. Я. Басина, в частности – значения сибирского фактора в выстраивании двусторонних отношений. Я. Г. Солодкин мотивировал это тем, что «к середине последнего десятилетия XVI в. Сибирское ханство фактически уже было разгромлено, борьбу продолжали отдельные отряды, сохранявшие верность Кучуму», именно поэтому, как он полагал, «вывод [В. Я. Басина] об особой заинтересованности московского правительства в союзе с казахским ханом против Сибирского “юрта” кажется неоправданным» [25, с. 147].

Между тем, как показывают документы, есть основания, на наш взгляд, принять в этой заочной дискуссии позицию, обозначенную В. Я. Басиным.

В своей грамоте к Таваккулу царь несколько раз акцентирует внимание на Кучуме. В частности, говоря о принятии казахов «под свою царскую руку», ставил условие, чтобы казахи не отступали от русского царя, то есть «не изменяли» ему, так как это, по оценке Федора Ивановича, сделал Кучум: «нам бы, великому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси самодержцу, тебя [Таваккула] пожаловати принять под свою царскую руку с обеими вашими ордами с Казатцкою и с Колматцкою. А вы из нашего царского повеленья не выступите, как нам изменил Кучюм, Царь сибирской» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 1].

При этом русский царь, показывая что «измена» ему может повлечь неприятные последствия, указал, что Кучум за свои «неправды» в отношении царя уже поплатился – «его с юрта наши люди согнали» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 1].

Более важным для объяснения позиции России являются другие упоминания Кучума в царской грамоте.

Царь указывал, что как только будет принято решение о подданстве и соблюдены предварительные условия (Таввакул пришлет в аманаты взамен Ураз-Мухаммеда своего сына), будет принято решение и о просимом Таваккулом выступлении против Бухарского хана Абдаллаха. Однако кроме правителя среднеазиатского ханства в грамоте царя указывается еще один противник, против которого должны будут выступить казахи – хан Кучум. В документе царь указывает: «а вы, будучи под нашею царскою рукою и по нашему царскому повеленью, будете воевати бухарского царя и изменника нашего Кучюма царя сибирского, изымав, к нашему царского величества порогу пришлете» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 2].

Исходя из того, что вопрос о Кучуме казахская сторона не поднимала и Таваккул ставил вопрос только о бухарской угрозе, данное требование царя явно свидетельствует о том, что сибирское владение волновало русскую сторону. И русский царь, «не заинтересованный в альтруистической помощи», соглашаясь помочь казахам, выдвигает требование о выступлении Таваккула против Кучума.

В этой же грамоте царь еще дважды повторяет о выступлении казахов против сибирского правителя [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 3, 6]. При этом способность и желание казахской стороны выполнить требование царя, то есть не только выступить против Кучума, но содействовать тому, чтобы схватить его («изымав, к на-

шему царского величества порогу пришлете»), ставилось в качестве определенного показателя искренности намерений Таваккула в отношении России. Царь прямо указывал, что если бы казахи «Кучюма-царя, изымав, к нашего царского величества порогу послали, тем бы есте *правде своей и службе нам зная показали* (курсив – Н. Л.)», и далее, то «наше царское усмотренье и защищенье ото всех ваших недругов и жалованье наше к вам и к брату вашему к Урусмагметю-царевичю вперед *будет смотря по вашей правде* (курсив – Н. Л.)» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 3–4].

Есть еще одно упоминание в царской грамоте сибирского владетеля Кучума. Раскрывая подробнее предполагаемую последовательность взаимодействия, царь указывает, что сначала должен прибыть в Москву старший сын Таваккула Ходжа-Хусейн («Хозяусейн», «Азиусейн»), только после этого будет отпущен Ураз-Мухаммед «з бабкою, с матерью и з женами и со всем его родством» и тогда же будет отправлено русское войско для совместных действий против недругов Таваккул-хана [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 5–6]. При этом обращает на себя внимание градация общих противников, против которых должны будут действовать казахи совместно с русскими: «и вы с тою нашею ратью учнете *над бухарским и надо всеми своими недруги* и над нашим непослушником *над Кучюмом-царем нашим делом промышляти* (курсив – Н.Л.)» [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 6]. Этот небольшой фрагмент довольно прозрачно показывает приоритеты каждой из сторон, тех целей и тех факторов, которые имели большее значение для Казахского ханства и для Русского государства в ходе переговоров. Бухарский вопрос являлся основным для Таваккула, а сибирский – для России.

Маленькое количественное наблюдение: в грамоте царя Абдаллах («бухарский царь») упоминается трижды, тогда как Кучум-хан пять раз. При этом Кучум подчеркнуто называется «изменник» или «непослушник», тогда как Абдаллах назван «непослушником» только единожды, и то когда упоминается в паре с сибирским правителем [24, оп. 2, 1595 г., д. 1. л. 3].

В царских грамотах, адресованных братьям казахского хана – султанам Шах-Мухаммеду и Кучуку, аналогично, наряду с бухарской проблемой, интересовавшей казахскую сторону, был явно обозначен важный для Москвы сибирский фактор [24, оп. 1, 1595 г., д. 2. л. 39].

Анализ документов казахско-русских посольских контактов 1594–1595 гг. показывает, что одним из важных вопросов был связан с сибирским владетелем ханом Кучумом. Если для казахской стороны целью переговоров было добиться русской помощи в борьбе с бухарским правителем Абдаллахом, то для России того времени, заинтересованной в усилении своего присутствия в сибирском регионе, проблемой оставался Кучум-хан. Именно российская сторона внесла в повестку переговоров «сибирский фактор». Со стороны России, Казахское ханство могло сыграть существенную роль в противостоянии Москвы с Кучумом. В посольских документах методично прово-

дится мысль о том, что Москва готова предоставить свои войска для борьбы с противниками Таваккул-хана при условии, что казахская стороны будет содействовать России в борьбе с Кучумом.

Таким образом, данная в свое время В. Я Басиным оценка внешнеполитического фактора, сложив-

шегося в тот период в регионе, и как следствие его вывод о том, что для русского правительства в значительной степени интерес к Казахскому ханству в тот период был связан с возможностью использовать его силы для ликвидации сибирской проблемы, на наш взгляд, является вполне оправданным.

Список источников и литературы

- 1 Абуев, К. К. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. – Кокшетау : Кокшетауский гос. ун-т им. Ш. Уалиханова – Эрекет, 2016. – 200 с.
- 2 Абусеитова, М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата : Наука, 1985. – 104 с.
- 3 Басин, В. Я. Из истории русско-казахских дипломатических отношений в XVI–XVII веках // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. – 1965. – Вып. 1. – С. 37–51.
- 4 Басин, В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. – Алма-Ата : Наука, 1971. – 276 с.
- 5 Беляков, А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007. – С. 29–60.
- 6 Беляков, А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. – Рязань : Рязань. Мир, 2011. – 512 с.
- 7 Беляков, А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиной Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. – Алматы : АБДИ Компани, 2019. – 208 с.
- 8 Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014. – 471 с.
- 9 Васильев, Д. В. Касимовское ханство и первые дипломатические контакты России и Казахстана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. – С. 35–38.
- 10 Вельяминов-Зернов, В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : В типографии Императорской Академии наук. Часть вторая. (С двумя таблицами), 1864. – XVI+501 с.
- 11 Выноградов, А. В. Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : материалы междунар. науч. конф. – Москва : Институт российской истории РАН, 2019. – С. 32–40.
- 12 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов) / составители: Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, Г. И. Семенюк, Т. Ж. Шоинбаев. – Алма-Ата : Изд. АН КазССР, 1961. – XVI+743 с.
- 13 Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. X. – Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1824. – 292+168 с.
- 14 Красовский, Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Типографии Трапшеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. – III+428 с.
- 15 Крафт, И. И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического Общества. – Вып. 12. – Оренбург : Типо-литография П. Н. Жаринова, 1897. – С. 1–59.
- 16 Лисейцев, Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. – Москва : Институт российской истории РАН, 2003. – 485 с.
- 17 Левшин, А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. Часть вторая. Исторические известия. – Санкт-Петербург : В типографии Карла Крайя, 1832. – 334 с.
- 18 Мажиденова, Д. М. Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики (с древнейших времен до Венского регламента). – Астана : Күлтегін, 2003 (2005). – 240 с.
- 19 Мухаммадеева, И. А. «Казачьей орды султан» Ураз-Мухаммед – хан подмосковного Касимова // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. – 2007. – № 3 (47). – С. 238–242.
- 20 Мухаммадеева, И. А. Становление дипломатических связей Казахстана и России в конце XVI века // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. – 2008. – № 2 (50). – С. 10–15.
- 21 Мухаммадеева, И. А. Султан Ураз-Мухаммед: жизнь и деятельность (1572–1610 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Караганда, 2009. – 24 с.
- 22 Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. – Москва : Центральный архив древних актов, 1977. – 416 с.
- 23 Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под редакцией С. О. Шмидта. – Москва : Издательство восточной литературы, 1960. – 195 с.
- 24 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 122 – Киргиз-кайсацкие дела.
- 25 Солодкин, Я. Г. О начальном этапе русско-казахских отношений (спорные проблемы) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: доклады Второй международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. первая. – Москва – Иркутск – Гэзу, 1997. – С. 141–150.
- 26 Султанов, Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 134 с.
- 27 Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. – Санкт-Петербург : Типо-литография В. В. Комарова, 1906. – XIV+510 с.
- 28 Трепавлов, В. В., Беляков, А. В. Сибирские царевичи в истории России. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2018. – 496 с.
- 29 Чулошников, А. П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть первая. Древнее время и средние века. Лекции, читанные в Оренбургском отделении Московского археологического института в 1921 г. – Оренбург : Киргизское государственное издательство, 1924. – XII+290 с.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию формирования центральноазиатского направления во внешней политике России. Автор указывает, что это направление появляется в середине XVI в. и довольно скоро становится частью большой системы отношений, направленных на сдерживание Османской империи. В 1590-е гг. происходит усложнение, и в рамках центральноазиатской политики решался, например, вопрос покорения Сибири. Экономическое содержание отношений Москвы с центральноазиатскими ханствами было важным. Именно поэтому царские власти старались развивать двустороннюю торговлю и регламентировать ее. Не менее влиятельной задачей была организация выкупа пленных.

Ключевые слова: дипломатическая переписка, восточная политика, русско-ногайские отношения, анти-османская лига, имперско-иранский союз, Бухарское ханство.

Annotation. The article is devoted to the study of the formation of the Central Asian direction in Russia's foreign policy. The author points out that this direction appeared in the middle of the XVI century and quite soon became a part of a large system of relations, aimed at containing the Ottoman Empire. In the 1590-ies, there was a complication, and within the framework of Central Asian policy, the question of conquering Siberia was being solved, for example. The economic content of Moscow's relations with the Central Asian khanates was important. That is why the tsarist authorities tried to develop bilateral trade and regulate it. No less influential was the organization of the ransom of prisoners.

Keywords: diplomatic correspondence, Eastern politics, Russian-Nogai relations, anti-Ottoman League, Imperial-Iranian Union, Bukhara khanate.

Цели и задачи внешней политики Московского государства в общих чертах были сформулированы еще во второй половине XV в. и одной из важнейших идей была борьба за признание полного суверенитета Москвы перед всеми участниками международной жизни. При этом надо признать, что московские интеллектуалы не имели представлений о Востоке как некой геополитической области. Они скорее воспринимали окружающий их мир через призму вероисповедания, четко выделяя страны католические, протестантские и мусульманские. Наиболее связанной и геополитически понимаемой была совокупность татарских государств, поэтому можно в принципе говорить о татарской политике Русского государства, хотя и она имела иногда даже существенные различия.

В рамках татарской политики решалась группа вопросов, связанных с безопасностью и экономикой. Защита независимости, безопасность для русских земледельческих уездов, защита населения от угона в плен переплеталась со стремлением захвата плодородных земель у Казанского ханства, подчинением торгового транзита из Средней Азии, Кавказа и Ирана через Астрахань и Казань. В условиях такой перспективы интереса к событиям в Средней Азии, да и к самим политическим образованиям этого региона в Москве не было. Именно поэтому, когда 28 сентября 1491 г. в Москву прибыло посольство от правителя Хорасана, главы Тимуридов Султан Хусейна Байкары «о любви и дружбе» [10, с. 234], продолжения эти контакты так и не получили.

Давление русских на Казанское ханство в ходе казанской войны 1545–1551 гг. спровоцировало бухарское посольство не позднее конца 1548 г. в Москву

[2, с. 63–71], но и тогда не заметно большого интереса к развитию этого внешнеполитического направления. Определенные изменения произошли после покорения Астрахани в 1556 г. Выйдя на каспийский берег, Московское государство оказалось втянутым в местные споры и разногласия, по сути, унаследовав комплекс политики Астраханского ханства. В 1557 г. в Астрахань прибыли представители из Ургенча «о братстве и о любви и на весне хотят с многими торгы быти...» [10, с. 281]. В 1558 г. через Хорезмийское ханство в Среднюю Азию прибыл представитель английской Московской компании Энтони Дженкинсон. Иван Грозный использовал англичанина как своего личного представителя, вручив ему послания местным правителям. В 1559 г. Москву посетили послы от Хорезмийского и Бухарского ханств, кроме них были еще послы и ташкентского владетеля [6, с. 217–222]. Итак, именно в 1559–1560 гг. произошло оформление общего контура отношений Московского государства с Бухарой, Самаркандом, Ургенчем и Ташкентом. Однако нам не известно ни содержание этих отношений, ни то, кого из правителей Средней Азии в Москве рассматривали как союзника. Так, ряд сведений позволяют полагать, что Иван Грозный и его окружение рассматривали как важнейшего игрока в Ургенче. Например, в так называемом Титулярнике № 3 контакты с Ургенчем фиксируются трижды, а с Бухарой – ни разу. Но тот же бий Ногайской Орды Исмаил считал Ургенч не только своим врагом, но и недругом русских. В 1562 г. он сообщал в Москву, что там началась междоусобица, и предлагал вторгнуться туда совместно русско-ногайскому войску [11, л. 55об., 59]. Это предложение вызвало у русских дипломатов

сдержанную реакцию. С одной стороны, они одобряли идею бия напасть на Ургенч, но, с другой – отказывались дать ему в помощь стрельцов [11, л. 111]. Следовательно, мы можем заключить, что никакого союза между Русским царством и Хорезмийским (Ургенчским) ханством не было. К тому же между Москвой и среднеазиатскими ханствами была напряженность по вопросам свободы совершения хаджа через Астрахань. Дело в том, что астраханские воеводы довольно часто задерживали бухарцев и ургенчцев, подозревая их в шпионаже. И эта практика в итоге стала предметом рассмотрения не только в рамках русско-среднеазиатских, но и русско-ногайских и русско-турецких отношений. Поэтому предполагать наличие союзнических отношений Москвы с каким-либо среднеазиатским государством сложно.

Некоторая отстранённость Российского царства от контактов со среднеазиатскими государствами не означала, что московская дипломатия не интересовалась этим регионом. Посланники, отправлявшиеся в Ногайскую Орду, должны были выяснять, в каких отношениях ногаи с «бухарским» и «юргенчским», а Семен Мальцев в 1568 г. сумел повернуть настоящую шпионскую операцию и выкупил у Епгадырмуллы послания бухарского, ургенчского и самаркандского ханов к бию Тинахмеду [8, с. 254]. Любопытно, что в 1584 г. Борису Годунову писал письмо тайный его конфидент в Ногайской Орде Янгыдыр-мулла [14, л. 4], не одно ли это лицо с Епгадыром?

Из русско-ногайской переписки нам становится известно, что контакты поддерживались в конце 1570-х гг. не только с Бухарой или Ургенчем, но и казахским ханом Хакк-Назаром. Это обстоятельство весьма раздражало ногаев. Бий Урус в августе 1578 г. возмущенно писал царю Ивану: «А ты с таким с Акназаром царем в дружбе будучи на всякой год послы деи посылаеш з Бухарским с царевым послмо и с Азимовым царевым послмо вмѣсте с ними прикошевав послв посылаеш. И такое дѣло господарем пригоже ль дѣлат? Толко другом будучи, и так быти непригоже!» [12, л. 231об. – 232]. Впрочем, в ответном послании Иван IV Васильевич отрицал эти контакты [12, л. 273об. – 274]. Увы, но почти полное отсутствие источников за этот период не позволяет понять, насколько справедливы были эти обвинения и их отвод. Так же, как и такое заявление Уруса в 1581 г.: «А ко мне ныне Абдулла царь бухарской присылает по стутысеч бухарских денег» [13, л. 87об. – 88]. Можно полагать, что в Москве не очень верили хвастливым заявлениям Уруса, но, с другой стороны, отслеживали любую информацию, связанную с Средней Азией. Временами такое любопытство приносило важную информацию. В 1585 г. стало известно, что «Шол турецкого царя паша к Урусу князю через Урмаметев улус из Бухар, а в Бухари приходил от турецкого царя и Бухар просил люди воевати Кизилбаш и бухарской ему людей не дал, а отказал, что у него много и своих недругов. А шол через Урмаметев улус из Бухар и Урмамет его ограбил и трех человек отнял». Это сообще-

ние весьма заинтересовало Москву, и русская администрация в Астрахани попробовала заполучить этого посла к себе, но безуспешно [15, л. 7]. В целом, мы можем полагать, что для русской внешней политики в этом регионе было важно если и не прекратить, то, во всяком случае, контролировать османобухарские контакты. Эту обеспокоенность чутко уловили ногаи, сообщая, что османы хотят с бухарцами «содиначився» завладеть Волгой и Яиком, захватить Сарайчик и «мусулманство прославити, а после тово хотят и твой (царя Федора Ивановича – М.М.) юрт взять». При этом они предупреждали и русских об интригах Абдуллы-хана против ногаев при русском дворе [15, л. 13].

Отталкиваясь от этих скудных данных, мы можем пунктирно наметить следующее. Отношения между Московским государством и среднеазиатскими ханствами продолжались и в 1570-е – 1580-е гг. Возможно, что представители бухарского хана пытались подтолкнуть Ивана Грозного к войне с ногаями, однако, это не входило в его планы. Русских скорее беспокоили не ногаи, а связи Стамбула с Бухарой. Причем беспокоили настолько, что в Москве были готовы пойти на перехват и удержание османского посла. Можно полагать, что это было связано с тем, что в это время царские власти идут на сближение с Сефевидским Ираном и Империей – главными врагами османов. В рамках этой политики правительство царя Федора Ивановича стремилось укрепиться на Кавказе. Традиционно такие попытки в Стамбуле воспринимались резко враждебно. Одна из целей похода 1569 г. – заставить русских срыть Терский городок и поэтому вовсе не удивительно, что в Москве желали изолировать Бухару и Стамбул друг от друга. В целом, вряд ли будет преувеличением, если мы предположим, что дипломатические контакты Российского государства с центральноазиатскими ханствами были в значительной степени подчинены интересам складывавшейся антиосманской лиги Священной Римской империи германской нации и Сефевидского Ирана.

Кроме этого для центральноазиатского направления русской внешней политики был характерен вопрос об освобождении пленников, ставший с середины XVI века общегосударственным делом. Организация выкупа, выдача долговых обязательств (кабал), подтверждение платежеспособности возлагались на послов [5, с. 142–143]. В XVII в. пленных в Бухаре и других центральноазиатских государствах выкупали послы, и это было существенной частью переговорного процесса [7, с. 281–290]. Такой же была ситуация в XVI веке. Бухара была традиционным местом перепродажи полоняников. Царь Иван IV Васильевич указывал ногайскому бию Урусу в 1581 г.: «...наших послов грабили твои улусные люди, а перепроданы в Бухары и в ыные земли» [13, л. 162]. А еще ранее один из полоняников рассказывал о своем вынужденном путешествии: «А полонили его казанские люди невелика под Василем-городом тому лет с полчетвертатцать. И был в Бухарех, а из Бухар – во Царе-

городе, а из Царя-города пришел в Крым и жил в Козлеве» [9, л. 298].

Торговые вопросы естественно составляли заметную часть отношений и, к счастью, сохранился ряд документов 1580–1590-х гг., посвященных организации и регламентации коммерческой деятельности. Основными экспортируемыми товарами были ткани, изделия из ткани, меха и кожи. Например, бухарский посол Мухаммед-Али сообщал, что везет он на продажу: «2000 зенденей всяким цветом, 200 меллей, 100 объяринных зенденей, 100 дороги, 1500 кушаков бумажных, 40 пуд краски». Посол же хорезмийского хана Хаджи-Мухаммеда (Азима) вез: «200 дорог всяким цветом, да 100 мелли, да 100 объяринных широких, 200 зенденей красных, да 2000 зенденей всяких цветов, да 10 калей краски» [7, с. 98–99]. Русское правительство именно к торговым контактам относилось вполне позитивно и пыталось их сохранить и регламентировать. Так, в 1596 г. тарскому воеводе предписывалось допускать у себя торговлю между бухарцами и «с нашими с рускими людьми и с юртовскими татарами», причем «беспошлинно» [7, с. 107–108], что может свидетельствовать об обоюдной заинтересованности в развитии экономических связей.

Во второй половине 1590-х гг. резко возрастает политическое значение центральноазиатского направления для Российского царства и, первую очередь, возрастает значение Бухарского ханства. Как отмечают А. В. Беляков и Д. Н. Маслюженко, «...в 1596 г. возникла кратковременная возможность заключения трёхстороннего бухарско-сибирско-ногайского союза». Именно поэтому царские воеводы предприняли ряд мер, направленных на изоляцию сибирцев Кучума от бухарцев. Эти действия привели к перехвату дипломатической переписки и, хотя стало известно, что Кучум не получит вооруженную помощь, напряженность сохранялась [3, с. 234–240]. Московской дипломатии было необходимо выработать ряд мер, которые купировали бы возникшую бухарскую проблему. Логичным выходом стало сближение с Казахским ханством и привлечение его к борьбе с Бухарой. В свою очередь Москва гарантировала безопасность дипломатических контактов казахов с Ираном. Так, русского посла Вельямина Степанова к хану Таваккулу сопровождал иранский посол Дервиш-Мухаммед. В ставке же хана переговоры проходили в условиях строжайшей секретности [4, с. 12, 14]. В 1598 г. казахи вторглись в государство Шибанидов. В местности между Самаркандом и Ташкентом войско эмиров Абдуллы-хана было разгромлено, тогда Абдулла собрал новое войско и выдвинулся на встречу Таваккулу-хану, который решил не вступать с ним в соприкосновение и ушел обратно в казахские степи. Хан Бухары, продолживший свой поход, умер. Затем умер и приемник Абдуллы-хана, а Таваккул вторгся в Среднюю Азию. В короткое время он овладел Туркестаном, Ташкентом и Ферганой. В сражении под Бухарой потерпел поражение и был вынужден отступить, и вскоре умер

[1, с. 84–86]. Тогда же русские войска нанесли решительное поражение Кучуму на Оби [3, с. 237]. Как видим, в событиях присутствует определенная синхронность, и поэтому не будет излишне смелым предполагать связь между событиями. Вполне возможно, что успех русских на Оби был предопределен победами казахов в Бухарском ханстве.

Итак, центральноазиатское направление восточной политики Московского государства начинает формироваться во второй половине XVI века. Вызвано это было присоединением Астраханского ханства. Первоначально эти отношения, скорее всего, выстраивались вокруг вопросов торговли. Однако вскоре на первый план вышли проблемы совершения хаджа через Астрахань. Русские воеводы проявляли подозрительность и задерживали паломников. Но не исключено, что воеводы такими мерами пытались изолировать Центральную Азию от Крымского ханства и Османской империи. В пользу этого можно привести следующие наблюдения. Во-первых, задержанных подозревали в шпионаже. Во-вторых, эти действия касались в первую очередь бухарцев, а как известно, именно Бухарское ханство выступало как последовательный враг Сефевидского Ирана и сторонник союза с османами. В целом, для этого направления характерна включенность в большую международную систему отношений, а именно – имперско-сефевидскую антиосманскую систему. Московское государство в ней выполняло роль организатора безопасного обмена дипломатами. В 1590-е гг. происходит усложнение, и в рамках центральноазиатской политики решался, например, вопрос покорения Сибири. Исходя из скудных данных, мы можем выстроить следующую схему: Империя – Иран – Московское государство – Казахское ханство, и противостоявшие им Османская империя – Крымское ханство – Бухарское ханство – Хорезмийское ханство – Сибирское ханство. Ногайская Орда колебалась между союзниками, хотя объективно была враждебна казахам и крымцам и поэтому вряд ли могла принять любую из возможных конфигураций союза.

Экономическое содержание отношений Москвы с центральноазиатскими ханствами также было серьезным. Из Бухары и Ургенча русские получали различные ткани. Именно поэтому царские власти старались развивать двустороннюю торговлю и регламентировать ее. Не менее влиятельной задачей была организация выкупа пленных, которая стояла перед русскими послами на постоянной основе.

Таким образом, центральноазиатское направление внешней политики Российского царства было важным, но не исключительным. Сложности логистики, отсутствие жизненно необходимых ресурсов, крайне трудная и ненадежная коммуникация в рамках антиосманской политики отодвигали это внешнеполитическое направление на уровень второго, а то и третьего разряда задач.

Список источников и литературы

- 1 Абусеитова, М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата : Наука, 1985. – 104 с.
- 2 Бачинский, А. А., Моисеев, М. В. Незамеченное послание бухарского хана Абдул-Азиза царю Ивану Васильевичу (к ранней истории бухарско-русских отношений) // *Stratum Plus*. – 2017. – № 6. – С. 63–71.
- 3 Беляков, А. В., Маслюженко, Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum Plus*. – 2016. – № 6. – С. 229–243.
- 4 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). – Алма-Ата : Издательство АН Казахской ССР, 1961. – 741 с.
- 5 Моисеев, М. В. Выкуп пленных как форма деловой активности представителей знати Крымского ханства // *Vēsture: avoti un cilvēki. XXVIII zinātniskie lasījumi. Vēsture XXII*. – Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saulē», 2019. – P. 138–146.
- 6 Моисеев, М. В. Дипломатические контакты с ханствами Средней Азии при Иване Грозного // *Коммуникативная культура: история и современность. Материалы IX Международной научно-практической конференции 1 ноября 2019*. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2019. – С. 217–222.
- 7 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // *Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР*. – Вып. 3. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1932. – 504 с.
- 8 Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. редактор М. В. Моисеев; под. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. – Москва : Фонд «Русские витязи», 2016. – 400 с.
- 9 Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. / отв. редактор И. В. Зайцев; под. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, коммент. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, В. Н. Сокуров. – Москва : ИД Марджани, 2016. – 399 с.
- 10 Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (1425–1506 гг.). – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 272 с.
- 11 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127 – Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. Кн. 6.
- 12 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8.
- 13 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10.
- 14 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1584. Д. 1.
- 15 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1585 г. Д. 1.

ВМЕСТО КАЗНИ – В ШТРАФБАТ? ЗАМЕТКА О ПРАВОСУДИИ ХАНА КУЧУМА

Аннотация. В сообщениях сибирских летописей об обстоятельствах гибели Ермака присутствует сюжет о приговоренном к смерти татарине, которого хан Кучум отправил в разведку перед нападением на лагерь казаков. Несмотря на сомнения некоторых исследователей в достоверности данного сообщения, автор полагает, что оно дает основание высказать некоторые предположения об особенностях применения уголовной ответственности в Сибирском ханстве эпохи хана Кучума. Для этого данное сообщение сравнивается с источниками имперского периода, в которых, как представляется, нашли отражение сходные обстоятельства замены казни отправкой на опасное задание.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Кучум, Ермак, монгольское имперское право, смертный приговор.

Abstract. In the reports of Siberian chronicles of the circumstances of Ermak's death there is a story related of one Tatar sentenced to death, who was sent by khan Kuchum to scout before the attack on the Cossaks' camp. Despite the doubts of some researchers to the authenticity of this information, the author supposes that it gives rise to assume on specific features of criminal responsibility in the Siberian khanate of Kuchum's times. For that this report of Siberian chronicles is compared to the sources of Mongol Empire period in which as author considers similar examples of replacement of the sentence to death by dangerous task were reflected.

Key words: Siberian khanate, Kuchum, Ermak, Mongolian imperial law sentence to death.

Выдающийся ученый и путешественник Г. Н. Потанин, находясь в ссылке после осуждения по делу «сибирских сепаратистов», в письме своему коллеге и единомышленнику Н. М. Ядринцеву от 4 марта 1873 г. писал: «Таким образом, судьба моя хочет быть похожей на судьбу кучумовского татарина, о котором я мало знаю (знаете ли Вы?), потому что рассказ о нем я читал только в коротенькой летописи, хранящейся в Румянцевск[ом] музее. Кучум приговорил одного татарина за какое-то преступление к смерти, но [одновременно] обещал ему амнистию, если он высмотрит лагерь Ермака и принесет оттуда стрелу. Я даже жду переложения в альбом этой легенды. Наши казаки поют песню, чуть ли не переложение этой легенды; в ней татарин обращается к какому-то хану со словами: “Не прикажи, хан, казнить, прикажи слово говорить”, – и потом рассказывает, что он видел неприятельский лагерь. Чтобы стихотворение имело гуманное значение, нужно в уста татарина вложить упрек хану полных стран в конце его речи» [8, с. 142].

Действительно, в ряде сибирских летописей при описании обстоятельств последнего сражения и гибели Ермака присутствует сообщение подобного рода, которое ряд исследователей относит к числу «сказочных анекдотов» [1, с. 21], «небылиц» [12, с. 598–599], либо же заимствований из фольклора сибирских народов, связанного с русским завоеванием Сибири [см.: 13, с. 144]. В самом деле, в значительном количестве летописей, как и последующих исторических сочинениях по истории Сибири, этот сюжет отсутствует [см.: 14, с. 113–114]¹.

Однако, несмотря на небезосновательные сомнения в истинности данного сообщения, оно представляется весьма интересным для исследования в исто-

рико-правовом отношении, поскольку позволяет высказать некоторые предположения об особенностях уголовного права и процесса в Сибирском ханстве эпохи Кучума. Учитывая скудность источников о правовых реалиях этого государства, любой, даже косвенный, сюжет, позволяющий пролить свет на регулирование тех или иных сфер правоотношений в нем, заслуживает пристального внимания.

Итак, в чем же заключается летописный сюжет, упомянутый Г. Н. Потаниным и впоследствии привлеченный внимание исследователей? Приведем его по одному из вариантов Есиповской летописи, которой представляется наиболее ярким и подробным (предисловие по Долзовскому списку): «Бысть же у него татарин в смертной вине и казни, и рече ему Кучюм “Поиди и уведай мне в реке броду. Толко уведаш, и я тебя свобожу от казни и пожалую”. Тотарин же реку перебрел и виде их спящих. Пришедше и поведа Кучюму, яко спят вси. Сем же речам Кучюм не поверил и паки посла его вдругое и рече: “Возми у них что мочно взяти”. Татарин же егда прииде вдругое и украде у казаков пищал и лядунку, и к Кучюму принесе» [9, с. 74]. Таким образом, речь идет о некоем подданном Кучума, совершившем тяжкое преступление («смертная вина»), которого хан приговорил к смертной казни, но пообещал помиловать, если тот выполнит важное и при этом опасное задание.

Другие варианты этого сюжета, представленные в различных летописных источниках, имеют некоторые расхождения с данным сюжетом. В частности, в большинстве сообщений упоминается, что в результате второго посещения лагеря казаков татарин унес у них три пищали и три лядунки («вязки») с порохом [4, с. 151, 256–257; 5, стб. 28; 9, с. 40, 73, 78, 185, 310–311; см. также: 14, с. 136]. Однако в целом, как представляется, подобного рода вариации имеют мало значения для нашего дальнейшего

¹ Например, в «Сибирской истории» И. Э. Фишера ничего не говорится о татарине, приговоренном к смерти, а разведку осуществил один из «людей» Кучума, специально разосланных с этой целью по округе [15, с. 159].

историко-правового анализа.

Зато другие разночтения, по нашему мнению, могут иметь такое значение, причем принципиальное. В частности, в Ремезовской летописи (по Миновичевскому списку) сообщается: «Бе бо у Кучума татарин в смертной казни, и сего посла проведати Ермака и броду через перекопь» [4, с. 256–257; 5, стб. 28]. Таким образом, как можно понять, хан приговорил преступника к казни, и отправление его в разведку, по сути, представляет собой наказание за данное деяние. Близким по смыслу является сообщение Есиповской летописи (предисловие Окладной книги), в котором упоминается просто о «татарине... в вине», которого хан отправляет на разведку [9, с. 73]. Опять же, речь идет об отправке на опасное задание в качестве наказания, причем речь даже не идет о «смертной вине», т. е. наиболее тяжком преступлении, а о виновности как таковой.

Также привлекает интерес обещание Кучума смертнику за успешное выполнение поручения: в цитированном варианте хан обещает не только освободить преступника от смертного приговора, но и наградить («пожаловать») его за успешное выполнение поручения; аналогичное сообщение присутствует в Сибирском летописном своде [9, с. 185, 310–311]. В других вариантах Есиповской летописи ханские слова звучат следующим образом: «то от казни отпущу тя», «и я тебя от казни пожалую» [9, с. 40, 73, 78]. В данной интерпретации сам факт освобождения приговоренного от смертной казни (т. е. помилование), таким образом, является «пожалованием» со стороны хана.

Как бы то ни было, несмотря на все разночтения, различные варианты анализируемого сообщения, по сути, объединяет одно: был преступник, совершивший тяжкое противоправное деяние, за которое хан приговорил его к смерти, но дал шанс искупить свою вину и получить прощение при условии выполнения опасного боевого задания. Ни один вариант сообщения не дает никаких зацепок для предположения, в чем же состояло преступление упомянутого татарина. Можно только допустить, что оно было связано с проявлением ненадежности нарушителя – неслучайно во всех вариантах сообщения упоминается, что первичному донесению разведчика хан не поверил и отправил в лагерь Ермака повторно, чтобы тот принес доказательства отсутствия в нем стражи (в фольклоре – стрелу, согласно Г. Н. Потанину, в летописях – пищали и пороховницы).

Возникает вопрос, насколько это сообщение отражает правовые реалии Сибирского ханства? По нашему мнению, для ответа на этот вопрос следует провести его сравнительный анализ с другими историческими источниками. Сразу отметим, что прямых аналогов данному решению хана Кучума в других источниках по истории средневековых тюрко-монгольских государств мы не встречаем. Однако ряд сообщений из источников, относящихся еще к эпохе Монгольской империи, позволяет сделать предположение о некоем общем принципе – замене смертной казни за тяжкое преступление (или другого сурового наказания за менее тяжкое противоправное деяние) отправкой на опасное задание, которое при других

обстоятельствах могло бы быть расценено как совершение военного подвига.

Так, например, известно, что в начале 1220-х гг. нойон Тогаچار из племени кунграт, зять Чингис-хана (муж его дочери Тэмулун) допустил серьезное нарушение воинской дисциплины, за что был приговорен ханом к смертной казни, в конечном счете замененной на отстранение от командования войсками [6, с. 187]. Стремясь реабилитироваться, Тогаچار отправился в передовой отряд и был убит во время осады Нишапура в 1221 г. [17, с. 93; 18, р. 174–175; см. также: 3, с. 555–556]. В монгольской имперской историографии также есть сообщения о том, что в передовом отряде сражался и будущий хан Мунке, внук Чингис-хана – при осаде Рязани в 1237 г. [7, с. 165] и Владимира в 1238 г. [11, с. 39]. Ранее мы уже высказывали предположение, что это также могло быть наказанием за некое серьезное нарушение во время похода на Запад [10, с. 72; ср.: 3, с. 398–399]. Таким образом, можно сделать осторожный вывод о том, что практика искупления тяжкого преступления участием в опасных военных предприятиях имела в тюрко-монгольских государствах давнюю традицию и, следовательно, могла быть сохранена на далеком потомком Чингис-хана – Кучумом. Еще одно допущение – что нарушение, допущенное татаринном, которого сибирский хан отправил в разведку, скорее всего, тоже относилось к военной сфере – по крайней мере, приведенные примеры с деяниями Тогачара и Мунке относятся именно к ней.

Кроме того, вызывает интерес тот факт, что, несмотря на вышеприведенные разночтения, позиция хана Кучума в отношении преступника и условий сохранения ему жизни достаточно сходно изложена во всех вариантах сообщения. Это наводит на еще одно предположение – что слова хана (переданные в форме как прямой речи, что уже немаловажно, так и косвенной) являлись ничем иным, как ярлыком – актом его официального волеизъявления, имевшим высшую юридическую силу.

То, что нет никаких указаний на письменную форму волеизъявления, не должно нас смущать: в источниках нередко упоминаются ярлыки, представлявшие собой именно устные приказы. Причем это относится не только к «дописьменному» периоду Монгольской империи – например, когда речь идет о ярлыках, «изрекаемых» Чингис-ханом [6, с. 437, 438, 442, 443, 458, 459 и др.]. Подобная практика продолжала существовать и в чингизидских государствах с весьма развитой традицией письменности и делопроизводства – например, Чагатайском улусе эпохи Амира Тимура. Тем не менее, в тимуридских сочинениях неоднократно упоминаются устные ярлыки среднеазиатского завоевателя [см., напр.: 16, с. 109, 153, 157, 184 и др.]¹. Необходимость объявления таких указов диктовалась походными условиями, в которых нередко не было времени для соблюдения всех формальностей, требуемых при издании писаного правового

¹ Под влиянием персидской делопроизводственной традиции термин «ярлык» в сочинениях тимуридских хронистов нередко заменяется термином «фирман» [см.: 16, с. 112, 118, 138, 144, 152, 195 и др.].

акта правителя государства.

Татарин в анализируемом сообщении фигурирует как «пребывающий в смертной вине и казни» – следовательно, он был предан суду, признан виновным и приговорен к смерти. Подобные судебные решения ханов также, как известно, оформлялись ярлыками, поэтому не приходится сомневаться, что и в данном случае приговор представлял собой указ хана Кучума – вероятно, тоже устный, оглашенный в условиях непрекращающихся боевых действий. Изменить ханскую волю можно было в той же форме, т. е. новым ярлыком, смысл которого, по-видимому, и нашел отражение в данном сообщении. Летописи не отражают, на каком основании хан пересматривал свое решение, однако, если обратиться к казачьей песне, упоминаемой Г. Н. Потаниным, то, возможно, таковым являлось обращение к нему самого приговоренного с просьбой о помиловании.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно уголовного права и процесса в Сибирском ханстве в период правления Кучума.

1 Преступник, совершивший тяжкое (предположительно военное) преступление и приговоренный к смертной казни, мог сохранить жизнь путем выполнения опасного (опять же военного) поручения. Этот

принцип действовал еще со времен Монгольской империи.

2 Хан, своим указом (ярлыком) приговаривавший преступника к смертной казни или иному наказанию, мог отменить свое прежнее решение на основе вышеприведенного принципа, издав новый указ.

Безусловно, наши допущения нуждаются в поиске дополнительных сведений, которые позволят подтвердить или опровергнуть их.

В заключение отметим, что хорошо известны попытки хана Кучума по распространению ислама и шариата в Сибирском ханстве, в результате чего еще в XIX в. местные жители утверждали: «Законы и обычаи татар, происходящих до покорения Сибири и после от подданных царя Сибирского Кучума, – одинаковы и непременимы, потому что они сообразны с их Кораном, почитаемым выше всех других изданий из (?) последователей Магомета» [2, с. 75]. Однако анализ данного сообщения дает основания полагать, что по ряду направлений своей политической (и особенно военной) деятельности он являлся последовательным продолжателем монгольской имперской политики и практиковал применение принципов и норм чингизидского права, демонстрируя политико-правовую преемственность своего государства от Монгольской империи и Золотой Орды.

Список источников и литературы

- 1 Бахрушин, С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири. в XVI и XVII вв. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 13–160.
- 2 Закон, обычай, шариат. Материалы по правовой культуре сибирских татар (XVIII – начало XX в.) / сост. Г. Т. Бакиева. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. нефтегазового ун-та, 2013. – 344 с.
- 3 Злыгостев, В. А. Герои «Сокровенного сказания». – Уфа : Альфа-реклама, 2018. – 808 с.
- 4 История Казахстана в русских источниках. Т. II. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / сост., транскр., вступ. ст. И. В. Ерофеевой. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 448 с.
- 5 Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Г. Елеонского и Ко., 1880. – 39 с.+51 стб.
- 6 Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niġiġa tobċi-gan*. Юань Чао би ши. Монгольские обыденный сборник. Введ., перевод, тексты, глоссарии. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941 (Труды Института востоковедения. Т. XXXIV). – 620 с.
- 7 Кычанов, Е. И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. – Вып. XVIII. – 1999. – С. 160–169.
- 8 Письма Г. Н. Потанина. Т. 1 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1987. – 280 с.
- 9 Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – 383 с.
- 10 Почекаев, Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Евразия, 2018. – 320 с.
- 11 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. – Москва – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 253 с.
- 12 Скрынников, Р. Г. Сибирская одиссея Ермака // *Далекий век*. – Ленинград : Лениздат, 1989. – С. 405–633.
- 13 Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: дискуссионные проблемы истории и источниковедения. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2015. – 234 с.
- 14 Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гум. ун-та, 2010. – 170 с.
- 15 Фишер, И. Э. Сибирская история от самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1774. – 631 с.
- 16 Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. – Ташкент : SAN'AT, 2008. – 486 с.
- 17 Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. – Москва : Восточная литература, 1996. – 798 с.
- 18 Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. – Manchester : Manchester University Press, 1997. – LXVII + 763 p.

РАСПОЛАГАЛ ЛИ КУЧУМ АРТИЛЛЕРИЕЙ В БИТВЕ НА ЧУВАШЕВОМ МЫСУ?

Аннотация. В нескольких источниках сообщается о неудачной попытке Кучума применить артиллерию в ходе решающей битвы с ермаковцами на Чувашевом мысу. Отдельные историки с доверием отнеслись к известиям такого рода. Предпочтительнее, однако, вывод (сравнительно недавно сделанный В. В. Трепавловым) о том, что эти известия, как правило, позднего происхождения, запечатлели фольклорные домыслы. В ранних источниках, к примеру, в Основных редакциях Есиповской и Строгановской летописей, сказано лишь о стрелах, которыми осыпали ханские воины казаков в сражении близ «града» Сибири, следом беспрепятственно занятом «дружиной» Ермака.

Ключевые слова: Кучум, его войско, «ермаковы казаки», битва на Чувашевом мысу, артиллерия, источники, сообщающие о наличии пушек у хана в сражении «под Чувашею», степень достоверности известий о таких пушках, Есиповская и Строгановская летописи.

Abstract. Several sources report on Kuchum's unsuccessful attempt to use artillery in the decisive battle with the Yermak's people at Chuvash Cape. Some historians trusted the news of this kind. However, it is preferable to conclude (relatively recently made by V. V. Trepavlov) that this news is, as a rule, of late origin, and is captured by folklore texts. In early sources, for example, in the Main editions of Esipov and Stroganov chronicles, it is only mentioned about the arrows of the Khan's soldiers that showered the Cossacks in the battle near the "city" of Siberia that was followed by the unhindered occupation by Ermak's "squad".

Keywords: Kuchum, his army, "Yermak's Cossacks", the battle at Chuvash Cape, artillery, sources reporting the presence of canons of the khan in the battle "near Chuvash", the degree of reliability of the news of such canons, Esipov and Stroganov chronicles.

Если авторы Основных редакций Есиповской и Строгановской летописей (передавая, видимо, сведения их общего протографа – нарративного сочинения, возникшего в Тобольске) рассказывали о том, что в битве у Чувашева мыса, на подступах к Кашлыку, пытаясь остановить вооруженный «огнедышащими пищальями» «русский полк», «кучумляне» осыпали «православных воев» градом стрел [20, с. 53, ср. 33, 39, 92, 110, 131, 182, и др.; 22, с. 23, ср. с. 69], то в нескольких источниках конца XVII – начала XVIII вв. говорится об использовании ханом и артиллерии, впрочем, безуспешно.

По словам создателя завершенной в 1688 г. Книги записной (далее – КЗ) – старшей из выявленных к настоящему времени редакций Сибирского летописного свода (далее – СЛС), пушку, доставшуюся хану при разгроме в 1571–1572 г. отряда князя А. Лыченицына (в задачи которого входили «провесть царство Сибирское и Кучюма царя воевать»), «в пришествие Ермаково в Сибирь» ее властитель «велел спехнуть с Чувашевых гор под город в реку Иртыш, и потонула, понеже не почала издавать из себе ядра и стрелять по руским ратным людям» [20, с. 138]. Сходное известие мы встречаем в более позднем Соликамском летописце, где сказано, что Лыченицын потерял все имевшиеся у него пушки [33, с. 29]. Вопреки мнению ряда историков, сообщение о предпринятой служилыми людьми экспедиции в Сибирь в 1571–1572 гг. есть должные основания признать ошибочным [10, примеч. 257; 12, с. 91–92; 18, с. 23; 23, с. 75, 96], как и мнение о том, что «инородцам» во время набегов на строгановские городки в Приуралье досталось несколько пушек [21, с. 157].

Дж. Горсей упоминал о двух пушках, захваченных

лучшим из военачальников Кучума царевичем Маметкулом в устье Оби [6, с. 99; 16, с. 702; 23, с. 110–111, и др.]. Быть вполне уверенным в достоверности этого свидетельства, однако, не приходится.

В «Описании Новые земли, сиречь Сибирскаго царства, и Московскаго государства» есть сообщение (почти дословно повторенное в «Северной и Восточной Тартарии» Н. Витзена) о двух имевшихся у Кучума железных пушках, не выстреливших по казакам во время битвы и сброшенных в Иртыш; одну из них, с лафетом, Ермак приказал доставить в Тобольск (основанный, напомним, в 1587 г., т. е. через три года после гибели «ратоборного» атамана), где она стоит и поныне [4, с. 923; 8, с. 20; 9, с. 408; 22, с. 375; ср. 13, с. 479, и др.]. Этот рассказ, по наблюдению Г. Ф. Миллера, находит параллель в Ремезовской летописи (далее – РЛ), где читаем: «Бе же 2 пушки у Чюваш, казацы ж умолвиша голк их, они («кучумляне» – Я.С.) ж бросиша их с горы в Ыртышь». (В. Г. Мирзоев был уверен в том, что соответствующие сведения «Описания ...» и РЛ восходят к одному источнику [14, с. 99]). И. В. Балюнову приведенное сообщение С. У. Ремезова казалось достоверным [2, с. 49]. Аналогичное известие, кстати, налицо в Кунгурском летописце, фрагменты которого дошли до нас благодаря РЛ: у Бегиша – «большого князя ... Княжева городка ... две пушки железные из Казани привезены (подчас это свидетельство вопреки мнению Г. Ф. Миллера признается достоверным [13, с. 254; 29, с. 78, и др.] – Я.С.), их же казаки (в бою с татарами и «карачинцами», когда Ермак «с товарыщи» отправился навстречу «прикочевных бухарцов» – Я.С.) умолвиша», и те не могли вести огонь, «и спехнуша их прямо в Ыртыш под гору».

(В ремезовской «Истории Сибирской» при этом утверждается, что «кучумляне» имели на вооружении только луки, стрелы, копья и сабли) [22, с. 330, 341, 421, 432, ср. с. 324, 415]). Заметим, что в Пискаревском летописце говорится об атамане Мишке Черкашенине, от которого в пору осады Пскова войсками Стефана Батория «заговоры были ... ядром многия» [19, с. 193].

Г. Ф. Миллер, не знавший про «Описание Новые земли...», находил интересующее нас известие Н. Витзена маловероятным, но предполагал, что пушки Кучум получил из Казани, жителям которой они достались как трофеи «от россиян» [13, с. 225–226]. (Напомним, однако, что Казань пала осенью 1552 г., т. е. задолго до того, как Кучум сделался сибирским ханом).

На взгляд Е. И. Дергачевой-Скоп, эпизод о «пушечках», которыми располагали татары «под Чувашию», С. У. Ремезов извлек из Есиповской летописи [7, с. 51]. Точнее, соответствующее свидетельство встречается в сопровождающем Шлецеровскую редакцию СЛС одном из видов Распространенной редакции «Сказания» Саввы Есипова [5, с. 475; 17, с. 28–29].

По утверждениям Ю. С. Худякова, Кучум имел две чугунные пушки, привезенные из Казани, их «он попытался применить в решающем бою на Чувашевом мысу, а после неудачи был вынужден сбросить в реку Иртыш»; этот бой показал, что «среди татарских воинов не оказалось умелых артиллеристов» [30, с. 105; 31, с. 240; 32, с. 216–217, и др.; ср. 35, с. 88]. Н. Г. Бодрихин писал, будто несколько пушек, которые Кучум «велел выкатить» к засекам «из поваленных деревьев», «во время сражения (на Чувашевом мысу – Я.С.), похоже, так не выстрелили» [3, с. 364].

И. В. Щеглов же полагал, что с пушкой, имевшейся в распоряжении воеводы И. А. Мансурова, заложившего осенью 1585 г. Обский городок, «сибирякам предстояло познакомиться еще впервые» [33, с. 43]. А. П. Ярков указывал на отсутствие огнестрельного оружия у «кучумлян» [34, с. 225; 35, с. 89]. В. В. Трепавлов «фигурирующие в разных вариантах рассказы о двух не стреляющих пушках то ли у Кучума, то ли у бека Бегиша во время прихода Ер-

мака представляются порождением фольклорных домыслов». Как думается видному историку, «если такие орудия у сибирцев» тогда «и были, то скорее всего среднеазиатского производства» [26, с. 145; 27, с. 128; 28, с. 134]. (Известно, впрочем, что осенью 1577 г. русский посол в Крыму Е. Л. Ржевский доносил в Москву об адресованной новому хану Магмет-Гирею просьбе Кучума помочь пушками [15, с. 109, 111, примеч. 19]. Откликнулся ли преемник знаменитого Девлет-Гирея на эту просьбу, неясно. Крымцы, кстати, располагали «нарядом», когда летом 1572 г. вновь вторглись в Россию [11, с. 237, и др.]). Мнение В. В. Трепавлова может считаться вполне оправданным. Ведь сообщения о пушках Кучума, в значительной мере повторяющие друг друга, приводятся лишь в источниках конца XVII, а то и начала XVIII столетий. В Основной редакции Есиповской летописи (согласно которой, вспомним, «нечестивые» в битве «под Чувашию» осыпали ермаковцев стрелами) сказано о том, что остяки (ранее многие среди них, судя по этой «истории» о «Сибирском взятии», могли сражаться в рядах ханского войска близ Кашлыка), когда служилые люди у Мансуровского городка пушечным выстрелом разбили вдребезги дерево, у которого стоял их «кумир», посчитали, «яко некто из лука стрелил» [20, с. 65, ср. с. 35, 40, 88, 114, 136, 186, и др.]. В Погодинском летописце (далее – ПЛ), сохранившем оригинальные известия о том, что Карача «делал царю (Кучуму – Я.С.) пансыри и колчюги и всякую ратную збрую», а атаман Иван Кольцо возглавлял четыре десятка казаков «с вогненным боем», читаем про «безбожных» (внушавших опасения ермаковцам), которые могли скрыться «з бойством во граде» Сибири [20, с. 131, 132, 134], но нет и намека на огнестрельное оружие, имевшееся у «агарян».

Подобно версии о панцирях, не позволивших Ермаку спастись на Вагайской перекопи (в ПЛ упоминается о панцире «тягче») [25, с. 284–286, и др.], передаваемое рядом поздних источников известие о пушках, к которым Кучум пытался прибегнуть в «подчювашской брани» (в КЗ речь идет о пушке), следует рассматривать как предание, скорее всего и сложившееся, и бытовавшее в Тобольске [24, с. 107; ср. 1, с. 21].

Список источников и литературы

- 1 Балюнов, И. В. «Русские» вещи с городища Искер // VIII Емельяновские чтения : мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 75-летию образования Курганской области. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – С. 19–22.
- 2 Балюнов, И. В. Ручное огнестрельное оружие конца XVI–XVII вв. (по материалам фондов ТИАМЗ) // Реликвариум. – 2013. – № 4. – С. 49–51.
- 3 Бодрихин, Н. 400 сражений Руси: Великие битвы русского народа. – Москва : Яуза: Эксмо, 2009. 430 с.
- 4 Витсен, Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / перев. с голл. яз. В. Г. Трисман ; ред. и науч. руков. Н. П. Копанева, Б. Наарден. – Амстердам, 2010. – 1816 с.
- 5 Дворецкая, Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIII. – Москва – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 467–482.
- 6 Дергачева-Скоп, Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1965. – 152 с.
- 7 Дергачева-Скоп, Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья I // Вопросы русской и советской литературы Сибири : материалы к «Истории русской литературы Сибири». – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1971. – С. 48–70.
- 8 Зиннер, Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. – 247 с.

- 9 Илюшечкина, Т. Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре / сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. – Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. – С. 389–414.
- 10 Карамзин, Н. М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. – Москва : Книга, 1989. – 280 + 184 стлб.
- 11 Корецкий, В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. – Москва : Наука, 1981. – С. 223–243.
- 12 Красинский, Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. – 1947. – № 3. – С. 80–99.
- 13 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. I. – 2-е изд., доп. – Москва : Изд. фирма Восточная литература РАН, 1999. – 630 с.
- 14 Мирзоев, В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 187 с.
- 15 Назаров, В. Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. – 1969. – № 12. – С. 103–116.
- 16 Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. – Москва : Художественная литература, 1989. – 704 с., илл.
- 17 Покровский, Н. Н., Ромодановская, Е. К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – С. 3–31.
- 18 Преображенский, А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – Москва : Наука, 1972. – 392 с.
- 19 Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Бельский летописцы. – Москва : Наука, 1978. – 304 с.
- 20 Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – 382 с.
- 21 Россия: Полное географическое описание нашего отечества: В 19 т. Т. 16: Западная Сибирь / сост. И. П. Толмачев и др. – 600 с., карт. – Екатеринбург : Баско, 2008 (Югорский репринт).
- 22 Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 + XXXI + I + 645 с.
- 23 Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1986. – 318 с.
- 24 Солодкин, Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. – Нижневартовск : Нижневартовского гос. гуманитар. ун-та, 2011. – 211 с.
- 25 Солодкин, Я. Г. О происхождении одного «ермакова» предания Ремезовской летописи // Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории: Посвящается 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова : сб. тр. междунар. конф. – Санкт-Петербург : Астерион, 2008. – С. 281–286.
- 26 Трепавлов, В. В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 3. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 141–154.
- 27 Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – Москва : Восточная литература РАН, 2012. – 231 с.
- 28 Трепавлов, В. В., Беляков, А. В. Сибирские царевичи в истории России. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2018. – 496 с.
- 29 Тычинских, З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань : Фэн, 2010. – 288 с. + 8 с. цв. вкл.
- 30 Худяков, Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 104–108.
- 31 Худяков, Ю. С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы : мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 240–243.
- 32 Худяков, Ю. С. Привлечение сибирских татар на российскую службу в конце XVI в. // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 215–219.
- 33 Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут : Северный дом, 1993. – 463 с.
- 34 Ярков, А. П. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 220–231.
- 35 Ярков, А. П., Капитонов, С. А. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 87–90.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. Сибирское ханство в XVI веке занимало практически всю лесостепную полосу Западной Сибири и представляло собой весьма серьезную силу на международной арене. В литературе хорошо описана политическая история ханства, а населению этого государственного образования уделено гораздо меньше внимания. В своем исследовании я постараюсь на примере погребального обряда показать то, что население ханства было достаточно консолидировано, что отразилось на общих чертах погребальной практики.

Ключевые слова: Сибирь, тюркоязычное население, Сибирское ханство, погребальный обряд.

Abstract. In the 16th century, the Siberian khanate occupied almost the entire forest-steppe area of Western Siberia and was a very serious force in the international arena. The political history of the khanate is well described in the literature, while the population of this state entity is given much less attention. In my research I will try to show on the example of funeral rite that the population of the Khanate was sufficiently consolidated, which reflected in the general features of funeral practice.

Keywords: Siberia, Turkic-speaking population, Siberian Khanate, funeral rite.

Основной задачей археологического изучения древностей, связанных с историей тюрко-татарских образований в Западной Сибири, в настоящий момент является поиск элементов, характеризующих внутренние социально-экономические связи и систему государственного управления занимаемых этими объединениями территорий. Без решения этой задачи вопрос о границах и уровне государственности Ишимского, Тюменского, Сибирского и других ханств так и останется открытым. На мой взгляд, именно археологические источники дадут возможность создать наиболее полную характеристику этих сибирских государств.

В начале нового тысячелетия в Сибири наблюдается тенденция сокращения раскопок археологических памятников. Но несмотря на это в последнее время происходит постоянное пополнение базы археологических источников за счет раскопок комплексов второй половины II тыс. н. э. Продолжаются, пусть и в небольших объемах, изыскания на месте столиц ханств – Чимги-Туры и Искера и других памятников – Тоянова Городка в Томском Приобье, на памятниках в Среднем Прииртышье. Существенным вкладом являются публикации раскопок, проводившихся в XIX–XX веках [4; 20; 1; 19]. Новые материалы позволили наметить первые связующие моменты для всего тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири – пути сообщения, керамика, маркеры государственной власти [6]. Очевидно, что это только начало исследований, которые должны показать реальную ситуацию с сибирской тюрко-татарской государственностью, уровень развития государственных институтов, силу централизованной власти, систему управления всей территорией ханств. На фоне сокращения раскопок только обобщение всех имеющихся материалов и встраивание их в историческую канву позволит продолжать археологическое изучение сибирских ханств.

Данное исследование посвящено анализу могильников и деталей погребального обряда тюркоязычного населения Западной Сибири. Масштабно ис-

следованных погребальных памятников, которые можно соотнести с территорией и хронологией Сибирского ханства, сравнительно немного. В первую очередь это комплексы в Томском Приобье – Тоянов Городок, Тохтамышевы юрты, Басандайка, Чернильщикова и др., исследованные в конце XIX – XX вв. [15], Барабинской лесостепи – Абрамово-10, Кыштовка-2, Льнозавод-4 и др [9; 10] и Среднем Прииртышье – Бергамак 2, Надеждинка-4, Сеитово-4 [6]. Анализ материалов с этих памятников позволяет говорить о том, что эти комплексы существовали в какой-то момент одновременно – у одних это была ранняя часть памятника (Бергамак 2), у других поздняя (Надеждинка-4). Следует отметить так же, что часть могильников продолжала функционировать после присоединения Сибири к российскому государству, но, за исключением расширения русских материалов в составе сопроводительного инвентаря, больших трансформаций в погребальном обряде не произошло.

Территория сибирского ханства как самого большого тюрко-татарского государственного образования в Западной Сибири простирается от Оби до Южного Урала, занимая всю лесостепную зону этого региона. Огромная территория разделена несколькими крупными реками – Тоболом, Ишимом, Иртышем, что предопределило сложение у тюркоязычного населения Сибири нескольких локальных групп [18]. В связи с тем, что природно-географические условия в данной зоне не однородны (от зоны южной тайги – до южной лесостепи) – с течением времени у этих групп сформировались свои хозяйственно-культурные типы, ориентированные на разную долю присваивающих или производящих отраслей хозяйства. Археологические материалы позволяют утверждать, что на момент присоединения Сибири группы татар находились на разных уровнях экономического и социального развития – от земледельческого оседлого населения – до скотоводческого полукочевого, от социально ранжированного общества до родовых общин.

На этом фоне анализ погребальных памятников

тюркоязычного населения XIV–XVII вв. в Западной Сибири позволяет констатировать их несомненную близость. По всем основным параметрам – ориентация, глубина и размеры могильной ямы, труположение, сопроводительный инвентарь – погребения очень близки. Различия фиксируются только в локальных моментах, вызванных ситуационными факторами – наличием и составом дерева на окружающей территории, спецификой почвы и т. д. [19, с. 51]. На мой взгляд, значительная идентичность погребального обряда определена примерно одним центром, откуда происходила тюркизация этой полосы Западной Сибири – это районы Алтая, Верхнего Иртыша и сопредельных с ними территорий. Тюрки принесли несколько основополагающих черт в погребальном обряде, которые сохранились до XVI–XVII вв.

Надмогильная или могильная конструкция в виде прямоугольного деревянного сруба как имитация каменного ящика (склепа). Наиболее вариabельны деревянные конструкции на могильнике Тоянов Городок (раскопки М. П. Грязнова). В ходе раскопок он зафиксировал рамы с перекрытием, срубы из двух венцов с положенными сверху бревнами, срубы с двухскатным перекрытием, различные формы перекрытий. Сложные многоуровневые деревянные сооружения зафиксированы нами на могильнике Бергамак 2. Со временем в Прииртышье сибирские татары стали строить подобные деревянные надмогильные сооружения [5, с. 71–73, 93]. В зависимости от количества древесины эти надмогильные сооружения имели разную высоту и размеры, но сам принцип их конструкции близок.

Присутствие огня в погребальных комплексах фиксируется на всех без исключения памятниках, в основном он использовался непосредственно в процессе захоронения, так как деревянные конструкции обожжены, в заполнении могильных ям есть уголь, но все это было засыпано землей, поэтому дерево нигде полностью не уничтожено огнем. Обряд трупосожжения был распространен в Южной Сибири в конце I тыс. н. э., немного позднее могильники с таким обрядом появляются и лесостепном Прииртышье (Алексеевка-1, Мурлинский могильник – 2). С течением времени трупосожжение сменяется на труположение с имитацией прежнего обряда. В некоторых случаях нам удалось зафиксировать трупосожжение, где обряд проходил на стороне, а затем прах был помещен внутрь деревянного сруба (Надеждинка-4).

Сравнительно близки и категории сопроводительного инвентаря. У мужчин – оружие, конская упряжь, котлы, перстни. У женщин – украшения (бусы, кольца, подвески, браслеты, серьги), игольницы, наперстки, ножи. В отдельных захоронениях присутствует керамическая посуда, на могильнике Надеждинка-4 – кожаный сосуд.

Исследованные могильники показывают определенный уровень социального ранжирования у групп сибирских татар. Это выражается в размерах надмогильных сооружений. В ранней части могильника Бергамак 2 находится группа курганов диаметром

около 7–8 метров и высотой до 1 метра, а в остальной части могильника надмогильные холмы не превышают 4–5 метров и высоты 0,5 м. При раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево под таким выделяющимся из общего ряда своей насыпью кургана было исследовано погребение № 267 представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспех и с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются погребения воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260) [7, с. 36]. На могильнике Бергамак 2 в могильном комплексе № 41, выделяющимся так же своими размерами, умерший был положен на белый войлок и с богатым комплектом оружия, бронзовым котлом, конской упряжью, украшениями и т. д. Рядом с ним располагались захоронения №№ 33, 34 с наборами оружия и конской упряжью [5, с. 166–167]. Такие же выделяющиеся из общего ряда захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-10 выделяются захоронения с наборами оружия [9, с. 139–142].

Хорошо заметны отличия в количестве и качестве сопроводительного инвентаря. На могильниках в Прииртышье мы фиксируем захоронения, которые выделяются из общего ряда размерами и устройством надмогильного сооружения и погребальной камеры, сопроводительным инвентарем (комплект оружия и дополнительным инвентарем – конской сбруей, котлами и т. д.). Количество безинвентарных погребений незначительно и связано, возможно, с социальным положением умершего.

Еще одной очень важной деталью в захоронениях являются перстни-печатки с определенными изображениями, которые можно, пока предварительно, выделить как символику государственной власти. Эти перстни имеют увеличенную площадку с изображением всадника на коне [17, с. 222, рис. 10–11]. Подобное изделие было передано местными жителями с. Сеитово К. Н. Тихомирову с пояснением, что сравнительно недавно этот перстень использовали вместо печати на местных расписках. Подобные изделия найдены при раскопках могильника Тоянов Городок. Значительное количество перстней, которые можно интерпретировать как печати или символы власти, мы находим, к большому сожалению, на сайтах грабительских раскопок.

Констатируя общность основных черт погребального обряда тюркоязычного населения Западной Сибири, нельзя не отметить один очень важный для истории этих народов фактор – это приход к ним новой религии – ислама, что должно было обязательно отразиться в их погребальной практике. В современных изданиях мы встречаем идею раннего проникновения и распространения этой религии среди населения Сибири – в XIII в. [2; 3]. В настоящее время исследованных мусульманских погребальных комплексов совсем немного – это могильник 1-е киргизское кладбище (Омская область), могильник у с. Гжатск (Новосибирская область), Старое мусульманское кладбище в г. Таре (Омская область) [12]. Все эти комплексы начали свое функционирование в

тот период, когда Сибирь входила в состав российско-го государства и в довольно крупных городских мусульманских общинах. Материалы этих исследований вместе с этнографическими описаниями погребений дают возможность выделить основные черты погребального обряда, совершенного по мусульманским правилам – ориентация погребения, устройство погребальной камеры, безинвентарность и прочее.

Анализ захоронений на могильниках более раннего времени приводит к выводу, что население не соблюдало данных правил, сохраняя прежние доисламские традиции. М. А. Корусенко объясняет это тем, что в Сибири был распространен «бытовой ислам», учитывающий значительную роль доисламской языческой культуры при периферийном географическом положении региона в исламском мире. Эта форма ислама позволяет гибко подходить к традиционным нормам и обычаям, в необходимых случаях допуская значительные отклонения от установок шариата [5, с. 106]. В. А. Могильников, характеризуя археологические комплексы второй половины II тыс. н. э. в нижнем и среднем течении р. Тары, отмечал, что «присутствие данных вещей в подкурганых захоронениях и единичных грунтовых, как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени в условиях внедрения новой веры, восприятие которой фиксируется по распространению все большего числа безинвентарного государственного образования.

тарных могил под курганами, а затем и обряда бескурганых погребений без вещей (Окунево 3)» [8]. Тенденцию уменьшения погребальных насыпей на поздних частях могильников и переход к грунтовым захоронениям нам удалось проследить на двух археологических комплексах – на Бергамаке 2 и Старом мусульманском кладбище в г. Таре. Но в целом можно говорить, что мусульманская погребальная обрядность в качестве объединяющего признака для населения Сибирского ханства не работает.

Подводя итог, следует отметить следующее.

Практически на всей территории Сибирского ханства в погребальном обряде тюркоязычного населения фиксируются общие черты, которые восходят к тюркской традиции – устройство надмогильных сооружений, использования огня при захоронении, категории сопровождающего инвентаря.

Погребальные комплексы показывают синхронность процесса социального расслоения общества – по размерам надмогильных сооружений и по особо значимым предметам в погребениях.

Выделяются погребения с наличием предметов власти – перстней с определенной символикой.

Практически на всех могильниках до XVII в. нет возможности утверждать, что определенное погребение совершено по всем законам шариата.

Очевидно, что в период Сибирского ханства тюркоязычное население Западной Сибири имело социально-экономические связи, как между соседствующими районами, так и в целом по всей территории

Список источников и литературы

- 1 Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования : сборник ОГАУК «Центр по охране памятников». – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2014. – 100 с.
- 2 Зайцева, О. В., Водясов, Е. В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // Вестник Томского государственного университета (История). – 2013. – № 3 (23). – С. 134–137.
- 3 Зайцева, О. В., Водясов, Е. В. Время появления ислама в Томском Приобье по археологическим данным // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. – Казань : Отечество, 2014. – С. 368–370.
- 4 Зыков, А. П., Косинцев, П. А., Трепавлов, В. В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). – Москва : Наука – Вост. Лит., 2017. – 559 с.
- 5 Корусенко, М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск : Наука, 2003. – 192 с.
- 6 Матвеев, А. В., Татауров, С. Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2008. – С. 149–152.
- 7 Матющенко, В. И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2003. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3) – 64 с.
- 8 Могильников, В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1997. – № 1. – С. 51–54.
- 9 Молодин, В. И., Соболев, В. И., Соловьев, А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск : Наука, 1990. – 262 с.
- 10 Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). – Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2012. – 162 с.
- 12 Соболев, В. И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск : Наука, 2008. – 356 с.
- 13 Татауров, С. Ф. Процессы консолидации сибирских татар до и после присоединения Сибири к России // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 40–43.
- 14 Татауров, С. Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. – 2017. – № 5. – С. 352–362.
- 15 Татауров, С. Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 497–508.
- 16 Татауров, С. Ф., Тихонов, С. С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принад-

- лежность, культурно-этническая интерпретация) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – Т. 47, № 1. – 2019. – С. 103–112.
- 17 Тихомиров, К. Н. *Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье в XVI–XVIII веках // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша*. – Омск : Амфора, 2014. – С. 187–223.
- 18 Томилов, Н. А. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.* – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – 276 с.
- 19 *Тюменское и Сибирское ханства*. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 560 с.
- 20 Яковлев, Я. А. *Могильник Тоянов Городок: каталог коллекции Ф. Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм)*. – Томск – Сургут : Изд-во Томского ун-та, 2009. – 348 с.

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПУБЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования и содержание государственности Сибирского ханства как территориально-публичного образования в Западной Сибири во взаимосвязи с Московским государством. Отмечается, что Сибирское ханство возникло на временном стыке между распадавшейся Золотой Ордой и укреплявшейся Московией (XV–XVI вв.). Это сибирское государство не имело государствообразующего этноса, его правящая элита представляла народ с относительно невысоким уровнем развития в сфере научно-технического прогресса, что дает основание характеризовать Сибирское ханство как временное, искусственное и во многом случайное государство.

Ключевые слова: Сибирское ханство, государство, Московия, власть, империя, народ, территория, общество.

Abstract. The article considers features of the formation and the content of the statehood of the Siberian Khanate as a territorial-public entity in Western Siberia in conjunction with the Moscow state. It is noted that the Siberian Khanate originated at the time period between decaying Golden Horde and strengthening Muscovy, which (XV–XVI centuries). This Siberian state did not have a state-forming ethnos; its ruling elite represented people with a relatively low level of development in the field of scientific and technological progress, which gives reason to characterize the Siberian Khanate as a temporary, artificial and largely random state.

Key words: Siberian Khanate, state, Muscovy, power, empire, people, territory, society.

В историко-правовых исследованиях о Древней Руси основное внимание уделяется русским княжествам, что вполне справедливо, если иметь в виду начальный (домонгольский) период древнерусского государства (IX–XI вв.), которое охватывало тогда обширную территорию от Великого Новгорода до Киева на европейском континенте. Статус Древней Руси как государства определялся как раннефеодальная (сеньориально-вассальная) монархия (основные характеристики: великий князь – глава общерусского государства, князья – главы подчиненных уделов, бояре-вотчинники, договорные отношения между князьями, княжеские советы, приоритет военной составляющей в управлении публичными делами, отношения подданства, система дани товарными ценностями и дружинниками). В целом, как писал А. Л. Шлецер, имел место присущий и остальной Европе «род феодального правления» [16, с. 357] (при этом высказывалась мысль об определенном несовершенстве такого правления, приведем много позже к деспотии и отражавшем, как справедливо отмечал С. М. Соловьев, «переход родовых отношений между князьями в государственные» [11, с. 257]).

Что касается дальнейшего развития русской государственности, то несмотря на феодальную раздробленность, при которой русские княжества оказались, по сути, в вассальной зависимости от монгольской империи [2, с. 27], древнерусское государство после XII в. и вплоть до XV в. по-прежнему обозначается в литературе как общее раннефеодальное государство (при этом нередко имеет место определенное упрощение в исследованиях исторического процесса развития русского государства, поскольку, например, русские княжества характеризовались неодинаковым отношением к Орде, однако данный аспект мы не рассматриваем). Соответственно многие вопросы этой

проблематики нуждаются в дополнительных исследовательских усилиях, в том числе государственно-правовые основы территорий, находившихся на временном стыке древнерусского и московско-централизованного государства, когда кочевое ордынское государство в силу естественно-политических причин стало себя изживать и распадаться, а Московское государство еще не окрепло и не начало свой ответный Большой поход по евразийскому пространству в восточном направлении.

И в этом контексте представляет интерес публично-правовой статус территорий, которые первоначально были частью монгольского государства (Великой Орды), а затем были присоединены Московским государством в состав своих земель и остаются таковыми в составе современной России. Одной из таких территорий было Сибирское ханство, на котором и будет сосредоточено наше внимание. В этой связи следует заметить, что империя Чингисхана, в период правления которого (первая треть XIII в.) Великое монгольское государство («Еке Монгол улус») достигло предела своего могущества (были захвачены территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая, Тибета), представляло собой наследную монархию, но при этом власть того же Чингисхана не была абсолютной, и большое значение имел курултай.

Принцип наследования единоличной центральной власти (великого хана – кагана) являлся своеобразным (власть не всегда передавалась прямым потомкам хана) и также не был абсолютным, помимо него и в совокупности с ним применялись также принцип выборности (на курултае), наместничества и назначенчества [7, с. 92–93]. Действовала четкая иерархия публичного управления, где главенствовало военное направление, имела место коллективная от-

ветственность за срыв поставленных задач на всех уровнях, и в целом, как нам представляется, именно созданная тогда эффективная система управления (в частности, деление войска на десятки, сотни, тьмы, продуманная логистика и т. д.) позволили монгольской империи расширить свои владения на огромные пространства Евразии и контролировать их в достаточно суровых климатических условиях в целом порядка двухсот лет (опять же посредством действенной системы обложения покоренных территорий данью и рекрутством). В целом соблюдалась религиозная терпимость (на разных территориях были распространены буддизм, ислам, христианство) [10, с. 75–77].

Со второй половины XIII в. монгольская империя стала постепенно терять свою мощь по следующим основным причинам: сложности сохранения устойчивого управления на обширнейшей территории с самыми разными укладами жизни, религией, экономикой ее частей; восстания местного населения против поработителей; межклановая борьба в военно-политической властной верхушке и др. (в целом причины распада Орды сходны с распадом Римской империи); нужно также иметь в виду, что диалектика развития любого социального явления предполагает его начало и окончание. Сначала монгольская империя распалась на относительно крупные территории-государства (улусы), возглавляемые чингизидами, но и влияние последних в течение столетия, в результате различных организационно-государственных трансформаций, ослабевало. Соответственно улусы, в свою очередь, также стали распадаться, это относилось и к Улус Джучи (Золотой Орде), осколками которого стали Сибирское, Казанское, Крымское и Астраханское ханства, а также ряд других менее значимых территориально-публичных образований – все они позже были присоединены к России (этот процесс был постепенным, имели место различные территориально-политические изменения, в частности, с Сибирским ханством тесно было связано более раннее Тюменское ханство [3, с. 362], но эти аспекты мы опускаем).

Сибирское ханство (сибирское царство, сибирский юрт, «себер ханлыгы») охватывало территории нынешней Западной Сибири, ограниченные Уральским хребтом, границами с Пермской землей, башкирскими землями, северная часть ханства простиралась до низовий Оби, южная – по р. Омь, общая граница была также с Казанским ханством, Ногайской Ордой, Пегой Ордой. Наименование этого государства основывалось на названии пункта размещения ханской администрации – это была Сибирь (Кашлык), а административным центром были сначала Чинги-Тура (современная Тюмень Тюменской области), а позже тот самый Кашлык – на берегу Иртыша, близ современного города Тобольска. Первым правителем Сибирского ханства являлся Махмет (Махмудек). По временным критериям Сибирское ханство существовало почти столетие – с конца XV в. до конца XVI в.

Во время похода Орды на запад монголо-татары подчиняли своему влиянию проживавшие на терри-

тории Сибирского ханства такие народности, как ненцы, ханты (остяки), манси (вогулы), селькупы и др., причем это происходило, как правило, без сопротивления представителей местных народностей, что объясняется, очевидно, более низкой их социальной организацией (еще не вышедшей из родо-племенных отношений), не позволявшей создать публичные органы власти и соответствующие структуры для управления территорией проживания, включая ее защиту от внешних посягательств. При этом немалая часть монголо-татар оседала, происходила обычная в таких ситуациях ассимиляция (смешение башкир, аргынов, канглов, карлуков, найманов, кыпчаков и других тюркоязычных племен), длившаяся длительный период, в результате к концу XV в. сформировался своеобразный этнос в виде сибирских татар. Население ханства занималось традиционной для этих мест деятельностью, характерной для того времени: кочевое скотоводство, охотничий и рыбный промысел, заготовка пушнины; к концу существования Сибирского ханства стало развиваться земледелие и появляться зачатки промышленности – по соглашению с Московским государством и его усилиями (Московия уже имела соответствующий опыт на своей северо-зауральской территории, доставшейся еще от Великого Новгорода).

Политическое устройство Сибирского ханства не могло не нести в себе следы предшествовавших монгольской империи и Золотой Орды. Соответственно действовала феодальная властная элита во главе с ханом (монархом), который определялся, как правило, по воле действовавшего правителя этого государства; вместе с тем происходили «дворцовые перевороты». Ханские и княжеские титулы в Сибирском ханстве имели (по хронологии) Махмет, братья Бек-Булат и Едигер, Едигер, Кучум, Алей [4, с. 127; 12, с. 685–686]. Территориально Сибирское ханство разделялось на части (улусы) во главе с наместниками и с центрами в укрепленных городках (мурзы, беки, тайбуги, тарханы и др.), чаще всего из правящего рода, которые вместе со своим окружением представляли собой кочевую аристократию, управляющую остальными, «черными», людьми, проживавшими как в этих городках, так и в юртах – других населенных пунктах улуса (общей численностью более пятидесяти), при этом между поселениями имелась надежная сеть путей сообщения [6, с. 114]. Улусы не имели взаимных экономических связей и замыкались на верховную власть. Население ханства достигало, по разным оценкам, от сорока до ста тысяч человек (во второй половине XVI в.). Территориальное деление осуществлялось как по границам племенных поселений с назначением представителя племени во главе юрта, так и по административному принципу, когда определенный юрт отдавался в правление приближенному хана [4, с. 126].

По своему статусу, на наш взгляд, Сибирское ханство представляло собой нечто среднее между раннефеодальной монархией и централизованным государством, о чем могут свидетельствовать, в част-

ности, широкие полномочия наместников – с одной стороны, и отсутствие постоянных центральных органов управления с реальными рычагами по своему ведомству на местах – с другой стороны. Наличие у наместников управляемых ими вооруженных формирований создавало условия для междоусобных конфликтов, что некоторым образом ослабляло общеханское государство. Этому способствовали и определенные политические амбиции местной родовой знати, не желавшей отдавать центральной власти много полномочий и следовать единоханской системе управления, что осложняло публично-властные отношения, и особенно это имело место после прихода к власти Кучума (потомка чингизидов), которого многие представители местной аристократии считали чужаком, не заслуживавшим ханской власти, убийцей местных князей.

В период Сибирского ханства высшую администрацию (диван) составляли ставленники хана, имевшие необходимые профессиональные качества. К ним относились в частности, «базарский князь», выполнявший задания во внешнеполитической сфере. Как и в любом государстве, важная роль отводилась даругам – сборщикам налогов. Особое место занимала военная элита – в силу военно-политического устройства самого сибирского государства. Совершенно очевидно, что в Сибирском ханстве действовали определенные правовые нормы, однако специфика правовых институтов заключалась в том, что отсутствовали писанные законы, и право основывалось прежде на нормах обычаев, при этом источником таких обычаев являлись решения монарха (хана), закрепляемые в правоприменительной практике.

В целом признаки государства, являющиеся общепризнанными в современной теории государства и права, у Сибирского ханства имелись (территория, население, органы публичной власти, суверенитет, вооруженные силы, налоговая система и др.).

Вместе с тем Сибирское ханство как государство имело свою специфику, которая в настоящее время нигде не наблюдается и которая обуславливалась происхождением данного государства и связанной с этим обстоятельством динамикой его развития. Прежде всего в этом контексте следует указать на временность данного государства. Мы полагаем, что временность изначально закладывалась в монгольской империи тем, что отсутствовал территориально-публичный базис с государствообразующим этносом. Если бы, например, чисто гипотетически, у монголов имелось достаточно организованное коренное население на своей родине, где бы концентрировалась высшая власть и управления, в которое конвертировались бы все получаемые выгоды от территориальных завоеваний, включая строительство крупных городов, развитие в них ремесел, использование дешевого труда пленников и т. д., то, вероятно, события развивались по иному сценарию. Однако, насколько нам известно, территория-родина монголов в лице проживавшего там населения не получала каких-либо существенных дивидендов от результатов Большого похода

да монгольской империи на запад. Более того, места дислокации высшей власти территориально менялись, что, собственно, и дало основание для определения монгольской империи как государства кочевого типа.

И вот такая матрица была наложена на Сибирское ханство, где вообще не было государствообразующего коренного населения как такового. А между тем, согласно теории государства, органы публичной власти должны в той или иной степени отражать и защищать интересы жителей (подданных) государства, независимо от их сословного положения. Однако для ханской верхушки и аристократической знати большинство жителей Сибирского ханства были чужими, то есть, по сути, имел место оккупационный режим, который по определению был обречен на временное существование. И не случайно немало жителей ханства, включая сибирских татар, при первой же возможности отказались от этого государства, в частности, как отмечается в литературе, «буквально с первых месяцев похода Ермака, начавшегося в 1581 г., часть татар примкнула к его отряду. А после первого разгрома Кучума татары не только приняли подданство Российского государства, но многие из них стали на военную службу – образовалась сословная группа служилых сибирских татар. Отряд конных татар принимал участие в военных действиях русских против Кучума, в том числе и в последнем его разгроме в 1598 г.» [13, с. 87].

С этим фактором связана другая особенность Сибирского ханства – искусственность его создания, поскольку при распаде Золотой Орды (равно как до этого при распаде общемонгольской империи) территория ханства определялась не естественными образом, исходя из районов проживания народов, причастных к формированию этого государства, сложившихся на этой территории традиций и т. д., а сугубо административно-военным путем, исходя из имевшихся у властной элиты ресурсов поддерживать свои порядки, и когда эти ресурсы стали уменьшаться, то и суверенитет Сибирского ханства стал ослабевать.

Свою роль сыграл, вероятно, и уровень интеллектуально-научного и технического развития монголов как народа: так, воины-монголы, безусловно, умели воевать, иначе бы не был совершен Большой поход на запад, но при этом на протяжении едва ли не всей своей западной кампании акцент они делали на конные армии, луки, стрелы, копья и холодное оружие (ножи, сабли, топоры), основываясь на ловкости и физической силе воинов. В этой связи в литературе А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров описывают и фиксируют уникальное явление – во время военных сражений монголы не принимали на вооружение появившееся огнестрельное оружие, несмотря на его, казалось бы, большую эффективность, и даже при том, что они захватывали оружейные трофеи, а на контролируемых ими территориях имелись мастерские (заводы) по изготовлению этого оружия, то есть, это оружие было буквально в их руках, но так и не

оказалось востребованным; в частности, авторы отмечают, что «традиционные экономика, военная наука, культура, мировоззрение населения этого государства не приняли новацию в виде огнестрельного оружия» [5, с. 109]. И этот факт дает основание для предположения, что тогдашние монголы представляли собой некую находившуюся в заходящей фазе переходную группу между неандертальцами и сапиенсами-кроманьонцами (*homo sapiens*); относительно низкий уровень развития современной Монголии некоторым образом, на наш взгляд, подтверждает эту гипотезу (мы совершенно не имеем в виду при этом принизить монгольский народ, равно и любой другой, а лишь высказываем версии в рамках научной дискуссии).

Наложение указанных и других факторов предопределило неизбежный распад Сибирского ханства, совпавший, по хронологии, с укреплением (за счет централизации) Московского государства, которое, в отличие от монголов, имело коренных жителей, чтит традиции и вполне воспринимало от Европы новейшие технические достижения, во всяком случае, в оружейном деле. Правящая элита русского общества имела определенные представления об истории своего государства, его целях, жители Московии с полным основанием считали свою землю родиной, отечеством. В целом, таким образом, политический, социально-этнический и организационно-государственный базис Московии к середине XVI в. уже был заметно мощнее ордынского, о чем свидетельствовало, в частности, создание письменного системного законодательства (в виде прежде всего Судебника 1550 г.).

Вместе с тем вряд ли можно отрицать ордынское влияние на менталитет русского народа в течение более чем двухсот лет. В этом контексте в литературе отмечается, что «влияние одной государственности на другую всегда было и остается многослойным, сложносоставным и нередко опосредованным. За европейским и византийским влиянием на Русь прослеживается наследие «Первого Рима», а за ними – более древних государств Греции, Северной Африки и Передней Азии. А тюрко-монгольская и собственно тюркская государственность, в том числе Золотая Орда, как известно, впитали в себя многие компоненты китайской (буддистской и конфуцианской) и арабо-персидской (мусульманской) идеологий и практик» [8, с. 93]. Вероятно, как раз от монголов вошло в психологию русского народа стремление к расширению своих территорий, а также использование во внешнеполитических делах разного рода военных и дипломатических хитростей. В совокупности с заимствованной европейской технической культурой это позволило сформировать уникальный русский этнос в рамках Русского (Московского) государства, и совершить Большой поход на восток (возможно, опять же, в виде гипотезы, как своеобразное возмездие за длительное унижение перед Ордой), практически по тому же евразийскому маршруту, что когда-то сделала монгольская империя,

и теперь уже не русские княжества платили дань, а монголо-татарские ханства, пока они существовали, платили Московии (в этом смысле возмездие состоялось, и сейчас Россия – мировая держава, чего нельзя сказать о той же Монголии).

Один из правителей Сибирского ханства Едигер, видимо, первым из властной элиты этого государства понял, что ситуация коренным образом изменилась, и после падения Казанского ханства предпринял меры по налаживанию своих вассальных отношений с Московским государством-сюзереном (посольство в Москву в 1555 г.). Предпринятые позже попытки хана Кучума возродить Сибирское ханство во второй половине XVI в. лишь подтвердили общую тенденцию ослабления Сибирского ханства, о чем свидетельствует, в частности, вызывающее у историков недоумение крупное поражение в начале 1580-х гг. ханского войска, многократно превосходящего по численному противостоящих ему нескольких казахских отрядов Ермака [9; 14].

Здесь же нужно заметить, что подчинение Сибирского ханства Московскому государству осуществлялось без какой-либо коренной ломки административных институтов, поскольку «системы государственного управления в Сибирском ханстве и Московском царстве были настолько близки, что, присоединяя обширные территории Зауралья, московские цари просто “перевели” на себя ясак, уплачиваемый ранее сибирским ханам» [1, с. 51]. Об этом же, по сути, пишет и С. А. Чернышов: «Успешная интеграция Сибирского ханства в русское государство обеспечивалась схожестью политических традиций и особенностей их государственного устройства. Русские не предложили аборигенам Западной Сибири фактически никакого нового цивилизационного проекта, ограничившись как фактическим, так и идеологическим оформлением преемственности власти московских царей по отношению к сибирским ханам» [15, с. 143].

Сюзерено-вассальные отношения Московии и Сибирского ханства длились около полувека и представляли собой, скорее, разновидность конфедерации, поскольку Сибирское ханство уже не могло не вписываться в экономические и иные отношения Московского государства, еще сохраняя при этом некоторую самостоятельность. Однако в начале XVII в. такая конфедеративность в условиях усиливавшейся вертикализации властных отношений в Московском государстве входила в противоречие со складывавшимися реалиями, стала тормозить сибирскую политику Москвы, что предопределило финал: государственность Сибирского ханства окончательно растворилась в административно-управленческом аппарате Московского государства, оставшись в истории как временное, искусственное и во многом случайное государство, оказавшееся на обломках Золотой Орды в качестве переходного территориально-публичного образования в Западной Сибири перед присоединением к Московскому государству.

Список источников и литературы

- 1 Бахрушин, С. В. Ясак в Сибири // *Научные труды : в 4 т. Т. 3. Ч. 2.* – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 49–85.
- 2 Иньков, С. В. Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 202 с.
- 3 Маслюженко, Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // *Золотоордынское обозрение.* – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 360–368 ; Маслюженко Д. Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // *Вестник Пермского ун-та. Серия: «История».* – 2017. – Вып. 2 (37). – С. 122–131.
- 5 Матвеев, А. В., Татауров, С. Ф. Сибирское ханство и огнестрельное оружие // *Вестник Омского ун-та. Серия : «Исторические науки».* – 2016. – № 4 (12). – С. 105–110.
- 6 Матвеев, А. В., Татауров, С. Ф. Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // *Средневековые тюрко-татарские государства.* – 2009. – № 1. – С. 112–117.
- 7 Митин, В. В. Курултай 1235 г. и стратегия завоевательных походов монголов // *Псковский военно-исторический вестник.* – Вып. 3. – Псков, 2017. – С. 90–96.
- 8 Российская империя: от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / А. И. Аксенов, Н. Е. Бекмаханова, Я. Е. Водарский ... Э. П. Федосова; редкол. : А. И. Аксенов [и др.] ; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва : Русская панорама, 2011. – 877 с.
- 9 Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск : Наука, 1982. – 253 с.
- 10 Скрынникова, Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – Москва : Восточная литература, 1997. – 216 с.
- 11 Соловьев, С. М. Сочинения. Книга 1. Т. 1–2 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва : Мысль, 1988. – 798 с.
- 12 Сычев, Н. В. Книга династий. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2008. – 959 с.
- 13 Томилов, Н. Сибирские татары // *Прииртышье мое. Ч. II.* – Омск, 1990. – С. 87–88.
- 14 Трепавлов, В. В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // *Средневековые тюрко-татарские государства.* – Вып. 2. – 2011. – С. 141–154.
- 15 Чернышов, С. А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // *Идеи и идеалы.* – 2018. – № 2. – С. 139–152.
- 16 Шлецер, А. Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке // *Сличенные, переведенные и объясненные. В 3 ч. Ч. 1 / Перевод Дм. Языкова.* – Санкт-Петербург : Императ. типогр., 1809. – 706 с.

«ИСКОНИ ВЕЧНАЯ ВОТЧИНА ГОСУДАРЕЙ НАШИХ»: ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ВО ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ КОММУНИКАЦИЯХ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19

Аннотация. В статье рассматривается проблема оформления идеи легитимности присоединения Западной Сибири к Русскому государству в коммуникативных практиках центральной московской власти. Анализируются основные идеологемы: «исконности» владения Сибирью, «христианского возмездия» и другие. Делается вывод, что московские чиновники к концу XVI в., не имея стройной идеологической конструкции присоединения Сибири, тем не менее, активно и эффективно использовали актуальные для своего времени коммуникативные практики.

Ключевые слова: государство, Сибирское ханство, политические коммуникации, Московское царство, Иван Грозный.

Abstract. The article considers the problem of formalizing the idea of the legitimacy of the annexation of Western Siberia to the Russian state in the communicative practices of the central Moscow government. The main ideological elements are analyzed: the “originality” of the possession of Siberia, “Christian retaliation” and others. It is concluded that Moscow officials by the end of the sixteenth century, without a coherent ideological structure for annexing Siberia, nevertheless, used communicative relevant for their time practices actively and effectively.

Keywords: state, Siberian Khanate, political communications, Moscow kingdom, Ivan the Terrible.

Технологический и содержательный анализ легитимизации для внутренней и внешней аудитории процесса присоединения Западной Сибири к Русскому государству – по-прежнему малоизученная исследовательская проблема. Это, прежде всего, мотивы и основания продвижения русских за Урал, а также анализ процессов разьяснения разным целевым группам. Как правило, дискуссии в этом направлении сводятся к вопросу о мотивах и движущих силах похода Ермака: кто был инициатором похода? какова роль Строгановых? каков уровень субъектности самих казаков? какова роль Церкви в освоении новых территорий? [38, с. 25].

Однако именно конструирование тех или иных идей и технологизация коммуникативных практик центральной власти представляется не просто одной из самых значимых составляющих социально-политических процессов в государстве, но и самой характеристикой того, что государство оформляется как полноценный социальный институт, который транслирует тот или иной комплекс представлений и трактовок об основах жизни общества и народа [8, с. 228].

Самая идея о политике как коммуникационной сущности не нова – она появляется еще у Аристотеля (государство как общение ради какого-то блага), и затем развивается в творчестве Н. Макиавелли (идея возможности целенаправленного воздействия на историческое сознание), и вырождается в XVII–XVIII вв. в механистическую идею государственности [7, с. 30], а уже в наше время – в кибернетическую [7, с. 96]. Примечательно, что ключевой идеей последней модели политических коммуникаций является важность обратной связи – потока информации о том, как

управляемая система отзывается на действия власти. В этом смысле существенной проблемой государственности рассматриваемого нами периода (XV–XVII вв.) является естественное ограничение возможностей получения такой обратной связи в связи с продолжительными сроками коммуникаций, что затрудняет или растягивает складывание тех или иных коммуникативных концептов центральной власти.

Несмотря на такую оговорку, представляется, что разработанные уже в Новое время модели, а также современные подходы к анализу политических коммуникаций можно использовать для периода присоединения Западной Сибири к Русскому государству. В том числе, категории «политического манипулирования» для мобилизации отдельных социальных групп и защиты политической системы от дезинтеграции [11, с. 9], концепцию символической власти П. Бурдьё, в том числе, оговариваемым в ней ограничением на коммуникацию в виде общих для сторон культурно-организационных кодов и систем социального взаимодействия [3, с. 15].

Представляется, что к середине XVI в. центральная власть Русского государства вполне осознала важность такого рода символической власти, возможности создания и навязывания необходимых социальных представлений и моделей устройства общества, либо почувствовала использование таких технологий на себе. Так, в 1573–1575 гг. Иван Грозный дважды пытается баллотироваться на польский престол, однако терпит неудачу, в том числе, из-за работы А. М. Курбского «История о великом князе Московском», в котором царь Иван был изображен сумасбродным тираном и отступником [31, с. 29].

Важной чертой такого рода коммуникативных практик является не только чувственные и рациональные практики (эмоции, переживания, понятия, нормы, факты), но и иррациональные элементы (фантастические образы, утопические идеи), к числу которых относятся и политические мифологемы [41, с. 96]. А сама политика в таком случае должна рассматриваться не только в соотношении реальности с оформленными в источниках версиями произошедшего, но и в качестве языка «аллегорий, гипнотизирующей массы, язык мифологем и мифосюжетов» [39, с. 148]. Политический миф, таким образом, сам по себе имеет существенную исследовательскую ценность, и идеологи Московского царства в XVI веке это вполне почувствовали, начав применять в коммуникациях идеи, не всегда имевшие отношения к эмпирической действительности [16, с. 235], фактически конструируя «утопию русской власти».

Наконец, еще одна важная оговорка: в «домеханистическом» государстве (каковыми было большинство государств XV–XVII вв., в том числе и Русское государство) специфической чертой коммуникации является особенное мировосприятие, в основе которого – упорядоченность и иерархичность, тесная связь человека и его социальной роли, отношения с универсумом (в том числе, религиозность) и высокая степень корпоративности социальных отношений [41, с. 31].

По всей вероятности, русская политическая мысль рефлексивно восприняла, технологизировала и стала применять на практике описываемые идеи в начале XVI века, а особенно во второй его половине [30, с. 36]. Вот характерная цитата из наказа послу в Крым А. Нагому 1563 года: «если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке (...) то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут... теперь Божию волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете» [28, с. 95]. Здесь мы видим и политическую манипуляцию, и символическую власть, и целенаправленное воздействие на историческое сознание.

Рассматриваемый период – хорошее время для конструирования тех или иных идеологем еще и потому, что в силе нестабильных и растянутых во времени коммуникаций и неосвоенности большей части территорий Зауралья, не только иностранцы делегации, но и сам московский двор, скорее всего, имел довольно посредственное представление об устройстве Западной Сибири. А иностранцы, помимо этого, еще и слабо представляли себе само Русское государство. Так, еще в 1488 году посол Поппель рассказывал Ивану Третьему о том, как он просвещал немецкого императора и его двор о жизни в Москве: «и явне перед всеми поведал я, како твоя милость есть великий князь и великий государь ... иж царь Римский великий и иные княжата немецкая дивилися о таковой вельможности и мудрости твоей и о величестве земли твоей, что дръжишь ты, что они пръвее того не ведали» [30, с. 34]. Через полвека в свидетельствах Сигизмунда Гербенштейна мы встречаем уже довольно

связную картину описания «Московии», но видим очень условное представление о Зауралье (которое, как признается сам автор, он узнал «от доставшегося русского дорожника»): Обь, вытекающая из Китая, страна Лукомория, крепость Грустина и так далее. Однако в тексте упоминаются и «князья югорские» и то, что они «данники великого князя московского» [4, с. 248]. Упоминания о том, что Югра платит дань Москве, встречается также в донесениях посла императора Максимилиана Франческо де-Колло, датированных 1518–1519 гг. [2, с. 63], и другими современниками – то есть, отношения к югорскими княжествами иностранцам были более или менее понятны.

Английские торговцы и посланцы сколько-либо систематическое представление о Русском государстве получили, по всей видимости, только в середине XVI века: так, английский путешественник Ричард Ченслер в своих воспоминаниях пишет, что когда их в 1553 году прибило к берегу Белого моря, то «наши люди узнали, что эта страна называется Россией или Московией, и что Иван Васильевич правил далеко простиравшимися вглубь землями» [36, с. 68]. Однако они довольно быстро наверстали упущенное время, и уже в 1570–1580-х годах активно плавали вдоль северных берегов Западной Сибири, в том числе, заплывали в устье Оби [6, с. 258] – считается, что с целью поиска водного пути в Китай [19, с. 161]. Однако нам неизвестны большие сухопутные экспедиции, либо вообще систематическое изучение иностранцами «внутренних территорий» Западной Сибири – и именно этот факт давал простор для толкований происходящего в Зауралье для внешних адресатов коммуникативных практик московского двора.

Впрочем, и сами русские, как видно, не имели обширных представлений о Зауралье. Как минимум до второй половины XV века их вообще не интересовал этот вопрос – первые упоминания о татарских ханствах Западной Сибири относятся только к 1460–1470-м годам [29, с. 116]. Но и к концу XVI века географические представления о Западной Сибири, вероятно, были далеки от реальности. Так, границы Сибири на востоке определяются на расстоянии 4400 верст (в реальности это примерно до Байкала) [35, с. 8], либо «на две тысячи верст по Обь реку великую» и так далее [24, с. 296].

Косвенно тот же самый тезис подтверждает и то, что в официальных коммуникациях с иностранными правителями сложно найти какой-то системный подход к позиционированию продвижения русских в Зауралье – начиная с установления даннических отношений с Югрой в 1499 году, заканчивая завоеванием Сибирского ханства. Многие зависит как от ситуации, в которой складывается коммуникация, так и от адресата сообщения. Так, в договорах с Ливонией Иван Третий еще с 1470-х годов начинает именоваться «царем» [32, с. 163], однако взаимного признания не происходит – в Ям-Запольском мирном договоре Иван Грозный все равно назван «великим князем», хотя к тому времени царем признали его Дания, Швеция, Испания, Англия и другие [33, с. 96].

Аналогично протекал процесс и в отношении представления о господстве над Западной Сибирью. Так, в 1555 году Иван Грозный в грамоте к королю Англии Эдуарду именуется «повелителем Сибири» [10, с. 9], в тот же период в титулатуре царя в посланиях в Швецию появляется упоминание «Сибирские земли» и «Югра» [23, с. 37]. Однако вплоть до начала XVII в. московский двор ограничивается обтекаемыми формулировками вроде «повелитель», но не решается употребить термин «царь». Так в феврале 1599 года в грамоте посольства в Польшу в титулатуре Бориса Годунова упоминается только Казанское и Астраханское ханства и княжество Югорское с припиской «и всея сибирские земли и Северные страны повелителя» [23, с. 37], аналогичные формулировки содержатся в письме королю Сигизмунду в марте 1601 года [23, с. 58].

Только в 1602–1604 годах «царь Сибирский» появляется в инструкциях посольствам в Польшу и другие страны [23, с. 117]. При этом упоминания о завоевании Сибирского ханства встречаются в официальных документах внешнеполитических сношений на два десятилетия раньше: с германским императором – с ноября 1584 года [1, с. 53], со Швецией – с 1585 года, с Персией – с 1590 года, с Кавказом – с 1587 года, с Османской империей – с 1597 года [20, с. 88] и так далее. Примечательно, что даже судя по открытой дипломатической переписке, иностранные правители и их послы позволяли себе сомневаться в случившемся присоединении Сибирского ханства, а потому в ответных письмах появляются, например, сравнения титула русского царя с испанским королем, который имеет титул Иерусалимского – «только он себя Иерусалимским пишет же для того, что побыл немного за предки их» [23, с. 123]. И напротив – император Рудольф еще в 1600 году в ответном письме русскому царю фактически признает сибирский царский титул последнего: «да похваляем и радуемся о том, что ваша любовь победила татарское Сибирское царство» [20, с. 54].

Все это демонстрирует, что условиях противоречивой информации, значительного количества специфических адресатов коммуникаций (у каждого из которых имелась своя предыстория взаимоотношений с Москвой), царская администрация критически нуждалась в стройных моделях, объясняющих присоединение Западной Сибири. Очевидно также, что эти модели необходимо было выстроить искусственно, без учета реальных причин (связанных, вероятно, с высокой сырьевой рентой присоединенных территорий [37]), которые мало подходили для международной легитимизации.

У Русского государства уже был подобный опыт – это сакрализация присоединения Казани. Несмотря на свою многогранность, идеологема в этом случае была довольно стройной. С одной стороны, благодаря взятию Казани Ивана Грозного ставили в один ряд с Александром Невским и Дмитрием Донским (таковой идеей, например, была преисполнена речь митрополита Макария, встречавшего царя из казанского по-

хода) [18, с. 226]: С другой стороны, Казань символически давала Ивану Грозному право быть «на самом деле» царем и как бы преемником татарских ханов [27, с. 56]. А в разговорах, переданных Джеромом Горсеем, эта мысль транслируется царем прямо: «посредством этих (Казани и Астрахани – С.Ч.) завоеваний он приобрел могущество и славу, присоединив к своим владениям два отдельных венца и их царства, и поэтому общим советом всех своих князей, бояр, духовенства и людей был венчан и принял статус царя» [5, с. 51].

Аналогичные идеи присутствуют и в официальной переписке – например, в наказе посольству в Польшу в 1554 году: «...и государь наш ныне, з Божьею волею пишется царем Русским и Казанским, и то, панове, место Казанское, и сами знаете извечное царское потомуж, как и Русское» [16, с. 188]. Однако для внешнего применения эти идеи очевидно не годились. Как уже было отмечено выше, «реальная» Казань была слишком известна иностранным посланникам и торговцам, чтобы поверить в исконное право русского царя на нее. Кроме того, особенно западным адресатам был не очень понятен символический статус Казани [16, с. 188]. Наконец, апелляция к «восточному наследству» и вовсе могла сыграть отрицательную роль. Вот, например, характерное обращение к Ивану Грозному Стефана Батории: «ты, который кровь свою с ними помешал, которого предки ... кобылье молоко, что укунуло на чревы татарских шакалizards» [28, с. 115].

Нужны были какие-то иные идеи, и самой очевидной из них вначале стала понятная и гармоничная идеологема о «праве сильного». Не особенно вдаваясь в детали, русская царская администрация продвигала идею о сильной армии, успешных военных стратегиях, преувеличивала численность русских войск в Зауралье (особенно обострился этот процесс в период слабости государства во время так называемого «Смутного времени»). Иностранцы, описывающие Русское государство, однозначно характеризуют транслируемый им характер удержания Сибири как репрессивный. Так, Джильс Флетчер в качестве причины удержания Сибири называет такую: «в Сибири... построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, в числе около шести тысяч солдат» [35, с. 29]. Численные характеристики русских побед гипертрофируются: так, итогом финальной битвы с Кучумом в инструкции постам в Англию 1600 года называется пять тысяч убитых и триста пленных князей и мурз [24, с. 202]. Наконец, иностранным посланникам демонстрируют пленных сибирских царевичей и мурз [6, с. 258].

С идеей демонстрации силы тесно связана концепция «исконно русских земель», которая продвигается во внешних коммуникациях уже с начала XVI века. Символической точкой, которая послужила Московскому царству прецедентом для претензий на Югру (и обозначения себя «югорскими правителями»), стал поход воеводы Василия Скрябы 1499 года, когда югорские князья признали зависимость от Москвы [14,

с. 80]. Почти сразу этот факт используется, например, в отношениях с Литвой – в титулатуре появляется добавка «князь югорский» [21, с. 125]. И именно это событие в дальнейшем используется для обоснования «исконности» владения московскими царями Сибирью. Вот характерная цитата из инструкции постам в Англию 1600 года: «Сибирское царство искони вечная отчина государей наших, царей Российскихъ, а взял Сибирь в гдрь наш князь Иван Васильевич всея Руси, в гдря нашего, блаженные памяти ц. и в. князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца, прадедь – тому ныне болши ста летъ» [24, с. 296–297].

Второй важной вехой, которая активно используется для обоснования московскими царями «исконности» своих прав на сибирский престол, является, конечно, посольство Едигера в Москву в январе 1555 года. Формально к правомочности этого посольства есть большие вопросы [15, с. 96]. Однако политическая коммуникация говорит на языке мифологем, поэтому почти сразу Посольский приказ начинает использовать посольство Едигера как обоснование легитимности присоединения (пусть и виртуального) новых территорий. «Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш взял Казань, и сибирской князь Едигерь бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... Сибирскую землю держал за собою», – говорится в наказе послу в Литву в 1555 году [1, с. 47]. В том же году статус «всея Сибирския земли повелитель» появляется и в титулатуре [25, с. 479].

В дальнейшем концепт «искони вечная вотчина государей наших» встречается в дипломатической переписке повсеместно. Вначале со ссылкой на события 1499 и 1555 года (например, в наказе посольству Витовского и Соколинского 1607–1608 гг.) [23, с. 416–417], а затем и вовсе обрастает мифологическими деталями, выстраиваясь в стройную концепцию: «и имъ в розговорахъ про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и данъ давали государямъ нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженникъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и повороваль, и не почаль был государевы дани платити (...) и государь нашъ (...) позволил на Сибирь идти казакомъ» [22, с. 414] (из инструкции русским послам в Швецию). Аналогичная формула повторяется и в инструкции послам в Англию [24, с. 378] – то есть, становится фактически общеупотребительной. Кстати, технологически это все та же «казанская» версия посаженного русским царем на престол правителя, который нарушил некие правила игры, и был наказан за это силой русского оружия [21, с. 56]. Постепенно эти две идеи тесно переплетаются друг с другом, и русская дипломатия придает легитимизации восточной политики Русского государства законченные формы: уже к середине XVII в. «Ермаково взятие» позиционируется как прямое продолжение завоевания Казани и Астрахани [27, с. 56].

Структура и содержание коммуникаций с вну-

тренней аудиторией, напротив, носит совершенно иной характер. Прежде всего, необходимо отметить, что широкие слои русского общества того времени (судя по имеющимся у нас документам) по всей видимости вряд ли интересовал вопрос присоединения Зауралья. Вряд ли этот вопрос всерьез интересовал и региональные элиты Русского государства. Например, в устюжских и вологодских летописях XVI–XVIII вв. о походе Ермака говорится вскользь, буквально одной фразой: «тогда взяты Ермаком в Сибири царевичи в полон и в Москву присланы» [18, с. 137] (Летописец Льва Вологодина). В этом смысле в качестве приоритетной задача легитимизации присоединения Западной Сибири к Русскому государству для внутренней аудитории не стояла.

Тем не менее, если для «внешнего пользования» активно использовалась идея «исконно русских земель», то внутри страны большую распространенность получила идея борьбы за веру. В условиях фактического отсутствия стойкой национальной самоидентификации, именно православие в XVI–XVII вв. являлось ключевой идеей, «цементирующей» общество [40, с. 603]. Кроме того, естественно, сфера политики в рассматриваемый период трудно отделима от религии и морали [12, с. 7].

Именно поэтому, если в наказах многочисленных посольствах Кучум – предатель русского царя, поставившего его на сибирский престол, но в русских летописях тот же Кучум – отступник веры. Так, например, описывает ситуацию Есиповская летопись (Титовский вид): «посла бог очистити место святыни и победити бусорманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивая капища, но и еще быша вогнеждение зверем и водворение сирином. Избра бог не от славных муж, царска повеления воевод и вооружу славою и работорством атамана Ермака Тимофеева сына и с ним 540 человек» [17, с. 50].

Аналогичной версии придерживалась и Церковь. Например, в Житии царя Федора Ивановича, написанном патриархом Иовой в 1598 году, основное действие похода в Сибирь описывается однозначно: «...и тамо нестистыя и бесовския службы вся разорив и грады многие возгради и православными христианы вся насеи» [13, с. 34]. Кстати, аналогично описываются и мотивы взятия Казани Иваном Грозным: «видев нечестивых богомерское озлобление, подвижеса на нечестивые, поиде во многие силе и град из великий Казань взять» [13, с. 33]. «Внутренняя» версия легитимизации присоединения Западной Сибири буквально пропитана пророчествами, символами и божественными проявлениями. Бог при этом помогает походу Ермака не только «в теории», но и деятельно: «нам христианомъ оттоле дадъ Богъ вышний власть, силу, храбрость и спехъ надъ всеми наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию... единъ христианинъ гонить тысящу бусурманъ, а два двигнета тмы, и се быста деле благообразно Сибиряномъ пример» [26, с. 360] (Ремезовская летопись по Мировичеву списку). Наконец, эта идеология вполне вписывается и в общехристианскую идею эпохи «вели-

ких открытий», которая обосновывает захват новых территорий необходимостью «христианского освобождения» этих земель [9, с. 136].

Таким образом, тематика и технологии коммуникаций существенно корректировались в зависимости от адресата сообщения и коммуникативной ситуации.

Мы видим, что долгое время московское правительство не имело стройного плана легитимизации присоединения Западной Сибири, однако уже к концу XVI в. активно и эффективно пользовалось актуальными для своего времени технологиями политических коммуникаций.

Список источников и литературы

- 1 Акишин, М. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // *Российская история*. – 2015. – № 3. – С. 45–57.
- 2 Бояришинова, З. Я. О присоединении Сибири к Русскому государству // *Труды Томского государственного университета. Четвертая научная конференция. Секция социально-экономических и исторических наук*. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1954. – С. 61–82.
- 3 *Власть как политическая коммуникация: материалы методологического семинара*. – Москва : Изд-во Российской академии гос. службы, 2010. – 54 с.
- 4 Гербеништейн, С. Записки о московитских делах // *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 152–301.
- 5 Горсей, Дж. Записки о России. XVI – начало XVII вв. – Москва : Изд-во Московского гос. ун-та, 1990. – 288 с.
- 6 Горсей, Дж. Путешествия сэра Джерома Горсея // *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 302–379.
- 7 Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – Москва : Прометей, 2004. – 328 с.
- 8 Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. – Москва : КомКнига, 2007. – 368 с.
- 9 Дергачева-Скоп, Е. И., Алексеев, В. Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал...» (одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – С. 134–152.
- 10 Жернаков, Г. На заре Сибирской истории. – Новониколаевск, 1919. – 36 с.
- 11 Королев, Н. О. Политическое манипулирование в процессе коммуникации власти и общества : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов : Изд-во Волгоградского филиала Российской академии народ. хоз. и гос. службы, 2013. – 22 с.
- 12 Кром, М. М., Пименова, Л. А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)*. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 7–16.
- 13 Морозова, Л. Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. – Москва : Кучково поле, 2017. – 654 с.
- 14 Нестеров, А. Г. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV в. // *Уральское востоковедение: Международные альманахи*. – Вып. 2. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2007. – С. 78–84.
- 15 Парунин, А. В. Тайбугиды: от клана к княжеской династии // *Средневековые тюрко-татарские государства*. – Выпуск 3. – 2011. – С. 95–111.
- 16 Плюханова, М. Сюжеты и символы Московского царства. – Санкт-Петербург : Акрополь, 1995. – 334 с.
- 17 Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – 381 с.
- 18 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Ленинград : Наука, 1982. – 234 с.
- 19 Пэт, Артур, Джэкмэн, Чарльз. Поручение, данное сэром Роландом Хайуордом, рыцарем, и Джорджем Барном, ольдерманами и правителями компании английских купцов // *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. – Рязань : Александрия, 2007. – С. 156–198.
- 20 Рогожин, Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. – Москва : Институт Российской истории, 1994. – 210 с.
- 21 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. – 870 с.
- 22 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 8: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством с 1556–1586 гг. – Санкт-Петербург, 1910. – 585 с.
- 23 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 137. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 4: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством с 1598 по 1608 гг. – Москва, 1912. – 808 с.
- 24 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. – Санкт-Петербург, 1883. – 493 с.
- 25 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 59. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским с 1533–1560 г. – Санкт-Петербург, 1887. – 630 с.
- 26 Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 688 с.
- 27 Солодкин, Я. Г. Казань-Астрахань-Сибирь («Ермаково взятие» «Кучумова царства») в восприятии русских книжников

- XVI–XVII вв.) // *Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки*. – Вып. 1. – Тюмень : Мандр и К, 2006. – С. 50–56.
- 28 Трепавлов, В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2017. – 320 с.
- 29 Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 560 с.
- 30 Филлюшкин, А. И. «Предтеча пакта Молотова – Риббентропа» (1576 г.) // *Две империи – много национальностей : материалы венгерско-российского научного семинара 2 июня 2007 г.* – Будапешт, 2007. – С. 26–44.
- 31 Филлюшкин, А. И. Очерк истории Российского государства в XVI веке // *Новое в исторической науке: в помощь преподавателю истории*. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1997. – С. 28–44.
- 32 Филлюшкин, А. И. Понятие «царство» в Средневековой Руси // *Воронежская беседа на 1999–2000 годы*. – Воронеж : Изд-во Воронежской епархии, 1999. – С. 161–177.
- 33 Филлюшкин, А. И. Титул московских государей и проблемы культурно-цивилизационного выбора стран Восточной Европы в период средневековья // *Средневековая Европа. История и историография*. – Вып. 1. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. – С. 90–100.
- 34 Флетчер, Дж. *О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским): С описанием нравов и обычаев жителей этой страны / пер. с англ.* – 4-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 168 с.
- 35 Флетчер, Дж. *О государстве Русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого Царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. – Смоленск : Русич, 2003. – С. 14–151.
- 36 Ченслер, Р. *Новое плавание и открытие царства Московии // Английские путешественники в московском государстве в XVI в.* – Рязань : Александрия, 2007. – С. 63–84.
- 37 Чернышов, С. А. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект // *Вестник Томского государственного университета*. – 2013. – № 370. – С. 105–109.
- 38 Шашков, А. Т. Начало присоединения Сибири // *Проблемы истории России*. Вып. 4 : *Евразийское пограничье : сб. науч. тр.* – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 8–51.
- 39 Шейгал, Е. И. *Семиотика политического дискурса : дис. ...д-ра филол. наук*. – Волгоград, 2000. – 440 с.
- 40 Шерстова, Л. И. *Аборигенная политика Московского царства в Сибири в XVII в.: евразийский аспект // Сибирский сборник*. – Санкт-Петербург : Изд-во Музея антропологии и этнографии, 2014. – С. 601–612.
- 41 Шомова, С. А. *Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы*. – Москва : ИНИОН, 2004. – 246 с.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ.: ПОЛИТИКА, НАСЕЛЕНИЕ, КУЛЬТУРА

Д. А. Васьков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

КУЧУМОВИЧИ И УГРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII В. (К ИСТОРИИ ЗАГОВОРА ОСТЯКОВ БЕРЕЗОВСКОГО УЕЗДА В 1662–1663 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия потомков Кучум-хана с угорским населением Урала и Западной Сибири в XVII в. Эта проблема не нашла достаточного освещения в историографии. В центре внимания оказывается вопрос о потенциальном участии в восстании ясачного населения Урало-Сибирского региона угрозных групп. В историографии этот сюжет известен как заговор обдорского князя Ермака Мамрукова. Предпринята попытка выявить роль Кучумовичей в инициировании восстания.

Ключевые слова: Кучумовичи, угры, вогулы, остяки, башкиры, восстание.

Abstract. The article deals with the problem of interaction of Kuchum khan's descendants with the Ugric population of the Urals and Western Siberia in the 17th century. This problem has not found sufficient coverage in historiography. The focus of attention is on the potential participation in the uprising of the yasak population of the Ural-Siberian region of Ugra-speaking groups. In historiography, this story is known as the plot of the Obdorsk prince Yermak Mamrukov. An attempt is made to identify the role of the Kuchum khan's descendants in initiating the uprising.

Keywords: Kuchum khan's descendants, Ugric peoples, Voguls, Ostyaks, Bashkirs, uprising.

В последние два десятилетия в историографии наблюдается заметное увеличение внимания как к проблемам истории средневековых тюрко-татарских государств в целом, так и к судьбе потомков хана Кучума в частности. Свидетельство тому – целый ряд статей в тематических сборниках конференций и соответствующие разделы в коллективных монографиях. Различным аспектам истории последних сибирских Шибанидов посвящены работы А. В. Белякова, Д. А. Васькова, Д. Н. Маслюженко, А. В. Матвеева, В. В. Пестерева, В. В. Пузанова, Е. А. Рябиной, Ж. М. Сабитова, Г. Х. Самигулова, С. Ф. Татаурова, В. В. Трепавлова и ряда других исследователей. В 2012 г. В. В. Трепавлов опубликовал первую монографию о Кучумовичах [16], переизданную совместно с А. В. Беляковым в 2018 г. [17]. Таким образом, проблемы, связанные с историей рода сибирских Шибанидов, активно и в целом плодотворно изучаются, что не может не радовать.

На наш взгляд, весьма знаковое событие произошло в 2016–2017 гг., поскольку именно тогда тема Кучумовичей впервые по-настоящему вышла за рамки сугубо научного дискурса. В эти годы популярный российский писатель и сценарист Алексей Иванов выпустил две новые книги. Первая из них, «Вилы», посвящена рассмотрению такого феномена российской истории как «русский бунт» – темы несомненно актуальной во все времена. Вторая книга, «Дебри», позиционируется им как «историческая основа» шумевшего и недавно экранизированного романа «Тобол». В ней в увлекательной форме рассказывается об истории Урала и Сибири от Ермака до Петра I. В обеих книгах А. В. Иванов вкратце пишет в том

числе и о Кучумовичах, особенно выделяя внука Кучума царевича Девлет-Гирея и его роль в восстаниях коренного населения.

С одной стороны, наверное, не может не радовать, что тема Кучумовичей перестала быть достоянием только узкого круга специалистов и вышла в более широкое медийное пространство. Популяризацию исторических знаний писателем, имеющим большую известность и всероссийское признание, можно только приветствовать. Упомянутые книги, как и другие работы этого автора (в этой связи стоит упомянуть его же «Горнозаводскую цивилизацию»), написаны ярко и талантливо, легко читаются. Можно сказать, что в каком-то смысле А. Иванов подобно великому Карамзину выступает в роли «Колумба урало-сибирских древностей». В то же время прекрасная в плане замысла идея имеет весьма неоднозначное воплощение. В погоне за «красным словом» страдает истина. Это проблема любой популярной литературы. Любой специалист по истории Урала и Сибири без труда может уличить писателя в приукрашиваниях, неверной расстановке акцентов и искажении исторической действительности. К сожалению, не стали исключением и те части, которые посвящены потомкам Кучума. Позволим себе привести некоторые выдержки о Кучумовичах из упомянутых книг.

Так, в «Вилах» А. В. Иванов следующим образом описывает восстания коренных народов Урала и Сибири в XVII в.: «В 1661 году всю Башкирию поднял на мятеж батыр по прозвищу Сары Мерген [...] Сары Мергеном прикрылись потомки хана Кучума, чингизиды. Они жаждали реванша. Хан Девлет-Гирей, внук Кучума, задумал возродить Сибирское хан-

ство. С Девлет-Гиреем бился тобольский воевода. Но хан имел немало союзников. Вогулы-манси Ермака Мамрукова и остяки-ханты Ивана Лечманова напали на северный город Березов. Самоеды-ненцы вытоптали заполярный город Пустозерск в дельте Печоры. А в Башкирии отряды царевичей Кучука и Абугая, правнуков Кучума, сожгли Ирбитскую слободу, Катайский острог и Далматовский монастырь» [9, с. 286–287]. Предложенная картина грандиозного бунта, охватившего всю Башкирию, Северное Приуралье и Северо-Западную Сибирь весьма далека от исторических реалий. Также не выдерживают никакой критики суждения о ханском достоинстве Девлет-Гирея, «нападении» вогулов и остяков на Березов и тем более «вытаптывании» Пустозерска самоедами.

Несколько иначе А. В. Иванов излагает те же сюжеты в книге «Дебри»: «Последний шанс выпал Девлет-Гирею в 1662 году. Батыр Сары Мерген поднял башкир на бунт и объявил, что создает Башкирское ханство. Девлет-Гирей тотчас тоже объявил, что возрождает Сибирское ханство. Он ринулся на Урал: ударил по Арамашевской слободе и Невьянскому монастырю. Девлета поддержали северные инородцы, самоеды и остяки. Князь Ермак Мамруков пожелал стать властелином Нижнего Приобья и вассалом Сибирского хана Девлета. Ермак собрал ополчение, сжег русские зимовья и заставы и готовился идти войной на Березов. Но Березовский воевода Давыдов выслал против Ермака отряд, захватил князя и его приспешников в плен и всех повесил. А русские войска к 1664 году подавили башкирский бунт. После этих бурных событий Девлет-Гирей пропал. Никто о нем больше ничего не слышал. Исторический порох выдохся, и степные ветра развеяли призрак Сибирского ханства без следа» [10, с. 100]. Утверждение о том, что Девлет-Гирей «пропал» после, а не до башкирского восстания, пожалуй, можно простить, поскольку это ошибочное суждение, увы, с давних пор стало общим местом в историографии.

В конечном итоге А. В. Иванов резюмирует: «Сибирский царевич Девлет-Гирей – забытый злой гений России. В XVII веке он устроил грандиозную "сетевую войну", координируя десятки восстаний от Тобола до Терека. Девлет-Гирей – фигура, исторически наиболее близкая Пугачеву, хотя Пугачев не знал о существовании Девлет-Гирея» [9, с. 287]. Явная гиперболизация хороша только как литературный прием, но для книг, излагающих реальные исторические события, пусть даже и в беллетризованной популярной форме, суждения о «забытом злом гении», «грандиозной сетевой войне», «координации десятков восстаний», не говоря уже о сравнении с Пугачевым, представляются чрезмерными. Читатели А. В. Иванова получают весьма искаженные представления о реальной урало-сибирской истории. К сожалению, в наше время научная историография и популярная литература стали двумя параллельными прямыми, которые не пересекаются.

Мы неслучайно обратились к столь пространному цитированию книг писателя А. Иванова. Дело в

том, что вопросы о причинах и хронологических рамках движения 1660-х гг., их масштабах и степени вовлеченности в них различных групп ясачного населения остаются достаточно дискуссионными. В данном случае, пожалуй, даже не стоит судить Иванова слишком строго, поскольку среди историков нет полного единства взглядов на это восстание. Кроме того, в историографии даже несмотря на появление новых исследований до сих пор бытуют некоторые ошибочные и устаревшие положения.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях потомков Кучума с угроязычными группами населения урало-сибирского региона, поскольку в истории с выступлением уже упоминавшегося обдорского князя Ермака Мамрукова были замешаны сибирские царевичи. (Взаимоотношениям Кучумовичей с башкирами и сибирскими татарами будут посвящены наши следующие работы).

Как известно, угорское население Урала и Западной Сибири представлено народами манси (вогулы) и ханты (остяки). Близкими к ним являются проживавшие севернее самодийские народы (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы). С утверждением в регионе русской власти на рубеже XVI–XVII вв. большая часть вогульского населения оказалась в составе Пельымского и частично Верхотурского уездов. Численность ясачного населения в Пельымском уезде в течение XVII в. колебалась от 600 до 700 человек [6, с. 357]. Более многочисленное остяцкое население, проживавшее в низовьях Иртыша, а также в Среднем и Нижнем Приобье, в XVII в. входило в состав Березовского, Сургутского и частично Тобольского уездов. В течение столетия численность ясачных остяков в Березовском и Тобольском уездах колебалась примерно от 1000 до 2500 человек. Численность остяков Сургутского уезда варьировала от 600 до 700 человек [6, с. 358–359].

Понятно, что до прихода русских большая часть угорского населения находилась в орбите влияния Сибирского ханства. Однако очевидно, что степень их подчиненности татарским правителям сильно варьировала в зависимости от географического фактора, т. е. удаленности мест их проживания от центров сибирско-татарской государственности. Наиболее тесным было взаимодействие сибирских татар с вогульскими Пельымским и Кондинским княжествами. Как отмечает Н. В. Перцев, накануне и в ходе похода Ермака «образ общего врага в лице русских породил угро-татарскую коалицию» [18, с. 138]. В то же время исследователь отмечает и «эфемерность власти Кучума над подвластными ему уграми» из-за политики их насильственной исламизации и ясачного гнета. Это привело к достаточно быстрому переходу угорского населения в московское подданство.

Правда, в дальнейшем, как отмечают современные исследователи, «часть угорского населения после вхождения Западной Сибири в состав Российского государства проявляла попытки выхода из подчинения русскому царю и поддерживала идею

реставрации Сибирского ханства» [18, с. 139]. Причины недовольства русской властью со стороны угров источники фиксируют не всегда, и понятно, что в каждом конкретном случае они были свои. Тем не менее, мы не сильно ошибемся, если укажем, что основными причинами, толкавшими ясачных людей к «шатости и измене», были всевозможные злоупотребления русской администрации, ясачный гнет и необходимость исполнения различных повинностей (например, подводной). Для Сибири XVII в. это были наиболее универсальные причины, толкавшие коренное население к борьбе русскими. Недовольство обычно проявлялось в неподчинении властям, попытках смены подданства и открытых восстаниях. Также повстанцам часто требовались союзники, в связи с чем логичными были попытки обращения к потомками хана Кучума, а также калмыцким тайшам.

Что касается сибирских татар и башкир, то их взаимоотношения с Кучумовичами и ойрат-калмыками более или менее рассмотрены в историографии (см. например: [2; 7; 12; 16; 19; 20]). А вот что касается отношений Кучумовичей и угрозязычных жителей сибирских уездов, то этот вопрос остается недостаточно разработанным. С одной стороны, вполне резонным будет возражение: можно ли вообще говорить о каких-либо устойчивых связях между проживавшими значительно севернее зауральских степей осяками и вогулами и Кучумовыми царевичами? В силу географической удаленности контакты между сибирскими династами и угрозязычным населением Урала и Сибири действительно в источниках фиксируются крайне редко. Тем не менее, можно говорить об опосредованных контактах, а также этот вопрос стоит рассмотреть хотя бы в связи с заговором березовских осяков 1662–1663 гг., к которому Кучумовичи так или иначе были причастны. Более того, в этом деле есть до сих пор не до конца проясненные и спорные моменты.

Попытки сопротивления русским со стороны угорского населения в конце XVI–XVII вв. с исчерпывающей полнотой рассмотрены в недавно вышедшей монографии Е. В. Вершинина. Вкратце основные из этих реальных восстаний или попыток их начать выглядят следующим образом. Самое мощное восстание произошло еще в 1595 г., когда осяки и самоеды с весны до осени осаждали город Березов [6, с. 417–418]. Следующее восстание со стороны березовских осяков и обдорских самоедов готовилось в 1607 г., однако этот заговор был вовремя раскрыт русскими властями. В литературе распространено мнение, что в этом году Березов также был подвергнут осаде, но в данном случае мы присоединяемся к аргументации Е. В. Вершинина, убедительно доказавшего, что осады как таковой не было [6, с. 419–424]. Хорошо известно об антирусском заговоре березовских осяков в 1609 г. К этому восстанию также должны были примкнуть вогулы Большой Конды, которых призывал некий Бекбаулы абыз, прибывший из татарских волостей [6, с. 426]. Но и этот заговор был вовремя раскрыт березовским воеводой С. И. Волын-

ским. В 1612 г. попытка выступления со стороны пельемских вогулов была пресечена воеводой Пельма П. Д. Исленьевым, по приказу которого десять зачинщиков были повешены и еще 30 биты кнутом. В 1616 г. «заворовали» часть сургутских осяков под руководством сына князя Бардака – Кинемы. Однако он не был поддержан большей частью ясачных людей, и в 1619 г. отряд Кинемы был разбит сургутскими казаками [6, с. 430–431].

Для нас примечательно то, что во всех этих случаях прямой «измены» или попытки ее совершить угорские повстанцы совсем не вспоминали о потомках Кучума. Впрочем, Кучумовичи из всех упомянутых восстаний теоретически могли быть задействованы только в подготовке «шатости» 1607 г., поскольку в 1607–1608 гг. сами сибирские царевичи в результате успешных действий русских отрядов потерпели серьезное поражение, силы их были рассеяны, а некоторые из них оказались в русском плену. Что касается попыток установления связи со стороны угрозязычного населения Сибири с Кучумовичами, то есть только одно свидетельство, относящееся к началу XVII в. В 1604 г. верхотурский воевода Н. О. Плещеев докладывал в Москву о нападениях «окологородных и дальних» ясачных вогулов на русские поселения, угонах ими скота и даже убийствах пашенных крестьян. Также русские «торговые люди пермичи Ондрюшка Негодяев с товарищи» докладывали в Верхотурье: «Ехали де они с Тюмени к Верхотурью и их де наезжая в юртех и на пустых местех, меж юртов и Тюменского и Туринского острогу и Верхотурского города ясачные тотарове и вогуличи роспрашивали: тихи ли деи в сибирских городех вести, и где ныне кочует Кучумов сын Алей царевич с братьею. А ездят деи тотаровя и вогуличи на конех, а иные пеши ходят в доспехах и в пансырех неведомо для чего» [5, с. 144]. Это единственное упоминание о возможных попытках установить связь с Алеем и его братьями со стороны ясачных людей Туринского и Верхотурского уездов. Тем более источники ничего не сообщают о нахождении в кочевьях сибирских царевичей в этот период угрозязычных групп. По всей видимости, удаленность этих групп от степных районов не позволила установить им более-менее тесные связи с Кучумовичами.

Как установил Г. Х. Самигулов, до 1608 г. основу улусов Кучумовичей составляли тюркские группы табынцев, сынрянцев и мякотинцев [18, с. 325]. После разгрома сил Кучумовичей в 1607–1608 гг. русскими служилыми людьми в степях остался только царевич Ишим, который породнился с калмыками-торгоутами, женившись на дочери их верховного тайши Хо-Урлюка [14, с. 25]. В дальнейшем вплоть до своей смерти в 1624 г. Ишим жил в калмыцких улусах и опирался в основном на силы ойратов. Источники не фиксируют при нем, а потом какое-то время и при его детях каких-либо крупных тюркских групп населения.

В дальнейшем дети Ишима (Аблай, Тауке) и племянник Девлет-Гирей приняли активное участие в восстании части ясачного населения Западной Сиби-

ри в 1628–1631 гг. С этого времени улусы Кучумовичей стали пополняться сибирскими татарами, часть которых были добровольно к ним перебежавшими «государевыми изменниками», а часть были захвачены самими царевичами в ходе набегов на ясачные волости. В 1634 г. к Аблаю откочевали «59 дворов» «Уфинского уезду башкирцов» [19, с. 36]. С этого времени основную массу населения в кочевьях царевичей составляли выходцы из сибирских татар, башкир, а также калмыки. Вплоть до начала 1660-х гг. источники ничего не говорят о каких-либо контактах сибирских царевичей с угроязычным населением Западной Сибири, даже теми, что проживали в Верхотурском уезде.

Ситуация меняется в самом начале 1660-х гг. в связи с крупным восстанием в Башкирии. Это событие известно в историографии как заговор хантов Березовского уезда во главе с обдорским князем Ермаком Мамруковым. Вот как описывает его Е. В. Вершинин: «Катализатором заговора ясачных остяков Березовского уезда послужили события на юге Западной Сибири, где в начале 1660-х гг. разгорелось башкирское восстание. К башкирам примкнул потомок Кучума царевич Девлет-Гирей, который имел небольшие военные силы, но имел большие амбиции и планы восстановить независимое государство своего предка. Действуя через тобольских татар, Девлет-Гирей развернул агитацию среди пелымских и кондинских вогулов, а также среди березовских остяков» [6, с. 431]. Предлагаемая исследователем интерпретация в целом следует в русле принятой историографической традиции, однако она является небесспорной, и не со всем здесь можно согласиться. Прежде чем вкратце рассмотреть суть готовившегося заговора березовских остяков, обратимся к небольшому историографическому экскурсу в проблему.

В вышедшем в 1929 г. первом томе «Сибирской советской энциклопедии» есть небольшая, но любопытная статья о Девлет-Гирее, автором которой, по всей видимости, был С. В. Бахрушин. Наше предположение основывается на том, что именно он был одним из редакторов исторического раздела вместе с А. А. Ансоном и Н. К. Ауэрбахом. (При этом А. А. Ансон отвечал за историю революционного движения и народного образования, а Н. К. Ауэрбах был ответственным за археологическую часть). Представляется целесообразным привести эту статью полностью: «Девлет-Гирей – хан сибирский, внук Кучума. В 1662–63 руководил восстанием туземцев против русских, охватившим Тарский, Тюменский, Туринский и Верхотурский уу. и нашедшим отзвук даже в Березовском и Мангазейском уездах. Это была последняя попытка реставрации т. наз. “Сиб. царства”» [15, с. 792]. Источником для написания статьи послужила работа впоследствии репрессированного историка В. И. Огородникова «Из истории инородческих волнений в Сибири. Заговор и восстание западносибирских инородцев в 1658–1663 гг.», опубликованная в Чите в 1922 г. и к настоящему времени являющаяся большой библиографической редкостью. В дальнейшем во второй

половине 1930-х гг. С. В. Бахрушин сам обратился к теме восстаний коренного населения Урала и Сибири в 60-е гг. XVII в. На основе привлечения архивных документов он подготовил доклад «Восстание в Западной Сибири в 1662–1665 гг.», в котором подверг взгляды В. И. Огородникова острой, но в целом справедливой критике. Впрочем, этот доклад С. В. Бахрушин из-за непростой общественно-политической обстановки в стране в 1930-х гг. не превратил в статью и не стал публиковать. Не вошел он и в посмертное переиздание его трудов, осуществленное в 1950-х гг. Публикация состоялась только в 1999 г. в малотиражном провинциальном издании [2]. Видимо, с этим связано, что работа С. В. Бахрушина о восстании в 1660-х гг. почти неизвестна современным исследователям, хотя она заслуживает большего внимания. В дальнейшем историю с заговором березовских остяков С. В. Бахрушин частично затронул в работе «Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.» [1, с. 136–137]. Об этом же заговоре упоминал в своей известной работе о башкирском восстании 1662–1664 гг. Н. В. Устюгов [19, с. 64–65]. Важно отметить, что все видные исследователи восстаний коренного населения Сибири в XVII в. не сомневались в реальности самого заговора и причастности к нему Кучумовичей.

Заговор был раскрыт березовским воеводой А. П. Давыдовым, который в начале 1663 г. провел тщательный сыск с допросом и пытками всех заподозренных в «шатости и измене» остяков и самоедов. В общей сложности он допросил 23 человека. Среди этих «воров и изменников» оказался и кодский остяк Анка Конжиков, который 16 февраля 1663 г. в Березове был «пытан накрепко и огнем сжон». В результате пытки он подтвердил, «что у всех де у них Березовского уезду у остяков была дума и измена на город, город Березов взять и служилых людей побить. А зачалась де у них та шатость и измена во всех городах Тобольского розряду и Томского розряду ж в прошлом во 169-м (1660/1661) году, и от царевича де от Кучумова та ссылка о той измене с ними была в том же в прошлом во 169-м году» [13, с. 54]. При этом предполагалось, что летом 1663 г. им всем «придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить. А под Тоболеск де летом ... придти царевич Кучумов с калмаки и с татары и с башкирцы, и Тоболеск де хотят взять и служилых людей побить». Также остяки и самоеды «договорились на том, что быть де царевичю Кучумову в Тобольску и владеть ему всею Сибирью и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичю Кучумову».

В одной из работ мы уже обращались к рассмотрению вопроса о том, что Девлет-Гирей вряд ли мог быть причастен к организации этого заговора [4]. Напомним основные положения нашей аргументации:

1) из 23 «воров и изменников», пытаных и допрошенных А. П. Давыдовым, только один остяк Анка Конжиков доложил о «ссылке о измене» от царевича. Все остальные, несмотря на пытки, ни о каком царевиче не упоминали;

2) Анка Конжиков не говорил, что с ними связы-

вался именно царевич Девлет-Гирей, он вообще не называл имени этого таинственного царевича;

3) по его же словам, царевич связывался с ними не напрямую: «А про ссылку де их сказывали, [...] от царевича Кучумова тобольские татарова, которые де ездят на Березов для рыбные ловли, а имян де он, Анка, не упомнит» [13, с. 54];

4) имя Девлет-Гирея как зачинщика всего заговора называет только сам воевода Давыдов в своем итоговом приговоре по этому делу;

5) соответственно, воевода мог сам «домыслить», что Девлет-Гирей стоял у истоков заговора, т. к. именно этот царевич на протяжении нескольких десятилетий рассматривался русскими властями в качестве главы клана Кучумовичей;

6) Девлет-Гирей в принципе вряд ли сам мог быть во главе столь масштабного заговора, поскольку в конце июля 1661 г. его улус был разгромлен отрядом тобольского головы Бориса Маркова, двигавшегося на дощаниках по Иртышу к соленому озеру Ямыш. (Подробнее см.: [3]). В результате разгрома Девлет-Гирей лишился подданных и всего имущества, едва не попал в плен, но сумел бежать, а его дальнейшая судьба неизвестна. В соответствии с традиционными представлениями о правителе в тюрко-монгольском мире, в глазах коренного населения из-за этой неудачи он, скорее всего, лишился бы статуса харизматического лидера, готового повести за собой массы восставших.

В связи со всем обозначенным возникает следующий вопрос: что А. П. Давыдов мог знать о разгроме Девлет-Гирея русским отрядом летом 1661 г.? В том, что он об этом разгроме был осведомлен, вряд ли можно сомневаться, хоть его воеводство в Березове и началось (с 15 июня 1662 г.) только спустя год после описанных событий с царевичем. Во-первых, некоторое количество березовских служилых людей почти всегда принимало участие в ежегодных экспедициях к озеру Ямыш. Они как непосредственные участники разгрома в любом случае донесли бы это известие до жителей Березова. Во-вторых, в ходе погрома кочевья царевича служилыми людьми была захвачена богатая добыча (одного только скота 2600 голов), и вообще столь яркая победа над давним и до этого неуловимым противником русских безусловно не могла остаться незамеченной жителями сибирских уездов. В-третьих, как администратор А. П. Давыдов несомненно имел доступ к служебной документации и наверняка был в курсе всех событий последних лет. В этой связи нельзя исключать, что, возможно, русским властям было известно что-то о бежавшем Девлет-Гирее, чего не знаем мы в силу не сохранившихся либо еще не найденных документов. Также можно предполагать, что разговор готовился с 1661 г., то это не исключает его подготовку Девлет-Гиреем. Просто его коварные планы в отношении русских властей в Сибири были нарушены внезапно появившимся отрядом Б. Маркова... Одним словом, вопросов пока остается больше, чем ответов. Возможно, только обнаружение новых документов позволит

пролить свет на всю эту без сомнения загадочную и увлекательную историю с подготовкой крупнейшего в Сибири XVII в. антирусского восстания.

Также необходимо упомянуть и точку зрения С. В. Бахрушина, специально изучавшего этот вопрос. В частности, он полагал, что главными зачинщиками восстания были вовсе не Кучумовичи. Известный сибиревед считал, что реальными инициаторами и даже «идеологами» заговора выступили как раз тобольские юртовские татары и бухарцы, поскольку именно «эти круги и выдвинули на первую очередь вопрос о реставрации династии Кучума в лице царевича Девлет-Гирея» [2, с. 241].

Впрочем, нельзя исключать, что инициатором заговора мог выступить кто-то другой из Кучумовичей. По нашему мнению, к этой роли лучше всего мог подойти царевич Бугай, который, в отличие от осторожного Девлет-Гирея, был известен как активный противник русских, а также его племянник Кучук, ставший одним из руководителей башкирского восстания в 1663 г.

Весьма оригинальную точку зрения на рассматриваемые события выдвинул недавно курганский историк В. В. Пестерев. Глобальный антирусский заговор сибирских царевичей, башкир и татар с участием угорского населения, по мнению этого исследователя, является чистой фикцией, поскольку был следствием того, что русская «администрация колонии в очередной раз оказалась в плену болезненной фобии» [18, с. 292]. Так же он пишет: «И едва ли здесь уместно предаваться конспирологическим спекуляциям и искать в этих событиях реальные происки бухарцев или самих царевичей. В истории Западной Сибири было немало случаев, когда информационные химеры подобного рода возникали, что называется, на пустом месте, но вызывали вполне настоящую “охоту на ведьм”» [18, с. 292].

С аргументацией В. В. Пестерева можно было бы согласиться, если бы единственным источником сведений о заговоре и причастности к нему Кучумовичей было только розыскное дело, организованное ретивым березовским воеводой Давыдовым. В таком случае все действительно можно было бы списать на «фобию» этого администратора, которому повсюду мерещились «шатости и измены». Однако и до этого к русским поступала информация из разных источников о причастности Кучумовичей к событиям начавшегося в 1662 г. восстания башкир и связях с ними сибирских угров.

Так, в конце августа 1662 г. татарка Пелевна, которую смогли отбить от «изменников» в ходе одного из боев, рассказывала приказчику Мурзинской слободы Федору Головкову: «Стоит де царевич Бугай Салтан у озера Иреташа за Исетью в степи, а с ним де стоят изменники башкирцы, сынгранцы, бушкурты, сонгуты, терсяки, айлы, да с ними ж де в заговоре все татарова и вогуличи верхотурские и епанчинские и пельмские и кондинские, а хотят де они итти воевать город Верхотурье, и Тюмень, и Япанчин, и Пелым, и тех городов все слободы, а в сборе де ныне их тысячи

с четыре» [8, с. 290]. Это свидетельство вполне соотносится с той информацией, которую с помощью пыток выбивал из остяков и самоедов березовский воевода. Главное, что заговор готовился еще с 1661 г.

Помимо этого летом-осенью 1662 г. в самом начале восстания русские постоянно получали известия, что повстанцы контактировали с царевичами. В августе «воровские татары» наступали на Мурзинскую слободу. При этом приказчик Мурзинской слободы Кондратий Хворов доносил, что «сила де татар болшая, а поднялся де царевич их татарской» [8, с. 283]. Позже он же докладывал, что «воровские де татары были башкирцы да калмыки Тюменского и Епанчинского ясаку, и вогуличи Верхотурского ясаку, а сказывали, поднялся де на Русь наш царь» [8, с. 284]. В это же время приказчик Катайского острога Иван Широков докладывал, что «все де ясачные татара, уфинские и пышминские и япанчинские, и верхотурские все вагуличи руки подавали царевичам, что идти воевать заодно» [8, с. 287]. К сожалению, информаторы русских властей не указывали имен царевичей. Но можно определенно утверждать, что вряд ли это был Девлет-Гирей. Скорее всего, речь шла об упоминавшихся выше царевичах Бугае или Кучуке. Таким образом, Кучумовичи если и не принимали в это время непосредственного участия в боях, то по крайней мере находились где-то рядом и поддерживали связь с повстанцами. Главное же заключалось в том, что их присутствие где-то поблизости явно вдохновляло восставших, среди которых были и представители угорских групп ясачного населения.

В этой связи, приводимое В. В. Пестеревым свидетельство тюменского ясачного татарина Аллагула Баишева, который утверждал, что «царевичи де с теми изменники под слободами и нигде не были и о измене де у них с ними и с ыними тюменским татары ссылки не бывало» [11, с. 162; 18, с. 292], на наш взгляд, не может рассматриваться как достаточное подтверждение мнимости участия Кучумовичей в восстании. Во-первых, такое свидетельство известно только одно, а разных свидетельств о том, что Кучумовичи были связаны с повстанцами, гораздо больше. Во-вторых, «изменник Аллагулка», который в начале зимы 1662–1663 г. сам выехал в Тюмень, где был

расспрошен и позже доставлен в Тобольск, по какому пока неясным для нас причинам мог умышленно исказить информацию.

Есть и другие не совсем ясные моменты, касающиеся заговора. В частности, на первый взгляд представляется вполне понятным недоумение Е. В. Вершинина относительно желаний остяков и других участников заговора поменять субъекта ясачного обложения: «Остается некоторой загадкой, чем выплата ясака татарскому царевичу была приятней ясачного обложения со стороны русских» [6, с. 432]. На наш взгляд, этому есть свое объяснение. Недовольство ясачных людей русским подданством приводило к закономерному стремлению это самое подданство сменить. Как пишет В. В. Трепавлов, «из канонов кочевого общества, к каковому тогда принадлежало большинство башкир, вытекало условие: если правитель не обеспечивает своим подданным условий, гарантированных им самим или его предками, то они вправе сменить сюзерена. Смена правителя в традиционном кочевом обществе предполагала прежде всего откочевку на новые земли» [16, с. 106]. Представляется, что этот вывод полностью применим к урало-сибирским остякам и вогулам, чаяния которых в начале 60-х гг. XVII в. совпали с повстанческими устремлениями башкир и части сибирских татар.

Таким образом, очевидно, что отношения между потомками Кучума и угорским населением Урало-Сибирского региона в XVII в. носили эпизодический и весьма опосредованный характер. В то же время вряд ли стоит подвергать сомнению реальность масштабного заговора в 1660-х гг., в который предполагалось вовлечь самые разные группы ясачного населения. Участие обдорских остяков и некоторых других в самом восстании было пресечено оперативными и жесткими (а скорее жестокими) действиями русской администрации. Что же касается степени участия в организации заговора Кучумовых царевичей, то приходится констатировать, что этот вопрос пока еще продолжает оставаться дискуссионным по причине недостатка сведений. Только введение в оборот новых источников позволит пролить свет на эти драматические события сибирской истории.

Список источников и литературы

- 1 Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // *Научные труды*. – Т. 3, ч. 2. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 86–152.
- 2 Бахрушин, С. В. Восстание в Западной Сибири в 1662–1665 гг. // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.* – Брянск : Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 229–255.
- 3 Васьков, Д. А. Вооруженные столкновения между сибирскими служилыми людьми и Кучумовичами в 1661 г. и их последствия // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 415. – С. 50–58.
- 4 Васьков Д. А. Об «участии» сибирского царевича Девлет-Гирея в башкирском восстании 1662–1664 гг. // *Сибирские татары : материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фюата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. Симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З. А. Тычинских*. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – С. 72–77.
- 5 *Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Сб. документов / сост. Е. Н. Ошанина*. – Москва : Ин-т истории СССР, 1982. – Вып. 1. – 160 с.
- 6 Вершинин, Е. В. *Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв.* – Екатеринбург : Демидовский институт, 2018. – 504 с.
- 7 Волкова, К. В. *Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв.* – Новосибирск : Наука, 1965. – С. 112–127.
- 8 *Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV.* – Санкт-Петербург, 1851. – 416 с.

- 9 Иванов, А. В. Вилы. – Москва : АСТ, 2017. – 574 с.
- 10 Иванов, А. В., Зайцева, Ю. Ю. Дебри. – Москва : АСТ, 2017. – 442 с.
- 11 Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. / отв. ред. А. П. Чулошников. Ч. 1. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. – 632 с.
- 12 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 2. – 2-е изд., доп. – Москва : Вост. лит., 2000. – 796 с.
- 13 Обдорский край и Мангазея в XVII в. Сб. документов. – Екатеринбург : Тезис, 2004. – 200 с.
- 14 Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук ; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – Москва : Вост. лит., 1959. – 352 с.
- 15 Сибирская советская энциклопедия. В 4-х т. Т. 1. А–Ж. – Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929. – 990 с.
- 16 Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – Москва : Вост. лит, 2012. – 231 с.
- 17 Трепавлов, В. В., Беляков, А. В. Сибирские царевичи в истории России. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2018. – 496 с.
- 18 Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 560 с.
- 19 Устюгов, Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. – Москва : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 30–110.
- 20 Худяков, Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 104–108.

В. Г. Волков
Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Россия

ГЕНОФОНД ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РОДО-ПЛЕМЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. Задачей статьи является показать взаимосвязь между родо-племенными объединениями Сибирского ханства и генетическими общностями. Присутствие и места проживания этих общностей на территории Сибирского ханства реконструируются на основе данных современного генофонда и генеалогии. Генетические данные показывают, что тюркское население Сибирского ханства состояло из двух основных групп: тюркизированных потомков древнего автохтонного населения угорского или самодийского происхождения и собственно тюрков, прежде всего кыпчаков, происхождение которых связано с южными территориями.

Ключевые слова: генетика, генофонд, история, Западная Сибирь, Сибирское ханство, сибирские татары, кыпчаки.

Abstract. The purpose of the article is to show the relationship between the tribal alliances of the Siberian khanate and genetic communities. The presence and places of residence of these communities on the territory of the Siberian khanate is being reconstructed based on the data of the modern gene pool and genealogy. Genetic data show that the Turkic population of the Siberian Khanate consisted of two main groups: the Turkized descendants of the ancient autochthonous population of Ugric or Samoyed origin, and the Turks themselves, primarily the Kypchaks, whose origin is associated with the southern territories.

Key words: genetics, gene pool, history, Western Siberia, Siberian khanate, Siberian Tatars, Kypchaks.

Сибирское ханство в конце XVI века включало частично или полностью территорию современных Тюменской, Курганской, Свердловской, Омской, Новосибирской областей. По мнению ряда исследователей, Томское Приобье также входило в состав Сибирского ханства [24, с. 70–78; 25, с. 78–83].

Письменные источники сообщают имена родо-племенных объединений, занимавших территорию Сибирского ханства. На территории Тюменского и Сибирского ханств отмечается присутствие следующих родо-племенных объединений: джалаир, буркут, кыйат, кунграт, мангыт, найман, сальджиут, кыпчак, табын [42, с. 75–81, 100]. В первой половине XV века буркуты занимали особое положение в Тюменском ханстве [42, с. 80]. В «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи сообщается об «известных под именем мангытских поселений городе Тура» [45, с. 24, 25–26].

Д. М. Исаков выдвинул гипотезу о салджиутском происхождении Тайбуги, основателя династии правителей Сибирского юрта [19, с. 118, 120], но впоследствии он отказался от этой точки зрения. В настоящее время Д. М. Исаков, а также Ж. М. Сабитов, придерживаются версии о буркутском происхождении династии Тайбугидов [42, с. 77; 34, с. 32–36].

Сведения из русских делопроизводственных документов, актов и других документов конца XVI – XVII в. позволяют выделить административные единицы (волости), соотносимые с родоплеменными группами.

К Тюменскому уезду относились Киньрская, Иленская, Искенская, Бачкырская, Терсяцкая, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская ясачные волости [18, с. 42]. Служилые юртовские татары числились отдельно.

По мнению Б. О. Долгих, население Бачкырской (Баскурской, Башкурской) волости можно считать

башкирами по ее названию и местоположению между Пышмой и Исетью по соседству с Катайской волостью Уфимского уезда. Название Терсяцкой волости соответствует названию Терсатского аймака, входившего в состав башкирской Катайской волости за Уралом в XVIII в. Группа терсяков (верхние терсяки) жила и в Верхотурском уезде по соседству с башкирами. Относительно Пышминской и Исетской волости источники прямо указывают, что это «уфимские пришельцы» [18, с. 42].

К Тобольскому уезду относились следующие татарские волости: Бабасан, Лаймы на Ашле, Кречатники на Ашле, Капканы на Вагае, Кречатники, Индер, Уват, Супра, Ясколба, Лоймы, Томак, Вачиер, Аремани, Надцы, Карбина и Ук, Уват, Би и Культурас, Кошукки, Лобытан и Колыма. Отдельно указываются юртовские татары и бухарцы [18, с. 57].

Тобольские юртовские (служилые) татары занимали территории «в районе от впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда. На этой территории находились г. Тобольск, здесь же находились татарские городки Сузгун, Бицик, Чувашев, Аткиков, Ебалаков, Карачев, часть которых сохранилась до настоящего времени в виде юрт Саусканских, сел Бизина, Абалак, Карачина» [18, с. 61].

По мнению С. В. Бахрушина и Б. О. Долгих, «тобольские служилые татары – это прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского царства» [18, с. 61].

Ясачное население Верхотурского уезда, по мнению Б. О. Долгих, в основном состояло из манси (вогулов). Татары образовывали волости «вверх Чусовой» (они же «верхние терсяки»), «в Верх Уфы реки», «в поле над Аятом озером» [18, с. 21]. Как уточняет Г. Х. Самигулов, Верх-Чусовская волость идентична Салзатской (Сальютской) волости, где проживали

сальюты [40, с. 196].

К Туринскому уезду относились 16 ясачных татарских волостей [18, с. 35]. До 1620 г. население этих волостей называлось остяками и вогулами. По мнению Б. О. Долгих, ясачное население Туринского уезда можно считать «вогулами, подвергшимися татарскому влиянию» [18, с. 34, 35].

Коренное население Пелымского уезда представлено было в основном манси (вогулами) [18, с. 30].

Коренное население Тарского уезда представлено исключительно служилыми и ясачными татарами (волости Саргач, Тебендя, Котлубахтина, Я-Иртиш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары), Коурдак, Аялы) [18, с. 59]. К Тарскому уезду относили и ясачные волости барабинских татар (Тунус, Лугуй, Бараба, Чой, Тереня) [18, с. 59]. Согласно преданию сибирских татар, записанному в XIX в. Н. Ф. Катановым, «войско» хана Кучума делилось на «четыре отряда» – Кордак, Туралы, Аялы и Бараба [20, с. 2–4]. Несомненно, эти отряды напрямую связаны с крупными племенными объединениями, существовавшими в XVI веке, потомками которых являются курдакско-саргатские, аялыньские, туралиньские и барабинские татары.

В Томском уезде в первой половине XVII века проживали служилые (зуштинцы, чаты) и ясачные татары (Темерчинская, Соргулина, две Шегарские и две Провские волости), предки которых могли иметь отношение к Сибирскому ханству [10, 2016 г., с. 52–80]. Г. Ф. Миллер сообщает, что по-татарски Большая Шегарская волость называлась Тегенја-аймак, а население Большой и Малой Шегарских волостей причисляет себя к роду Тегенја [27, с. 175, 177]. Этот этноним возможно указывает на связь томских тюрков и барабаинских татар, в составе которых В. В. Радлов вы-

деляет род терене, население Теренинской волости (управы) [33, с. 115].

В целом, достаточно сложно соотнести названия волостей и населенных пунктов с какими-либо крупными племенными объединениями, известными из средневековых письменных источников.

В 2012–2019 гг. лабораторией популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН (г. Москва) и кафедры генетики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово), под общим руководством Е. В. Балановской, а также Институтом медицинской генетики (г. Томск) проводились комплексные экспедиции в Тюменскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области. В результате было получено значительное количество образцов представителей разных групп сибирских татар. Некоторые образцы были получены также в результате частных экспедиций.

Результаты исследования генофонда сибирских татар были представлены в работах Е. В. Балановской, О. П. Балановского, А. Т. Агджоян, А. Д. Падюковой, В. Г. Волкова [30, с. 59–61; 31, с. 20–25; 1, с. 30–36; 2, с. 33–39; 6, с. 72–82; 3, с. 978–991; 32, с. 208–210; 10, 2016 г., с. 52–80; 17, с. 65–74].

Данные о мужском генофонде современного тюркского населения Западной Сибири в совокупности с генеалогическими данными позволяют реконструировать генофонд позднесредневекового населения и сопоставить их с административными и родо-племенными группами.

Наибольшее внимание стоит обратить на субклад R1b-M73, который встречается среди разных групп сибирских татар. Этот субклад разделяется на две линии: R1b-Y14051 и R1b-Y20750.

Линия R1b-Y14051 представлена, за редким ис-

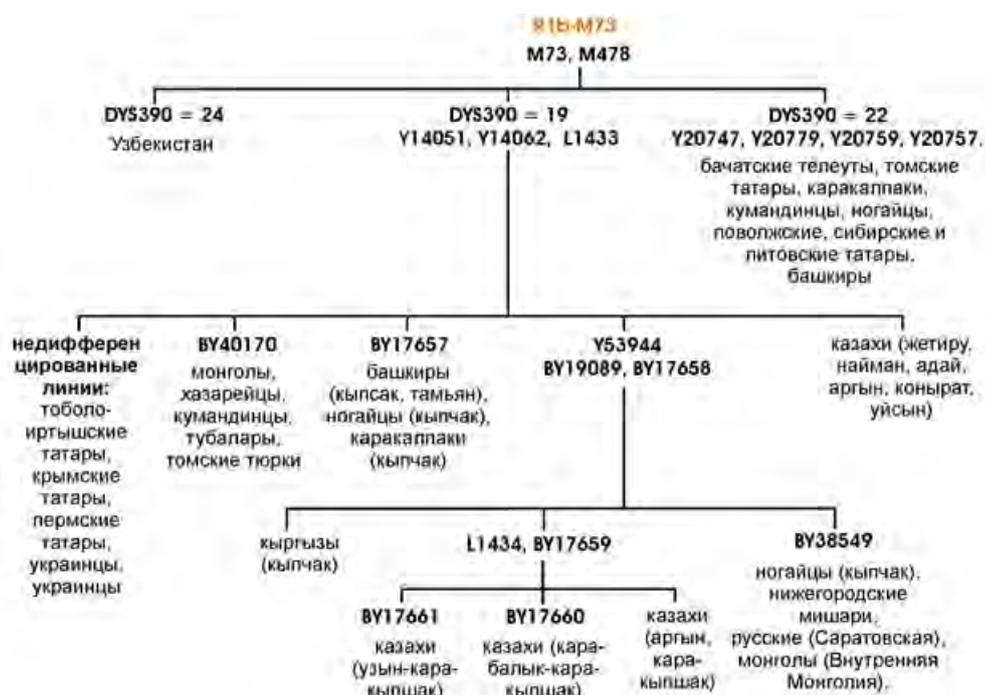

Рисунок 1 – Филогенетическое древо субклада R1b-M73

ключением, прежде всего, у тюркских народов и характерна для носителей этнонимов кыпчак и куман (казахи, башкиры, каракалпаки, ногайцы, киргизы, северные алтайцы) [37, с. 311–321; 11, с. 298–306; 12, 137–149]. С большой вероятностью, представители линии R1b-Y14051 являлись основной группой в составе древнего кимако-кыпчакского объединения. Подтверждением этому является наличие этой линии с высокой частотой у средневекового населения Павлодарского Прииртышья (VII век н. э.) [43, образец DA93 Nomad_Med]. Судя по последним расчетам на основе накопления однонуклеотидных полиморфизмов, общий предок разных ветвей линии R1b-Y14051 жил 1 350±100 лет назад.

Следует отметить присутствие этой линии у пермских (карьевских) татар (Ординский район Пермского края) [15, с. 33]. Данные шежере позволяют датировать появление в этом регионе Мемчек-бия, сына Йылкычы-бия, предка карьевских татар линии R1b-Y14051, первой половиной XV века [8, с. 404]. С большой вероятностью прибыл он с востока, т. е. с территории будущего Тюменского ханства.

Таким образом, линия R1b-Y14051 у сибирских татар свидетельствует о присутствии кыпчаков на территории Тюменского и Сибирского ханств в эпоху развитого и позднего средневековья.

В истории «о религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», сообщается о кочевавших на Иртыше кара-кыпчаках, ногаях и хотанах, которые совместно с осяжками выступили против учеников шейха Багауддина и Шейбани-хана [21, с. 18–28]. Современные казахские кара-кыпчаки представляют отдельную линию в составе группы R1b-Y14051 (рисунок 1) и не исключено, что большинство представителей этой линии среди тоболо-иртышских татар являются близкими родственниками казахских кара-кыпчаков. Также возможно, что на территории Западной Сибири представлены разные ветви линии R1b-Y14051, появившиеся здесь в эпоху развитого или позднего средневековья, но разными путями. Одна из таких групп может быть связана с ногайскими кыпчаками и, соответственно, свидетельствовать о присутствии ногайских родов. Для выяснения этого требуются дополнительные исследования.

Другая производная от субклада R1b-M73 линия, которая встречается во всех группах сибирских – R1b-Y20750, также представлена, в основном, у тюркских народов. Эта генетическая линия встречается у древнего населения Павлодарского Прииртышья (кенжекольское захоронение, I век н. э.) [43, образец DA92] и, видимо, данная территория является центром распространения линии R1b-Y20750. С наибольшей частотой она представлена у бачатских телеутов (Кемеровская область) и зуштинских татар (Томская область) [5; 10, с. 64–65]. Эта линия, вероятнее всего, была представлена у населения кимако-кыпчакского объединения и появление ее на территории Тюменского и Сибирских ханств также связано с миграциями кыпчаков.

Таким образом, генетические данные подтверждают общепризнанное мнение, высказанное Ф. Т. Валеевым, что кыпчаки являются ближайшими историческими предками разных этнографических групп сибирских татар [9, с. 13].

Генетическое исследование разных групп родоплеменных объединений Табын, Катай, Терсяк и Сальют показывают прямую связь с территорией Тюменского ханства.

На основании генетических данных можно с большой уверенностью предполагать, что разные группы табынцев продвигались с востока на запад. Генетические данные указывают на близкое родство по мужской линии башкирских табынцев, катаянцев, айлинцев и кудейцев с пермскими (сылвенско-иренская группа) [15, с. 28] и тоболо-иртышскими татарами (искеро-тобольская и тюменско-ялуторовская группы) [4]. Эти группы принадлежат к специфической, хорошо выделяющейся генетической линии R1a1-Y5977, одной из ветвей субклада R1a1-Z93. В составе табынцев практически нет представителей других генетических линий. Все подразделения племени Табын (Кара-Табын, Кесе-Табын, Кальсер-Табын, Бишул-Табын, Дуван-Курпес-Табын, Барын-Табын, Иректы), а также Унлар, Балыксы, Танып, Айле и Кудей представляют собой близкородственное объединение, восходящее к одному предку по мужской линии, который жил 800±100 лет назад [14, с. 224–247].

На данный момент эта линия представлена, прежде всего, у башкир, а также, как было указано выше, у пермских и тоболо-иртышских татар. Незначительное число представителей этой группы обнаружено у касимовских татар, единичные образцы – у казахов и киргизов. Казахские представители этой линии причисляют себя к роду «эстек», киргизские – кущи.

В связи с тем, что линия R1a1-Y5977 достаточно молодая, можно уверенно говорить о присутствии близких родственников табынцев или катаянцев среди сибирских татар.

Наиболее вероятным центром распространения линии R1a1-Y5977 является междуречье Туры и Тобола в пределах Тюменской области. Генетические данные согласуются со сведениями из шежере табынцев и иректинцев. Согласно шежере, предок табынцев Майкы-бий «во времена Чингисхана..., живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миас; он Чингисхану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингисханом на одной повозке» [7, с. 156, 164, 165]. Также в шежере содержатся сведения о переселении части табынцев во главе в Абдал-бием из долины Миаса на запад, который «добрался до Чулмана» и «основал свой юрт в Перми» [8, с. 360, 368].

В дальнейшем потомки Абдал-бия переселяются на территорию Мензелинского (луговые ирякте) и Бирского (лесные ирякте) уездов [9, с. 368]. Вероятно, пермские татары являются потомками табынцев, оставшихся в Пермском крае.

Рисунок 2 – Филогенетическое древо линии R1a1-Y5977

Родственники табынцев и катайцев, представители той же R1a1-Y5977 выявлены в достаточно большом количестве среди потомков служилых татар на Иртыше (Бегишева, Кобякская, Вагайский район) [4]. Именно здесь находился городок князя Бегиша и на этой земле произошла битва Ермака «со зборными Татараы и с Карачинцы» [41, с. 341]. Таким образом, население этого региона, в том числе представители линии R1a1-Y5977, напрямую связаны с «карачинным улусом» и, возможно, родством с князем Бегишем.

Вероятнее всего, эта группа появилась здесь во времена возникновения Сибирского юрта и связана с основанием Искера. Также это может указывать о значительной миграции тюркских групп на территорию Сибирского юрта с юго-запада, территории Тюменского ханства.

Исходя из генетических данных достаточно сложно связать происхождение группы R1a1-Y5977 с монгольскими племенами, в частности с племенем уйшын. Казахские табыны и уйсыны в основном принадлежат к другой гаплогруппе (C2) и другим линиям R1a1 [35, с. 94–98; 36, с. 13–16], что исключает родство по мужской линии. Предки группы R1a1-Y5977 могли входить в состав населения Тоболо-Иртышского междуречья в эпоху раннего железного века или быть выходцами из Приаралья или Семиречья более позднего времени.

Проблемы истории родо-племенного объединения Табын, в том числе в период его нахождения в составе Тюменского и Сибирского ханств не раз рассматривались историками [23, с. 198; 39].

Исходя из генетических датировок, можно соотнести территорию проживания табынцев со страной Табуния (Tabüni), указанной на карте Идриси (XII в.) [39, с. 195].

Таким образом, на территории Сибирского ханства эти группы (табынская, катайская) присутствовала, вероятно, еще в домонгольское время.

Терсяки, салюты и бикатины, проживающие на территории Свердловской и Челябинской областей,

представляются собой близкородственную генетическую группу и принадлежат к линии N1c1-L1034, подлинии N1c1-L1442 (см. рисунок 3). К этой же подлинии принадлежат представители башкирских родов Кошсо, Уран, Тангаур и Усерган [13, с. 213 – 225]. Исходя из распространения генетических линий, общую прародину терсяков, салютот и бикатинцев, а также уранцев, усерган и тангауров следует помещать на юге Свердловской и Тюменской областей.

Исходя из генетических данных также трудно связать происхождение западносибирских и южноуральских салютот с монгольским племенем салджиут. Но в данном случае вполне возможно заимствование первыми имени известного и могущественного племени.

Значительная часть мужского генофонда татар искеро-тобольской и тюменско-ялutorовской групп также представлена линией N1c1-L1034. К сожалению, на данный момент еще не установлена степень родства между тоболо-тюменскими татарами и группой терсяк-бикатин-салютот. Общий предок всей линии N1c1-L1034 жил достаточно давно, около 4 000 лет назад. Тем не менее, распространение разных групп указывает, что первичным очагом распространения этой линии была территория Тюменской области. Наиболее вероятно, что представители обеих групп являются тюркизированными потомками древнего (угорского) населения этого региона. На это указывает и присутствие этой линии у угров (ханты, манси, венгры), и дальнейшее родство с другими финно-угорскими народами (финны, карелы, вепсы, марийцы) (см. рисунок 3). Обнаружены представители линии N1c1-L1034 и среди древних мадьяр Дунайско-Тисского междуречья (IX–X вв., Восточная Венгрия) [44, р. 6, 9].

Сопоставить тюменско-ялutorовскую группу с определенными родами или племенами в данный момент затруднительно. Но, исходя из мест проживания предков этой группы, можно связать ее с тюменскими служилыми татарами и, прежде всего с группой, воз-

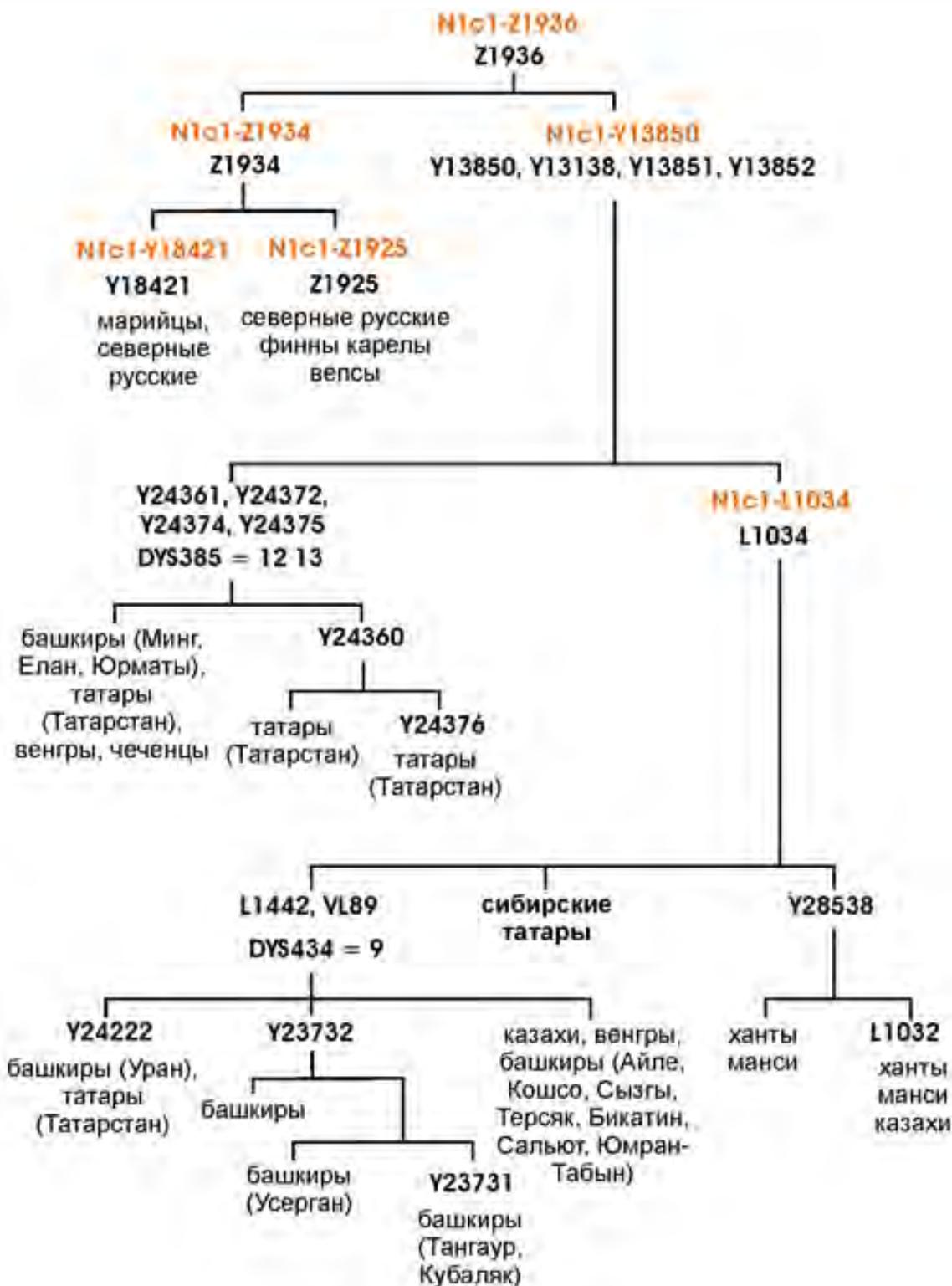

Рисунок 3 – Филогенетическое древо линии N1c1-L1034

главляемой в начале XVII века мурзой Майтмасом Ачекматовым и князьями Варварой и Кашкарой, с которыми Ермак имел столкновение на Тоболе у устья Туры [28, с. 218]. В 1596 г. тюменские служилые татары Какшара и Майтмас ездили за беглыми киньрцами и «башкирцами» на Исеть и были последними ограблены [29, с. 174]. Имя князя Кашкары сохранилось в названии Каскаринской волости и деревень Большая и Малая Каскара; имена Варвары и Майтма-

са – в названиях татарских деревень на Тоболе: Варваринские юрты, Большие Матмасы, Малые Матмасы [18, с. 46].

У искро-тобольских и тюменско-ялutorовских татар представлена линия N1b-VL73. Эта линия характерна, прежде всего, для тюркских народов. Древняя история этой линии, вероятнее всего, связана с первыми тюрками (тюркютами) и огузскими племенами, так как она встречается со значимой частотой у

турков и азербайджанцев [16, с. 307]. Распространение этой линии в Западной Сибири, видимо, связано, с одним из тюркских племен южного происхождения.

Отдельные группы сибирских татар по составу мужского генофонда достаточно сильно отличаются от остальных групп. У ясколбинских татар доминирует линия N1b-23785, которая является родственной линии N1b-E, характерной для поволжских и пермских народов (коми-зыряне, удмурты, марийцы, поволжские татары) и северных русских. В настоящее время линия N1b-23785 представлена у ясколбинских татар, манси, коми-зырян, удмуртов, каринских татар и северных русских. Вероятно, общий предок всех этих линий жил в таежной части Западной Сибири. Таким образом, основная часть ясколбинских татар является тюркизированными потомками древнего, вероятно угорского, населения Западной Сибири [17, с. 69–70].

Для татар иштякско-тогузской группы характерно доминирование гаплогруппы Q1a2. Вероятно, представители этой линии среди татар иштякско-тогузской группы являются потомками древнего населения Барабинской лесостепи, мигрировавшими в дотюркские времена в Среднее Прииртышье [17, с. 70].

Среди татар ясколбинской и иштякско-тогузской группы с небольшой частотой встречаются представители линии R1b-Y14051 [4], что может свидетельствовать о влиянии кыпчаков на эти группы.

В составе генофонда тюменских и ялutorовских татар (Тюменский, Яркоковский и Ялutorовский районы) выделяется группа генетических линий, близких современным калмыкам (C2b-SK1066, O2a-M134, N1c1-F4205) [17, с. 71]. Одним из главных центров ялutorовских татар является деревня Авазбакеева, второе название которой Калмаки (Калмаклар). Таким образом, эти группы могут быть потомками калмыков, присутствие которых в данном регионе фиксируется многочисленными источниками.

С другой стороны, субтипирование этих групп, особенно представителей линий O2a-M134, N1c1-F4205 на данный момент недостаточно глубокое для окончательных выводов. Гаплогруппа O2a-M134 является доминирующей у казахов найманов, а N1c1-F4205 представлена среди других групп сибирских татар, у казахов и древнего населения Казахстана гунно-сарматского времени [43, образец DA95 Nomad_HP]. Требуется дальнейшее, более глубокое субтипирование образцов представителей этой группы тюменско-ялutorовских татар.

Генофонд сибирских татар, проживающих на территории Омской области, в настоящее время еще недостаточно изучен. Заметно лишь сближение с барабинскими татарами.

Барабинские татары представлены разными генетическими линиями. Заметно выделяется гаплогруппа Q, которая представлена двумя линиями: Q-YP4000 и Q-L330. Гаплогруппа Q у барабинских татар отражает вклад древнего дотюркского населения Барабинской лесостепи, и, вероятно, связана с

енисейскими группами, занимавшими эту территорию с древнейших времен. Для более северных групп барабинских татар характерна гаплогруппа N1b-P43 (линия VL67). Наиболее вероятно, что данная линия отражает вклад самодийского компонента в генофонд барабинских татар [17, с. 71–72].

Другие генетические линии у барабинских татар могут быть связаны с тюркским компонентом. Здесь так же, как у тоболо-иртышских татар, представлены гаплогруппы R1a1-Z93 и R1b-M73 [17, с. 72].

Из более восточных групп наиболее интересны в контексте данной статьи чатские татары. О тесных связях чатов с Кучумом и его наследниками сообщал еще Г. Ф. Миллер, который указывал, что чатские мурзы Итегмень и его сын Мурат являлись «кучумовой родней». Происхождение чатских татар связано с территорией Новосибирской области. Как сообщает Г. Ф. Миллер, они проживали по соседству с барабинскими татарами [26, с. 69]. У чатских татар представлены две основные генетические линии: C2-Y15552 и N1c1-F4205 [5]. К линии C2-Y15552, кроме чатских татар, принадлежат представители разных казахских племен, наиболее близки подразделения байулы и алимулы племени алшын. Ряд исследователей связывает происхождение алшынов с племенем алчи-татар, проживавших на территории северо-восточной Монголии до XIII века [38, с. 383–393]. Генетические данные не противоречат этой версии.

Вторая линия встречается, как было указано выше, в составе тюменско-ялutorовских татар и казахов Среднего жуза. В свете данных о генетических связях томских чатов следует отметить сведения о присутствии представителей рода чат среди эмиров узбекского хана Абулхайра [22, с. 144]. Вполне возможно, что чаты появились на юге Западной Сибири после покорения Абулхайром Чимги-Туры (Тюмени) и заняли земли к востоку от будущей Тары.

Другая группа томских татар (эуштинцы) имеет общее происхождение с одной из групп бачатских телеутов (Кемеровская область). У этих групп с высокой частотой представлена линия R1b-Y20750 (сеоки ютты и тогул). Нельзя не отметить явное сходство этнонимов эуштинцев (юшта) и именем самой близкой к ним группы телеутов (ютты), что дополнительно указывает на общее происхождение и общую историю, которая связана, с большой вероятностью, с кимако-кыпчакскими племенами [10, с. 66–67]. Принадлежность к линии R1b-Y20750 сближает эуштинцев и бачатских телеутов с другими группами сибирских татар (см. рисунок 1).

У сибирских татар со средней частотой представлены и другие гаплогруппы и генетические линии (J1, J2, G2 и другие), но в связи с недостаточной субтипированностью в настоящее время нельзя сделать какие-то определенные выводы относительно происхождения и этногенетических связей этих групп.

Перспективным видится сравнение мужского генофонда сибирских татар и представителей различных родовых объединений тюркских народов, сохранивших родо-племенную структуру: прежде всего,

казахов, башкир, ногайцев, каракалпаков и киргизов. Как было показано выше, это уже дало возможность выявить среди сибирских татар близких генетических родственников кыпчаков и табынцев. Судя по специфике кыпчакских и табынских линий, эти близкие родственники с большой вероятностью также являются представителями кыпчаков или табынцев. Таким же образом существует возможность выявить среди сибирских татар потомков мангытов, кунгратов, найманов, буркутов, джалаириков и других племенных групп, игравших важную роль в истории Сибирского ханства.

В целом, наблюдается наибольшее сближение по составу мужского генофонда прежде всего искеро-тобольской и тюменско-ялутовской групп, т. е. между населением, занимающим основную территорию Тюменского ханства и Сибирского юрта.

Анализ аутосомных данных показывает явное сближение между разными группами сибирских татар, вхождение в один кластер. Наиболее близки сибирские татары к юго-восточным башкирам и пермским татарам. Все вместе они входят в общий кластер с северными алтайцами, шорцами и бачатскими телеутами.

Эти данные указывают, что сибирские татары, несмотря на различия мужского генофонда различных групп, являются единой популяцией, в рамках которой существовали тесные генетические связи, обусловленные брачными союзами. И, вероятно, эти тесные связи обусловлены не только принадлежностью к одному вероисповеданию (ислам), но и более ранними контактами в рамках существовавшего единого государства (Сибирского ханства).

Генетические данные позволяют выделить в со-

ставе населения Сибирского ханства две основные группы. Одна группа представлена генетическими линиями, происхождение которых связано с древним населением Западной Сибири (угорским, самодийским и енисейским). Эти линии или генетические общности хорошо локализуется на определенных территориях. Другая группа представлена генетическими общностями, тесно связанными с тюркскими народами, их черты присутствуют в составе всех групп сибирских татар. Такая инфильтрация тюркских групп в состав групп угорского или самодийского происхождения, возможно, отражает специфику социальной структуры Сибирского ханства. Например, разделение на черных людей (кара халык) и управляющую верхушку.

Таким образом, генетические данные, прежде всего, позволяют выявить присутствие на территории Сибирского ханства тех групп, которые проживали здесь в домонгольское или в начальный период золотоордынского времени. Также наблюдается хорошая корреляция между генетическими группами и административно-родовыми объединениями (волостями) XVII–XVIII в.

Достаточно сложно выявить те группы, которые связаны с известными по письменным источникам родо-племенными объединениями. Это связано, с одной стороны, с отсутствием родовой структуры у сибирских татар, с другой стороны, с недостаточным субтипированием образцов.

В будущем, с появлением новых данных, происхождение и связи между различными группами на территории Сибирского ханства станут более ясными, и это позволит лучше понять отдельные моменты истории этого государства.

Список источников и литературы

- 1 Агджоян, А. Т., Падюкова, А. Д., Жабагин, М., Тычинских, З. А., Лавряшина, М. Б., Кузнецова, М. А., Схаляхо, Р. А., Чухряева, М. И., Балановская, Е. В., Балановский, О. П. Своеобразие генофонда сибирских татар (на примере пяти тобольско-иртышских популяций) // *История и культура татар Западной Сибири: монография*. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С. 30–36.
- 2 Агджоян, А. Т., Схаляхо, Р. А., Падюкова, А. Д., Юсупов, Ю. М., Балановский, О. П., Балановская, Е. В. *От Сибири до Крыма: особенности генофонда татар Евразии (крымских, сибирских, казанских, крымских, мишарей)* // *Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции*. – Казань, 2015. – С. 33–39.
- 3 Агджоян, А. Т., Балановская, Е. В., Падюкова, А. Д., Долинина, Д. О., Кузнецова, М. А., Запорожченко, В. В., Схаляхо, Р. А., Кошель, С. М., Жабагин, М. К., Юсупов, Ю. М., Мустафин, Х. Х., Ульянова, М. В., Тычинских, З. А., Лавряшина, М. Б., Балановский, О. П. *Генофонд сибирских татар: пять субэтносов – пять путей этногенеза* // *Молекулярная биология*. – 2016. – Т. 50. – № 6. – С. 978–991.
- 4 База данных лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра (Москва).
- 5 База данных лаборатории эволюционной генетики НИИ Медицинской генетики (Томск).
- 6 Балановская, Е. В., Агджоян, А. Т., Жабагин, М. К., Юсупов, Ю. М., Схаляхо, Р. А., Долинина, Д. О., Падюкова, А. Д., Кузнецова, М. А., Маркина, Н. В., Атраментова, Л. А., Лавряшина, М. Б., Балановский, О. П. *Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар* // *Вестник Московского университета. – Серия XXIII. «Антропология»*. – 2016. – № 3. – С. 72–82.
- 7 *Башкирские шежере / под ред. Р. Г. Кузеева*. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960. – 304 с.
- 8 *Башкирские родословные. Башкорт шежелере*. – Уфа: Китап, 2002. – 478 с.
- 9 Валеев, Ф. Т. *Сибирские татары. Культура и быт*. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 208 с.
- 10 Волков, В. Г. *Тюрки Томского Приобья в XVII – начале XVIII в. Этнотерриториальные группы и пути их формирования по данным археологии, антропологии и генетики* // *Милли-мэдэни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары (Национально-культурное Наследие. Татары Томской области)*. – Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2016. – С. 52–80.
- 11 Волков, В. Г. *К вопросу о миграциях и прародине кыпчаков. Генетический аспект* // *Золотоордынская цивилизация. Сборник статей*. – Вып. 9. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 298–306.
- 12 Волков, В. Г. *Некоторые вопросы истории и археологии кыпчаков в контексте генетических данных* // *Средневековая*

- история Деит-и-кыпчака : сборник материалов Международной научной конференции. – Астана, 2018. – С. 137–149.
- 13 Волков, В. Г., Каримов, А. А. Происхождение и родственные связи башкир родов Сальют, Терсяк, Сынян, Бикатин, Сырзы, Шуран по данным геногеографии // *История башкирских родов. Сальют, Терсяк, Сынян, Бикатин, Сырзы, Шуран.* – Т. 19. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2016. – С. 213–225.
- 14 Волков, В. Г., Каримов, А. А. Происхождение и родственные связи родоплеменного объединения Табын по данным генетических исследований // *История башкирских родов. Табын.* – Т. 28. – Ч. 3. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2018. – С. 224–247.
- 15 Волков, В. Г., Каримов, А. А., Амиров, И. А. Пермские башкиры и татары // *Материалы научно-практической конференции «Выдающиеся россияне – уроженцы Пермской земли, башкиры гайнинцы».* – Барда, 2019. – С. 21–41.
- 16 Волков, В. Г., Каримов, А. А., Сабитов, Ж. М., Юсупов, Ю. М. Происхождение и родственные связи родоплеменного объединения Кыпчак по данным генетических исследований // *История башкирских родов. Кыпчак.* Т. 34. Ч. 1. – Уфа : НОЦ «История башкирского народа» ИИГУ БашГУ, 2019. – С. 294–310.
- 17 Волков, В. Г., Тычинских, З. А., Лавряшина, М. Б., Балановская, Е. В. Генофонд сибирских татар в контексте археологических и исторических данных // *Коренные народы Сибири: история, традиции и современность : материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 4 октября 2019 г.) / отв. ред. О. П. Доможакова.* – Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2019. – С. 65–74.
- 18 Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- 19 Исхаков, Д. М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» Тайбугидов // *Золотоордынская цивилизация. Сборник статей.* – Вып. 2. – Казань : Фэн, 2009. – С. 117–121.
- 20 Катанов, Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // *Ежегодник Тобольского губернского музея.* – Вып. 5. – Тобольск, 1896. – С. 1–12.
- 21 Катанов, Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань, 1904. – 24 с.
- 22 Кухистани, Масуд бен Османи. История Абу-л-Хайр хана // *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений).* – Алма-Ата : Наука, 1969. – С. 141–171.
- 23 Маслюженко, Д. Н. Представители племени табын в системе сибирской государственности шибанидов // *Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири : сборник научных трудов.* – Астана : Мастер ПО, 2012. – С. 197–204.
- 24 Матвеев, А. В., Татауров, С. Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф.* – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 70–78.
- 25 Матвеев, А. В., Татауров, С. Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // *Вестник Томского государственного университета. Серия «История».* – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 78–83.
- 26 Миллер, Г. Ф. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // *Источники по истории Сибири досоветского периода.* – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 59–101.
- 27 Миллер, Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // *Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подготовка к изданию: А. Х. Элерт.* – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – С. 172–186.
- 28 Миллер, Г. Ф. История Сибири: [В 2 т.]. Т. 1. – 2-е изд., доп. – Москва : Восточная литература, 1999. – 630 с.
- 29 Миллер, Г. Ф. История Сибири: [В 2 т.]. Т. 2. – 2-е изд., доп. – Москва : Восточная литература, 2000. – 796 с.
- 30 Падюкова, А. Д., Лавряшина, М. Б., Кузнецова, М. А., Жабагин, М. К., Агджоян, А. Т., Схаляхо, Р. А., Тычинских, З. А., Балановская, Е. В. Генетический портрет тоболо-иртышских сибирских татар по гаплогруппам Y-хромосомы // *Генетика человека и патологии. Проблемы эволюционной медицины : сборник научных трудов / под ред. В. А. Степанова.* – Вып. 10. – Томск : Печатная мануфактура, 2014. – С. 59–61.
- 31 Падюкова, А. Д., Лавряшина, М. Б., Ульянова, М. В., Тычинских, З. А., Кузнецова, М. А., Агджоян, А. Т., Схаляхо, Р. А., Балановский, О. П. Изучение генофонда ясколбинских тоболо-иртышских татар по данным STR-маркеров Y-хромосомы // *Вестник Кемеровского государственного университета.* – 2014. – № 3 (59). – Т. 3. – С. 20–25.
- 32 Падюкова, А. Д., Агджоян, А. Т., Долинина, Д. О., Лавряшина, М. Б., Кузнецова, М. А., Схаляхо, Р. А., Балаганская, О. А., Ульянова, М. В., Тычинских, З. А., Балановский, О. П., Балановская, Е. В. Многообразие и своеобразие генофонда сибирских татар // *XIX Всероссийская научно-практическая конференция «Сулеймановские чтения».* – Тюмень : Печатник, 2016. – С. 208–210.
- 33 Радлов, В. В. Из Сибири. Страницы дневника. – Москва : Наука, 1989. – 750 с.
- 34 Сабитов, Ж. М. Тайбугиды в ханстве Абулхаир-хана // *Средневековые тюрко-татарские государства.* – Вып. 2. – Казань : Ихлас, 2010. – С. 32–36.
- 35 Сабитов, Ж. М. О происхождении казахских родов сары-уйсун, дулат, албан, суан, ысты, шапраиты, ошакты, сргелы // *The Russian Journal of Genetic Genealogy.* – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 94–98.
- 36 Сабитов, Ж. М. О происхождении казахского рода табын // *The Russian Journal of Genetic Genealogy.* – 2012. – V. 4, № 2. – P. 13–16.
- 37 Сабитов, Ж. М. К вопросу о гаплогруппах кичкаков // *Этногенез казахов: историко-генетический аспект.* – Алматы : Shejire DNA, 2014. – С. 311–321.
- 38 Сабитов, Ж. М. Алиины (алчи-татары) в истории Поволжья и Приуралья в XIII–XIX веках // *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.).* – Казань : Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 383–393.
- 39 Сальманов, А. С. Башкирское племенное объединение табын: вопросы формирования : дис. ... кандидата исторических наук. – Уфа, 2017. – 290 с.

- 40 Самигулов, Г. Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII в. // *Научный диалог*. – 2017. – № 1. – С. 183–203.
- 41 *Сибирские летописи* / ред. : Л. Н. Майков, В. В. Майков ; Императорская археографическая комиссия. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1907. – 462 с.
- 42 *Тюменское и Сибирское ханства* / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 506 с.
- 43 de Barros Damgaard P. et al., 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature*. 2018 May; 557(7705): p.369-374/ – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29743675-137-ancient-human-genomes-from-across-the-eurasian-steppes/> (дата обращения: 01.02.2020); Полные геномы. – URL: <ftp.sra.ebi.ac.uk> (дата обращения: 01.02.2020).
- 44 Fóthi, E., Gonzalez, A., Fehér, T., Gugora, A., Ábel Fóthi, A., Biró, O., Keyser, Ch. Genetic analysis of male Hungarian Conquerors: European and Asian paternal lineages of the conquering Hungarian tribes // *Archaeol Anthropol Sci* (2020) 12: 31. – Pp.1–21. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00996-0> (дата обращения: 01.02.2020).
- 45 Валиди, Т. Ә.-З. *Башкорттарзыңтарихы. Төркһәм татар тарихы*. – Өфө : Китап, 1994. – 352 с.

М. А. Грачев
Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

В. М. Костомаров
Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия

КУЛАРОВСКИЙ ГОРОДОК: ЛОКАЛИЗАЦИЯ НА МЕСТНОСТИ НА ОСНОВЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. Проблема локализации данных о размещении различного рода древних поселков является одной из острых в современной археологии, истории и источниковедении. Кроме этого в помощь историку предоставляются некоторые из современных методов, которые являются основой в междисциплинарных историко-географических исследованиях, наиболее частые – это методы анализа геоинформационных систем, а также дистанционного зондирования земли. Данный синтез позволяет выявлять и уточнять расположение исторических поселений.

Ключевые слова: картография, локализация, соотнесение, ГИС, ландшафтный анализ, городки.

Abstract. The problem of data localization of the placement of various types of the settlements is one of the most acute in modern archaeology, history and source study. In addition, a historian can use some of the modern methods, being the basis in interdisciplinary historical and geographical research. Among the most often used methods are the methods of the analysis of geographic information systems, as well as remote sensing of the earth. This synthesis allows identifying and specifying the location of historical settlements.

Key words: Cartography, localization, mapping, GIS, landscape analysis, hillforts.

В последние годы в западносибирской археологии эпохи позднего средневековья одной из актуальнейших проблем является локализация в современном географическом пространстве известных по летописям городков и поселений. При этом начало подобным работам было положено давно – Тон-тура, исследуемая В. П. Левашевой [2]. Также хорошо известен ряд исследований, посвященный таким памятникам, как Кызыл-тура и Тунусский городок [1].

Сама постановка проблемы – локализация на местности «летописных» городков говорит о ее комплексном характере. По сути, исследователи делают попытки соотнесения с известными или пока не открытыми археологическими памятниками поселения, известные нам из письменных источников. Для Западной Сибири ситуация осложняется тем, что данные об этих городках попали в летописи не от современников, видевших эти поселения, а из собранных легенд и преданий, частично устного фольклора. Кроме того, далеко не всегда в тексте летописи подробно описывается расположение поселений. С проблемой поиска «исторических мест» столкнулся уже Г. Ф. Миллер во время своей поездки по Сибири. Учитывая всё вышесказанное, особый интерес представляют карты из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова [6], которые очень удачно дополняют текст Ремезовской летописи. Учитывая сам характер источника – карты, возможность соотнести их с текстовым описанием, оставленным автором карты, повышают шансы на успех в поиске «городков» на местности. Однако тут исследователь сталкивается с первичной процедурой критики источника, а именно соответствия данных, приводимых в картах, как с исторической действительностью того времени, так и с современными условиями [3, с. 138–139].

В «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера XVIII в. и в «Записках Путешествия» академика И. П. Фалька 1824 г. также встречаются упоминания об этих местах и укреплениях [4, § 61–62, с. 260; 7, с. 392]. Куларовский воинский городок был специально укреплен ханом Кучумом для защиты от набегов калмыков. Располагался он на берегу старичного озера, недалеко от Иртыша.

Сравнение карты С. У. Ремезова, где нанесен Куларовский городок, и участка современной карты Омской области показало, что характерный ландшафт, показанный картографом, соответствует окрестностям д. Малые Кулары (рисунок 1). Продолжительные археологические исследования, проводившиеся в окрестностях этой деревни и соседних сёл Петрово и Кипо-Кулары, не выявили археологических памятников, которые можно было бы соотнести с «Куларовским воинским городком». Здесь вообще не известно памятников эпохи позднего средневековья. Г. Ф. Миллер считал, что этот городок располагался на западном берегу реки Иртыш при озере Аусаку, где при нём была татарская деревня Куллар-аул. А. Ф. Палашенков, основываясь на данных Миллера, локализовал этот городок на месте деревни Малые Кулары (Нагорное). Так, например, отмечается, что, продвигаясь на юг по Иртышу, Ермак дошел до укрепления Кулары (Малые Кулары I), на западном берегу Иртыша при оз. Аусаку. Кулары были сильно укреплены: «И во всем вверх Иртыша крепче его нет». Кулары служили хану Кучуму для защиты границ против калмыков. Ермак сделал попытку взять Кулары, но постояв под крепостью пять дней, он отложил овладение ею до более благоприятного времени: «Назад де воротясь, приберем» [5, с. 89].

В 2004 г. экспедицией Музея археологии и этнографии ОмГПУ был организован поиск этого городка. Тогда была осмотрена терраса Иртыша на протяже-

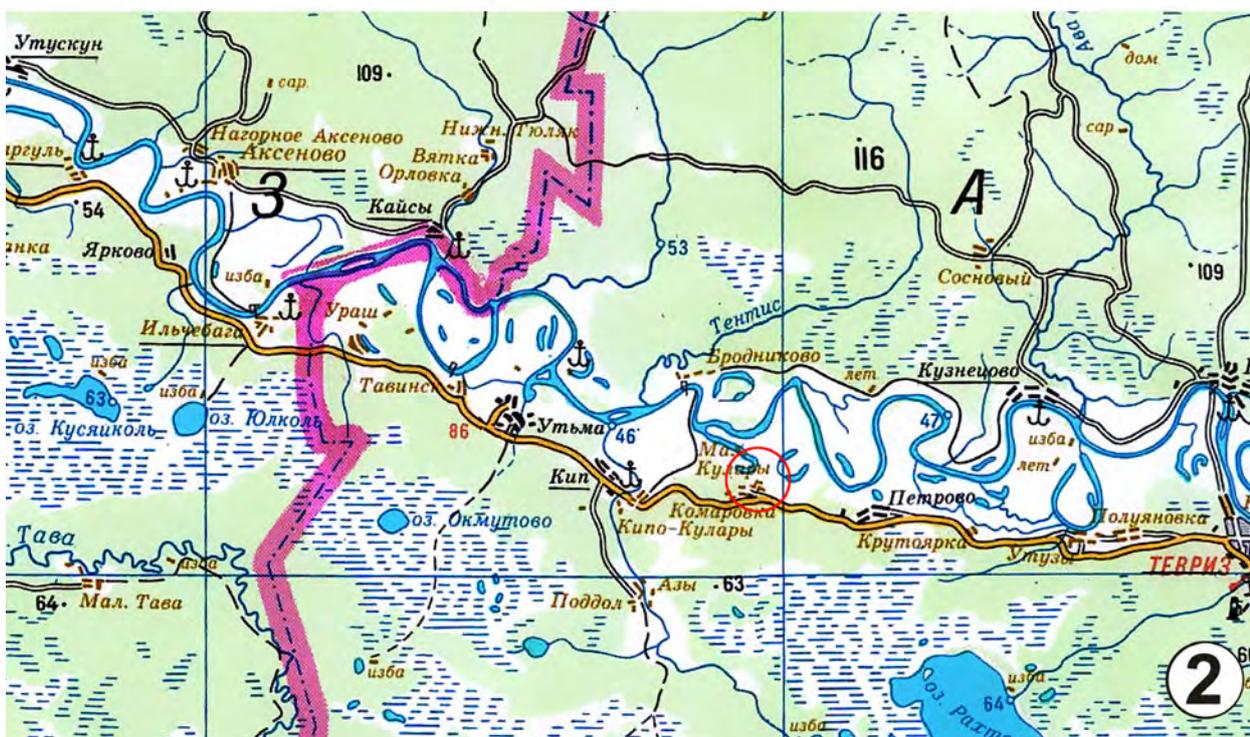

Рисунок 1 – Фрагмент карты из Хорографической чертежной книги С. У. Ремезова (1) и фрагмент современной географической карты в районе д. Кип и Малые Кулары (2)

нии от д. Кипо-Кулары, до д. Малые Кулары, также работы проводились в пойме Иртыша. Было установлено, что местность очень точно соответствует ситуации, зафиксированной С. У. Ремезовым. Согласно его карте из «Хорографической книги Сибири» «Куларовский во-

инский городок» должен располагаться на месте Малых Кулар или где-то поблизости. Для прояснения ситуации был произведен опрос среди местных жителей и осмотр высоких мысов и террасы от с. Петрова до с. Кипо-Кулары.

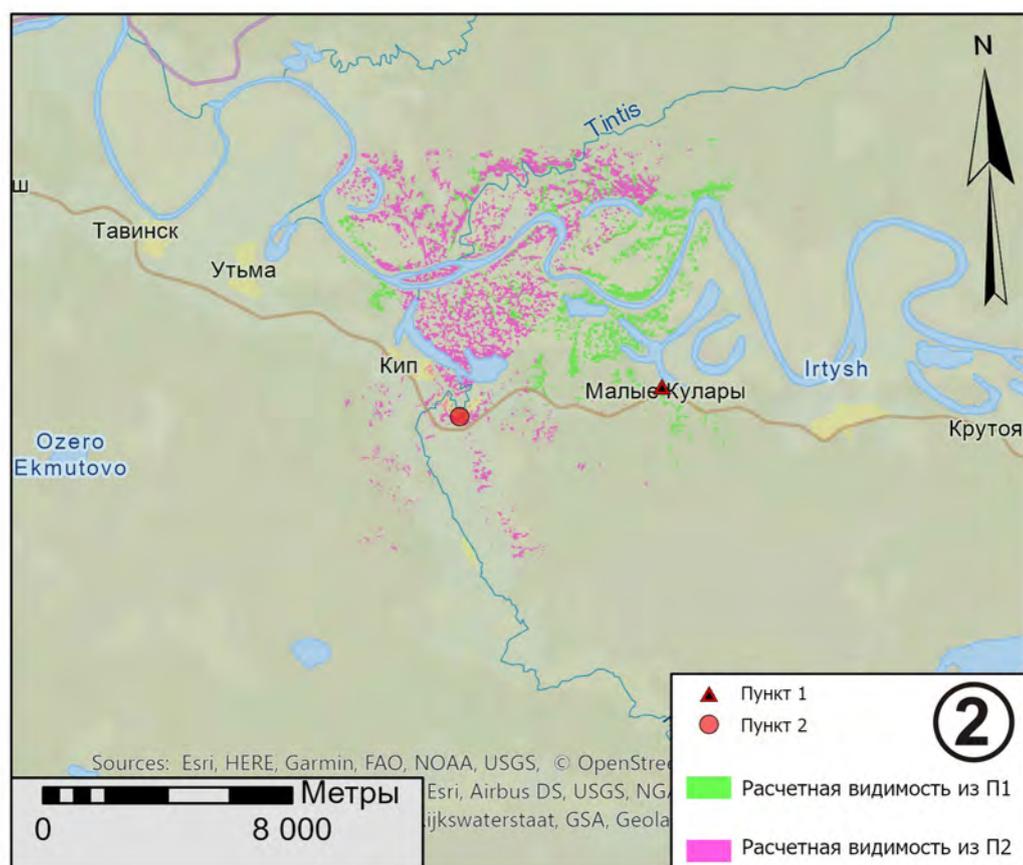
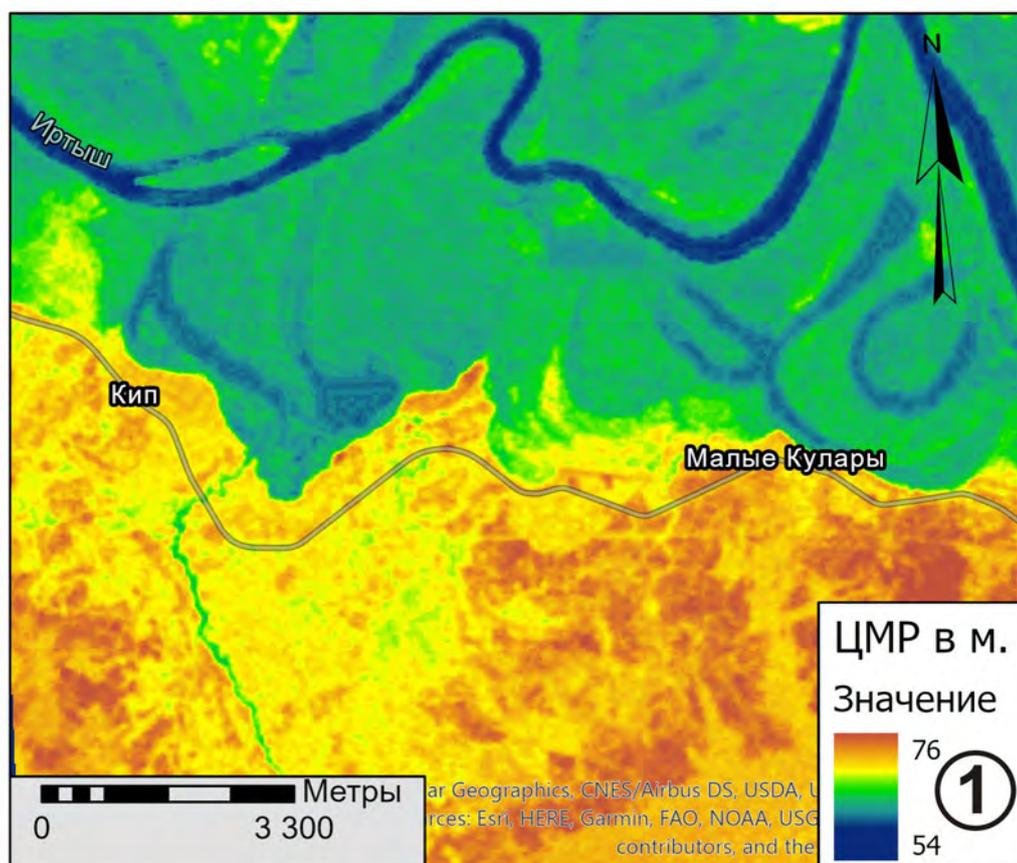

Рисунок 2 – Цифровая модель рельефа в окрестностях участка расположения Куларовского городка (1) и расчетные зоны видимости из мест потенциального и фактического местонахождения (2)

Местные жители сообщали о частых находках металлических предметов на огородах, в том числе и различных монет. По их словам, монеты пользуются большим спросом у проезжих, а прочие предметы, в том числе и металлические, они просто выкидывают на свалку за ненадобностью. Монеты предлагали купить и членам отряда (с надписью Николай I, более подробно рассмотреть не удалось, в руки не передавали). О находках керамики сообщили, что она попадается нечасто. Гораздо чаще школьники находят фрагменты глиняной посуды на «Девичьем городке», расположенном в 1,5 км от деревни в сторону с. Петрово. На указанном расстоянии у моста через ручей обнаружено городище Петрово II, исследованное в 1967 году В. А. Могильниковым и датированное им развитым средневековьем.

Отсутствие в данном районе известных позднесредневековых памятников позволяет согласиться с точкой зрения А. Ф. Палашенкова о размещении «Куларовского воинского городка» под усадьбами современной д. Малые Кулары. Вполне возможно, что татарское население живёт здесь непрерывно со времени существования летописного укрепленного поселения. Это подтверждается и находками археологических предметов на огородах. Такое долгое существование поселения на одном месте могло приводить к регулярному переотложению культурного слоя Куларовского городка и его разрушению. Сейчас предполагаемая территория памятника активно перекапывается и распахивается под приусадебные огороды. Изучение памятника практически невозможно, у местных жителей не удалось получить разрешения даже на закладку разведывательного шурфа. С другой стороны, налаженная торговля монетами, найденными жителями деревни на огородах, заставляет опасаться проникновения в их среду информации о возможных археологических предметах, залегающих в нижних слоях культурного слоя.

Получив информацию практического характера, зачастую археологу или историку трудно ее сопоставить с реальностью прошлого, но современные технологии позволяют определить те черты, которые наиболее присущи локализации подобных объектов в рельефе. Используя современные методы ГИС-анализа, можно дополнить имеющиеся письменные знания некоторыми научными наблюдениями, которые в последствии

помогут при продолжении работ по данному направлению. Используя уже проверенную информацию и обе рабочих гипотезы, нами сделана попытка формализовать полученные вводные и определить ландшафтные приоритеты и признаки искомых объектов.

Несомненно, данные со спутников имеют достаточно выраженный приоритет над традиционными картами, кроме этого нам доступны данные дистанционного зондирования поверхности земли, которые опосредованно могут помочь в анализе логики размещения того или иного городка. Для начала мы рассмотрели окрестности и площадку деревень Кипо-Кулары и Малые Кулары с позиций ландшафта и рельефа, которые отражены в цифровых моделях. Это позволило определить основные гипсометрические показатели размещения этих двух точек и выявить явный приоритет у локализованного поселка. Затем для уточнения чистоты горизонта и открытых участков береговой линии была построена растровая температурная модель на основе спутниковых многоканальных изображений Landsat для верификации данных рельефа. Здесь достаточно четко выделяются открытые участки, которые прогреваются лучше и имеют более высокий температурный индекс. Следующим этапом стала проверка гипотезы визуальной обороноспособности данного городка и сравнение его с гипотетическим местом размещения у д. Кипо-Кулары. Модуль расчета видимости с учетом рельефа показал, что выявленный объект где располагался Куларовский городок выгоднее с позиции контроля поймы и русла Иртыша, имеет более широкий обзор (рисунок 2).

Таким образом к полученной исторической информации и материалам, подтверждающим рабочие гипотезы, в ходе археологической разведки мы применили ряд операций, связанных с пространственным анализом, и получили подтверждение приводимым исследователями характеристикам. При этом нам удалось уточнить, что для размещения такого городка выгодная высотная позиция связывалась с более широкой зоной контроля, что скорее всего было присуще для большинства форпостов позднего средневековья. Весь комплекс данных позволит в дальнейшем усовершенствовать предварительную методику оценки территории и верификацию ее в рамках полевых работ.

Список источников и литературы

- 1 Данченко, Е. М., Горькая, О. Е., Грачев, М. А., Колесникова, И. М. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // *Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»*. – 2001. – Вып. 5. – С. 76–89.
- 2 Китова, Л. Ю. В. П. Левашова как археолог Сибири // *Археология Сибири: историография и источники*. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 1996. – С. 96–104.
- 3 Корандей, Ф. С., Рассказов, С. В. Историко-географический атлас Юго-Западной Сибири: опыт картографирования Тюменсковерхотурской дороги, 1666–1771 гг. // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. – 2017. – № 1. – С. 137–146. – DOI:10.15356/0373-2444-2017-1-137-146.
- 4 Миллер, Г. Ф. *История Сибири*. Т. I. – 2-е изд., доп. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.
- 5 Палашенков, А. Ф. *Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири*. – Томск, 1979. – С. 83–115.
- 6 Ремезов, С. У. *Хорографическая чертежная книга Сибири*. – Тобольск : Общественно-благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 344 с.
- 7 Фальк, И. П. *Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента*. Т. 6. – Санкт-Петербург, 1824. – 563 с.

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ НА ЧЕРТЕЖАХ С. У. РЕМЕЗОВА

Аннотация. В статье ставится проблема «пустынности» территории Среднего Притоболья на чертежах С. У. Ремезова в плане фиксации автохтонного тюрко-татарского населения. Рассматриваются возможные причины этого феномена: военно-политическая нестабильность; роль этой территории в качестве общих мест сезонных кочевков и «зверовий»; субъективные факторы в картографическом отображении этой территории.

Ключевые слова: Ремезов, чертежные книги, чертежи, Среднее Притоболье, тюрко-татарское население.

Abstract. The problem of “absence of human life” of the Middle Pritobolye territory on S.U. Remezov’s maps concerning the mapping of autochthonous population is raised in the article. Possible causes of this phenomenon are considered: military and political instability; the role of this territory as common places for seasonal nomadic migration and hunting; subjective factors in map-making of this territory.

Key words: Remezov, map books, maps, Middle Pritobolye, turkic-tatar population.

Картографическое наследие семьи Ремезовых является ценнейшим и в значительной мере еще не освоенным современной наукой комплексом источников. Главным препятствием для полноценного вовлечения этого источникового массива в научный оборот является сложность интерпретации содержащейся в нем информации. Карты Ремезова (как и все остальные русские карты-чертежи XVII – начала XVIII столетий) являются не столько географической проекцией актуальной на тот момент исторической информации, сколько продуктом сложного синтеза существовавших в то время пространственных представлений и стереотипов, несовершенства картографических средств выражения пространственной информации, специфики источников ее получения, индивидуальных особенностей создателей картографических работ, и т. д. Все это следует учитывать при работе с данным источником, и это же создает ряд проблем в прочтении и интерпретации информации, отображенной на чертежах.

Особый исследовательский интерес представляют те факты картографических произведений Ремезовых, которые не имеют однозначной и убедительной интерпретации, исходя из известных нам исторических данных. К числу таких загадок можно отнести одну особенность отображения на картах Ремезова территории Среднего Притоболья (в атласах Ремезовых содержится несколько чертежей по территории Среднего Притоболья: в «Хорографической книге» 29, в «Чертежной» – 6), а именно практически полное отсутствие здесь указаний на автохтонное тюрко-татарское население. Единственное изображение юрт на изучаемой нами территории – это Ичкинские юрты на Исети. Если соседние регионы довольно хорошо представлены на картах Ремезова многочисленными значками юрт, обозначениями границ ясачных волостей и угодий, местной (тюркской и угорской) топонимикой, то территория по среднему течению реки Тобол в этом плане выглядит настоящим белым пятном. Причем никаких очевидных объективных (ландшафтных или иных природно-географических) при-

чин для такой пустынности нет. Представляется необходимым постараться найти этому факту убедительную интерпретацию.

Возможные объяснения этому условно могут быть разбиты на две группы. В рамках первой – пустыньность Среднего Притоболья на чертежах Ремезова является следствием реального отсутствия сколько-нибудь значительных групп местного населения на данной территории, что в свою очередь требует поиска конкретно-исторических причин для возникновения подобного феномена. В рамках второй группы версий – никаких серьезных отличий Среднего Притоболья от соседних территорий в реальности нет, а наблюдаемая специфичность отображения его на чертежах является результатом особенностей источников информации или иными субъективными обстоятельствами. Проанализируем данные группы версий на предмет их возможной причинной связи с фактом пустынности Среднего Притоболья на чертежах Ремезова.

Если рассматривать отсутствие местного автохтонного населения по среднему течению реки Тобол (включая сюда прилегающие территории междуречий) к рубежу XVII–XVIII веков в качестве реального факта, то напрашивается сразу несколько возможных ему объяснений. Во-первых, для самого существования поселенческой структуры того типа, к какой относятся полуоседлые тюрко-татарские группы Урала – Западной Сибири, нужен определенный уровень военно-политической стабильности. Территория Среднего Притоболья в течение всего XVII века напротив являлась зоной активного этнополитического противостояния и острых военно-политических конфликтов, что никак не могло способствовать закреплению здесь местного населения. Активные действия на этой территории русских служилых людей, а также царевичей-Кучумовичей, калмыков, башкир (в ходе так называемых башкирских восстаний), а с конца XVII века – киргиз-кайсаков (казахов) и каракалпаков (иногда с целенаправленным захватом и уводом в степь всех найденных здесь людей) естественным об-

разом приводили к уходу местного населения в места, более защищенные ландшафтно-географически и/или политически. Во-вторых, источники XVII столетия (прежде всего русская административная документация) показывают, что многие районы по Среднему Притоболью являлись для тюрко-татарского и даже русского населения общими местами сезонных зверовий и прочих видов промысловой деятельности [2, с. 66–67]. Кроме того, при том уровне конкуренции за промысловые угодья это едва ли могло способствовать стремлению закрепиться здесь без должных к тому средств и возможностей.

Теоретически отсутствие сколько-нибудь выраженных следов автохтонного населения на территории Среднего Притоболья на ремезовских чертежах может диктоваться и особенностью использованных при их создании источников информации. Для большей части Сибири XVII века основными источниками учета автохтонного населения были списки служилых людей (для служилых татар) и ясачные книги (для ясачного населения). Можно предполагать, что Ремезовы использовали подобные документы при составлении чертежей и отображения на них мест расположения автохтонного населения, тем более, что Тобольск (основное место картографической деятельности Ремезовых) долгое время являлся административным центром Сибири и, соответственно, местом сосредоточения учетной документации по сибирским уездам. Однако значительная часть территорий по среднему течению реки Тобол и прилегающих к нему междуречий долгое время была на положении глубокой периферии для русской администрации. Ее основные интересы были связаны с ведущими на восток речными магистралями и ареалами обитания ценных видов пушного зверя, которые находились гораздо севернее. По этой причине небольшие группы местного населения вполне могли и не попасть в орбиту ее внимания и остаться неизвестными для источников того времени.

Нам представляются наиболее вероятными объяснения из первой группы версий, т. е. военно-политическая нестабильность региона. Чтобы разобраться в данной проблеме, попытаемся вкратце описать ситуацию в обоих доступных нам атласах.

В «Хорографической книге» есть несколько чертежей Миасса и Исети, на которых изображены территории современных Тюменской, Челябинской и совсем немного – Курганской области (чертежи из серии «Миасс» и «Исеть» № 24–27, и 30–36). На данных картах представлено большое количество юрт, но почти все они отмечены у истоков данных рек (территории современных Челябинской и Свердловской областей). Продолжение чертежей Исети (т. е. уже ближе к ее впадению в Тобол) не имеют практически никаких указаний на проживание здесь татарского населения, кроме возможных указаний на то, что когда-то оно тут проживало. Это получило свое выражение в топонимике чертежей: озера с окончанием «-куль», единичные случаи написания «карагай» в изображениях бора, некоторые названия рек. Такая

же ситуация с чертежами реки Тобол, при наличии следов тюркской топонимике значки юрт здесь не встречаются.

В отличие от Миасса, Исети и одной карты речки Синары, на удивление бедно представленных на чертежах Ремезова (нет столь красочных подробностей, характерных для отображения других территорий), Тобол представлен куда более подробно: отмечены такие слободы как Царекурганская (в «Хорографической» – Царево Городище), Белозерская, Иковская, Утяцкая, Камыцкая, Мехонская, Шадринская, Катайская, Заимка Далматова, а также другие населенные пункты, причем исключительно русского населения.

Значки юрт отсутствуют на территории Среднего Притоболья и в «Чертежной книге» Ремезовых, так же, как и любые другие возможные указания на проживание в данном регионе аборигенного населения. Поскольку в данном атласе карты, на которых присутствует территория современной Курганской области, мелкомасштабны, говорить о какой-либо подробной информации вряд ли представляется возможным. В целом (что опять же касается только изучаемого региона), кроме Тобола, Исети, Миасса, более мелких притоков, крупных озер и основных населенных пунктов, т. е. Царева Городища и некоторых слобод, никакой другой информации нет. На «Чертеже Тобольского города» (мелкомасштабная карта, затрагивающая все соседние Тобольску территории) так же, как и на картах из серии «Река Тобол» в «Хорографической книге» встречается тюркская гидронимика – изображены озера Семискуль, Сазыкуль, Травыкуль и некоторые другие [1, л. 8]. Юрт здесь по-прежнему нет, хотя на близлежащей территории течения реки Вагай их сразу несколько. То есть списать отсутствие значков юрт на мелкомасштабность карты (когда, казалось бы, кроме самых крупных объектов Ремезов не изображал ничего) нельзя.

Взяв в качестве возможного объяснения выявленной проблеме (почему Ремезов не обозначил автохтонное население?) перманентную военную опасность со стороны казахов, каракалпаков, башкир (особенно, башкир), а чуть ранее – в первой половине – середине XVII в. – калмыков, необходимо ответить на один крайне важный вопрос: почему военные столкновения, которые к концу XVII – началу XVIII вв. только усилились, не получили практически никакого отображения на картах? Ни одного упоминания о каких-либо военно-политических конфликтах русских с местным населением (если таковое имелось) или с башкирами и казахами нет. Единственным исключением является так называемое «побоище Шульгино», отмеченное Ремезовым на нескольких чертежах в обоих атласах. Почему именно эта битва получила свое отображение в атласах – вопрос, требующий отдельного изучения (несмотря на наличие специальной работы, посвященной отображению битвы при Семискуле 1693 года на чертежах Ремезова, вопрос о мотивах этого отображения так и не был поставлен [3]).

В предисловии к «Хорографической книге»

С. У. Ремезов привел содержание нескольких документов, в том числе указа государя о написании чертежей Сибири, и доездов Ремезова, сделанных по данному указу. В своих отчетах о проделанной работе (так называемых доездах) картограф указал, что написал на личной чертеж, проезжая вверх по Тоболу до реки Абуги (Убаган) и до Казачьей Орды, при этом расспрашивая «всяких чинов людей старожилков, ведомцов, бывальцов, выходцов и полоняников русских и иноземцов бухар и татар и калмыков», и отмечая на чертежах «остроги и слободы и деревни и ясашные волости» [4, л. 1]. В следующем же «Доезде по грамоте великого государя» автор уточнил, что «сын боярский Семен Ульянов сын Ремезов вверх по Тоболу рекам ездил и описал а дальние степи по допросу написал» [4, л. 1 об.]. В данных доездах нам интересно три момента: во-первых, очень важно то, что Ремезов сам проехал вверх по Тоболу (от устья к его истоку на территории современного Северного Казахстана) и лично описал все населенные пункты, реки и озера; во-вторых, то, что источником информации для него были не только личные наблюдения, но и расспросы местного населения, а также «иноземцов бухар и татар и калмыков», и в-третьих, что одной из целей этих доездов была фиксация не только русских слобод, острогов, деревень и т. д., но и ясачных волостей. Однако отображение Тобола в «Хорографической книге», составленное по результатам этого доезда, ни ясачных волостей, ни юрт не фиксирует.

Кроме того, в предваряющих «Хорографическую

книгу» документах, возможно, кроется и ответ на вопрос, почему чертежи самого Тобола значительно отличаются от чертежей его притоков, в том числе, Миасса и Исети, а некоторые из чертежей этих рек, написанные по «допросу», отличаются не только скудостью информации, но и картографическим стилем, и даже почерком. Если предположить, что течение Тобола отображалось самим С. У. Ремезовым, а Исеть с Миассом – его сыновьями (или, в крайнем случае, совместно), то наблюдающиеся различия в картографическом отображении разных частей Притоболья могут являться следствием различного авторства представляющих их чертежей.

Таким образом, наиболее вероятной причиной «пустынности» территории Среднего Притоболья в плане отображения на чертежах Ремезова постоянного автохтонного населения можно считать реальное его здесь отсутствие. Главным фактором этого, по видимому, являлся высокий уровень военно-политической нестабильности. Хотя данная территория могла оставаться местом сезонных кочевий, охоты и других промыслов, с эпизодическим появлением здесь небольших групп местного населения, это едва ли могло послужить поводом к включению Ремезовым тюрко-татарского населения в свои чертежи. Учитывая то, что на картах им было принято отмечать в основном то, что имеет относительно четкую локализацию и хотя бы некоторую долговременность, отсутствие юрт на чертежах получает довольно логичное объяснение.

Список источников и литературы

- 1 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцевой). № 346. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 г. С. У. Ремезовым и его сыновьями.
- 2 Маслюженко, Д. Н., Самигулов, Г. Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. // *Вопросы истории*. – 2017. – № 1. – С. 57–72.
- 3 Тихонов, С. С. «Доезд Струнина 7203 году...» в «Хорографической книге...» С. У. Ремезова и сведения по географии и истории Сибири // VIII Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Менициков. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – С. 22–27.
- 4 Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. – Тобольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Сибири», 2011. – 692 с.

А. Ю. Конев

Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия;
НОЦ «Наследие», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

И. Д. Пузырев

НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЧЕЛНОЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ БУХАРЦЕВ НА СИБИРСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В КОНЦЕ XVI – XVII ВВ.

Аннотация. На основе анализа документов Сибирского приказа (РГАДА) и копийных книг Г. Ф. Миллера (СПФ АРАН) авторы статьи приходят к выводу, что выходцы из Средней Азии могли выступать как разведчики и как посредники – агенты «челночной дипломатии», практиковавшейся сибирскими воеводами в отношениях с соседними государствами и политическими объединениями на сибирском пограничье. Это посредничество выражалось в участии бухарцев в переговорном процессе в роли переводчиков, включении их в состав русских посольств и в присутствии их на дипломатических церемониях.

Ключевые слова: Бухарцы, Сибирь, челночная дипломатия, воеводское управление.

Abstract. Based on the analysis of the Siberian Chancellery documents (RGADA) and copies of the documents from the Siberian archives made by G. F. Muller (SPF AРАН) the authors come to the conclusion that Central Asian natives could be intelligencer and intermediaries-agents of “shuttle diplomacy” practiced by Siberian governors (voivodes) in relations with neighboring states and political alliances over the Siberian frontier. This mediation was expressed in the participation of Bukharians in the negotiation process as interpreters, their inclusion in the Russian embassies and their presence at the diplomatic ceremonies.

Key words: Bukharians, Siberia, shuttle diplomacy, voivode ruling.

Одной из наиболее мобильных и заметных групп населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв. были бухарцы. Так обобщенно в русскоязычных источниках того времени именовали выходцев из Средней Азии. В данной статье предлагается проанализировать сведения источников о разведывательной деятельности сибирских бухарцев, а также, через призму понятия «челночная дипломатия», охарактеризовать их участие в реализации внешней политики России. Понятие «челночная дипломатия» обозначает один из способов выстраивания отношений между внешнеполитическими акторами путем серии переговоров с участием посредника. В исторической науке оно ещё не формализовано и для характеристики соответствующих процессов в сибирском регионе конца XVI – XVII вв. не использовалось.

Историки С. В. Бахрушин, Х. З. Зияев, С. Н. Корусенко, А. К. Бустанов и Э. Монахан касались активности поселившихся в Сибири бухарцев преимущественно в социально-экономической и религиозной сферах, их роль в пограничной дипломатии России до сих пор не была предметом специального исследования. Предлагается подойти к осмыслению феномена «разведки» и посредническо-дипломатической роли бухарцев через изучение следующих аспектов русской политики на востоке в указанный период: 1) инкорпорация сибирских «иноземцев» в структуру Российского государства; 2) взаимодействие России с казахскими жузами; 3) выстраивание отношений России с государством Алтын-ханов и Джунгарией.

1 Бухарцы и Кучумовичи

В конце XVI – начале XVII в. в период утверждения русской власти бухарцы наряду с другими груп-

пами индигенного населения Сибири воспринимались русскими как «иноземцы». Ещё в наказе тарскому воеводе Ф. Б. Елецкому 1595 г., в условиях сохраняющейся опасности со стороны хана Кучума и его наследников, тарским воеводам предписывалось докладывать о приезде бухарцев. «А как они исторгуются, и их отпущати не издержав. А которые будут торговые люди похотят идти мимо новый город в сибирские города, в Тоболской или в Тюмень, торговати всякими товарами или лошадьми, и з животиною, и их потому ж пропускати и береженье к ним держати. А только будут бухарцы учнут приезжати из Бухар о которых государевых и о земских о тамошних делах, и воеводе князю Федору и голове Василью о том отписывати ко государю» [6, оп. 1, д. 11, л. 7].

Понимание того, что бухарцы могли поддерживать связи с ханом Кучумом, и осознание потенциальной опасности этих отношений привело к появлению предписания: «А как бухарские или нагайские торговые люди с товары на Тару приедут, а похотят у вас в городе каким делом быти, и вы б им у себя велели быть. И в тое б пору у вас в городе и в остроге было людно, и служивые б люди, литва и казаки, и стрельцы, стояли с оружием» [6, оп. 1, д. 11, л. 20]. Бухарцев предписывалось не допускать в укрепленную часть города: «А торговати б есте бухарцом и всяким иноземцом велели за городом, в посаде или за посадом, где будет пригож» [6, оп. 1, д. 11, л. 20].

В царской грамоте тому же тарскому воеводе 1596 г. отмечалось: «А рассказывали б бухарцом и нагайцом, что сибирские города добре людно и ничем не нужны для того, что писали к нам из Сибири в вестовых грамотах, что Кучом царь з бухарцы и с нагайцы ссылаетца и умышляет вместе, и хотят на

наши сибирские города приходити» [6, оп. 1, д. 11, л. 21об.].

Опасения по поводу контактов южных кочевников с бухарцами стали общим местом в наказах тарским воеводам. Соответствующее положение повторено в новом царском наказе тарскому воеводе Я. И. Старкову 1599 г.: «про Авлея мурзу велели проведывати, где ныне Авлея мурза с нагаи кочует, и в котором месте, и сколько с ним нагайских людей, и что его умышление, и нет ли у него з бухарским ссылкой» [6, оп. 1, д. 11, л. 57об.]. Необходимость выяснения связей бухарцев повторена в 1605 г. в наказе новому тарскому воеводе С. И. Гагарину: «И про нагайских людей и про колмаки белые и черные велели проведывать <...> нет ли у них з бухарским и с юргенскими людьми ссылкой» [6, оп. 1, д. 11, л. 92].

По мнению В. В. Трепавлова, появление предписания о недопущении осмотра бухарцами городских укреплений в сибирских городах говорит о вероятности их шпионажа в пользу Кучума и Кучумовичей [10, с. 35]. Действительно, грамотой в Тару 1596 г. указывалось: «А с того б есте над бухарцы и над нагайцы велели смотреть и беречь накрепко, что бухарцы и нагайцы в городе никаких крепостей и людей не рассматривали и не лазучили, и с русскими людьми и с татарами, опричь торговли, никоторых розговорных речей не говорили» [9, с. 107]. На наш взгляд, шпионаж можно считать установленным, о чем будет сказано ниже.

Будучи заинтересованы в торгово-посреднической деятельности бухарцев и понимая удобство их положения для сбора информации на территории вероятного противника, тарские воеводы в свою очередь привлекали этих торговцев к разведывательной деятельности в пользу России. Текст царской грамоты 1608 г. тарскому воеводе И. В. Мосальскому свидетельствует, что бухарцы выступали источником таких сведений для воеводской администрации: «А бухарцы Мулларапка и Алияр им [воеводам] сказали, что они в колмаках Изенею-тайши и Баатырю-тайши и иным тайшам давали однорятки и иную рухлядь <...> А как де их, Мулларапка, Алиярка, Изинелей и Баатырь, отпустили на Тару, и говорили де им, что они нашей царской милости жадны, а идут воевати Казацкой орды, а жены свои и дети и весь живот свой, обнадежась на нашу царскую милость, оставливают в улусех блиско Тарсково города» [6, оп. 1, д. 11, л. 125].

Судя по всему, на протяжении первой половины XVII в. бухарцы оставались «двойными агентами», работавшими в том числе и в пользу Кучумовичей. Данные об их разведывательной деятельности содержится в себе отписка в Сибирский приказ тобольских воевод И. И. Салтыкова и М. С. Гагарина 1645–1646 гг. [6, оп. 3, стб. 455, л. 484–702; 1, с. 158–166]. Отписка была создана в связи с отчетом о посольствах тобольского сына боярского Степана Кобылинского и казачьего головы Гаврилы Грозина к сибирскому царевичу – внуку хана Кучума – Девлет-Гирею (ум. после 1655 г.) В ходе посольства Гавриилу Грозину удалось собрать сведения о положении в улусах Кучумови-

чей, в частности, о роли бухарцев, регулярно посещавших Тобольск по своим торговым делам и сообщавших Девлет-Гирею сведения разведывательного характера.

Отметим, что информация о деятельности и настроениях бухарцев интересовала, помимо тарских, прежде всего, тобольских воевод. В отписке воевод И. И. Салтыкова и М. С. Гагарина пересказывается инструкция данная послам: «велели сыну боярскому Степану Кобылянскому с товарищи, будучи у Девлеткирея в улусех, выведывать всякими мерами, сколько с ним з Девлеткиреем кочуют в улусех воинских людей и государевых изменников тарских и тюменских татар <...> и в Тоболск он послов своих посылает не обманом ли и не для подговору и измены тобольских юртовских татар и бухарцов» [6, оп. 3, стб. 455, л. 687]. По сведениям Г. Грозина, которые передали в Москву в отписке тобольские воеводы, бухарцы снабжали Кучумовичей оружием: «бухарцы ездят от царевича в Сибирь в Тоболск и ис Тоболска к нему с товары, и те де бухарцы все приезжают для проведыванья вестей, и выведав, про все царевичу сказывают, и привозят к нему из сибирских городов и с Тоболска, и с Тюмени, и с Тары порох, и свинец, и пансыри, и ружье доброе, и смуты великие от них чинятца, для того Девлеткирей их и бережет, и дает им ласку, и ни в чем их не изгоняет. А в прошлом во 153 [1645] году бухаретин Рымбали с товарищи привез к Девлеткирею царевичу пищаль» [6, оп. 3, стб. 455, л. 696].

В то же время сибирские бухарцы, будучи заинтересованными в свободных и безопасных торговых операциях на российском пограничье, сообщали сведения о готовящихся походах Кучумовичей, калмыков, казахов и джунгар на сибирские города. Например, тому же посольству Г. Грозина 1646 г. удалось выяснить от бухаретина Узбаку, что Девлет-Гирей с князем Аялыных татар Тарского уезда Кочашом Танатаровым «похвалялся приходити на Тюменский уезд войною» [6, оп. 3, стб. 455, л. 685].

2 Бухарцы в Казахской степи

Важным направлением пограничной активности бухарцев были казахские степи. На этом направлении особенно заметна работа тобольского воеводы П. И. Годунова. По данным Г. Ф. Миллера, именно этот тобольский воевода в 1670 г. составил «ведомость» (к сожалению, не дошедшую до нас), где были собраны рассказы бухарцев, отправлявшихся в казахские, калмыцкие и монгольские степи [4, с. 171].

Вместе с тем, источники позволяют говорить о том, что бухарцы были информаторами не только тобольских, тюменских и тарских воевод, но и казахских ханов. В 1691 г. в Тобольск вернулся из экспедиции к Ямышеву озеру стольник и письменный голова Павел Шарыгин с ратными людьми, привезший с собой «Казачьей орды мурз Килдея да Сару». Из допроса мурз видно, что бухарцы, торгующие на российском пограничье, могли выступать двойным каналом информации: «Килдей сказал с тобольскими же слу-

жилыми и захребетными татары за дальностию Тевкихан их и они мурзы письмами не ссылаются да и ссылаются им за дальностию невозможно а всякие же ведомости переносятся к Тевкихану от бухарцов которые бывают для торгу в Тоболску и у Ямышева озера» [8, оп. 4, д. 12, л. 169].

3 Бухарцы и государство Алтын-ханов и Джунгария

Привлечение бухарцев воеводской администрацией к разведывательной деятельности было характерно не только для Тары, Тюмени и Тобольска. Крупные бухарские поселения сложились с начала XVII в. Томске и его окрестностях. На основе изучения документов Томской воеводской избы И. И. Тыжных пришел к выводу, что в 1624 г. томские воеводы привлекли бухарцев к решению пограничных вопросов с енисейскими киргизами. В 1622 г. киргизы «открыто восстали и сделали нашествие на кузнецкий присуд, разорив волость абинских татар, а затем вторглись в Томские волости и угрожали Томску. По малолюдству гарнизоном томские воеводы не надеялись удержать город и обратились к посредничеству бухарских купцов, проживающих в городе. К киргизам было отправлено посольство, чтобы узнать о причинах их недовольства. Они представили целый ряд жалоб» [11, с. 89].

Из отписки тюменских воевод к тобольским воеводам 1623 г., сохранившейся в составе тюменской копийной книги, следует, что к калмыцким тайшам были посланы тобольские татары и бухарцы: «в нынешнем во 131-ом году посланы к калмыцким тайшам к Талай тайше в верхней Утек из Тоболска сын боярский Дмитрий Черкасов да вож Килмаметко Бегишев, да с Тюмени служилые люди Лазарко Васильев, Офонка Табанак, да вож Карабашко Ишимов» [7, стб. 447–448]. И Бегишев, и Ишимов упоминаются в отписке как «вожи», т. е. провожатые, знатоки местности. Кроме того, они, возможно, участвуют в процедуре оглашения «жаловального слова»: «и он Дмитрей с товарищи учал по наказной памяти говорити тайшам: послали де его из Тоболска боярин и воевода Матвей Михайлович Годунов с товарищи вам тайшам говорити государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси... жаловальное слово, чтоб вам, тайшам, быти под его царскою высокою рукою <...> и вам бы, тайшам, на том государю шерть дати» [7, стб. 448–449].

В 1630–1640-х гг. в документах упоминаются толмачи-бухарцы на русской службе. Так, в штате Томской воеводской избы был служилый бухарец, переводчик с монгольского языка Ермамет Шагалаков, который участвовал в посольствах в Джунгарию, Бухару, Самарканд и Ташкент. Из статейного списка 1636–1637 гг. посольства томского сына боярского С. Греченина и подьячего А. Самсонова к монгольскому Алтын-хану видно, что Ермамет переводил в ходе посольства «государево слово»: «И Степан да подьячий Ондрей толмачю Ермаметку велели говорить Алтыну-царю, чтоб Алтын-царь против государсково величества сам встал», «и Степан да подьячий

Ондрей государеву грамоту розпечатали и перед Алтыном-царем прочли и по наказу ему, Алтыну-царю, про все статьи говорили, а толмач Ермаметко мугальским языком толмачил» [5, оп. 1636 г., д. 2, л. 6–7; 3, с. 34]. В ходе посольства 1636–1637 гг. бухарец Ермамет также работал с ближайшими приближенными Алтын-хана, раздавая им царские подарки: «Ермаметко, толмач, Алтыну-царю дал азиям аглинской зеленой; двоюродному Алтына-царя брату Мерген-нояну – портище сукна аглинсково вишневого да вершок шапочной красной; царевичю – кожу красную. Да Алтын ж царь взял у него пистолет да саблю. И всего для государсково величества Ермаметко дал на 18 рублей» [3, с. 50].

Информация о дальнейшей деятельности Ермамета содержится в отписке томского воеводы С. В. Клубкова-Мосальского в Сибирский приказ 1642 г. Из отписки следует, что бухарец Ермамет толмачил в ходе поездки тарского конного казака Емельяна Вершинина в улус торгоутского тайджи Дайчина [3, с. 229]. Согласно расспросным речам казака Вершинина, бухарца Ермамета «держал Тайчи-тайша у себя в улусе 2 годы сильно. И после де того посылал Тайчи-тайша ево, Омельку, и товарищев ево с своими людьми с торгом <...> в китайские в украиньи города, и в Бухары, и в Казачью орду <...> а как де, государь, они, Омелька, из тех царств и орд пришли назад <...> товарища де ево, Ермометку-толмача, Тайчи-тайша отпустил с своими людьми с торгом в Бухары. А отпустит де ево, Ермометку, Тайчи-тайша в Томской весною нынешнего ж 151-го году» [3, с. 230]. Видимо, бухарец умело пользовался обстоятельствами и сочетал свою дипломатическую деятельность с торговлей. В дальнейшем известно также, что Ермамет вернулся в Томск и в 1673 г. получал государево жалованье в размере 8 рублей [3, с. 79].

Роль бухарцев как источника информации показывает извет тобольских юртовских татар о посланном от правителя Галдана Дюдюбяке-царевиче в поход на башкирцов 1679 г. Бухарцы сообщали сведения служилым татарам, передававшим информацию воеводе: «Извещали в Тобольску в приказной полате боярину и воеводе Петру Васильевичу Шереметеву да стольнику Михаилу Ивановичу Глебову да дяку Алмазу Чистому да Перфилию Оловянникову тобольские юртовские служилые татаровя Назар Надоров Кандралы Кучугаев, Метей Кучугаев, в прошлом во 186 году будучи они у Ямыша озера слышали от калмыков и бухарцов о том что Галдан контайша послал царевича Дюдюбяка Багаева сына Камала тайшу <...> и чают они от него царевича под государевы города и слободы с войною приход и что от него поберечься а кочуют де они царевич в верх по Ишиму реке» [8, оп. 4, д. 12, л. 46об.–47].

Бухарцы также извещали сибирских воевод о прибывающих джунгарских посольствах, выполняя функции срочных гонцов по особым поручениям. Так, например, в «скаске бухарца в Тобольской приказной полате» 1694 г. читаем: «Явился в приказной полате тобольской юртовский бухаретин Курманко

Ермаметьев и перед ближним стольником и воеводой перед Андреем Федоровичем Нарышкиным с товарищи сказал в нынешнем де в 202 году ездил он Курманко из Тобольска по отпусков вверх по Вагаю реке для рыбного промыслу и на той де реке в урочище Баларгине наехали на него Курманка с товарищи стан ... конной казак Александришко Алемасов, да служилый татарин Юлючко Шаманаев, да захребетный Теушко Илчеев <...> и послал де его Курманка Александришко в Тоболеск и велел об них [посланцах] известить в приказной полате ближнему стольнику и воеводе» [8, оп. 4, д. 14, л. 104].

На основании изложенных фактов мы полагаем

возможным рассматривать привлечение бухарцев для выстраивания отношений России с другими политическими субъектами в Сибири как процесс поиска и выбора агентов, способных выполнять не только разведывательные функции, но и доносить до адресатов необходимую информацию. Бухарцы могли участвовать в переговорном процессе в роли переводчиков, включались в состав посольств и иногда были допущены до дипломатического церемониала. В этих случаях они выступали как посредники – агенты «челночной дипломатии», практиковавшейся сибирскими воеводами на южном и юго-восточном сибирском пограничье в XVII столетии.

Список источников и литературы

- 1 Васьков, Д. А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. Вып. 1: История. – С. 158–166.
- 2 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – Алма-Ата : Академия наук Казахской ССР, 1961. – 746 с.
- 3 Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. Сборник документов. – Москва : Наука. 1974. – 559 с.
- 4 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 1. – Москва : Восточная литература, 1999. 630 с.
- 5 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126 – Мунгальские дела.
- 6 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 – Сибирский приказ.
- 7 Русская Историческая Библиотека. Т. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Пантелеевых, 1875. – 1228 с.
- 8 Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (СПФ АРАН) Ф. 21 – Г. Ф. Миллер.
- 9 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / под ред. А. Н. Самойловича. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1932. – 340 с.
- 10 Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – Москва : Восточная литература, 2012. – 231 с.
- 11 Тыжнов, И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2013. – 256 с.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (БАРАБИНСКИХ И ТАРСКИХ ТАТАР)

Аннотация. Статья посвящена исследованию орнаментального искусства тарских и барабинских татар. Анализ археологических и этнографических источников позволил выделить элементы, мотивы и композиции, которые характеризуют татарский орнамент и отличают его от творчества других этносов. Также нами определены этнокультурные связи с различными народами, так как многие элементы и особенности орнаментации были привнесены тарскими и барабинскими татарами в ходе прямых контактов или заимствований.

Ключевые слова: орнамент, археология, этнография, тарские татары, барабинские татары, элемент, композиция, заимствования.

Abstract. The article is devoted to the study of ornamental art of Tara and Baraba Tatars. The analysis of archaeological and ethnographic sources has allowed allocating elements, motives and compositions which characterize Tatar ornament and differentiate it from the art of other ethnoses. Also, we have defined the ethnocultural connections with different peoples, as many elements and features of ornamentation were introduced by Tara and Baraba Tatars during direct contacts or borrowings.

Keywords: ornament, archeology, ethnography, Tara Tatars, Baraba Tatars, element, composition, borrowings.

Орнамент представляет собой неотъемлемую часть искусства, художественное отражение мировоззрения и культуры. Он используется для оформления практически всего, что создано человеком, будь то предметы быта или архитектурные сооружения. В этом плане данный вид искусства представляет собой своеобразную сокровищницу народа.

Слово «орнамент» происходит от латинского *ornare* – 'украшать'. Но, говоря о нем, было бы неверно сводить все только к украшению. Почти всегда несложные знаки, которые воспринимаются нашим взором как кружки, волнистые линии или зигзаги, на самом деле имели для создателей этих композиций совсем другое значение. Орнамент придавал вещи особый смысл, погружал ее в систему сложных взаимоотношений человека и мира в рамках определенной картины мира. Несмотря на то, что сейчас утрачивается сакральная нагрузка декора, еще сохраняются места, где «записанная» орнаментами картина мира воспроизводится, живет в людях и предметах.

Данное исследование посвящено рассмотрению орнамента тюркоязычного населения, проживавшего на территории Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья, в XVII–XX веках. Речь идет о барабинских и тарских татарах, которые представляют собой этнические группы сибирских татар, говорящих, соответственно, на барабинском и тарском диалектах татарского языка.

Источниками для нас послужили коллекции одежды, украшений, керамики и ювелирных изделий, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Новосибирского государственного краеведческого музея и Большереченского краеведческого музея. Этнографические материалы были собраны в результате экспедиций под руководством омских этнографов В. Б. Богомолова и Н. А. Томилова. Археологические предметы поступи-

ли в ходе проведения экспедиций археологами С. Ф. Татауровым, С. С. Тихоновым, В. Б. Малиновским, В. И. Соболевым и М. А. Чемякиной. Районы проведения экспедиций обусловлены местом проживания барабинских и тарских татар.

Описание и анализ декора, композиций элементов, мотивов изображений на керамике и украшениях археологического времени, на одежде, обуви и ювелирных изделиях барабинских и тарских татар показали наличие определенного сходства. Поэтому задачи, которые перед нами стояли, заключались в выделении общих черт и различий данного вида народного творчества барабинцев и тарских татар на основе анализа и сравнения орнаментации предметов археологического и этнографического комплекса.

Исследователи часто отдельно рассматривают историю и культуру тарских и барабинских татар, но это не совсем правильно, т. к. в бассейне реки Тары существует одна общая природно-экологическая ниша, на базе которой сформировался схожий хозяйственно-культурный комплекс, присутствующий, как хорошо видно по археологическим и этнографическим источникам, в хозяйстве, в системах жизнеобеспечения, в орнаменте, погребениях, охоте и рыболовстве. Можно утверждать, что в данном регионе в исследуемое время существовал схожий комплекс культурных элементов [8, с. 88–95; 9, с. 274].

Этнокультурные процессы среди сибирских татар к концу XVI – первой четверти XIX веков развивались в направлении увеличения культурной однородности отдельных этнических групп, а также возрастания общих черт в культуре соседних групп, в возникновении культурной общности всех групп сибирских татар. Они протекали в нескольких направлениях. Это связанные с контактами с соседними коренными народами Сибири и Северного Казахстана заимствования явлений материальной культуры. Далее – это процессы распространения общих (одинако-

вых) черт в культуре сибирских татар в связи с усилением консолидационных процессов как внутри всего массива этой складывающейся этнической общности (более интенсивно эти процессы происходили во второй половине XIX века), так и внутри этнических групп барабинских, тарских татар и др. И третье направление связано с существенным возрастанием объема взаимоотношений в Западной Сибири татар с русскими и другими группами народов, образовавшихся здесь в результате их переселения в Сибирь из европейской части Российской империи [10, с. 160–161].

Обращение к орнаментальному и декоративно-прикладному творчеству двух групп сибирских татар – барабинских и тарских – не случайно. Барабинские и тарские татары, начиная с XVI–XVII веков, имели постоянные контакты друг с другом: этнокультурные, социальные, политические, семейно-брачные. Все это не могло не найти отражение в их материальной и духовной культуре, и в частности, орнаментике.

В орнаменте двух групп сибирских татар можно выделить общие черты, например, сходные орнаментальные традиции в украшении керамики: гребенчатая и ямочно-гребенчатая, растительные мотивы в вышивке, узоры цветочного и геометрического характера. В то же время культура, как барабинских, так и тарских татар представляет собой уникальное явление, что обусловлено их этнокультурными контактами с различными народами.

Сначала мы считаем необходимым поговорить об орнаменте барабинских и тарских татар на предметах из этнографических коллекций.

Первая группа – элементы орнамента, представленные в этнографических коллекциях (одежде, головных уборах и ювелирных изделиях) и у тарских, и у барабинских татар в одинаковом количестве. Это свидетельствует о том, что элементы были привнесены в их орнаментальное творчество в ходе прямых контактов или заимствований друг у друга и у других народов. В данную группу мы относим линии (каннелюры), прямоугольники, завитки, изображения цветов, ромбы, кресты и овалы, т. е. в основном общие элементы представлены мотивами геометрического характера.

Орнаментальное искусство барабинских татар отличается использованием роговидных элементов и волнистых линий. Для их орнаментики больше характерен геометризм. Он представлен не только простыми фигурами (круги), но и шестиугольниками, элементами вроде «песочных часов», линий с петлями. Эти три элемента не встречаются на одежде и украшениях тарских татар. Растительные мотивы не были сильно распространены у барабинцев.

Рогообразные мотивы часто встречаются в искусстве тюркских и монгольских народов и выполнены на коже, войлоке, ткани, а также имеют место в резьбе по дереву у барабинских татар. Вообще ряд стилизованных растительных мотивов, а также рогообразные детали с завитками находят распространение в орнаментике многих тюркоязычных народов

(казахов, киргизов, татар Поволжья).

Узоры-круги у барабинских татар чаще всего наносились штампом на бересту или резьбой на дерево, украшали поверхность ювелирных изделий, одежды. Бордюры зигзагообразной, треугольной и ромбовидной формы охватывают значительное количество материалов и технических приемов (на дереве – выемчатой резьбой; на тканях – вышивкой). У барабинских татар простые геометрические фигуры в виде треугольников, зигзагов, крестов, ромбов и кругов входили в состав сложных орнаментальных узоров в форме бордюров или розеток.

Орнамент и декор тарских татар сильно отличается от барабинского. Для него характерно большее использование растительных мотивов (на головных уборах, одежде, ювелирных украшениях). Многие предметы тарских татар украшают цветки, листья, стебли, бутоны, лианы и лепестки цветов. Подобные цветочные узоры наиболее характерны для орнаментации узорных ичигов, концов вышитых полотенец, скатертей, покрывал для постельных принадлежностей, головных уборов (как мужских, так и женских) и других изделий тарских татар. Их можно увидеть в украшении надгробных камней XVI–XVII вв., резных наличников окон, в орнаментике ювелирных изделий: блях, жетонов. На некоторых предметах встречаются космогонические мотивы: лучи солнца.

Чаще барабинцев тарские татары использовали зигзагообразные линии, вертикальные прямые линии. Выделяются прямолинейные мотивы в виде квадратов и сердец. Украшение тюбетеек и обуви розетками, волнистыми линиями и сердечками аналогично декору мужских головных уборов у народов Средней Азии. Однако волнистые линии на тюбетейках являются чертой, отличающей тюрко-татарские головные уборы от среднеазиатских.

Барабинский орнамент отличается использованием таких элементов, как песочные часы, шестиугольники, линии с петлями, для тарских же татар наоборот характерны сердца, космогонические мотивы и вертикальные линии. Значительное сходство орнаментальных элементов у барабинских и тарских татар на предметах этнографических коллекций можно объяснить тем, что в XIX–XX веках наблюдалось увеличение культурной однородности у всех групп сибирских татар, возрастали общие черты в их культуре. Это возникло в результате контактов с соседними коренными народами Сибири и Северного Казахстана, существенным возрастанием объема взаимоотношений в Западной Сибири татар с русскими и другими группами народов, образовавшимися здесь в ходе их переселения в Сибирь.

Большее отличие наблюдается в декоративно-прикладном и орнаментальном творчестве тарских и барабинских татар в археологическое время (XVII–XVIII вв.). В результате анализа керамики и украшений с памятников Бергамак II, Бергамак III, Надеждинка VII, Черталы I, Абрамово 4, Абрамово 10, Большой Чуланкуль, Заречно-Убинское, Чиняиха и Тюменка нами было выделено 40 элементов орнамен-

та. Разнообразнее украшение было у тарских татар, чем у барабинцев, хотя керамическая посуда и ювелирные изделия обеих этнических групп практически всегда были орнаментированы и декорированы. Предметы без орнамента встречаются в единичных случаях.

Если говорить об элементах, присутствующих на керамике и украшениях из археологических памятников, этнически соотносимых с тарскими татарами, то они включают в себя овальные вдавления, семечковидные оттиски, оттиски треугольной формы, горизонтальные и вертикальные прямоугольные оттиски, выполненные гребенчатым штампом, наклонные (вправо и влево) оттиски, выполненные гребенчатым или гладким штампом, оттиски, образующие «елочку», выполненные гладким или гребенчатым штампом, «уточку», «змейку» и «скобы», выполненные гладким штампом.

Наибольшей представительностью отличаются элементы орнамента, характеризующие керамический комплекс посуды татарского типа Надеждинки VII, Бергамака III, Черталинского поселения I: это каплевидные оттиски, вертикальные оттиски, выполненные гребенчатым штампом, наклонные оттиски, выполненные гладким и гребенчатым штампом, «елочка», выполненная гребенчатым штампом, и «уточка». Птички (или «уточки») в керамике в более позднее время могли изображаться на деревянных наличниках. В целом, они характерны для мира ислама и выполняли охранительные функции.

Овальные вдавления – один из наиболее часто встречаемых элементов на поселении Бергамак III, реже они дополняют орнаментацию сосудов на Черталинском поселении I и городище Надеждинка VII. Этот элемент представительно встречается в археологии.

Многие элементы археологического комплекса в силу каких-либо причин утрачены в орнаментальном творчестве тарских татар в последней четверти XVIII – XX вв. (не прослеживается на декорированных предметах, собранных в ходе этнографических экспедиций). К ним относятся: вертикальные оттиски гребенчатого штампа, наклонные оттиски гребенчатого и гладкого штампа, «елочка», выполненная гребенчатым штампом, «елочка» (горизонтальная и вертикальная), выполненная гладким орнаментом.

Такие элементы, как «елочка», и контурные линии характеризуются архаичностью. Эти орнаментальные мотивы находят аналогии среди археологических культур: потчевашской, саргатской и др. Они характерны для предметов из дерева (например, прялок) и соотносятся с народами хантыйской группы, коми, карелами. Наклонные и прямые оттиски, выполненные гребенчатым и гладким штампом, находят аналогии в декоре берестяных изделий (туесов), на которые переносились наклонные и прямые швы [1, с. 113–135; 3, с. 58–68].

«Жемчужины» встречаются только на керамике и украшениях тарских татар, у них они распространены довольно часто, но в этнографически обозреваемое

время использование этого элемента практически сошло на нет.

Третий элемент встречается примерно одинаковое количество раз на керамике и украшениях, соотносимых с тарскими и барабинскими татарами. В общем виде это различного рода линии, геометрические фигуры. К ним относятся ямки (круги), вдавленная овальной формы, каннелюры, горизонтальные прямоугольные оттиски, вертикальные оттиски, волнистые, зигзагообразные, пунктирные линии, кресты, ромбы, овалы, елочка. При этом зигзагообразные линии отличаются вариантами своего оформления на различных предметах: на керамике они могут быть выполнены с помощью гребенчатого штампа или в виде пунктирных линий.

Следующий ряд орнаментальных элементов присутствует на немногочисленном количестве изделий тарских и барабинских татар. Сложность состоит в том, что нужно принимать во внимание распространенность этих мотивов в орнаментальном творчестве многих народов сопредельных территорий. К ним относятся вертикальные насечки, волнистые линии (этот элемент часто применялся и для украшения изделий в XIX–XX веках: волнистые линии могли выполняться в виде пунктиров), кресты – органично вписываются в орнаментальные композиции как керамических сосудов XVI–XVII вв., так и ювелирных изделий и пряслиц (Большой Чуланкуль и Абрамово).

Для орнамента и декора барабинских и тарских татар XVII–XVIII веков характерны несколько разные традиции. Барабинцы чаще всего наносили на венчик, шейку, плечико и стенки сосудов косые насечки, ямочные, треугольные, аморфные, каплевидные, овальные вдавления, насечки, образующие горизонтальную «елочку». Для них характерно использование гребенчатого и гладкого штампов, с помощью которых выполнены елочка, прямые и наклонные горизонтальные или вертикальные пояски, прямопоставленные насечки. Отличительной чертой барабинцев является использование именно фигурного штампа, с помощью которого создавались треугольные, овальные, круглые, аморфные и каплевидные вдавления. Керамический комплекс позволяет установить связь предков татар Барабы с угорским и тюркским миром. Некоторые различия в орнаментике посуды средневековой Барабы могут быть объяснены особенностями родоплеменных традиций ее изготовителей.

Керамический материал тарских татар (памятники Черталы I, Бергамак II, Бергамак III, Надеждинка VII) отличается насыщенностью орнаментации. Характерными чертами является использование гребенчатого и гладкого штампов. Они применялись для создания узоров из следующих элементов: елочка, прямые и наклонные горизонтальные или вертикальные пояски. Аналогичными в данных комплексах являются такие мотивы, как ямки (округлые и полукруглые) и жемчужины (нанесенные, чаще всего, на шейку), «уточки» и «змейки», овальные вдавления.

Декор и орнаментация ювелирных изделий бара-

бинских и тарских татар в основном были сходными. Для них характерен геометризм: украшения орнаментировались простыми элементами – каннелюрами, насечками, кругами, волнистыми линиями. Отличались только некоторые ювелирные изделия тарских татар, орнаментация которых имела растительный вид: сочетание элементов растительных мотивов – стеблей, лиан, композиции из цветков и листьев.

При анализе одежды, обуви, ювелирных изделий и керамики мы видим, что некоторые мотивы различны, другие, наоборот, сходны или полностью совпадают друг с другом. Это сходство возникает по ряду причин: в одних случаях оно обнаруживается в пределах родственных по языку народов, в других – у народов, проживающих в соседстве друг с другом. Так, например, верхняя одежда тарских и барабинских татар и ее декор находят аналогии у многих народов, в частности среднеазиатских. Заметное сходство в орнаментальном комплексе обнаруживается также с казанскими татарами и др.

Мотивы растительного характера для декора барабинских и тарских татар являются привнесенными, но лианы дополняют орнаментальные композиции украшений из археологических памятников (Бергамак III, Черталинское поселение) и более поздних изделий (встречаются на предметах этнографических фондов музеев).

Другие мотивы растительного характера могли дополнять орнамент ювелирных изделий из археологии. Поверхность браслетов, наконечников, подвесок украшают как стилизованные, так и реалистически исполненные растительные узоры в виде цветков степного, лугового и садового происхождения, стеблей и листьев, лепестков и лиан.

Цветки, отличающиеся многообразием форм, встречаются на ювелирных изделиях поселения Бергамак II и на браслете из Черталинского поселения I. Более распространенными они становятся в орнаменте барабинских и тарских татар в XIX–XX вв. Такая же ситуация обстоит и с элементом, представляющим собой стебли, листьями и лепестками цветков.

Цветки тюльпанов могли украшать изделия из дерева: карнизные доски или косяки наличников, а также присутствовать в вышивке. Этот цветочный мотив появляется в орнаментике, скорее всего, благодаря выходцам из Средней Азии. В целом, стилизованные растительные мотивы на тибетейках и других изделиях барабинцев и тарских татар аналогичны узорам казанских татар, среднеазиатских народов [4, с. 68].

Ромбические узоры украшают поверхность керамических сосудов, женских и мужских головных уборов, детской одежды. Данный мотив дополняет декор и других изделий из ткани, в частности полотенец из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея. Такой геометрический орнамент, безусловно, преобладает в узорном ткачестве. При тканье ромбические мотивы образуют бордюр с горизонтальным ритмом и подразделяются на широкие основные и узкие окаймляющие. Аналогии узоры

в виде ромбов находят в русской орнаментике, но здесь они приобретают несколько иной характер. Вышитый набором геометрический орнамент на русских полотенцах редко бывает самостоятельным и обычно полосами сопровождается основной сюжетный или растительный узор [5, с. 499].

Геометрические орнаменты также могут быть связаны с доандроновской и андроновской традициями. В основе узоров андроновцев лежит зигзаг. В Прииртышье андронидные черты проникают в обско-угорскую орнаментуку. Именно здесь они отличаются устойчивостью, выступая основными узорами в вышивке южных хантов, послуживших одним из компонентов в формировании этноса барабинских татар [5, с. 378]. Зигзаги присутствуют в орнаментальных композициях на мужских тибетейках, женских сарауцах, подвесках и браслетах барабинских и тарских татар. В керамических сосудах зигзаги образуют композиции с ямками или другими элементами, заполняющими их поверхность. Любовь к зигзагам и зубчатым линиям прослеживается также у узбекского и таджикского народов.

Узоры, образованные из криволинейных мотивов – спиралей, скоб, волнообразных, включающие стилизованные спиралевидные растительные мотивы, наиболее свойственны технике скани, штамповки и гравировки в ювелирных изделиях, технике резьбы по дереву, мозаики из кожи, тамбурной вышивке. Характерны узоры этой группы для болгарского орнамента домонгольского и золотоордынского времени. Определенная взаимосвязь обнаруживается с искусством тюркоязычных народов Средней Азии и Кавказа: узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов, башкир, азербайджанцев и некоторых других. Известны многие из этих узоров и народам Сибири: алтайцам, бурятам, якутам. Таким образом, комплекс узоров указывает на этническое родство и этнокультурные взаимосвязи татар с тюркскими народами и племенами Средней и Восточной Азии, Кавказа, а также Приуралья.

Декорирование вышивкой или аппликацией рубах и платьев, как мы видели ранее, для тюркоязычного населения является редкостью. В данном случае, скорее всего, речь следует вести о заимствовании, хотя характер орнаментов присущ барабинским и тарским татарам. По топографии узоров (воротник, края рукавов и подол), технике (тамбур) и мотивам (розетки, бегущая волна) орнамент близок к узорам на аналогичных изделиях башкир, татар европейской России. Затем декор рубашек и платьев был дополнен новым швом – «крестом», но это уже произошло под влиянием русских [7, с. 413–417].

Ювелирные украшения и их декор повторяют казанские украшения, но первые могли быть выполнены в более грубой технике. Переселения казанских татар способствовали активизации экономических и торговых связей между народами [6, с. 120]. Это подтверждают и археологические материалы. Наконечники, серьги, бусы, браслеты, перстни и кольца были обнаружены в Бергамакском, Черталинском могиль-

никах. Характер их орнаментации, правда, несколько отличается от узоров более поздних изделий. Накосница из Черталинского поселения, реконструированная В. Б. Богомоловым и Б. В. Мельниковым, по форме близка к ромбу и украшена геометрическим криволинейным орнаментом [2, с. 49–58]. Сходной по технике изготовления, форме, орнаментации и даже технике инкрустации является «чулпа» – подвеска для кос тарских татар.

Пуговицы – подвески гиревидной формы, обнаруженные в Бергамакском и Черталинском могильниках, в могильнике Абрамово-10, украшены радиально отходящими лучами и пятилепестковой розеткой. В указанных археологических памятниках также найдены перстни со вставками и щитовидные, составлявшие русский экспорт. На щитках изображены лев, птицы и геометрические (треугольные) фигуры. Но узоры, включающие отдельные зооморфные изображения, кроме этого, свойственны башкирскому искусству, искусству финно-угорских народов Поволжья, чувашей. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что декор колец и перстней XVII–XVIII вв. отличается от орнаментации изделий позднего времени.

Таким образом, мы видим, что орнамент татарского народа складывался в результате длительного процесса его исторического развития и взаимодействия с соседними и дальними народами. В татарском орнаменте довольно четко проявляются элементы, связанные со скотоводческой культурой предков татар.

Однако, рассмотрев элементы, необходимо обратиться к зональности орнамента и некоторым орнаментальным композициям, которые обладают соответствием в этнографических и археологических коллекциях барабинских и тарских татар.

Как керамические сосуды, так и одежда, и отчасти украшения характеризуются не только сходными декоративными мотивами и стандартами оформления, но и разделением поверхности на самостоятельные орнаментальные зоны: в керамике – это венчик, плечики, шейка, в тюбетейках – верх и тулья, орнамент которых в некоторых случаях образует отдельные композиции. Зональность орнамента проявляется и в том, что для каждой части сосуда или одежды характерно преобладание тех или иных элементов.

Сочетание различных элементов помогает дополнить наши представления об орнаментальном творчестве. Одной из базовых композиций выступает композиция из каннелюров и ямок или каннелюров и жемчужин на сосудах с археологических памятников Надеждинка VII и Бергамак III, и сочетание каннелюров и бисера на мужских тюбетейках татар, а также каннелюров и пуговиц на камзолах. Каннелюры нередко ограничивали орнаментальные композиции и делили их на отдельные орнаментальные зоны: наиболее полно данный феномен прослеживается на керамических сосудах (хотя в роли ограничителей там могут выступать также волнистые линии и ряды ямок

и жемчужин), на мужских и женских головных уборах (линии разделяют их верх на ряд сегментов).

Многие орнаментальные композиции керамических сосудов в несколько измененном виде впоследствии были перенесены в декор головных уборов, одежды и украшений барабинских и тарских татар. Сходные орнаментальные композиции из мотивов растительного характера были встречены нами на мужской тюбетейке барабинских татар и браслете из Черталинского поселения I. Они представляют собой сочетания различных видов цветков, соединенных друг с другом лианами или другими цветами меньшего размера.

Подводя итоги, стоит отметить, что орнамент барабинских и тарских татар является сложной, весьма жизнеспособной системой, во времени, кроме того, изменялось соотношение его функций. К примеру, еще в конце XIX века определенное положение орнаментальной вставки на том или ином предмете (вкуче с другими признаками) могло дать довольно точную социальную и этническую характеристику владельца, т. е. была в полной мере задействована функция орнамента как этносоциального идентификатора. В настоящее время на первый план вышла эстетическая функция орнамента, в то время как его сакральные качества утеряны.

В результате сравнения орнамента и декора двух групп сибирских татар было прослежено значительное сходство (оно проявляется как в археологически обозреваемое время, так и в XIX–XX вв.). Этнокультурные, социальные, семейно-брачные отношения (основные браки приходились помимо своего этноса, именно на соседнюю группу – тарских или барабинских татар соответственно), постоянные политические и военные действия, переселения на территорию друг друга определяли заимствование культурных черт.

В орнаменте и декоре двух групп сибирских татар четко выделяются общие черты. В то же время культура барабинских и тарских татар представляла собой уникальное явление, что обусловлено их этнокультурными контактами с различными народами.

Рассмотренный орнаментальный комплекс барабинских и тарских татар раскрывает весьма сложную картину этногенеза народа и формирования его орнамента. Наиболее архаичные виды орнамента уводят нас вглубь Восточной Азии, другие – указывают на взаимосвязь с орнаментом местных кочевых племен добулгарской эпохи, третьи – обнаруживают родственность с орнаментом народов финно-угорского происхождения и орнаментом тюркоязычных племен, участвовавших в этногенезе татар. Но в процессе развития татарского орнамента все эти исторические напластования сглаживались, дифференцировались и способствовали образованию весьма самобытного и единого стиля татарского орнамента с теми художественными особенностями, которые отличают этот орнамент от орнамента других тюркоязычных народов.

Список источников и литературы

- 1 Богомолов, В. Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. – С. 113–135.
- 2 Богомолов, В. Б., Мельников, Б. В. Накосное украшение XVII века из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 2. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 49–58.
- 3 Богомолов, В. Б., Мельников, Б. В. Изделия из бересты у населения XVII–XVIII вв. бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 2. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 58–68.
- 4 Буреева, Ф. М. Орнамент тарских татар конца XIX–XX веков: к проблеме этнокультурной истории. – Омск : Омскбланкиздат, 2011. – 144 с.
- 5 Рындина, О. М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – 639 с.
- 6 Смирнова, Е. Ю. Одежда татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск : Наука, 2009. – 142 с.
- 7 Сулова, С. В. Археолого-этнографическое обоснование реконструкций татарского исторического костюма (XIV в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сбор. науч. тр. Ч. 1. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 413–417.
- 8 Томилов, Н. А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 88–95.
- 9 Томилов, Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1980. – 274 с.
- 10 Томилов, Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII – XIX веках. – Омск : Наука, 2011. – 238 с.

Н. В. Перцев
ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И. С. Шемановского», г. Салехард, Россия

А. Н. Сабаров
Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры,
г. Ханты-Мансийск, Россия

ГОСУДАРЕВА СИБИРСКАЯ ЗАСТАВА СОБСКОГО УСТЬЯ (К ВОПРОСУ ЛОКАЛИЗАЦИИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме локализации объекта, имеющего историко-культурное значение – Собской Заставы, располагавшейся в 20-е годы XVII века в низовьях реки Сось. Ранее исследователи неоднократно заявляли о выявлении данного памятника. Однако в настоящее время все объявленные места расположения Заставы остаются условными. На основе анализа письменных и картографических источников авторы предлагают собственное видение проблемы месторасположения Собской заставы. Исследование микротопонимики выявленного таким образом района позволяет существенно скорректировать результаты анализа.

Ключевые слова: Западная Сибирь, торговый путь, таможенная застава, картография, памятник.

Abstract. The article is devoted to the problem of localization of an object of historical and cultural significance, the Sob Outpost, located in the 20-ies of the XVII century in the lower reaches of the Sob river. Previously, researchers have repeatedly stated the identification of this monument. However, at present, all the declared locations of the Outpost remain conditional. Based on the analysis of written and cartographic sources, the authors offer their own vision of the problem of the location of the Sob Outpost. The study of the microtoponymy of the area, identified in this way, allows adjusting the results of the analysis significantly.

Keywords: Western Siberia, trade route, customs outpost, cartography, monument.

Вбиение обширных территорий Западной Сибири стало существенным стимулом дальнейшего развития Российского государства. Северная страна, располагающая богатыми пушниной ареалами, стала своего рода «русским Эльдorado» – полумифической страной, влекущей своими богатствами охочих людей. Еще задолго до официального «взятия Сибири» Нижнее Приобье вошло в орбиту интереса Новгородской республики, а позже – Московского государства; возрастающий интерес к сибирским мехам, наблюдаемый в этот период на внешних рынках, играл роль катализатора русского продвижения «за Камень». Семнадцатый же век – век освоения Западносибирских пространств – ознаменовался постройкой четкой инфраструктуры, администрированием и созданием ясачной системы. На юге этот процесс концентрировался вокруг сельскохозяйственного освоения края, развитие же северных территорий базировалось на системе ясачных зимовий и таможенных застав, контролирующих потоки пушнины.

Очевидно, самым северным пунктом таможенного контроля на территории Западной Сибири выступал комплекс Собской и Обдорской застав, объединенных общим руководством [2, с. 117]. Окончательное складывание этих пунктов исследователи приписывают к 20-м годам XVII столетия [2, с. 117], М. Д. Чулков относит появление Собской заставы к 1605 году, добавляя к этому еще одно важное пояснение: «которая по тамошней стране и Обдорской проименована...» А прежде учреждения Собской заставы собирали ясак в Обдорском городке остячком» [16, с. 26–27]. Деятельность застав обеспе-

чивалась за счет годовальщиков, а в зимний период – сборщиков ясака, письменных голов, подьячих и целовальников, посылаемых из Тобольска. С 1635 года двум таможенным головам, посланным с Руси на Березов, было предписано летом ездить «на Обдорь» для руководства заставами, и этот порядок сохранился в последующее время. В этом же году вместе с прочими городами Сибири заставы получили свою печать [2, с. 118], описание печати дошло до нас в следующем виде: «*На Собской* (курсив наш – авт.) что на обдорском устье лисица держит стрелу, а вокруг П.Г.С.З. (Печать Государева Сибирския Заставы – авт.) Собского устья» [11, л. 9 об.], что еще раз подчеркивает единство двух застав, действующих, вероятно, на основе сезонного принципа. Деятельность обеих застав продолжалась вплоть до 1704 года, когда распоряжением Петра Алексеевича все пути через Урал (кроме Верхотурского) были объявлены заповедными и движение по ним полностью прекратилось [16, с. 30].

Несмотря на это, в истории этого таможенного пункта существует досадный пробел, связанный с локализацией местоположения самих застав. Если место размещения Обдорской заставы совпадает (или же находится рядом) с Носовым городком, располагавшимся в современной черте г. Салехард [2, с. 118–119], то поиски Заставы в устье Соби до сих пор не увенчались успехом. При этом следует учитывать, что точная локализация этого памятника указана в трудах Г. Ф. Миллера: «на ее правом берегу, примерно в 5 верстах от устья» [12, с. 127]. Все экспедиции по поиску заставы проходили совершенно в других локациях.

В 2011 году экспедицией С. В. Прищенко по ре-

зультатам опроса местных жителей были обследованы восточные окраины поселка Катравож, расположенного на левом берегу Соби [10, с. 40]. Район исследования проходил по берегам протоки Санкаръеган, полностью пересыхающей в летний период, что не располагает к строительству на этом месте заставы, имеющей главной целью – контроль движения судов по реке Сось. Несмотря на то, что ни археологического материала, ни культурного слоя, связанного с существованием в XVII веке населенного пункта, здесь выявлено не было [10, с. 40–41], именно этот район был объявлен местом расположения Собской заставы. Лишь в 2018 году в результате натурного обследования, проведенного И. К. Новиковым [9], «застава» была снята с учета.

В 2012 году на основе анализа картографических источников для поиска Собской заставы был обследован остров Пугорпан, расположенный в устье реки Сось [5, с. 25]. В нескольких раскопах исследования выявили наличие культурного слоя, насыщенного находками, большая часть которых (в том числе керамические изделия) относится к XVIII–XIX векам, то есть ко времени, следующим после закрытия заставы [5, с. 32–33]. Заметим, что в чертеже С. У. Ремезова на одном из островов в устье Соби действительно обозначен зимний караульный городок [13, л. 117]. Остается согласиться с авторами, что застава представляла собой целый комплекс караульных пунктов, один из которых мог располагаться и на указанном острове [5, с. 34].

Между тем, натурные исследования таких пунктов, как таможенные заставы, могут пролить свет на многие вопросы, возникающие при рассмотрении истории раннего этапа освоения Западной Сибири. Поэтому главной задачей, поставленной перед авторами, является локализация возможного местонахождения Собской заставы, основанная на комплексном анализе письменных и картографических источников.

Ландшафтно-топографическое описание района исследования

Исследуемая территория «Пути Чрезкаменного», с восточной стороны Урала расположена на границе между южной и северной частями так называемой Полярно-Уральской физико-географической области [15, с. 1662]. Данный географический регион характеризуется горными высотами средней величины и предгорными возвышенностями, участками, покрытыми горными тундрами и лесотундровой растительностью. Участок «Пути Чрезкаменного», расположенный в европейской части, на западных склонах Полярного Урала в течении рр. Елец, Уса, участка р. Печора (п. Усть-Уса – п. Усть-Ижма), низовий р. Ижма (Ижемская слобода), выходит за границы данного исследования.

Водораздельный хребет между гидросистемами на западной и восточной сторонах Урала разделен на отдельные массивы поперечными долинами [6, с. 8]. Седловина Елецкого (Собского) перевала между горными массивами Рай-Из и Ханмей – водораздела реки Сось и рек на европейских склонах Полярного Урала, соединенного между собой сквозной, восьмикиллометровой долиной р. Хребетшор, являлась местом, где

находился волок с Ельца на Сось.

Река Сось берет своё начало на восточных склонах южной части Полярного Урала. Впадает в Обь слева в 322 км от устья около посёлка Катравож. Её длина порядка 185 км. Замерзает река в октябре, в среднем 10–15 числа, вскрывается в мае – июне, в среднем 1 июня. Средняя продолжительность весеннего ледохода 10 дней. Половодье в июне – июле. Половодье имеет многовершинный гребенчатый вид. В среднем течении реки оно начинается в третьей декаде апреля – первой декаде июня, в среднем в конце второй декады мая, достигает пика через месяц и заканчивается обычно в июле, в среднем 20 числа. Уровень половодья превышает предвесенний на 3,0–3,5 м. Самый многоводный месяц – июнь [8, с. 205].

Долина реки Сось – типичный трог с плоским широким дном, крутыми высокими бортами, с участками конечных и боковых морен. Для долины р. Сось характерны резкие изломы в продольном профиле, где образуются наиболее труднопроходимые для лодок пороги с крутым сливом и бурным течением. Как отмечал в своей работе, посвящённой Полярному Уралу, известный советский гляциолог и гидролог А. О. Кеммерих, «берега рек невысоки, каменисты, по ним легко идти и тянуть бечевой лодки против течения» [6, с. 14].

Вследствие неглубокого залегания вечной мерзлоты на Полярном Урале, на берегу Соби почти отсутствуют топкие болота. Это в значительной степени облегчает передвижение по берегам рек при подъеме лодок бечевой против течения и при пешем передвижении в любых районах территории [6, с. 14].

Таким образом, современная информация о гидрологии и особенностях ландшафтно-географической ситуации в бассейне р. Сось в достаточной степени подтверждает достоверность описания «Пути Чрезкаменного», нанесенного на л. 117 ХЧК С. У. Ремезовым и сообщения Г. Ф. Миллера о дороге в горах Полярного Урала (см. ниже). Вместе с тем, очевидная краткость и схематичность имеющихся у нас исторических данных при совмещении с современными картографическими источниками и анализе топонимии региона позволяет достаточно точно локализовать местоположение основного пункта данного исследования – Собской заставы.

Собской маршрут и тяготеющие к нему поселенческие структуры

Рассматриваемая территория, вероятно, является наиболее ранней областью проникновения интересов русского купечества в Западную Сибирь. Подъемом интереса к течению р. Сось как к транзитному маршруту в Северо-Западную Сибирь начинается на рубеже XV–XVI вв., когда в ходе военной операции 1499 г. в низовьях Печеры был заложен город Пустозерск [3]. Строительство Пустозерска повлекло за собой открытие дороги, проложенной по реке Усе, от верховьев которой русские промысловики переходили в Сось, а оттуда доходили до низовий Оби. Уже в начале XVII века в верховьях Усы «под Камёнем» возник Роговой городок, через который русские купцы из Перми и Пусто-

зерска в обход таможенных застав поставляли самоедам свои товары, не платя десятинных сборов и забирая у них «лучшие меха». Эта ситуация и послужила причиной организации в низовьях Соби заставы [4, № 25].

Проведем сравнительный анализ источников, описывающих движение по р. Сось (см. таблицу 1).

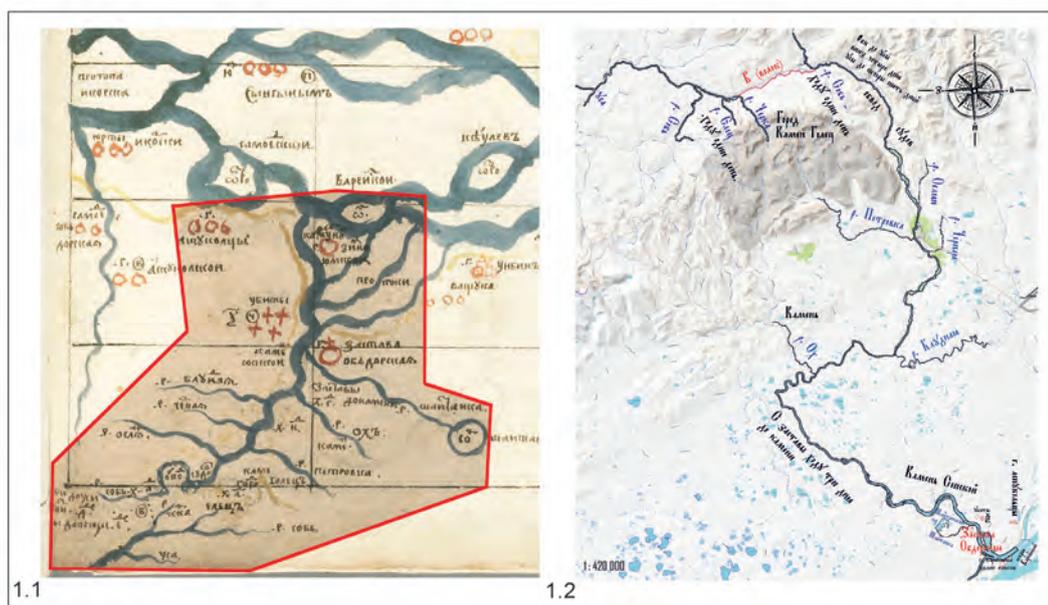
Таблица 1 – Собской путь в русских источниках XVI–XVIII веков

КБЧ [с. 162]	ХЧК [л. 117]	Путевые записки Г. Ф. Миллера [с. 127]
<p>«А в Усу реку с верху из горы, пала река Соба. Протоку реки Собы 150 верст. А в Собу реку, из горы пала речка Волочанка; протоку Волочанки 30 верст. А реки Усы протоку 550 верст...»</p>	<p>Верховье «Р. Уса» «р. Сось» «р. Елец .х.а\ д. (ходу 1 день)» р. Черка (пунктир и усл. знак «В»)* * волок «Оби до Усы вниз .д.\ де (ходу 4 дня) Усы до Печоры .е .де (5 дней)» Левый берег «р. Сось – х - а\ д (ходу 1 день)» «Обвод судов» «р. Ослян» «р. Черная» «р. Блудная» «Камень Сопской» «Х» «Убиты» (усл. знак «Ч») Правый берег «Город» «Камень Голец» «р. Петровка» «.х.н\д.» «Камень» «р. Ох» «Заставы до Камени .р. х. г.» (рекой ходу 3 дня) «Шайтанка» «Сор Шайтанской» «р. Застава Обдорская» (усл. знак) Устье «Протоки» «Вашуйка» «г. Унбин» (усл. знак) «г. Караульной зимний Юмсок» «Остров Варейской»</p>	<p>Река Сось, по-остяцки Sob-jugan, по-самоедски Padi-ja, впадает в Сухую Обь с левой стороны, в 15 верстах от ее верхнего устья. Шириной в 30 сажений, а возникает в Печерских горах. На ее левом берегу, немного выше устья, находится Собской городок, по-остяцки Sob-wasch, по-самоедски Padi-garden, где в старые времена была остяцкая крепость и сейчас еще имеются остяцкие жилища Обдорской волости.</p> <p>Вдоль этой реки раньше проходил очень оживленный путь между Сибирью и Россией, для которого тогда на ее правом берегу, примерно в 5 верстах от устья, была также установлена таможня под названием Собская, или Обдорская, застава.</p> <p>Горы, из которых берет начало Сось, очень отчетливо видны из этой местности с Оби. Самоеды проделывают путь на оленях за один день. А по воде против течения раньше требовалось 8–9 дней. Река имеет быстрое течение и много мелей, или так называемых шивер, или переборов, так что при низкой воде осенью можно было продвигаться не иначе, как поднимая воду в подобных мелких местах с помощью парусов по образцу шлюзов. В горах от Соби есть небольшой волок через долину примерно в 3–4 версты до реки Усы, которая впадает в Печеру и служила для сообщения при водном путешествии с другой стороны. Остяки и самоеды описывают длину пути по суше таким образом, что если бы от одной реки до другой были расставлены 6 человек на равном расстоянии друг от друга, они могли бы слышать крики друг друга. Как Сось, так и Уса возникают севернее дороги. Между ними есть озеро, из которого в обе реки впадают маленькие речки.</p> <p>Соединение Сухой Оби с большим рукавом реки, в 5 верстах от реки Соби. Здесь остяки Собского городка имеют свои летние жилища. Хотя обычно считают, что здесь находится настоящее устье р. Соби и что Сухая Обь заканчивается там, где она соединяется с Сосью. Это основано на том, что данный рукав от устья реки Соби, которое я установил возле Собского городка, больше уже не так мелок, каким он является выше р. Соби.</p>

Торговый маршрут, объединяющий территории Предуралья с Западной Сибирью посредством использования бассейнов рр. Печера и Сось реконструируется так же по письму, данному английскому фактору А. Маршу в 1584 г. [1, с. 189–191]. Этот путь предполагал проход по реке Усе с заходом в ее левый приток Елец и через небольшой волок переход в р. Сось. Данный путь зафиксирован С. У. Ремезовым в качестве традиционного волокового хода [14, л. 8об; л. 22об]. Более подробный рисунок выполнен картографом в ХЧК на листе № 117 (рисунок 1), в котором в устье Соби отмечен аборигенный городок. Из письма А. Марша мы узнаем, что в устье р. Пады (Сось) расположен городок Tesuoi Gorodok. Аналогично этому в устье Пады городок Сабдин локализует текст КБЧ [7, с. 213]. На рассматриваемом

листе 117 ХЧК этот городок помещен под созвучным названием Унбин. Заметим, что его локализация по всем трем источникам восходит к урочищу Тут-Вош (ханты: «Бородатый городок»), что определенно говорит о транскрибированном написании названия этого городка в письме А. Маршу (Тут-Вош= Tutwash (Тушев городок)>Tesuoi Gorodok).

Невероятно интересным в контексте нашего исследования является упоминание Березовских воевод о «закаменном» городке Роговом, посредством которого стало возможным наладить товарообмен с «каменной и печерской самоедью» в обход государственных пошлин. Как мы можем видеть из листа 117, «Каменный городок» расположен прямо на пересечении волокового пути с припиской «ходу 1 день». Здесь важна следующая деталь: в

1.1 – Фрагмент листа 117 ХЧК с обозначением ареала исследования; 1.2 – Реконструкция Чрезкаменного пути
Рисунок 1 – Собской Чрезкаменной пути

Ремезовском описании пути даны очень точные сведения (пути реконструируется следующим образом: расстояние, преодолеваемое по Печере до устья р. Усы исчисляется в 5 дней, затем за 4 дня путники достигали Сось, где за 1 день совершали волок у перевала Макара-Русь и входили к месту обхода судов, у которого и располагался Каменный городок), однако ни в рассматриваемом чертеже, ни в более позднем л. 22об. ЧКС этот пункт не обозначен как существующий. Картограф лишь оставил упоминание «городище» на месте некогда существовавшего городка. Таким образом, существование этого пункта следует датировать временем от появления интенсивного торгового пути (не позднее рубежа XV–XVI вв.) до появления Собской заставы, при которой он перестает иметь значение торгового центра.

Между тем, изменившиеся в течение XVII – первой пол. XVIII вв. политические реалии, спровоцировавшие коренные изменения в хозяйственной сфере аборигенного населения, привели к затуханию как некогда оживленной торговой коммуникации, так и аборигенных поселенческих структур.

Топонимические основания локализации заставы

Источники локализуют искомый объект в устье Соби на ее правобережье. В доказательство к этому приведем топонимический материал, собранный в данной местности.

В рамках данного исследования нами выполнен анализ и реконструкция для 160 названий географических объектов. Для анализа топонимии исследуемой территории использованы названия водоемов, рек, населённых пунктов, возвышенностей, урочищ, непосредственно примыкающих к основным водотокам: р. Уса, р. Елец, р. Сось. Для систематизации результатов исследования нами, на основе рисунка на л. 117 ХЧК, выделено шесть микрорайонов. В рамках исследования не рассматривалась топонимия, нанесенная на карты в

XX в., современные хоронимы, а также ойконимы населенных пунктов, основанных в советский период.

Представленные здесь имена географических объектов, фиксируемые на современных картах, в своей основе носят характер традиционной хантыйской топонимии, описывающей ландшафтные, гидрографические особенности местности, участки территории, связанной с хозяйственно-бытовой деятельностью, и локации, имеющие сакральное значение. При сопоставлении с данными, отмеченными на л. 117 ХЧК, прежде всего обращает внимание расположение Собской заставы в удалении от р. Обь, на правом берегу притока Соби – р. Шайтанки, в свою очередь имеющей исток из озера Шайтанский сор. Единственным на данной территории *соровым* озером является оз. Урьялор, имеющее сточный водоем – р. Лонкаръёган. Отмеченные на л. 117 ХЧК топонимы являются калькой хантыйских названий. Правобережье указанной реки представляет собой вытянутый в направлении северо-востока мыс, ограниченный руслом (с севера) и затопляемой поймой (с востока) р. Сось. Кроме того, указанное Г. Ф. Миллером местоположение заставы (в пяти верстах от устья р. Сось) практически совпадает в современном измерении с положением данного мыса в устье р. Шайтанки – Лонкаръёгана относительно места, которое, по мнению Г. Ф. Миллера, являлось устьем р. Сось и находилось напротив Собского городка – совр. д. Катравож.

Таким образом, реконструируемая диспозиция – в 5,5 км к СЗ от д. Катравож (в 5,5 – 6,0 км выше по течению р. Сось от д. Катравож), в 2,1 км к ЮЗ от д. Сус-Пугол, на правом берегу р. Сось, на правобережном мысу в устье р. Лонкаръёган, представляется нам наиболее вероятной точкой локализации одного из самых северных таможенных пунктов Московского государства XVI–XVII вв. – Собской заставы.

В связи со значительным объемом полученных данных ниже приведены сведения, необходимые для локализации местоположения заставы (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Анализ топонимии низовья и устья р. Сось

Топоним	Топоним в традиционной транскрипции	Перевод на русский язык	Расшифровка
Р. Поскан	<i>Поскан</i>	Река Ружейная	Хант. сущ. – <i>Поскан</i> – ружье (от рус. пушка)
Изба Лорлох	<i>Лор Дуңх</i>	Сор идолов	Хант. сущ. <i>Лор</i> – сор; сущ. <i>Дуңх</i> – идол, изображение божества
Изба Ньюрапол	<i>Нүрпосэд</i>	Кривая как дужка (котла) протока	Хант. <i>Нүр</i> – дужка; сущ. <i>Посэд</i> – протока
Сор Урьялор	<i>Уртй[ңк] дор</i>	Божественных вод сор	Хант. сущ. <i>Урт</i> – бог, божество; от <i>ййңк</i> – вода; сущ. <i>Лор</i> – сор
р. Лонгкаръёган	<i>Дуңхкуртйохан</i>	Стойбища идолов река	Хант. сущ. <i>Дуңх</i> – идол, изображение божества; <i>курт</i> – стойбище, поселок; сущ. <i>йохан</i> – река
д. Сус-Пугол	<i>Сүспухэд</i>	Осенний поселок	Хант. прил. <i>Сүс</i> – осенний; сущ. <i>Пухэд</i> – поселок
д. Катравож	<i>КатраВош</i>	Старый городок	Хант. прил. <i>Катра</i> – старый, ветхий; сущ. <i>Вош</i> – городок
р. Сангар-Юган	<i>Сайңхэйохан</i>	Палёная река (река вокруг которой был пал, пожар)	От хант. гл. <i>Сайңхэртты</i> – опаливать; сущ. <i>Йохан</i> – река
р. Бол. Варъёган	<i>Вар йохан</i>	Протоки пойменного озера река	Хант. сущ. <i>Вар</i> – протока, соединяющая пойменное озеро с рекой; сущ. <i>Йохан</i> – река
прот. Сормас	<i>Сорам Ас</i>	Сухая Обь	Хант. <i>Сорам</i> – сухой; от <i>Ас</i> . название р. Обь; (Сухая Обь – гидроним)
р. Сормасъёган	<i>Сорам Ас Йохан</i>	Сухой Оби река	Хант. <i>Сорам</i> – сухой; от <i>Ас</i> название р. Обь; (Сухая Обь – гидроним); сущ. <i>Йохан</i> – река
р. Хувсоим	<i>Хүвсойам</i>	Долгий ручей	Хант. <i>Хүв</i> – долгий, длинный; <i>Сойам</i> – речка, глубокий ручей
о. Ям-Пугор	<i>Йймпухэр</i>	Хороший остров	Хант. прил. <i>Ййм</i> – хороший; сущ. <i>пухэр</i> – остров
д. Тоу-Пугол	<i>Товипухэд</i>	Весенний поселок	Хант. прил. <i>Тови</i> – весенний; сущ. <i>Пухэд</i> – поселок
руч. Тоу-Пугол-Соим	<i>Товипухэд соям</i>	Весеннего поселка ручей	Хант. прил. <i>Тови</i> – весенний; сущ. <i>Пухэд</i> – поселок; сущ. <i>Сойам</i> – речка, глубокий ручей
о. Вина-Погор	<i>Вуй[шт]ы пухэр</i>	Остров, где перевоз (через Обь)	От хант. <i>Йништы</i> – перевозить; сущ. <i>пухэр</i> – остров
о. Ай-Погор	<i>Айэпухэр</i>	Маленький остров	Хант. прил. <i>Айэ</i> – маленький; сущ. <i>пухэр</i> – остров.
прот. Тоу-Пугол-Посл	<i>Товипухэд посэд</i>	Весеннего поселка протока	Хант. прил. <i>Тови</i> – весенний; сущ. <i>Пухэд</i> – поселок; сущ. <i>Посэд</i> – протока
о. Пухарпан	<i>Пукэт пан</i>	Пологий берег, на котором много птичьих стай (Птичий остров)	Хант. сущ. <i>Пукэт</i> – (птичья) стая; сущ. <i>Пан</i> – пологий берег

Список источников и литературы

- Алексеев, М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. – 2-е изд. – Иркутск : Иркутское областное издательство, 1941. – 665 с.
- Вершинин, Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XV–XVII вв. – Екатеринбург : Демидовский институт, 2018. – 504 с.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. – URL: http://Kominarod.ru/catalogues/biblio/papers_267.html (дата обращения: 16.10.2015).
- Обдорский край и Мангазья в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург : Тезис, 2004. – 200 с.
- Кардаш, О. В. Отчет о научно-исследовательских работах по теме: «Комплексные археологические исследования памятника Собская Застава» // АНД СГО ОКН ЯНАО № 2535. – Нефтеюганск, 2012. – 207 с.
- Кеммерих, А. О. Полярный Урал. – Москва : Физкультура и спорт, 1966. – 65 с.
- Книга большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Российской Академии, 1838. – 293 с.
- Лёзин, В. А. Реки и озёра Тюменской области (словарь-справочник). – Тюмень, 1995. – 298 с.
- Новиков, И. К. Отчет о научно-исследовательской работе «Выполнение работ по проведению инвентаризации состояния объектов культурного наследия в соответствии с требованиями государственного контракта № 18/12/2244 от 10.05.2018 г.» // АНД СГО ОКН ЯНАО № 4028/1. – Салехард, 2018. – 247 с.
- Приценко, С. В. Отчет о научно-исследовательских работах и создании научной продукции по выявлению и обследованию объектов культурного наследия в бассейне р. Сось (Приуральский и Шурышкарский районы ЯНАО) // АНД СГО ОКН ЯНАО № 2502. – Омск, 2011. – 71 с.
- Ремезов, С. У. и сыновья. Служебная чертежная книга: рукопись к. XVII – н. XVIII вв. – Эрмитажного собрания № 237

- Российской национальной библиотеки : [факсимильное издание. 35x25 ширина 5.5 см.]. Т. III. – Тобольск : Общественный фонд «Возрождение Тобольска», 2006. – 167 л.
- 12 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / перевод и подготовка текста, предисловие, комментарии А. Х. Элрта. – Екатеринбург : Волот, 2006. – 416 с.
- 13 Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова. Т. I. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. – Тобольск : Общественный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 172 л.
- 14 Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 г. С. У. Ремезовым и его сыновьями // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, фонд 256 (Собрание Н. П. Румянцева). – № 346. – 46 л.
- 15 Чибилёв, А. А., Чибилёв, А. А. Природное районирование Урала с четом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 14, № 1–6. – 2012. – С. 1660–1665.
- 16 Чулков, М. Д. Историческое описание Российской коммерции. Том III. Книга I. – Москва : Типография Н. Новикова, 1785. – 684 с.

Сокращения

АНД СГО ОКН ЯНАО – архив научной документации службы государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа.

СЧК – Служебная чертежная книга.

ХЧК – Хорографическая чертежная книга.

КБЧ – Книга Большому чертежу.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИМАКОВ В IX–XI ВЕКАХ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о этногенетической истории кимаков в IX–XI веках. Можно выделить как минимум четыре важных вопроса в научных исследованиях истории кимаков в IX–XI веках. 1. Время появления кимаков на Иртыше. 2. Соотношение названий Йемек (Имек) и Кимак (Кимек). 3. Этногенетические исследования палеодНК кимаков и кипчаков. 4. Противоречие сведений Худуд ал Алам и ал-Идриси касательно кимаков. В данной статье будут затронуты эти четыре аспекта.

Ключевые слова: Кимаки, Кипчаки, Сибирь, Средние века, аль-Идриси, Худуд ал Алам.

Abstract. This article discusses the ethnogenetic history of Kimaks in the IX–XI centuries. At least four important questions can be distinguished in the scientific studies of the history of the Kimaks in the IX–XI centuries. 1. The time of the Kimaks appearance on the Irtysh. 2. The relations between the tribal names Yemek (Imek) and Kimak (Kimek). 3. Ethnogenetic studies of paleoDNA of medieval Kimaks and Kipchaks. 4. The contradiction of the information of Khudud al Alam and al-Idrisi regarding kimaks. This article will address four of these aspects.

Key words: Kimaks, Kypchaks, Siberia, the Middle Ages, al-Idrisi, Khudud al Alam.

Кимаки являются одним из самых малоизученных тюркских народов средневековья. Одним из главных вопросов в изучении кимаков является вопрос о времени их появления на Иртыше. Здесь все версии их происхождения можно разделить на три группы.

1. Версия Л. Н. Гумилева заключается в том, что он отождествляет кимаков с чуйским племенем Чумугунь [2, с. 404]. Соответственно, их переселение на Иртыш можно датировать периодом после распада Западно-Тюркского каганата. Данная версия во многом маргинальна и отвергается большинством исследователей.

2. Согласно второй группе, кимаки переселились в Прииртышье не позднее VII века. Так, в это время, по мнению Б. Е. Кумекова, кимаки откочевали севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Согласно его мнению, между 766 и 840 годами, кимаки смогли занять территорию Западного Алтая, Тарбагатай и Алакольской котловины. После разгрома Уйгурского каганата в 840 году к кимакам присоединились три рода (эймур, баяндур, татар) [3, с. 322].

3. Согласно третьей группе версий, кимаки переселились в Прииртышье уже после 820-ых годов. С. М. Ахинжанов критиковал положения Б. Е. Кумекова, приводя сообщения арабского путешественника Тамима Ибн Бахра, фиксировавшего кимаков восточнее Уйгурского каганата [1, с. 104–107], а также данные ал-Идриси о том, что от Океана до столицы кимаков шесть дней пути [1, с. 108]. Также он приводил данные Йакута, утверждавшего, что кимаки граничат с Чинном (Китай) [1, с. 29].

Д. М. Тимохин и В. В. Тишин в своей рецензии категорично отмечали, что «гипотеза С. М. Ахинжанова... давно поставлена под сомнение П. Б. Голденом» [5, с. 214]. В указанном турецкоязычной работе 2002 года действительно есть критика гипотезы С. М. Ахинжанова, но при этом в ней никак не объяснены упоминания в источниках кимаков как жителей, живших «слева» от уйгуров в 820-ых годах.

Как сказано в источнике: «Справа от города царя

тугузгузов – страна тюрков, которые не смешаны с другими, слева – страна кимаков, а перед ним – ас-Син». В этой конфигурации кимаки живут явно восточнее уйгуров, а учитывая то, что путешествие было в 820-ых годах, можно точно утверждать, что в данном вопросе гипотеза С. М. Ахинжанова о более позднем переселении кимаков на Иртыш абсолютно верна.

Опровергнуть ее можно только если найти объяснительную модель, которая бы смогла интерпретировать сведения Тамима ибн Бахра и объяснить, почему эти источники «ошибочно» поместили кимаков восточнее уйгуров (Восточная Монголия) в 820-х годах. То же самое касается и сведений Йакута о том, что кимаки граничат с Китаем.

В противном случае категорически заявлять о неправоте С. М. Ахинжанова и его сторонников именно в этом вопросе не стоит.

Попытки объяснить это предположением о том, что Тамим ибн Бахр путешествовал в Турфан, где жили уйгуры, противоречат историческим фактам. М. Ф. Минорский писал, что широко распространенная тогда локализация уйгуров времен Тамим ибн Бахра в Турфане ошибочна [7, с. 300], так как в 20-е года IX века уйгуры все еще проживали на территории степей Монголии. Как писал С. М. Ахинжанов, «кимаков на Иртыше отмечают только поздние источники – Гардизи, анонимный автор Худуд ал Алам» [1, с. 107].

Таким образом, из трех групп версий появления кимаков на Иртыше наиболее обоснованной версией является версия С. М. Ахинжанова. Версия Б. Е. Кумекова о том, что кимаки проживали на территории Алтая и Иртыша, начиная с VII века, ошибочна, так как она противоречит первоисточникам.

Очень важным является вопрос о соотношении йемек (имек) и кимаков (кимек). Версия С. М. Ахинжанова о том, что йемеки отношения к кимакам не имеют [1, с. 110], является дискуссионной. Главным серьезным недостатком этой концепции является то, что у Махмуда Кашгари упоминаются два народа вместе – йемеки и каи. Это заставляет

С. М. Ахинжанова выдвигать минитезис о том, что йемеки и кимаки – это разные народы. То есть согласно его точке зрения, кимаки – это и есть каи, а йемеки – это не кимаки. Это точка зрения опровергается логически (в первоисточниках нигде не упоминаются параллельно кимаки и йемеки). Кроме этого, Кимаки и Каи как отдельные народы указаны у Мухаммеда Шибангарай в его труде Маджма ал Гараиб.

Д. М. Тимохин и В. В. Тишин также придерживаются версии о том, что отождествление йемеков и кимаков «в высшей степени гипотетично». Согласно их точке зрения, йемеков можно отождествить с племенем Яньмо [5, с. 214]. Разделяя кимаков и йемеков, они допускают ту же ошибку, что и «критикуемый ими» С. М. Ахинжанов.

Они считают, что йемеки XI века и кимаки XII–XIV веков – это разные племена. При этом данные авторы ставят в приоритет лингвистические построения в ущерб историческим источникам и логике. Так, критикуя тезис о тождестве йемеков и кимаков, они пишут: «похожесть слов в русском языке не означает идентичности в языке оригинала, где могут наличествовать те звуки, которые невозможно адекватно передать транслитерацией на другие языки» [5, с. 214].

При этом, авторы данной цитаты добавляют идею о том, что кимаки – это одно из кипчакских племен, которое фигурирует у различных авторов XII–XIV веков. Они, видимо, не знают, что кимаки упоминаются в источниках ранее XII века. К примеру, Ибн Хордадбех (820–885/913) упоминает кимаков, локализуя их возле Китая (на расстоянии 300 фарсахов). Аль Йакуби (умер в 897/905 году) также называет кимаков (написание «каймак») как один из тюркских народов, но без географической локализации. В анонимном сочинении Худуд ал Алам (982 год) упоминаются также кимаки.

Таким образом, тезисы и лингвистические построения Д. М. Тимохина и В. В. Тишина о том, что йемеки и кимаки – разные народы, и то, что кимаки известны всего лишь как одно из кипчакских племен в источниках XII–XIV веков, противоречат историческим фактам, которые четко показывают, что кимаки как народ уже фиксировался в IX–XI веках, а не появился впервые в источниках XII века.

По нашему мнению, в исторической науке более важны исторические факты, выявленные посредством исторической критики источников и простая логика.

В пользу отождествления йемеков (имеков) и кимаков (кимеков) можно привести следующие аргументы.

Во-первых, одинаковая география проживания. Д. М. Тимохин и В. В. Тишин отмечают, что йемеки, согласно Махмуду Кашгари, проживают в районе реки Иртыш. Согласно ал-Идриси, одной из главных рек кимаков является Гамаш, которую все исследователи отождествляют с рекой Иртыш.

Во-вторых, одинаковый период времени, когда упоминаются йемеки и кимаки. Гардизи и Махмуд Кашгари – авторы XI века, и их сведения касаются йемеков первой половины XI века. Выше мы показали,

что кимаки упоминались еще в IX веке. Мухаммад ал-Идриси в своем сочинении «Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак» 1154 года упоминает 16 городов кимаков. Как известно, главным информатором ал-Идриси относительно кимаков в данном сочинении был Джанах ибн Хакан ал-Кимаки, по всей видимости, сын кимацкого кагана. Несмотря на то, что труд был написан в 1154 году на Сицилии, в нем отражены сведения более ранней эпохи. На карте ал-Идриси мы видим то, что в состав Кимацкой державы входит Семиречье. Как мы знаем, в 1125 году данную область уже занимали каракитаи. Таким образом, можно утверждать, что карта точно отражает ситуацию до 1125 года. А если учитывать тот момент, что в источниках неизвестно вообще ни о каких войнах между кимаками и каракитаями, можно предположить, что карта отражает больше эпоху расцвета Кимацкой державы, когда кипчаки еще не отделились от нее и не начали экспансию на запад (1054 год – год первого упоминания кипчаков в русских летописях). Таким образом, скорее всего карта отражает период до середины XI века. При этом замечания Д. М. Тимохина и В. В. Тишина о том, что различные авторы XII–XIV веков пишут о «кимаках как о кипчакском племени» не верны. Тот же ал-Идриси, автор XII века, пишет о кимаках как об отдельном и большом народе. Трудно понять то, каких авторов XII–XIV веков имеют в виду Д. М. Тимохин и В. В. Тишин, так как вместо ссылок на первоисточники они дают ссылки на историков XIX–XX веков.

В-третьих, нигде в источниках не упоминаются кимаки и йемеки параллельно. Упоминаются либо первые (кимаки или кимеки), либо вторые (Йемеки, Имеки). Используя бритву Оккама, можно утверждать, что речь идет об одном и том же племени, так как география и время совпадают, а названия очень близки между собой.

Здесь необходимо отметить, что иногда этногенетические исследования палеодНК в силу ряда особенностей позволяют сделать не совсем корректные выводы. Так, после одной из больших палеогенетических работ распространился тезис о том, что «кимаки – это предки современных кипчаков, относящихся к разным народам на данный момент». В свою очередь кипчаки из разных народов отчасти совпадают генетически (по полиморфизму Y-хромосомы) между собой и восходят по времени жизни ко временам кимаков. Другие «общественные эксперты» говорят о более позднем разделении кипчаков между разными народами, имея в виду XIII–XIV а иногда и XV–XVI века. С такими постановками этих тезисов трудно согласится. Разные группы кипчаков субклада R1b1a1-Y14051 безусловно родственны между собой, но целый ряд фактов говорит о том, что они больше восходят к кипчакам племени Токсоба, чем к Кимакам. При этом, в эпоху Золотой орды данная генетическая линия кипчаков не была уничтожена, более того, она расширилась и стала более географически распространенной.

К сожалению, пока исследования палеодНК средневековых кипчаков и кимаков находятся на начальном этапе исследований. В работе 2018 года [6]

было опубликовано четыре образца ДНК, которые можно было отождествить со средневековыми кипчаками или кимаками. Классификацию принадлежности данных образцов к конкретным субкладам была нами взята с сайта YFull (<https://www.yfull.com>).

Образец DA23. Относится к очень редкому субкладу C2-Y11990 (на данный момент опубликовано в общем доступе только три образца, которые относятся к данному субкладу). Образец ДНК был взят из захоронения Лисаковск I в Костанайской области. Предположительная датировка времени жизни – 1167 г. н. э. Наиболее близок к этому образцу современный житель Словакии (время жизни первого общего предка для двух образцов – 1450 лет назад). Учитывая тот факт, что в Словакии проживала этнографическая группа «плавцы» (венгры кипчакского происхождения), такое совпадение могло быть вызвано именно миграциями средневековых кипчаков на территорию исторического Венгерского королевства. Чуть дальше от данного образца находятся жители Джамму и Кашмира из Индии.

Образец DA87. Относится к субкладу R1b1a1-Y14051. Образец ДНК был взят из захоронения Григорьевка 4, Захоронение 1 в Павлодарской области. Предположительная датировка времени жизни – 738 г. н. э. Наиболее близки к этому образцу представители народа кумандинцы, отдельные представители хазарейцев, казанских и томских татар, а также ногайские кипчаки и канглы из Терекли-Мектеба, башкирские карагай-кипчаки, киргизские кипчаки (подроды Торуайгыр и Кызылаяк), узбекские кипчаки (подрод Жети-Кашка), каракалпакские кипчаки (подроды Канлы, Канжигалы), казахские кипчаки (подроды Карабалык, Колденен, Торы, Узун), потомок касимовских кипчаков (из семьи Тонкачевых), а также отдельные русские и украинцы. К сожалению, секвенирование не показало более глубокого субклада у этого образца.

Образец DA93. Относится к субкладу R1b1a1-Y14051. Образец ДНК был взят из захоронения Спартак, Курган 1, Захоронение 4 в Павлодарской области. Предположительная датировка времени жизни – 889 г. н. э. Этот образец также близок вышеуказанным этническим группам. Образец относится к малому субкладу R1b1a1-Y134928, что его сближает с каракалпакским кипчаком подразделения Канжигалы (время жизни первого общего предка для двух образцов – 1350 лет назад).

Образец DA179. Относится к субкладу G-Z6922. Образец ДНК был взят из захоронения Нураталды 2, Курган 2 в Шетском районе Карагандинской области. Предположительная датировка времени жизни – 1018–1218 гг. н. э. Образец относится к малому субкладу G-Z6922, в одной группе с украинцем из Николаевской области и итальянцем из Кальяри (время жизни первого общего предка для этих трех образцов – 2600 лет назад).

Здесь стоит отметить, что необходимо с известной долей критики относиться к историческим аспектам генетических и палеогенетических статей. К примеру, в данной статье образец DA87 назван кимаком, образцы DA179 и DA23 названы кипчаками, а образец DA93 на-

зван средневековым кочевником. На основе этих данных в широком информационном поле возникают мифы. К примеру атрибуция единственного образца DA87 как кимака дала основание отдельным околонуточным персонам выдвинуть тезис о том, что «средневековые кимаки по происхождению ничем не отличались от средневековых кипчаков», а также другой тезис: «кимаки – это предки современных кипчаков», хотя датировка 738 г. н. э. противоречит данным источников, согласно которым кимаки переселились в данный регион чуть позже. То есть данный образец – безусловно близкий родственник предков разных кипчакских групп, но он вряд ли являлся кимаком по своей племенной принадлежности. Поэтому необходимо со сдержанностью и определенной долей скептицизма подходить к историческим аспектам генетических статей.

Если же абстрагироваться от этих нюансов, можно утверждать, что полученные результаты показывают, что отдельные генетические линии у средневековых кочевников восточного Дешт-и Кипчака прервались, в то время как генетическая линия R1b1a1-Y14051 смогла пережить монгольское нашествие и сильно распространилась в основном среди представителей племени Кипчак, в меньшей степени – среди представителей племени Канглы. Среди сибирских татар данная генетическая линия распространена среди томских татар.

Еще одним немаловажным научным вопросом является вопрос противоречия сведений Худуд ал Алам и ал-Идриси касательно кимаков.

Для понимания всей сложности вопроса коротко перескажем сведения из этих источников.

Арабский географ ал-Идриси создал уникальное сочинение и карту мира, на которой было изображено большое количество городов, географических объектов и народов того времени. В 1920-х годах немецкий исследователь К. Миллер опубликовал реконструкцию карты ал-Идриси, которая сейчас доступна в интернете [4].

Согласно ал-Идриси у кимаков было 16 городов: Карантия, Гаган, Дахраг, Дамурия, Сараус, Банджар, Астур, Хакан (Кимакия), Фавараг, Манарах, Сисан, Кали (Ман), Надж, Захлан, Ханауш, Лалан.

Здесь можно выделить фактически три главных региона кимаков.

I Северные владения вдоль рек Иртыш, Тобол и Есиль (Ишим). Сюда можно отнести следующие города: Астур (севернее озера Зайсан), Манарах (южнее Тобольска), Хакан (столица Кимакской державы, на территории Омской области России), Фавараг (юго-восточнее Хакана), Сисан (по нашему мнению, является известным по археологическим раскопкам городищем Бозок), Кани (Ман), находящийся вдоль течения реки Тобол. На карте К. Миллера указан еще город Хакан Кимак, но скорее всего это ошибка, второе упоминание города Хакан (рисунок 1). Здесь стоит отметить, что самый северный город Кимаков под названием Манарах ранее был столицей Кимков.

2 Юго-Восточные владения в Прибалхашье, Семиречье и восточном Туркестане. Сюда относятся

следующие города: Сараус (Семиречье), Дамурия (Восточный Туркестан, возле города Кульджа), Гаган (юг озера Балхаш), «деревня Дахрат» (запад озера Балхаша), Карантия (восток озера Балхаш), Банджар в горах Гиргир (Тарбагатай) (рисунок 2).

3 Юго-Западные владения в Центральном Казахстане. Сюда относятся следующие города: Надж

(предположительно в горах Кызылтас), Захлан (Дахлан, предположительно Шетский район Карагандинской области), Ханауш и Лалан (возле Улытауских гор) (рисунок 3).

Если почитать сведения ал-Идриси, то создается впечатление, что Кимакская держава монолитна и сильна. Главным информатором ал-Идриси был Джанах ибн

Рисунок 1 – Северные города Кимаков (по К. Миллеру)

Рисунок 2 – Юго-восточные города Кимаков (по К. Миллеру)

Рисунок 3 – Юго-западные города Кимаков (по К. Миллеру)

Хакан ал-Кимаки, кимакский царевич. Поэтому можно утверждать, что данная карта отражает видение политической элиты Кимакской державы на саму себя.

Если же почитать сведения Худуд ал Алам, то оказывается, что:

1) реки Иртыш и Итиль находятся южнее кимакков. Западнее Кимаков проживают «некоторая часть кипчаков», восточнее – киргизы. При этом в Худуд ал Алам написано: «И эта область такова, что в ней [только] один город и всё»;

2) также есть сведения, что правителя кимаков зовут Хакан и он имеет 11 наместников, которые передают свою власть по наследству своим сыновьям;

3) в Кимакской державе есть специфические области и города:

- «Андар аз хифчак», где обычаи жителей похожи на обычаи огузов;

- «Каркар(а)хан», где обычаи жителей похожи на обычаи киргизов;

- «Йагсун Йасу», между реками Итиль и Иртыш;

- «Намакийя» (Йамакийя?) – столица кимаков, где пребывает Хакан;

- «Дих-и Чуб», «селение на берегу реки».

Если сравнивать данные ал-Идриси и Худуд ал Алам, то можно только отождествить столицы кимаков (Хакан и Намакийя). Здесь необходимо отметить, что река Итиль в данном случае – это известная нам река Есиль (Ишим), которая впадает в Иртыш. То есть степи между реками Иртыш и Есиль (Ишим) назывались Йагсун Йасу. 11 ставок наместников в Худуд ал Алам и 16 городов у ал-Идриси, скорее всего, имеют одну природу. Эти «города» и были ставками наместников, а сведения ал-Идриси отражают ситуацию большего расширения Кимакской державы, когда число наместников увеличилось до 15 человек. Скорее всего, названия городов могли иметь отношения к именам, названиям племен или родовым прозвищам кимакских наместников. При этом названия городов Гаган и Хакан носят свои названия в честь титула Хакан. Местность Андар аз-Кипчак, по нашему мнению, имеет отношения к юго-западным владениям

кимаков с карты ал-Идриси. Здесь они граничили с огузами и вполне объяснимо, что жители этой области имели общие обычаи с огузами. Каркарахан, по нашему мнению, легче отождествить с горами Гиргир (Гарбагатай) и в целом с юго-восточными владениями кимаков.

Также необходимо отметить, что, если почитать Худуд ал Алам, то окажется, что этот взгляд на Кимакскую державу отличается от взгляда ал-Идриси. Наличие как минимум трех этнокультурных земель, которые имели отличия между собой, говорит о многом. Полное молчание по этому поводу у ал-Идриси объяснимо источником, откуда он брал свои сведения.

В итоге диаметрально противоположные взгляды на характер Кимакской державы легко можно объяснить характером источников. Ал-Идриси транслировал точку зрения кимакского принца Джанаха, который не был склонен акцентировать внимание на различиях между разными регионами кимаков. В то время как автор Худуд ал-Алам ретранслировал другие взгляды, которые делали акцент на различиях между разными регионами Кимакской державы.

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что, во-первых, версия С. М. Ахинжанова о более поздней миграции кимаков в Прииртышье более оправдана, так как основывается на ряде источников, которые их изначально фиксируют в Восточной Монголии. Во-вторых, йемеки (имеки) Гардизи и Махмуда Кашгари XI века идентичны кимакам (кимекам) других авторов IX–XIV веков. В-третьих, противоречия между Худуд ал-Алам и ал-Идриси вполне объяснимы характером их информаторов. К концу своего существования Кимакская держава охватила большую территорию Центрального, Северного, Восточного, Юго-восточного Казахстана, Западной Сибири и части Восточного Туркестана, что отражено в сведениях ал-Идриси. При этом сведения Худуд ал-Алам о высокой автономности наместников Хакана объясняют механизм распада Кимакской державы, в результате которого на первое место вышли кипчаки.

Список источников и литературы

1 Ахинжанов, С. М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы : Гылым, 1995. – 296 с.

2 Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». – Москва : Ди-Дик, 1993. – 480 с.

3 История Казахстана в пяти томах. Т. 1. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. – Алматы : Атамурра, 2010. – 544 с.

4 Миллер, К. Реконструкция карты ал Идриси. – URL: <http://www.bigmapblog.com/maps/map01/YDKRvrsmOFNUnsum.jpg> (дата обращения: 01.02.2020).

5 Тимохин, Д. М., Тишин, В. В. Рецензия на: Филичук, Я. В., Сабитов, Ж. М. Очерки этнополитической истории Кипчаков. – Астана, Гылым, 2015. – 248 с. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 198–206.

6 Damgaard P. et al. 2018 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. – Vol. 557. – 2018. – Pp. 369–374. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0094-2> (date of request: 01.02.2020).

7 Minorsky, V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // School of Oriental and African Studies. – 1948. – Vol. XII. Part 2. – Pp. 275–305.

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ КЕЛМАМЕТ «КНЯЖ БЕГИШЕВ» И АВАЗБАКЕЙ КУЛЬМАМЕТЕВ: НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ

Аннотация. В статье рассматриваются биографии двух видных представителей служилых татар, проживших начало известному роду тобольских голов Кульмамметевых – Келмаммета княж Бегишева и его сына Авазбакея. На примере конкретных личностей показана преемственность служилых татар от военно-служилой верхушки Сибирского ханства.

Ключевые слова: Сибирь, князь Бегиш, служилые татары, Келмаммет, Авазбакей Кульмамметев.

Abstract. The article deals with the biographies of two prominent representatives of the service Tatars who initiated the famous family of the Kulmammetevs of Tobolsk - Kelmamet Knyazh Begishev and his son Avazbakey. On the example of specific individuals, the succession of serving Tatars from the military-serving top of the Siberian khanate is shown.

Key words: Siberia, Prince Begich, serving Tatars, Kelmamet, Avazbakey Kulmammetev.

Среди служилого татарского контингента конца XVI–XVII вв. С. В. Бахрушин называет целый ряд персоналий: князя Енбулата, его сына князя Кутука и внука Аллагур-мурзу, мурзу Кайдаула Байсеитова, его сыновей Мамета, Читя и Аиткула Кайдауловых, тарского князца Тынмаммета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмамметова и внука Талайку Кучукова, тюменского служилого татарина «князя Аткачарко Ахманаева», тюменских «юртовских служивых татаровей лучших людей» Девея Иртышова, Буйдака Емачтаева, Тугока Келементеева, Моюмаса Азехматова, Казада Енгильдеева, Устемира Канчюрина и др. [3, с. 165–167]. Многие потомки служилых татар вели свои родословные от военно-служилой верхушки Сибирского ханства. Но судьба их и роль в исторических событиях конца XVI–XVII вв. пока слабо освещена. Между тем, изучение персоналий может более выпукло представить историческую ситуацию не только XVII, но и более раннего периода. Обратимся к некоторым сюжетам, связанным с биографиями служилых татар Келмаммета княж Бегишева и Авазбакея Кульмамметева.

По мнению известных историков С. В. Бахрушина и Н. А. Томилова [3, с. 163–164; 14, с. 69], родоначальником клана мурз Кульмамметевых являлся князь Бегиш Сибирского ханства. Он упомянут в Сибирских летописях в связи с походом отряда Ермака в 1584 г. на татарские владения, которые еще оставались неподчиненными Ермаку. Эти события подробно описаны Г. Ф. Миллером [9, с. 145]. Итогом сражения воинов князя Бегиша и казаков стала победа отряда Ермака, после которой казаки «ни одного человека, которой им в руки попал, живова не пускали» [9, с. 145–146].

Что случилось далее с самим князем Бегишем, по имеющимся на сегодняшний день источникам не известно. Но вскоре на исторической арене появляется «Келмаммет княж Бегишев», которого мы, вслед за С. В. Бахрушиным и Н. А. Томиловым, считаем сыном «большого князя Бегиша» и родоначальником

клана мурз Кульмамметевых. Остается вопрос и о том, как Кулмаммет оказался среди служилых татар, перешедших на службу новой власти. Возможно, после битвы с ермаковцами в 1584 г. и гибели практически всех жителей городка Бегиш, если и остался в живых, покинул эти места, а возможно, и Сибирь. Потому фамилия служилого татарина Килмаммета (Кулмаммета) встречается далее в источниках под вариантами Чюдашев, Чюрушев, Якшигильдеев.

В качестве предположения можно выдвинуть гипотезу, что князь Бегиш с семейством (или его частью) мог отправиться в Среднюю Азию, откуда затем возвращается Кулмаммет. В семейных архивах Кульмамметевых имеется следующая версия: «мурза Кулмаммет, услышав чрез... высочайшие грамоты к вызову иноземцев... с довольно дарованными им... свободами и выгодами, оставя в отечестве своем родственников и всякие заводы и помыслы, самоохотно выехал в российское подданство» [5; 15, с. 117]. Однако данная версия требует дальнейших подтверждений.

В источниках встречается информация и о других потомках Бегиша. Так, Г. Ф. Миллер, опираясь на Сибирские летописи, упоминает еще об одном сыне Бегиша – Тобозее: «по общей всех татар повести, по Бегишевом сыне Тобозее, которой в последующие времена на устье истока из озера при реке Иртыше поселился, оное озеро и сия сперва им обитаемая деревня, по русски Бегишевские юрты называемая, на татарском языке переименованы в Тобозскую и Тобозеаул» [9, с. 145]. Местные татары до настоящего времени называют Бегишевские юрты Тубысы/Тобысы аул [10].

Еще один потомок князя Бегиша фигурирует в Краткой Сибирской летописи [7, с. 29]. Это внук Бегиша (возможно, сын Тобозея). Опираясь на сведения С. У. Ремезова, указывавшего, что тело Ермака было обнаружено внуком Бегиша Якышем, Г. Ф. Миллер пишет об этом событии следующее: «Мертвое тело Ермака, как объявляется в Тобольском летописце,

найденно августа 13 дня при татарской деревне Епанчинские юрты, которая от Абалака вверх по Иртышу отстоит только на 12 верст. Татарин именем Яниш, вышепоманутого князца Бегиша внук, там ловил рыбу и увидел шатающиеся у берега в воде человеческие ноги. И как он охоту возимел утопшего посмотреть, то сделал петли, которые, накинув на ноги, вытащил мертвое тело на берег... Он побегал тотчас в деревню для учинения известия тамошним жителям...» [8, с. 152–153].

Остановимся еще раз на вопросе, долгое время оставшимся спорным, являлся ли родоначальник Кульмаметевых Кульмамет сыном летописного князя Бегиша [13, с. 103–104]. Сведения о служилом татарине Кулмамете встречаются в документах первой половины XVII в., в которых сообщается об отправке в 1623 г. к калмыцкому тайше Талаю посольства сына боярского Д. Черкасова в сопровождении тобольского служилого татарина Кельмамета Якшигильдеева, который в другом месте назван Килмаметко Бегишевым. Происхождение Кельмамета от князя Бегиша подтверждают и другие архивные материалы, в которых служилый татарин Келмаммет назван княж Бегишевым, т. е. сыном князя Бегиша [11, кн. 14, л. 98, 205об. и др.]. Таким образом, здесь мы видим прямые доказательства того, что род Кульмаметевых ведет «начало от владельца Баишева городка князя Бегиша» [14, с. 69].

Последнее выявленное на сегодняшний день упоминание тобольского юртовского служилого татарина Келмамета княж Бегишова встречается в «Книгах именных тобольским служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татарам с хлебными и соляными оклады», относящихся к 1641–1642 гг. [11, кн. 141, л. 206]. В документе 1645–1646 гг. встречается имя Мамеделея Кильмаметева [11, кн. 201, л. 133об.], вероятно, сына Кулмамета. В «Книгах именных...» под 1663–1664 гг. упоминается и другой, более известный сын Кулмамета – Авазбакей [11, кн. 475, л. 103об.]. В «Книгах...», датирующихся 1675–1676 гг., содержится запись о том, что «на съездем дворе юртовские служилые татары бухарцы и захребетники дали шерть на куране». Среди шертовавших юртовских служилых татар первым назван Авазбакей Кулмаметев [11, кн. 607, л. 175]. В этом же документе указано, что в это время сын Авазбакея – Сабанак Авазбакеев находился «на Москве» [11, кн. 607, л. 204].

Таким образом, на основе выявленных документов, можно говорить о сыновьях князя Бегиша Тобозее и Кулмамете (Келмамете) и сыновьях Кулмамета Авазбакее, Сейдяше и Мамедее [11, кн. 607, л. 175].

Об одном из наиболее значимых и деятельных представителей рода, во многом заложившем основы могущества рода, – Авазбакее Кулмаметеве известно, что уже со второй половины XVII в. он находился на государственной службе. В 1678 г. особой царской грамотой Авазбакею Кулмаметеву был определен высокий денежный оклад – 20 рублей, а также 7 четвертей ржи, 7 четвертей овса и 6 пудов соли [5, л. 96об.]. В

апреле 1692 г. тобольским воеводой Степаном Салтыковым юртовский служилый татарин Авазбакей Кулмаметев был назначен на должность головы тобольских служилых и захребетных татар «в вознаграждении его службы и купно с тем за сообщенные всяких известий» [12, л. 15]. В обязанности Авазбакея Кулмаметева, как татарского головы, входило «удерживать татар от обид русским и ограждать от притеснения сих ... последних, производить между татарами всякую расправу, докладывать в важных делах боярину и воеводе Салтыкову, а за малые вины самому наказывать, прекращать всякие непозволенные связи их с заграничными народами и в случае нападений от них отражать оных военною рукою, для чего наблюдать, чтобы служилые татары состояли всегда в полном числе и неспособных из них к службе применять...» [12, л. 15об.]. В помощники Авазбакею был определен его сын – Сабанак Кулмаметев, с денежным окладом, составлявшим 16 рублей и хлебным – 7 четвертей ржи [12, л. 15об.].

Видимо, роль Авазбакея в политической жизни главного города Сибири была очень значима. Не случайным было его назначение на должность головы служилых татар. Известно, что он имел дружеские связи при дворе. Так, в документе есть информация о том, что тесть царя Ивана Алексеевича писал: «приятелю моему Азбакею Кулмаметевичу Федор Салтыков челом бьет, пожалуй вели ко мне писать про свое здоровье, как тебя бог милует» [4, л. 66]. Вскоре после назначения Авазбакея на должность головы служилых татар в декабре 1692 г. «от ближнего боярина Федора Салтыкова» было отправлено жалованное письмо от царицы Параскевы Федоровны с подарками «на кафтан прадеду и мурзе Авазбакею сукна серого пять аршин, да двум татарам, которые приезжали от того прадеда к Москве сукна темно-зеленого по пяти аршин» [4, л. 66–66об.].

Скорее всего, дружеские отношения при дворе завязались у Авазбакея еще при царе Алексее Михайловиче. Известно, что он привозил в Москву ловчих птиц. Заядлый любитель соколиной охоты царь Алексей Михайлович уделял птицам огромное внимание, в своих грамотах наказывая «...кречатым помытчиком и ямщиком приказывать накрепко, чтоб они наши птицы дорогою возили бережно, и сани осматривали с великим береженьем...» [1, с. 315]. «Окружная царская грамота воеводам и приказным о провозе ловчих птиц, отправляемых из Сибири в Москву» от 24 февраля 1662 г. давала Азбакею Кулмаметеву практически верительную грамоту от царя Алексея Михайловича. «Да в нынешнем же в 170 году из Сибири присланы к нам Великому Государю, к Москве, наши птицы с Сибирским Татаринном с Азбакеем Килмаметевым и с помытчики, и те птицы у них приняты, а они отпущены назад, в Сибирь: и воеводам нашим и приказным людям того татарина и помытчиков велеть пропускать без задержания ж и налог никаких им не чинить; а как тот татарин учнет со птицы к Москве ездить вперед, и о пропуске его к Москве и в Сибирь чинити по сему ж нашему Великому Государя указу. А

прочитая его нашу Великого Государя грамоту, в городах и на ямах оставливать списки иных наших воевод и приказных людей... а сю нашу Великого Государя грамоту отдавать ему Азбакею...» [1, с. 315]. Продолжали привозить ловчих птиц из Сибири в столицу и при сыне Алексея Михайловиче – Федоре [2, с. 36].

Авазбакей Кульмаматов выполнял и другие важные царские поручения. Так, по царской грамоте Федора Алексеевича верхотурскому воеводе Лариону Лопухину было приказано не задерживать в Верхотурье татарина Авазбакея Кульмаматова и Никиты Ушеня, посланных из Москвы в Тобольск для покупки и мены китайских товаров: «По нашему великого государя указу, послано с Москвы в Тоболеск для покупки и мены китайских товаров, с тобольским юртовским служилым татаринном с Авазбакеем Кульмаматовым, да с Микиткою Ушенею, ... великого государя казны 500 лисиц красных и сиводущатых, да сто выдр, за нашею великого государя печатью Сибирского приказу; да им же Авазбакею и Микитке дано из нашею великого государя казны, на покупку 250 рублей денег, а велено им на те денги купить 250 юфтей кож. – И как и вы б с тою нашею великого государя казною и с покупными кожами его Овезбакея и Микитку с Верхотурья отпустили в Тоболеск без задержания и

беспошлинно...» [6, с. 319–320].

Как видим, Авазбакей Кульмаматов нередко выполнял важные поручения царского двора, что дает веские основания предположить, что он лично был знаком с представителями царского рода и имел прочные связи в московских верхах.

В мае 1695 г. «от Великих Государей за долговременную его Авазбакея и сына его Сабанака службу и радетьство отданы в Тобольском уезде вверх по рекам Тоболу и Иртышу пашенные земли, сеньные покосы и прочие угодья по поступным записям за ним состоящие, равно и покупным, с тем, чтоб владеть им, детям и внучатам их вообще» [12, л. 15].

«Поколенная роспись» Кульмаматовых, ведущая начало от «мурзы Авазбакея Кульмаматова», позволила уточнить, что у мурзы Авазбакея Кульмаматова было пятеро сыновей – Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур [4, л. 82].

Таким образом, изучение отдельных значимых представителей тюркского населения Западной Сибири после ее включения в состав Русского государства и формирования верхней страты этого населения является важной задачей для изучения не только периода «сибирского взятия», но и истории ханского периода.

Список источников и литературы

- 1 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 4. – Санкт-Петербург : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – 604 с.
- 2 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 5. – Санкт-Петербург: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – 580 с.
- 3 Бахрушин, С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. II. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 153–175.
- 4 Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316 – Пермское наместническое правление (г. Пермь). Оп. 1. Д. 109.
- 5 Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-329 – Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788–1895 гг.). Оп. 13. Д. 7.
- 6 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. – Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца 1862. – 372 с.
- 7 Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Г. Елконского, 1880. – [2], II с., 39 л., 48 стб., III с. : ил.
- 8 Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. – Москва : Либерия, 1998. – 416 с.
- 9 Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 1. – Москва : Восточная литература, 1999. – 630 с.
- 10 ПМА – полевые материалы З. А. Тычинских. 2018 г.
- 11 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. – Сибирский приказ. Оп. 1.
- 12 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Д. 347.
- 13 Самигулов, Г. Х., Тычинских, З. А. Новые источники по истории мурз Кульмаматовых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 1 (40). – С. 99–107.
- 14 Томилов, Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1981. – 276 с.
- 15 Тычинских, З. А. Служилые казаки Кульмаматовы в XVIII в. // Сибирские татары : материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск : Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1998. – С. 117–119.

СПИСОК АВТОРОВ

Абуев Кадыржан Кабиденулы – доктор исторических наук, профессор, директор историко-исследовательского института, Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия).

Байрамова Фаузия Аухадиевна – кандидат исторических наук, писатель, член правления Союза писателей Республики Татарстан (г. Казань, Россия).

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия).

Васьков Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры «История России», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Волков Владимир Геннадьевич – соискатель кафедры археологии и этнологии, Томский государственный педагогический университет (г. Томск, Россия).

Грачев Максим Александрович – директор Музея археологии и этнографии, Омский государственный педагогический университет (г. Омск, Россия).

Исхаков Дамир Мавляевич – доктор исторических наук, главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» Межрегиональной общественной организации «Всемирный конгресс татар» (г. Казань, Россия).

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архив Российской академии наук (АРАН) (г. Москва, Россия).

Колобова Яна Романовна – магистрант, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия).

Костомаров Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН (г. Тюмень, Россия).

Конев Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной антропологии, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН (г. Тюмень, Россия); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие», Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия).

Курнос Валерий Валерьевич – аспирант кафедры «История России», Сургутский государственный университет (г. Сургут, Россия).

Латин Николай Сергеевич – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (доцент), ведущий научный сотрудник, Институт истории государства КН МОН РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан).

Лебедева Юлия Александровна – лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия).

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия).

Менщиков Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (г. Курган, Россия).

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук; заведующий сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение "Музей Москвы"» (г. Москва, Россия); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие», Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия).

Парунин Алексей Владимирович – научный сотрудник, ФССКН «Общественный фонд "Южный Урал"» (г. Челябинск, Россия).

Перцев Никита Викторович – научный сотрудник сектора археологии и этнографии, ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского» (г. Салехард, Россия).

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история права и государства», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Пузырев Иван Дмитриевич – аспирант департамента истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург, Россия).

Рева Роман Юрьевич – эксперт Министерства Культуры РФ по категории «Нумизматические материалы Востока (III в. до н. э. – XX в. н. э.)», соучредитель Новосибирской городской общественной организации любителей старины (г. Новосибирск, Россия).

Рябинина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Культурология», Курганский государственный университет (г. Курган, Россия).

Сабаров Александр Николаевич – старший инспектор отдела государственной охраны, Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Ханты-Мансийск, Россия).

Сабитов Жаксылык Муратович – PhD, вице-президент, АО «Национальный Центр Государственной Научно-Технической Экспертизы» (г. Алматы, Республика Казахстан).

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России», Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия).

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия).

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия).

Тишин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия).

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Наследие», Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия).

Тычинских Зайтуна Антрашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск, Россия).

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар, Россия).

Чернышов Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский институт Томского государственного университета (г. Томск, Россия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вопросы историографии и источниковедения политической и этнической истории сибирских государств

Абуев К. К. О ТЕРМИНЕ «СИБИРЬ» И ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	3
Исхаков Д. М. К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СОКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ».....	6
Киселев М. Ю. СИБИРСКОЕ ХАНСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ С. В. БАХРУШИНА.....	9
Менищиков В. В. И. Н. ЮШКОВ О СИБИРСКИХ ТАТАРАХ.....	14
Тихонов С. С. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКАХ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА.....	16

Тюменское ханство и его наследие

Аксанов А. В. ПЕРВЫЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ТЮМЕНСКОМ ХАНСТВЕ.....	20
Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. ТЕРРИТОРИЯ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.....	23
Парунин А. В. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛЬНОЙ ДАТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА.....	27
Рева Р. Ю. О НАХОДКАХ МОНЕТ ИБРАХИМА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	33
Рева Р. Ю., Тишин В. В. «КАРА ТАВАРИХ» КАК ИСТОЧНИК О ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЯХ ВИЛАЙЕТА ТУРА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С НУМИЗМАТИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ).....	40
Трепавлов В. В. ДЕЧИНГИЗАЦИЯ: СИБИРСКАЯ ВЕРСИЯ.....	52

Сибирское ханство и его соседи

Байрамова Ф. А. К ВОПРОСУ О ЗАВОЕВАНИИ СИБИРИ РУССКИМИ.....	57
Беляков А. В. УРАЗ-МУХАММЕД В СИБИРИ.....	61
Курносоев В. В. К ВОПРОСУ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОБСКИХ УГРОВ И СИБИРСКИХ ТАТАР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	65
Лалин Н. С. «СИБИРСКИЙ ФАКТОР» В КАЗАХСКО-РУССКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1594–1595 ГГ.....	69
Моисеев М. В. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.....	74
Почакаев Р. Ю. ВМЕСТО КАЗНИ – В ШТРАФБАТ? ЗАМЕТКА О ПРАВОСУДИИ ХАНА КУЧУМА.....	78
Солодкин Я. Г. РАСПОЛАГАЛ ЛИ КУЧУМ АРТИЛЛЕРИЕЙ В БИТВЕ НА ЧУВАШЕВОМ МЫСУ?.....	81
Татауров С. Ф. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА.....	84
Упоров И. В. СИБИРСКОЕ ХАНСТВО КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПУБЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	88
Чернышов С. А. «ИСКОНИ ВЕЧНАЯ ВОТЧИНА ГОСУДАРЕЙ НАШИХ»: ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ВО ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ КОММУНИКАЦИЯХ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ.....	93

Западная Сибирь в конце XVI–XVII вв.: политика, население, культура

<i>Васьков Д. А.</i> КУЧУМОВИЧИ И УГРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII В. (К ИСТОРИИ ЗАГОВОРА ОСТЯКОВ БЕРЕЗОВСКОГО УЕЗДА В 1662–1663 ГГ.).....	99
<i>Волков В. Г.</i> ГЕНОФОНД ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РОДО-ПЛЕМЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА.....	106
<i>Грачев М. А., Костомаров В. М.</i> КУЛАРОВСКИЙ ГОРОДОК: ЛОКАЛИЗАЦИЯ НА МЕСТНОСТИ НА ОСНОВЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ.....	115
<i>Колобова Я. Р.</i> ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ НА ЧЕРТЕЖАХ С. У. РЕМЕЗОВА.....	119
<i>Конев А. Ю., Пузырев И. Д.</i> РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЧЕЛНОЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ БУХАРЦЕВ НА СИБИРСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В КОНЦЕ XVI – XVII В.	122
<i>Лебедева Ю. А.</i> ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (БАРАБИНСКИХ И ТАРСКИХ ТАТАР).....	126
<i>Перцев Н. В., Сабаров А. Н.</i> ГОСУДАРЕВА СИБИРСКАЯ ЗАСТАВА СОБСКОГО УСТЬЯ (К ВОПРОСУ ЛОКАЛИЗАЦИИ).....	132
<i>Сабитов Ж. М.</i> ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИМАКОВ В IX–XI ВЕКАХ	138
<i>Тычинских З. А.</i> СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ КЕЛМАМЕТ «КНЯЖ БЕГИШЕВ» И АВАЗБАКЕЙ КУЛЬМАМЕТЕВ: НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ	143
СПИСОК АВТОРОВ.....	146

Научное издание

**ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ
ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Материалы IV Всероссийской (национальной)
научной конференции

г. Курган, 30–31 октября 2020 года

Редактор Е. А. Могутова
Перевод Т. Ю. Зорина

Подписано в печать 17.09.20
Печать цифровая
Заказ № 59

Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 18,75
Тираж 100

Бумага 80 г/м²
Уч.-изд. л. 18,75

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.